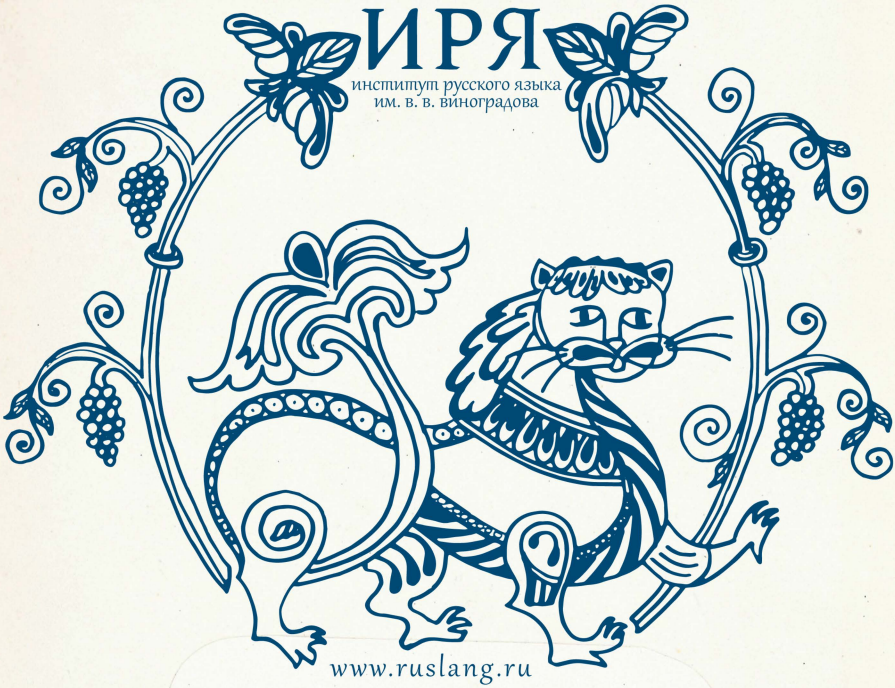
ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1980

09 – Методы структурные.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

76328

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ 1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

Очередная книга серии содержит статьи по общим проблемам функционирования языка, по вопросам словообразования и грамматики с применением структурных методов. Большой раздел посвящен анализу художественной речи.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В. П. ГРИГОРЬЕВ

4
П-78
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ НАУК СССР
76328

П 4602000000-221 / 042(02)-82 470-82.

© Издательство «Наука», 1982 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск ежегодника «Проблемы структурной лингвистики» (1980) охватывает несколько обширных областей современных филологических исследований. Это — (1) общие проблемы функционирования языка, связанные с идеями модальной логики, моделирования, методов анализа художественного произведения, системного подхода к разговорной речи (статьи Вяч. Вс. Иванова, Ю. Н. Караулова, Е. В. Красильниковой). Большую группу статей объединяет (2) применение структурных методов к анализу различных проблем грамматики и словообразования. Одни авторы обращаются здесь к категориям отрицания (Н. В. Коссек и В. Н. Костюк, И. М. Богуславский) и порядка слов (Г. Е. Крейдлин), анализируют специфику предложений с просубстантивным *это* (Е. В. Падучева), продолжают обсуждение синтаксических характеристик имен собственных (Л. И. Василевская) и различных особенностей изъяснительных конструкций (Л. А. Месеняшина), другие — исследуют структуры словообразовательного значения (П. А. Соболева), описывают преобразования, типологию и семантику словообразовательных гнезд (Е. Л. Гинзбург, И. В. Альтман), выявляют структурные признаки несклоняемых существительных (Г. А. Смирнова).

Как и в предшествующие годы, внимание ряда авторов направлено на (3) актуальную проблематику лингвистической поэтики и тесно связанного с ней структурного изучения стиха. Круг затрагиваемых здесь тем также широк и разнообразен — от описания семантического ореола классических стихотворных метров (М. Л. Гаспаров; ср. серию его публикаций на смежные темы) и обсуждения проблем традиций и новаторства применительно к стихотворной речи на примере творчества русских советских поэтов (В. С. Баевский) до характеристики речевого демократизма лирики Н. А. Некрасова (Н. Н. Иванова) и привлечения новых материалов к трактовке образа пушкинской Татьяны (М. Ф. Мурьянов). В этом же разделе представлены результаты изучения отдельных аспектов таких сложных проблем, как вариативность стихотворных текстов (Е. А. Некрасова), грамматика

и норма в поэтической речи (Л. В. Кнорина), звуковая организация стиха (Н. А. Кожевникова) и функции паронимической аттракции в русской поэзии (О. В. Шульская), эволюция русской рифмы (С. Н. Шепелева и В. М. Петров), типология синтаксических повторов в лирике А. Блока (Е. Ю. Кукушкина).

Развиваемые в отдельных статьях ежегодника *взгляды* и конкретные исследовательские методы, естественно, не являются единственно возможными, а его авторы, как правило, подходя по-новому к занимающим их проблемам или расширяя и углубляя достаточно известные концепции, не претендуют на безусловную бесспорность предлагаемых решений. Многие из публикуемых статей представляют собой итог обсуждения устных докладов их авторов на различных конференциях и семинарах. Сборник в целом и каждая из статей рассчитаны на продолжение непредвзятого диалога относительно обсуждаемых в нем проблем: каковы структурные методы изучения языка и что такое лингвистическая поэтика.

Авторы и редактор сборника признательны доктору филологических наук профессору О. С. Широкову и кандидату филологических наук З. М. Волоцкой, взявшим на себя труд ознакомления с рукописью настоящего ежегодника и его рецензирования.

В. П. Григорьев

I. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

СЕМАНТИКА ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ И ФИЛОЛОГИЯ

1. К истории вопроса. В современной лингвистике, как и в поэтике, характерное для предшествующего периода развития науки внимание к преимущественно синтаксическому подходу сменяется обращением прежде всего к семантике (ср. об этой тенденции не только в лингвистике, но и в других науках: Иванов 1980). За последнее время можно отметить несколько опытов нового подхода к лингвистической семантике. Из них заслуживают упоминания следующие, перечисляемые здесь в приблизительном хронологическом порядке, соответствующем времени их выдвижения в лингвистике. Раньше других было начато исследование (синхронное и диахронное) семантических универсалий, главным образом грамматических. Работы этого типа были давно уже начаты у нас школой Н. Я. Марра, в особенности И. И. Мещаниновым, и позднее продолжены А. А. Холодовичем в лингвистике, О. М. Фрейденберг в поэтике (Фрейденберг 1978). В последнее время это направление находит отчасти формализованное выражение в исследовании Р. Тома, применившего к изучению семантических универсалий естественного языка аппарат математической теории катастроф (Том 1975, Thom 1974; этот же аппарат используется им и для изложения выводов семантики сюжетных построений, о чем Р. Том делал доклад в декабре 1976 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР). Другого рода круг исследований в широком смысле слова можно назвать сопоставлением универсалий, объединяющих не только естественные языки, но и разного рода логические языки. Хотя самые первые опыты этого рода восходят ко времени между двумя мировыми войнами (из исследований того времени, сохраняющих до сих пор значение, стоит выделить: Schachter 1935), первым фундаментальным исследованием, надолго определившим ход работ в этой области, остается книга Рейхенбаха (Reichenbach 1947). Именно это направление получило у нас особенно широкое развитие, отчасти в связи с прикладными задачами автоматического перевода с естественного (русского) языка на искусственный язык, построенный как исчисление предикатов первого порядка (Падучева 1974). По сути весьма близкий путь избрало и направление так называемой порождающей семантики, которое пришло на смену порождающей грамматике в ее раннем варианте. При всех различиях между этими направлениями они объединяются тем, что в них предполагается необходимым выделение некоторой

глубинной структуры языка, которая может быть соотнесена с записью на логическом (или каком-либо другом искусственном) языке. Правила перехода от поверхностной структуры к такой записи необходимы и в той области лингвистических исследований, которые ориентируются в настоящее время на грамматику Монтегью.

Однако этот подход к лингвистической семантике не может считаться единственно возможным. Более того, последовательное применение идей математической теории сложности, созданной А. Н. Колмогоровым, к исследованию соотношения между естественными и искусственными языками (Манин 1981) заставляет думать, что во всяком случае направление такого перехода для широкого класса случаев оказывается односторонним. Возможно составление правил перехода от данного текста на естественном языке к некоторому представлению его смысла, напоминающему логическую запись, но построение правил перехода в обратную сторону значительно более проблематично в силу исключительной многозначности естественного языка. Разумеется, здесь, как и в других областях применения к языку математических, в частности вычислительных, методов, можно стремиться найти некоторый ограниченный круг текстов, для которых задача выполнима. Существуют и другие трудности, выявленные, в частности, при попытке построения реалистической трансформационной грамматики, где в ряде случаев поверхностные структуры называются совпадающими с глубинными (Bresnan 1978), а также и в серии исследований, посвященных семантике вопросов и вопросительных конструкций. Занимаясь этим кругом модальных высказываний, проф. Хинтикка и возглавляемая им школа финских логиков пришла к построению такой новой семантической концепции, в которой, во-первых, рассматриваются как начальные данные всегда именно конкретные языковые высказывания (а не их представление на логическом или каком-либо другом языке), во-вторых, логический аппарат, необходимый для описания семантики, оказывается существенно более сложным, чем это предполагалось необходимым не только в порождающей семантике, но и в грамматике Монтегью (Hintikka 1976). Что касается первой из этих особенностей концепции Хинтикки, она по сути отличается лишь яркой формулировкой того, что и делается в большинстве работ по порождающей семантике. Как бы ни формулировалась задача авторами, ее решение обычно идет по пути исследования конкретного языкового текста, для которого строится система логической записи. Сложность же этой записи вытекает уже из первых наблюдений создателей порождающих грамматик относительно богатства логических возможностей языка. Но большинство лингвистов, шедших по близким к ним путям, не занимались проблемой поиска такого нового аппарата, который в явном виде позволил бы обнаружить это богатство. Сведение

языковых конструкций к исчислению предикатов первого порядка полезно как такая элементарная задача, которая позволяет выявить, что именно в грамматике тех или иных естественных языков близко к семантике исчисления предикатов (как это было вслед за Г. С. Цейтиным сделано в последние годы по отношению к категории прилагательных, морфологически совпадающих с глаголами, в языках типа юкагирского, где, как в определенном типе логических языков, и числительные всегда оформляются как предикаты). Но после решения этих элементарных задач возникают задачи неэлементарные. Их и пытается решить семантическая концепция Хинтикки.

2. **Теоретико-игровая семантика и ее истоки.** У семантической концепции Хинтикки есть два основных предшественника, о чем он сам подробно говорит в ряде своих работ. Первым и, по-видимому, основным должен считаться Л. Витгенштейн. Уже в первом сочинении Витгенштейна отчетливо сформулировано понимание им семантики языка, которое для того времени было слишком новым. Именно в этих разделах его «Трактата» (где он расходится с Расселом и другими логиками того времени) и заключается зачаток современных теоретико-игровых семантических построений. По Витгенштейну: «Мысль в предложении выражается чувственно воспринимаемо. . . Мы употребляем чувственно воспринимаемые знаки (звуковые или письменные и т. д.) предложения как проекцию возможного положения вещей. . . Знак, посредством которого мы выражаем мысль, я называю пропозициональным знаком (Satzzeichen). И предложение есть пропозициональный знак в своем проективном отношении к миру. . . Предложению принадлежит все то, что принадлежит проекции, но не то, что проектируется. Следовательно, — возможность того, что проектируется, но не оно само. Следовательно, в предложении еще не содержится его смысл, но, пожалуй, лишь возможность его выражения. («Содержание предложения» означает содержание осмысленного предложения.) В предложении содержится форма его смысла, но не его содержание. . . Суть пропозиционального знака в том, что его элементы, слова, соединяются в нем определенным образом. Пропозициональный знак есть факт. . . Предложение не является смесью слов (так же, как музыкальная тема, не является смесью звуков).

Предложение членораздельно произносится. . . Только факты могут выражать смысл; класс имен этого делать не может» (Витгенштейн 1958, с. 37; многоточиями заменены номера параграфов, для цитирования не имеющие значения). В этих (и других, им подобных) сжатых афоризмах «Трактата» была выражена целая теория языка Витгенштейна, на которой в существенной мере и основывается семантика Хинтикки и его школы.

Для Витгенштейна (как и для всех выше перечисленных современных направлений семантики, ориентирующихся, подобно

самому Витгенштейну и продолжающей его идеи школе Хинтикки, на сопоставление естественного языка с логическим) исходным принципом является допущение, согласно которому «мы не могли бы сказать о каком-либо „нелогичном" мире, как он выглядит. . . Изобразить в языке нечто „противоречащее логике" так же невозможно, как нельзя в геометрии посредством ее координат изобразить фигуру, противоречащую законам пространства, или дать координаты несуществующей точки» (Витгенштейн 1958, с. 36—37). На значимости этого постулата, равно действительного и для порождающей семантики, и для грамматики Монтегью, и теоретико-игровой семантики Хинтикки, следует остановиться особо. В самом деле, важный для Хинтикки принцип определения «семантики возможных миров» (который и был положен в основу заглавия предлагаемой статьи) должен быть понят верно. Хинтикка настаивает не только на том, что речь идет всегда о некотором множестве миров, которыми задается семантика языка. Не менее важно другое: число и характер этих миров жестко ограничены, что связано и с границами нашего языка. Сами возможности оказываются возможностями языковыми.

Одно из наиболее убедительных доказательств этому, представляющих интерес и для поэтики, может быть дано «от противного». Казалось бы, «заумь» Хлебникова должна представлять собой выход за рамки языка. Но это не так. Там, где Хлебников строил свой новый язык (исключительно рационалистический по своим принципам, как легко убедиться при чтении его теоретических статей), а сам пользовался уже существующим языком (русским), его опыты происходили целиком лишь в областях, относящихся к возможностям этого языка. Это относится и к его поэзии, и к его драматургии.

Те пьесы, и в том числе пьесы Хлебникова (и его последователей, прежде всего обэриутов — Хармса и Введенского), которые относят к ранним образцам театра абсурда (или заумного театра), можно разделить на две отличающиеся между собой группы. В одном случае речь идет о максимуме количества информации, достигаемом благодаря новизне сообщаемого. Заумной такая пьеса может представляться только в том смысле, что при передаче такого большого объема информации (или при таком отличии использования языка в пьесе от обычного его употребления), как у Хлебникова, она воспринимается преимущественно как описываемая лишь вероятностными законами (или как хаотическая). Но при этом в центре композиции остается смысл, а не хаос бессмысленности (Иванов 1977, с. 104—105). Хлебников — поэт и драматург — «смысловик» (термин Мандельштама). Заумь ему нужна для обретения и передачи смысла.

Особенности театра абсурда Хлебникова можно показать на его пьесе «Госпожа Ленин» (1912 г.), о которой сам он писал

в «Свояси»: «В „Госпоже Ленúн“ хотел найти „бесконечно малые“ художественного слова» (Хлебников 1929, с. 10).

Пьеса вся происходит в сознании героини. Действующие лица пьесы — голоса, сообщающие ей о происходящем — Голос Зрения, Голос Слуха, о прошлом — Голос Памяти, Голоса разных сторон ее сознания (Голос Рассудка, Голос Воображения, Голос Догадки, Голос Воли, Голос Радости, Голос Ужаса, Голос Сознания). Голоса воссоздают картину происходящего, для зрителей невидимую: «действие протекает перед голой стеной» (Хлебников 1929, с. 246). Трагедия сознания, отгородившегося от внешнего человеческого мира и не желающего говорить с другими людьми (как в «Персоне» Бергмана), передана только комбинацией этих голосов. Тема пьесы, формальное ее построение могли быть отнесены к европейской литературе того времени, когда осмыслялось экзистенциальное противопоставление «я» и «другого» (L'Autrui раннего Сартра). Но словесное построение опережает эти экзистенционалистские опыты. У Хлебникова, как в «Последней ленте Краппа» Беккета (и еще раньше — в монодрамах Евреинова), использован драматургический минимум реальных действующих лиц. В первом действии реально их двое — больная и врач Лоос, во втором действии — больная и переносящие ее в смирительной рубашке санитары. Но о всех других людях мы узнаем только посредством Голосов чувств и сознания героини. Степень сжатости и точности передачи ее ощущений едва ли находит себе равных в драматургии XX в. Сопоставим эту пьесу с некоторыми из наблюдений в том же «Трактате» Витгенштейна: «Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира. . . Мир и жизнь едины. . . Я есть мой мир (микрокосм). . . Мыслящего, представляющего субъект, нет. Если я пишу книгу «Мир, как я его нахожу», в ней должно быть также сообщено о моем теле и сказано, какие члены подчиняются моей воле и какие — нет и т. д. Это есть, собственно, метод изоляции субъекта, или, скорее, показа, что в некотором важном смысле субъекта нет, т. е. о нем одном не может идти речь в этой книге. Субъект не принадлежит миру, но он есть граница мира» (Витгенштейн 1958, с. 81). Пьесу Хлебникова можно охарактеризовать именно как такую книгу, где внимание сосредоточено на этой границе. Героиня не желает говорить с другими людьми, что соотносимо с важнейшим заключительным постулатом книги Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (Витгенштейн 1958, с. 97). Из других авторов, современных Витгенштейну времени «Трактата» (издан в 1921 г.), можно было бы напомнить Пастернака, неоднократно возвращавшегося к теме «Эхо другой тишины» (стихотворение «Может статься так, может иначе», датированное

1920 г.) и писавшего в книге «Сестра моя жизнь» (изданной в 1922 г.):

Тишина, ты — лучшее
Из всего, что слышал. . .

Может показаться несколько натянутым способ сопоставления писателей и мыслителей по времени написания или публикования их произведений. Но в том, что касается Витгенштейна и Хлебникова, их сосредоточенность на проблеме границ языка не вызывает сомнений (напоминаем в этой связи пушкинское: «Все должно творить в этой России и в этом русском языке»). Хлебников не только постоянно думал о границах языка (что в жизни нередко оборачивалось молчанием, отчасти делающим упомянутую пьесу автобиографическою). Он и экспериментировал в языке (русском и универсальном — «заумном», основанном на общечеловеческом звуковом символизме) [1].

Понимание Витгенштейна у Хинтикки характеризуется тем, что можно было бы назвать «логико-семантическим прочтением» его раннего «Трактата». Характеризуя Витгенштейна, Хинтикка постоянно имеет в виду ранние записи и поздние работы Витгенштейна, содержащие основные идеи теоретико-игровой семантики. Вместе с тем Хинтикка впервые отчетливо показал, что многие положения логической семантики Карнапа (Карнап 1959) и Тарского по существу уже содержались в «Трактате» Витгенштейна (Hintikka — in: Semantics, p. 2—26). Но особый интерес представляет не столько это новое прочтение «Трактата», сколько конкретизация мысли Витгенштейна о языковых играх.

Здесь надо сказать о втором из движений математической мысли XX в., вдохновивших Хинтикку на построение теоретико-игровой семантики. Это — математическая теория игр фон Неймана (Нейман фон 1970).

Неверно было бы сказать, что Хинтикка применил в семантике аппарат теории игр. Влияние на него идей этой теории касается преимущественно некоторых основных понятий, к которым относится: игра, стратегия игроков, переход от одного шага в игре к следующему. В этом смысле оправданным представляется сравнение с тем, как некоторые из идей теории игр были использованы в рамках новой концепции теории игр автоматов М. Л. Цетлиным (Цетлин 1969). Но в ряде случаев, изучаемых Хинтиккой, языковые игры, правила которых определяют соотношение между

[1] Детально этот вопрос разобран в специальном разделе книги Jakobson, Waugh 1979, p. 176 и след., где поставленные эпиграфом слова Малларме «que tels sons signifient ceci» («что подобные звуки означают именно это») сразу вводят в ту атмосферу напряженного искания связей между звуками и значениями, которая характерна для целой эпохи развития европейской поэзии и науки о поэзии и ее языке.

языком и миром, укладываются в рамки математической теории игр в строгом смысле слова.

Основная идея языковых игр в концепции Хинтикки состоит в том, что каждая игра ставит своей целью доказать истинность предложения S. Противником «меня» (игрока, стремящегося обосновать истинность предложения) является «Природа», которая хочет меня победить. «Я» выигрываю, если игра кончается истинным атомарным предложением. Природа выигрывает, если атомарное предложение оказывается ложным. С точки зрения математической теории игр семантические игры — это игры с полной информацией (Hintikka — in: Semantics, p. 59) т. е. каждый игрок знает то, что случилось на предыдущих этапах игры и никогда этого не забывает. Предложение S является истинным только в том случае, если у «меня» есть стратегия, приводящая к выигрышу в игре $G(S)$. При этом стратегия понимается в точном смысле, в каком о стратегии говорят в математической теории игр (Hintikka — in: Semantics, p. 36). «Природу» можно понимать как вид картезианского «злого гения» (malin genie), который старается показать, что предложение является ложным.

Основным отличием теоретико-игровой семантики от логической семантики школы Тарского—Карнапа является то, что каждое предложение S оценивается с точки зрения его истинности—ложности в ходе игры $G(S)$ так, что используются последовательные шаги его оценки и принимаются во внимание операторы, которые позволяют учесть ранее достигнутое (Saarinen — in: Semantics, p. 240; ср. Иванов 1978, с. 145). Поэтому именно теоретико-игровая семантика позволяет дать описание таким категориям естественного языка, как артикли, указательные местоимения, относительные предложения (и другие грамматические явления, связанные с категорией определенности—неопределенности), которые обычно имеют в виду семантический контекст, более широкий, чем рамки одного данного предложения. Иначе говоря, теоретико-игровая семантика оказывается логическим направлением, наиболее близким к опытам понимания семантики в лингвистике текста, которая также стремится не ограничиться пределами одного текста.

3. Понятие возможных миров и его использование в теоретико-игровой и лингвистической семантике. Как и в других областях семантики (ср. о роли Лейбница Wierzbicka 1980), непосредственным предшественником идеи семантики возможных миров оказывается Лейбниц (Hintikka — in: Semantics, p. 366). Основной мыслью современной семантики возможных миров является следующая. Если мы рассматриваем некоторого индивида — личность a в возможном мире W, он не примет любого другого возможного мира в качестве альтернативы к миру W. Только некоторые из возможных миров рассматриваются им в качестве таких альтернатив. В терминологии Хинтикки это — эпистемологические аль-

тернативы к миру W. Множество всех таких альтернатив однозначным образом определяет, что a знает в мире W. Поэтому говорить о знании a в W значит говорить о множестве эпистемологических альтернатив, имеющихся у a по отношению к W.

Вернемся теперь к основной ситуации теоретико-игровой семантики: к игре «меня» с «Природой». Игра начинается с мира W, по отношению к которому мы хотим определить истинностные значения S. На каждом шаге игры рассматривается предложение в его отношении к возможному миру W' (Hintikka — in: Semantics, p. 329).

Одной из центральных проблем теоретико-игрового подхода к семантике возможных миров является присвоение имени a одному и тому же индивиду в каждом из возможных миров, которые рассматриваются в качестве альтернатив к W (Hintikka 1977, p. 5). Это дает возможность осуществлять перекрестное отождествление каждого случая, когда мы встречаем a в одном из возможных миров. В том же смысле, используя терминологию современной физики, логики говорят о «мировой линии», которая соединяет все эти случаи. В естественном языке одним из способов обозначения такой «мировой линии» или перекрестного отождествления случаев нахождения одного и того же индивида a в возможных мирах W', W'', W''', . . . W^n является анафорическое местоимение (Saarinen — in: Semantics, p. 288) и некоторые из других уже упомянутых грамматических средств, в широком смысле связанных с определенностью—неопределенностью.

Из последних опытов построения общей семантической модели для естественного языка, учитывающей некоторые из достижений семантики возможных миров, следует особенно отметить большую серию работ А. Вержбицкой, недавно завершенных итоговым трудом. В отличие от представителей порождающей семантики А. Вержбицка не пользуется условной символической передачей тех значений, через которые описывается значение каждого из слов, словосочетаний или предложений естественного языка. Она пользуется набором из нескольких основных слов (немногим более десятка) естественного языка, к которым в случае необходимости присоединяются и другие слова; в этом Вержбицка также следует Лейбницу, который пользовался сходными толкованиями на латинском языке.

Тринадцать основных семантических понятий, введенных А. Вержбицкой, включают основные шифтеры (в смысле Якобсона — см. Якобсон 1972), связанные со структурой акта речевого общения: *я*, *вы*, *этот* (как показал Рассел, все остальные шифтеры или в его терминологии «эгоцентрические слова» могут быть определены через слово *этот* — Рассел 1957, с. 119—124, Russel 1973, p. 105—106), классификационные местоимения (*некто*, *нечто*), соответствующие показателям одушевленного и неодушевленного субъекта/объекта в естественных языках с именной

классификацией типа западнокавказских, глаголы хотения и нехотения ('желать' и 'не желать'), говорения, мышления и воображения ('говорить', 'думать', 'вообразить'), понятия включения ('быть частью чего-либо') и становления ('превращаться') и, наконец, понятие «мира». В последней обобщающей книге Вержбицкой это понятие оказывается особенно необходимым при описании временных понятий. Вержбицка исходит из мысли Пирса, открывшего, что вневременные предложения общего характера описывают структуру мира (Peirce 1932, p. 207, 218). Предложение типа *Единорогов не существует* понимается как 'Ни одна часть мира не представляет собой единорога'; *Все собаки верны* — как 'Ни одна часть мира не представляет собой неверную собаку'. Сведение семантики подобных высказываний к модальным утверждениям было предложено еще Расселом. По его словам, «сказать, что единороги существуют — это попросту значит сказать, что утверждение '*x* является единорогом' возможно» (Russel — in: Logic and Knowledge, p. 233). Но именно с Пирсом связано представление о том, что общие предложения относятся к миру, тогда как любой предложение относится к какому-либо явлению, на которое оно указывает. Основной частью общего предложения является указание на то, что имеется в виду любой объект в мире.

Вержбицка для объяснения некоторых особенно трудных семантических проблем допускает и указание на объекты, не составляющие часть мира (Wierzbicka 1980, p. 187).

От вневременных предложений типа *Все собаки верны* отличаются предложения, в которых имеются в виду разные временные состояния, например, *Собаки всегда верны*. Такое предложение имеет в виду не один мир вне времени, а некоторую совокупность миров, ни в одном из которых не найдется неверной собаки (или при несколько иной интерпретации, такой собаки, которая оказалась бы неверной (Wierzbicka 1980, p. 188). При том способе семантического толкования, который принят Вержбицкой, предложение *Собаки всегда верны* понимается следующим образом: 'Я думаю о мире в целом; я говорю: нельзя сказать, думая о каком-либо мире: часть мира — это неверная собака'. Мир в целом понимается как совокупность возможных миров (эпистемологических альтернатив, по Хинтикке).

Пирсу принадлежит и соотнесение частных утверждений с миром, о котором говорится сейчас: «частное суждение утверждает, что, при наличных средствах, в данном мире найдется предмет, к которому можно применить терм, обозначающий в частном суждении субъект, и по отношению к которому дальнейшее исследование покажет, что образ, вызываемый предикатом частного суждения, также применим» (Peirce 1932, p. 218). Для того чтобы использовать эти идеи по отношению к частным предложениям, относящимся к индивидуальным предметам, Вержбицка вводит

определение Шифтера *теперь*, существенным образом вытекающее из его соотношения со структурой акта речевого общения: «мир, частью которого являюсь я, говорящий это» (напоминаем, что, по Расселу, значение каждого «эгоцентрического слова» может быть определено через *это*).

Рассмотрим два предложения, относящихся к «теперешнему миру» *Жора (сейчас) спит* и *Жора — уроженец Новосибирска*. Первое из них, по Вержбицкой, толкуется следующим образом: 'О мире, часть которого — это я, говорящий это, можно думать как о мире, частью которого является спящий Жора'. Второе из них толкуется так: 'О Жоре, который уроженец Новосибирска, можно думать как о части мира, частью которого являюсь и я, говорящий это'. Иначе говоря, «теперешний мир» участвует лишь в семантических предпосылках второго предложения (Wierzbicka 1980, p. 190).

В предложении *Весной Тамаз всегда играет в теннис* содержатся одновременно два временны́х указания. Одно из них — *всегда* — относится к совокупности всех возможных миров («эпистемологических альтернатив», по Хинтикке), внутри которых можно провзвести перекрестное отождествление (провести мировую линию), другое — *весной* имеет отношение к «теперешнему миру», если предложение произнесено весной и относится к одному из тех конкретных случаев, когда упоминаемый персонаж играет в теннис.

Различие между возможными мирами существенно для описания грамматических временны́х различий. В предложении *Тогда Володя был толстяком* слово *тогда* — шифтер, относящийся к некоторому миру, который имел место до мира, частью которого являюсь я, говорящий это. Между двумя этими мирами существует отношение непрерывной преемственности, в семантической концепции Вержбицкой описываемое как «становление» одного мира из другого. В теоретико-игровой семантике эта же непрерывная преемственность была описана несколько иначе — посредством изучения «мировых линий», соединяющих индивиды, о которых говорится в предложении и которые произносят предложение. В этом отношении теоретико-игровая семантика лучше проясняет второй тип предложений с формой прошедшего времени, для которых в концепции Вержбицкой нужно использовать понятие «становления» в прошлом (отсутствующее в предложении *Володя был толстяком*, где прошлое само по себе рассматривается как статический мир). В предложении *Жора переехал в Новосибирск*, согласно Вержбицкой, мир, частью которого был Жора, не живший в Новосибирске, становится миром, частью которого был Жора, начавший жить в этом городе. В теоретико-игровой семантике это отношение между двумя мирами в прошлом описывается посредством двух мировых линий, позволяющих произвести два перекрестных отождествления: лица (Жоры) и города (Новоси-

бирска). Относительным упрощением при этом является единичность (однократность) самого переезда и наличие собственного имени и у города, и у лица.

Значительно сложнее семантика стихотворения Мандельштама «Ленинград». Первая его строфа

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез;

содержит указания на те же две мировые линии, связывающие «я» пишущего (Мандельштама в декабре 1930 г.) и того человека, у которого в детстве болели и опухали железки, город, в который вернулся пишущий, и город, где он жил раньше. Но в стихотворении в целом (как это вообще характерно для современной литературы) непрерывность этих мировых линий осложнена именно в их языковом выражении. Хотя стихотворение называется «Ленинград», в нем в начале четвертой и пятой строф содержится обращение к этому же городу «Петербург!» (напомним из поэзии тех же лет знаменитое «Петербург! Петроград! Ленинград!», где именно переименования служат способом языковой передачи единства мировой линии — тождества города самому себе). Особенно показательна пятая строфа

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

В ней, кроме названия города, не облегчающего, а осложняющего отождествление, содержится еще одна семантическая сложность. У пишущего сохранились адреса, соотнесенные с Петербургом — с тем городом, где он когда-то жил и куда он вернулся. Но по этим адресам он найдет «мертвецов голоса». Иначе говоря только адреса и сохраняют мировые линии. Перекрестное отождествление с живыми невозможно.

Грамматически одной из наиболее интересных проблем, возникающих в лингвистической семантике при изучении возможных миров, представляется новый подход не только к категории времени, но и к категории вида. Предложение *Володя смотрит на картину* предполагает не единичный акт (один единственный мир, *в котором* Володя один раз взглянул на картину), а целое множество миров (Wierzbicka 1980, p. 195—198); эта же проблема встает и при изучении английских «длительных» форм, в которых, вслед за А. И. Смирницким, можно видеть соответствие русского несовершенного вида. Аналогичный подход предложен и по отношению к перфекту (и соответственно к некоторым сходным с ним семантическим формам совершенного вида). Основной проблемой всякий раз оказывается установление отношений между разными возможными мирами — эпистемологическими альтернативами Хинтикки.

4. Семантика вопросов и модальных высказываний в свете понятия возможных миров. Уже в первых работах по трансформационной грамматике обращалось особое внимание на семантическую сложность тех трансформаций, которые объясняют построение вопросительных предложений. В последующих исследованиях структуры и функций вопросительных предложений не только в языках разных типов (английском, японском, польском и других славянских), но и на разных этапах языкового развития прослежена история функционирования вопросительных предложений у детей разного возраста в онтогенезе, что использовано и в общей типологии семантики вопросов (Oleksy 1979 — там же библиография собственно лингвистических исследований). Большинство этих работ, однако, шло в русле порождающей грамматики и порождающей семантики. Хинтикка был первым, кто показал, что именно на примере семантики вопросительных предложений отчетливо выявляются некоторые принципиальные ограничения подхода, впервые предложенного в теории трансформационных грамматик и по существу прямо продолженного порождающей семантикой, несмотря на кажущиеся существенными разногласия между двумя этими этапами одного направления, которое можно назвать «порождающим» в широком смысле. Хинтикка, выбравший в качестве предмета своего теоретико-игрового исследования семантику только одного типа английских вопросительных предложений (хотя и предполагающий с известным основанием, что другие типы вопросов можно изучить сходным образом), кладет в основу своих рассуждений понятие множества эпистемологических альтернатив При этом различаются два таких множества: множество эпистемологических альтернатив говорящего и скорее всего отличное от него множество альтернатив его собеседника (Hintikka, Questions, p. 52). Основной задачей говорящего является отождествление некоторого индивида, относительно которого задается вопрос, в одном из возможных миров. Под мирами понимаются все возможные ситуации, совместимые со всем тем, что известно в данный момент. Взаимное перекрестное отождествление (проведение мировых линий в той терминологии, которая была введена выше) осуществляется благодаря пространственно-временной непрерывности (Hintikka, Questions, p. 55) как и в тех относительно более простых случаях, где имелись в виду утвердительные предложения. В терминах современной логики можно сказать, что значениями связанных переменных должны быть индивиды, тождественные во всех рассматриваемых различных возможных мирах.

Применение основных идей теоретико-игровой семантики к множественным вопросам типа *Где и что купила Маруся?* позволяет понять процедуру последовательного выбора альтернатив, который аналогичен тому, как проходит шаг за шагом игра между «мной» и «Природой» в основной ситуации теоретико-игровой

семантики (Hintikka, Questions, p. 123). Во всех основательных математических руководствах по логике подчеркивается, что главным является ограниченное число исходных данных при жесткости правил промежуточного вывода. «Чем длиннее дедуктивное рассуждение, тем жестче требования к эксплицитности и нормализованности его элементарных компонент. В конечном счете количество исходных данных в формальной математике так мало́, что несоблюдение правил гигиены в длинных выводах ведет к распаду системы, если ее не корректировать извне» (Манин 1981, с. 54). На этом основаны и некоторые из критических суждений, относящиеся к части построений в области модальной логики. Следует, однако, заметить, что именно одному из наиболее выдающихся ее представителей — С. Крипке принадлежит исключительно глубокая идея, относящаяся к тем словам языка, которые обозначают предмет, входящий в определенный класс (Kripke 1972). Слово *кошка* обозначает предмет, входящий в класс *кошек*, и в этом смысле сопоставимо с собственным именем: *Иван* — это тот человек, которого я называю Иваном. Следует вместе с тем иметь в виду, что под классом при этом подразумевается обычно «размытое множество» (fuzzy set) — понятие, оказавшееся весьма существенным для лингвистической семантики (Drayfuss et all., 1975). Границы каждого из таких размытых множеств не вполне совпадают у разных говорящих, что достаточно легко проиллюстрировать не только словами обычного языка, например, расспрашивая городских жителей о названиях полевых цветов, лесных трав, деревьев и певчих птиц, но и некоторыми из подобных слов научного языка, сопоставляя их употребление лингвистами (в качестве простейшего примера сошлемся хотя бы на употребление термина «фонема» в «идиолектах» разных фонологических школ, представители которых используют русский язык в метаязыковом употреблении).

Логическая семантика занималась преимущественно слабой семантикой, т. е. семантикой тех именно слов, которые вслед за Лейбницем и многими другими, шедшими позднее по сходному пути, могут быть истолкованы путем их перевода сочетаниями элементарных семантических единиц (слов того же или другого естественного языка или же некоторых условных символов искусственного языка, по определенным правилам с ними соотносящихся). По этому же пути на протяжении последнего времени шло и большинство направлений лингвистической семантики за исключением тех, которые начали пополнять толкования обозначений предметов, входящих в размытые множества, энциклопедическими данными об этих множествах. Одна из существенных трудностей, возникающих при этом, заключается в чрезвычайно больших различиях между числом сведений в «тезаурусах» каждого из говорящих (т. е. в наборах сведений, относящихся к размытым множествам). Эти различия и определяют разницу в сте-

www.ruslang.ru

пени размытости границ того или иного множества. В семантической концепции Вержбицкой выход из положения заключается в том, что именно по отношению к этим словам используются глаголы *думать*, *воображать*. На этом пути открываются широкие перспективы исследования семантики поэтического языка, в котором границы размытых множеств могут становиться еще менее четкими и соответственно число эпистемологических альтернатив (и возможных миров с мировыми линиями, языковое выражение которых затруднено, как в рассмотренном выше примере) заметно возрастает.

Возможности исследования семантики поэтического языка поэтому становятся значительно более определенными, чем при первых опытах применения к нему традиционной и современной лингвистической семантики. Проблема вопросов, которая справедливо привлекла к себе внимание лингвистики последних десятилетий, остается в определенном смысле центральной и для лингвистики, и для лингвистической поэтики. Напомним, что в «школьной» традиционной грамматике ряд основных грамматических понятий проясняется с помощью вопросов, к ним относящихся (*Что делает предмет?* и т. п.). В поэтическом языке, особенно в XX в., ключевая тема стихотворения либо задается поэтом в виде вопроса (*Что нужно кусту от меня?*), либо формулируется в виде ответа на вопрос (цикл стихов, включающий «Определение поэзии», в сборнике «Сестра моя жизнь»). Попытки более углубленного понимания семантики вопросов и других связанных с ними конструкций в теоретико-игровой семантике могут поэтому оказаться полезными в равной мере как для лингвистической семантики, так и для семантики поэтического языка.

ЛИТЕРАТУРА

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Пер. с нем. М., Изд. иностр. лит-ры, 1958.

Иванов В. В. Современная наука и театр. — Театр, 1977, № 8.

Иванов В. В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., Советское радио, 1978.

Иванов В. В. Наука как предмет семиотики. — Вестник АН СССР, 1980, № 4.

Карнап Р. Значение и необходимость. Пер. Н. Н. Воробьева. М., Изд. иностр. лит-ры, 1959.

Манин Ю. И. Доказуемое и недоказуемое. М., Советское радио, 1979.

Манин Ю. И. Вычислимое и невычислимое. М., Советское радио, 1981.

Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. Пер. с англ. М., Наука, 1970.

Падучева Е. В. Семантика синтаксиса. М., Наука, 1974.

Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. Пер. с англ. М., Изд. иностр. лит-ры, 1957.

Том Р. Топология и лингвистика. Пер. с фр. с пред. Ю. И. Манина. — Успехи математических наук, 1975, т. XXX. вып. 1.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1978.

Хлебников В. Собрание сочинений, т. II. Л., Изд-во писателей, 1929.
Цетлин М. Л. Исследования по теории автоматов и моделированию биологических систем. М.; Наука, 1969.
Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различных типов. М., Наука, 1972.

Bresnan J. A realistic transformational Grammar. — In: Linguistic theory and psychological reality. Cambridge, Mass., The MIT Press, 1978.
Drayfuss G. R., Kochen M., Robinson J., Badre A. On the psycholinguistic reality of the fuzzy sets. — In: Papers from the parasession on functionalism. April 17, 1975. Ed. by R. E. Grossmann, L. J. San, T. Y. Vance. Chicago: Chicago linguistic society, 1975.
Hintikka J. Language games. — In: Game-theoretical semantics, ed. E. Saarinen (Synthese language library. Texts and studies in linguistics and philosophy, v. 5, в ссылках сокращенно: Semantics), Dordrecht; D. Reidel Publishing Company, 1979, p. 2—26.
Hintikka J. Quantifiers in logic and quantifiers in natural languages. — In: Semantics, p. 36.
Hintikka J. Quantifiers vs. quantification theory. — In: Semantics, p. 59.
Hintikka J. Impossible possible worlds vindicated. — In: Semantics, p. 366.
Hintikka J. The Ross paradox as evidence for the reality of semantic games. — In: Semantics, p. 329.
Hintikka J. The semantic of questions and questions of semantics (в ссылках Questions).
Hintikka J. The semantics of questions and the questions of semantics (Acta philosophica fennice, vol. 28, № 4), Amsterdam, North-Holland Publishing Company, 1976.
Hintikka J. The, Carlson L. Pronouns of laziness in game-theoretical semantics. — Theoretical linguistics, 1977, vol. 4.
Jakobson R., Waugh L. The sound shape of language. Bloomington and London, Indiana University Press, 1979.
Kripke S. Naming and necessity. — In: Semantics of natural language, ed. by D. Davidson and G. Harman. Dordrecht: Reidel, 1972.
Oleksy W. Questions in English and Polish. Semantics and pragramatics (Current inquiry into language and linguistics, Slavic linguistics. 8). Edmonton, Alberta, Canada: Linguistic Research, Inc. 1979.
Peirce Ch. Speculative grammar. — In: Peirce Ch. S. Collected papers, v. 11. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1932.
Reichenbach H. Elements of symbolic logic. N. Y., The Macmillan Company, 1947.
Russel B. An inquiry into meaning and truth. London: Penguin books, 1973.
Russel B. The philosophy of logical atomism. — In: Logic and Knowledge, London. George Allan & Unwin.
Saarinen E. Backwards-looking operators in tense logic and in natural language. — Semantics, p. 240.
Saarinen E. Intentional identity interpreted: a case study of the relations among quantifiers, pronouns, and propositional attitudes. — In: Semantics, p. 288.
Schachter J. Dr. Prolegomena zu einer kritischen Grammatik (Schriften zur Wissenschaftslichen Weltauffassung hrsg. von P. Frank, M. Schlick). Wien, Verlag J. Springer, 1935.
Thom R. Modèles mathématiques de la morphogenèse. Paris, Union générale d'éditions, 1974.
Wierzbicka A. Lingua Mentalis. The Semantic of natural language. Sydney, Academic Press, 1980.

Ю. Н. КАРАУЛОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Функциональный анализ литературных произведений, т. е. раскрытие закономерностей их общественного бытования в разные эпохи и представление механизма их восприятия, а значит, и воздействия на читателя, переживает сейчас период интенсивного развития. Установлено, что «художественное произведение часто становится объектом столкновений неоднородных духовных запросов «потребителей» искусства уже тогда, когда оно появляется в свет. Тот спор о жизни, который содержится в крупном литературном сочинении, находит свое продолжение и широкое развитие среди читателей. Отдельным группам читательской аудитории близки, дороги одни его идеи и образы, другим — другие, какие-то ее слои относятся к произведению в целом отрицательно, иным же оно представляется просто неинтересным и т. д. . . .Связи произведений выдающихся мастеров искусства с развивающейся исторической действительностью отличаются зачастую немалой противоречивостью. Нередко творчество крупного художника не находит живого, сильного отклика в ту или иную эпоху. . . Известно, что музыка Баха при жизни композитора не пользовалась большой популярностью. . . Вспомним, например, отношение к Пушкину в 60-е годы прошлого века. . .» [1]. Таким образом, проблема неоднозначности восприятия художественного создания вызывает пристальное внимание исследователей, причем литературоведы ищут прежде всего ответа на вопрос «почему?», тогда как лингвистов интересует задача «как?».

В рамках лингвистики текста делаются определенные шаги, направленные на изучение процесса восприятия текста реципиентом, но пока в этой сфере остается много неясного и спорного. При ответе на вопрос, как и почему одни произведения оказывают сильное и непреходящее влияние на целые поколения читателей, тогда как другие, блеснув на горизонте подобно метеору, навсегда уходят в забвение, при ответе на этот вопрос немаловажную роль должны играть наши представления о самом механизме восприятия художественного текста. В статье делается попытка представить один из вариантов такого механизма, в основе которого лежит процесс совмещения порождающего, т. е. авторского, тезауруса, представленного в тексте, и воспринимающего, т. е. чита-

[1] *Храпченко М. Б.* Художественное творчество, действительность, человек. М., 1976, с. 188, 191.

тельского, тезауруса, служащего предпосылкой для понимания и приятия—неприятия читателем идей автора.

Прежде всего, несколько замечаний о содержании, вкладываемом в понятие тезаурус, и о его возможностях в процессах текстопроизводства и текстовосприятия. Х. Касарес в предисловии к своему словарю, обосновывая его полезность и нужность, нарисовал следующую картину. Писатель остановится с застывшим в воздухе пером в надежде найти подходящее определение к некоему персонажу, который предстает в изношенном и покрытом пятнами платье. В какой части должен наш писатель открыть идеологический словарь, чтобы тот пришел ему на помощь? Пока еще ни в какой. Этот персонаж, о котором идет речь, вызывает в сознании прежде всего представления о неряшливости и грязности; кроме того, он наталкивает на мысль о бедности, если не выглядит лучше потому, что не имеет возможности, или о скупости, если, напротив, сознательно носит плохую одежду, чтобы сэкономить то, что мог бы беззаботно потратить.

После такого краткого анализа, который при известной практике осуществляется автоматически и при котором, кстати сказать, актуализируется все, о чем бы пишущий хотел нам поведать, — наступает момент открыть идеологический словарь. Допустим, наш писатель решил, например, что характеристики, которые его интересуют, должны выявить скупость и грязь персонажа. Остальное проще простого. Посмотрев соответствующие группы, он увидит, что в каждой из них предложены целые серии определений с различными оттенками, и найдет вдобавок, что обе серии пересекаются в слове sordido (рус. 'невероятно грязный, мерзкий и скаредный'. — *Ю. К.*) которое обозначает одновременно и грязного и жадного.

Эта иллюстрация как нельзя более просто, и вместе с тем точно, характеризует основную функцию тезауруса — быть инструментом для выбора слова, однозначным образом соответствующего мысли пишущего или говорящего. В этой практической функции тезаурусы естественных языков используются и художниками слова, и публицистами, и такое их значение, эксплуатирующее вход концепт-знак, неоднократно подчеркивалось в лингвистической литературе. Вырожденным случаем такого использования было бы развертывание в текст самой статьи тезауруса, поскольку получившийся текст отличался бы предельно возможной связностью (изотопией), составляющие его высказывания были бы максимально приближены к истинным (общеизвестным, тривиальным), а значит, весь этот псевдотекст обладал бы минимальной информативностью, представлял бы собой то, что называют «информационной руминацией». На этом пути, развертывая, например, в текст дескрипторную статью «Музыка» (скажем, из словаря Х. Касареса), пишущий никогда не сможет «породить» таких сочетаний, как «музыка гибели», «благоденствие музыки»,

«упадок музыки», «греховная музыка», «неистовая музыка», «гегемония музыки» (Г. Гессе «Игра в бисер»). Подобные сочетания возникают как раз на пересечении разных семантических полей, разных статей тезауруса. Всякий текст, если только он несет новую информацию, находится в оппозиции — скрытой или явной — со средним, стандартным (социально устойчивым) тезаурусом (здесь тезаурус в значении понимание мира, картина мира) данного речевой общности.

Такое противопоставление могло бы показаться парадоксальным, поскольку, будучи источником, а точнее одним из источников текста, тезаурус как будто не должен ему противостоять. Но надо помнить, что коль скоро тезаурус активно участвует в порождении текста, не менее существенна его роль и в восприятии текста или речи. Таким образом, говоря, что текст противостоит тезаурусу, мы сокращенно выражаем ту мысль, что один тезаурус (автора, говорящего), стоящий за некоторым текстом и порождающий его, противостоит другому тезаурусу (читателя, слушающего), на основе которого текст интерпретируется.

В своих рассуждениях мы незаметно переключились с одного значения тезауруса (как материально существующего словаря) на другое, не-материальное — как понимание мира, как отраженного и упорядоченного в сознании «лексикона» — в виде некоторой идеальной «картины мира». В каком отношении реальный тезаурус-словарь находится к идеальному тезаурусу-миру? Будем считать, что первый является просто удобной формой представления и изучения второго. Позволив себе метафорическую вольность, изобразим дело так, что тезаурус-мир существует в некотором фантастическом, постоянно флуктуирующем состоянии, но позволяет себя фиксировать, делать как бы мгновенный снимок, запечатлевающий его в виде тезауруса-словаря. Если зафиксировать таким образом тезаурус в один и тот же момент у всех членов данной языковой общности, или наоборот, — в разные моменты у одного и того же индивида (в последнем случае — с достаточным разрывом во времени), то снимки не получатся идентичными: индивидуальные тезаурусы накладываются один на другой с определенным «сдвигом». Тем не менее в них, вероятно, обнаружится общее ядро, инвариант, который и делает возможным взаимопонимание. Расхождения же могут касаться любой размерности семантического пространства тезауруса — и словесного (знакового) наполнения семантических (концептуальных) полей, и взаимоотношений (структуры) самих концептов, и распределенности знаков друг по отношению к другу внутри полей.

Четыре входа и четыре размерности тезауруса, условно говоря, можно распределить так: там, где на противоположном от входа конце должен быть знак, где результатом «работы» тезауруса должно быть — ни много ни мало — «приведение истины к выражению» (Ч. Пирс), мы имеем позицию говорящего (пишущего,

автора); соответственно, когда итогом работы является концепт, позиция характеризует воспринимающего (слушающего, читателя). Иными словами, размерности концепт-знак и знак-знак относятся к линии порождения текста, тогда как размерности знак-концепт и концепт-концепт — к линии его восприятия. Но так как каждый из нас попеременно выступает то в одной, то в другой роли, предложенное различение не стоит расценивать как абсолютное и имеющее какой-то глубинный смысл, а использовать его лишь как прием для более подробной характеристики работы тезауруса.

Итак, позицию автора, ищущего максимально точное, максимально насыщенное, ничем не заменимое выражение (слово) и идущего по линии концепт-знак, мы с помощью Касареса рассмотрели. Но, понятно, что в иных ситуациях задача продуцирующего текст может оказаться прямо противоположной, и он, исходя из каких-то своих целей, и используя комбинационные возможности по линии отношения знак-знак, может опираться на другой принцип — «нет слов незаменимых». Замена обычно происходит либо в пределах одного семантического поля для достижения некоторого стилистического или риторического эффекта, либо с выходом за пределы поля, на пересечении полей — для получения эффекта концептуального, в известном смысле обратного тому, который описан Касаресом. С первым случаем, при котором порождаемый текст сохраняет соответствие эталонному, стандартному тезаурусу, мы имеем дело и в информационно-поисковых системах, где собственно говоря, презумпция такого соответствия и есть условие работоспособности самой системы, и в обыденном повседневном общении, когда смысл замены не выходит за пределы метасемиотического уровня. Для иллюстрации этого тезиса сравните две следующие цитаты: «Одна из функций тезауруса может быть сведена к понятию неоднозначности между планом выражения и планом содержания в естественном языке: в тезаурусе задаются такие семантические отношения между понятиями (род—вид, синонимия—антонимия, часть—целое и др.), при которых замена одного понятия другим, связанным указанными отношениями, не вызывает качественных изменений в суждении о релевантности (нерелевантности) документа относительно информационного запроса» [2]. И другая: «На ключевое слово hut (*избушка*) один ребенок отвечает *загорелась*, а другой — *маленький бедный дом*. Обе реакции являются предикативными, но первая образует чисто повествовательный контекст, тогда как вторая устанавливает двойную связь с субъектом hut: с одной стороны, — позиционное равенство, с другой, — семантическую непрерывность (связность). Этот словесный стимул hut допускает следую-

[2] *Пшеничная Л. Э.* Тезаурус в документальной ИПС. Киев. Наукова думка

щие замещающие реакции: тавтологию hut синонимы cabin и hovel (избушка), антоним palace (дворец) и метафоры den (пещера, логовище, берлога) и burrow (нора). Случай, когда два слова взаимозаменимы, представляет собой пример позиционного равенства; кроме того, все эти словесные реакции связаны со стимулом семантическим подобием (или соотв.-контрастом). Метонимические реакции на этот словесный стимул, как напр., thatch (соломенная крыша), litter (подстилка для скота) или povetry (бедность) образуют комбинацию между позиционным равенством и семантической связностью» [3].

Развивая мысли В. В. Маяковского о творческом процессе, высказанные им в статье «Как делать стихи», И. Левый предложил схему, которая довольно точно, на наш взгляд, отражает эту часть работы тезауруса при порождении текста. И. Левый анализирует все 12 вариантов первой строчки стихотворения о С. Есенине (1. *Наши дни к веселью мало оборудованы*, . . . 12. *Для веселия планета наша мало оборудована*) и строит следующую рамку: *наш*+V_1+V_2+V_3+V_4+*оборудована/ы* [4]. В этой схеме символами V_1, V_2, V_3, V_4 обозначены множества варьирующихся элементов (*дни, жизнь, планета, планетушка*; *к, под, для*; *веселье, радость, счастье. . .*; *мало, не особенно. не очень*), каждое из которых представляет собой строго ограниченное семантическое поле, некоторый аналог статьи тезауруса.

Другой случай, предполагающий введение в действие «отклоняющихся словесных групп» и получение преднамеренного сдвига в тезаурусе, связан с созданием асимметрии между ожидаемым и реализованным в тексте, с конструированием ситуации «обманутого ожидания» читателя (слушающего). На этом пути пересечения и перерастания одного в другое семантических полей и зиждется так называемый «семантический жест» (Я. Мукаржовский), т. е. художественный образ в широком смысле, под которым мы имеем в виду и обычную метафору (minden fénynél édesebb 'слаще всякого света', nema illat 'немой аромат', üvolt a csend a fülembe 'ревела тишина в моих ушах' [5]); и рифму, которую Р. Барт назвал «структурным скандалом» [6], а Р. Якобсон и другие исследователи рассматривали как один из способов организации движения смысла за счет семантического сближения рифмующихся слов (kind — mind, dove — love, light — bright, place — space,

[3] *Jakobson R.* Der Doppelcharakter des Sprache. Die Polaritat zwischen Metaphorik und Metonymik. — In: Literaturwissenschaft und Linguistik, Bd. I. Frankfurt-am-Main, 1972, c. 328.

[4] *Levy I.* Generative Poetik. — In: Literaturwissenschaft und Linguistik, Bd. II, T. 2. Frankfurt-am-Main, 1972, c. 558.

[5] *Petofi J.* Bemerkungen zur semantischen Interpretation von sprachlichen Kunstwerken. — In: Literaturwissenschaft und Linguistik, Bd. III. Frankfurt-am-Main, 1972, c. 135.

[6] *Барт Р.* Основы семиологии. — В кн.: Структурализм: «за» и «против». М., Прогресс, 1975, с. 156.

name — fame) [7]: и «паронимическую аттракцию» («В солдатском сердце замер зуммер») [8]. Однако «семантический жест» или эффект «обманутого ожидания» могут возникать и за счет иных комбинаций по линии «знак-знак», которые не всегда укладываются в лексический тезаурус в разбираемом здесь смысле: «М. Пруст назвал Флобера «человеком, который с помощью совершенно нового и индивидуального употребления passe defini, passé indefini, причастия настоящего времени, определительных местоимений и некоторых предлогов почти так же обновил наши представления о вещах, как Кант своими категориями — теорию познания и реальность внешнего мира» [9].

Переходя к анализу размерностей знак-концепт и концепт-концепт, характеризующих позицию воспринимающего (слушателя, читателя), мы должны констатировать, что современная наука не располагает достаточно надежными данными (ни экспериментальными, ни теоретическими) о том, каким образом линейная последовательность единиц преобразуется в процессе восприятия и понимания в иерархическую систему зависимостей в мозгу слушающего. Уже по поводу восприятия предложения, например, существуют прямо противоположные точки зрения: согласно одной из них, предложение воспринимается слово за словом, слева направо в один шаг, так что каждый последующий сокращает вероятности прогнозируемых слушающим продолжений; согласно второй, более правдоподобной представляется модель восприятия сверху вниз, согласующаяся с гипотезой глубинных структур. Разнообразие трактовок существенно возрастает при переходе к вопросу о восприятии текста. Отдавая себе отчет в исключительной сложности проблемы и допуская множественность ее возможных решений, мы и в этом случае попытаемся развивать нашу метафору о «флуктуирующем идеальном тезаурусе», изложенную двумя страницами выше. Причем мы будем опираться на представления о восприятии именно художественного текста, полагая эту ситуацию наиболее сложной и остальные случаи выводимыми из нее.

Функционирование литературного текста, как известно, не исчерпывается, а только начинается процессом его чтения, ибо чтение не может быть самоцелью. Чтение линейно, синтагматично, а существование и функционирование литературного произведения в читательском сознании систематично (парадигматично). Таким образом, в процессе чтения происходит переход от синтагматики к парадигматике, от горизонтальной оси развертывания текста

[7] *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика. — Там же, с. 216—217. См. также: *Симонов П. В.* Категории сознания, подсознания и сверхсознания. — В кн.: Бессознательное, т. II. Тбилиси, 1978.

[8] *Григорьев В. П.* Поэтика слова. М., Наука, 1979, с. 251 и след.

[9] *Todorov Tz.* Die Beschreibung der Bedeutung in der Literatur. — In: Literaturwissenschaft und Linguistik, Bd. III, Frankfurt-am-Main, 1972, с. 122

к вертикальной оси его организации в иерархии семантических, эстетических, идеологических ценностей читательского тезауруса. «В произведении, основанном на вымысле, осуществляется переход, привычность которого заслоняет его значение и исключительность, — от последовательности фраз к целому воображаемому миру. Перевернув последнюю страницу «Мадам Бовари», мы можем сказать, что познакомились со многими персонажами и узнали довольно много об их жизни: а ведь у нас в руках был всего-навсего текст, вытянутый в линейную последовательность. . .» [10].

Существующие лингвистические способы анализа текста, которые претендуют на то, чтобы реконструировать процесс его восприятия, оперируют как традиционными языковыми единицами (фонема, морфема, слово, троп, предложение), так и специально текстовыми общностями и понятиями, как правило большей чем предложение протяженности — über die Satzgrenzehinaus, beygond the sentence (высказывание, сверхфразовое единство, абзац, дискурс, текст, тема, прием выразительности, стимул-реакция). В большинстве своем эти способы позволяют выявить некоторую макроструктуру текста, получить своеобразный его реферат, или квазитекст, составленный из упорядоченных списков высказываний — «текстовую базу» [11]. Однако на этом пути мы не получаем прямого ответа на вопрос, как воспринимается и как хранится текст в памяти. Есть попытки оперировать при анализе понятиями иного порядка, иного характера — незнакового. Так, Ю. Кристаева, вслед за русской формальной школой в литературоведении, использует понятие «идеологемы»: «Назовем идеологемой ту общую функцию, которая связывает в интертекстуальном пространстве некоторую структуру (скажем, роман) с другими структурами (скажем, дискурсом науки). Идеологему некоторого текста можно определять через его отношения с другими текстами. Итак, мы говорим, что покрытие данной текстуальной организации высказываниями (последовательностями), которые принадлежат к ее пространству или на которые она (эта организация) указывает вне ее пространств (семиотическая работа), называется идеологемой. Идеологема представляет собой интертекстуальную функцию, которую на разных структурных уровнях всякого текста можно «материализовать» в чтении и которая распространяется сверх своей длины, причем она задает исторические и социальные координаты текста» [12]. Но помимо того, что это понятие (даже при условии различения идеологемы текста, идеологемы

[10] *Тодоров Ц.* Поэтика. — В кн.: Структурализм: «за» и «против». М., Прогресс, 1975, с. 62—63.

[11] *Dijk T. A. von.* Some aspects of text grammars. The Hague, 1972; *Kintsch W.* The representation of meaning in memory. Hillsdale, 1974.

[12] *Kristeva J.* Probleme der Textstrukturation. — In: Literaturwissenschaft und Linguistik. Bd. II, T. 1. Frankfurt-am-Main, 1972, c. 502.

символа и идеологемы знака) остается фундаментально неясным, автор нигде не показывает его в действии, в работе, не использует его в конкретном анализе текстов, почему оно и остается многозначительным, но туманным намеком, благим, но не конструктивным пожеланием.

Мы будем исходить из того, что за восприятием текста стоит тезаурус читателя (слушающего) и нормально восприятие происходит по каналу «знак-концепт»: знаки текста (слова и словосочетания), рассредоточиваясь и комбинируясь в процессе чтения привычным образом (стандартный тезаурус), формируют некоторый заданный в тексте и тоже относящийся к числу стандартных (реже — совершенно новый) концепт. Возможности введения новизны исчерпываются либо новым знаковым наполнением (в том числе новым комбинированием знаков на синтагматической оси старого концепта; либо введением оригинальных концептов и смещением акцентов путем придания статуса концептов знакам, которые в узусе данной речевой общности, в ее эталонном тезаурусе такого статуса не имели; либо, наконец, изменением отношений между существующими в стандартном тезаурусе концептами. Соответственно при восприятии непривычная сортировка знаков образует сдвиг по отношению к читательскому тезаурусу, сигналом которого является «эстетическое недовольство» (Я. Мукаржовский). Если в процессе чтения, при наполнении знаками традиционного концепта, выхода за рамки стандартного тезауруса не происходит, читатель имеет дело с псевдотекстом, несущим минимум информации. И наоборот, если при формировании концептов в процессе чтения не остается никакой корреляции со стандартным тезаурусом, текст вообще не воспринимается. Суггестивное воздействие произведения на читателя, если не учитывать эмоционального момента, заключается в том, что оно может оказывать давление на формирование его тезауруса, приводить к перестройке уже сложившейся «картины мира».

Рассмотрим приложимость нашей точки зрения к восприятию некоторых идей романа Г. Гессе «Игра в бисер». Сложную структуру романа образуют несколько кардинальных концептов, между которыми при аналитическом чтении обнаруживаются отношения антонимии (отнюдь не стандартной) и взаимодополнительности. Особенность изложения в том, что эти противопоставления — между формирующимися у читателя концептами — в тексте романа нигде явным образом не названы, за исключением символического и всепоглощающего Инь и Ян (темное и светлое, доброе и злое, теплое и холодное, женское и мужское и т. д.). Эта «неназываемость» производит на воспринимающего тем большее впечатление, что он по ходу изложения все больше и больше ощущает глубокую мотивированность изображаемого, чувствует справедливость и обоснованность направления, в котором развертываются предложенные автором концепты и отношения между

ними, но в то же время не может н а з в а т ь ситуацию, однозначно соотнести ее с тем, что его повседневно окружает, с общеизвестным, со «стандартным тезаурусом». Это, на наш взгляд, и есть художественное открытие, ведущее к суггестии, к последующей перестройке читательского тезауруса.

У каждого человека есть свое, в чем-то отличное от всех других, в чем-то совпадающее с прочими представление о таких понятиях, как «судьба», «личность», «история», «иерархия», «музыка», «воспитание» (наставничество), «пробуждение» (trascendere), «медитация»: именно эти концепты составляют основной костяк мини-мира, построенного Г. Гессе. Формирование этих концептов у читателя происходит путем извлечения из соответствующих фрагментов текста знаков, характеризующих эти понятия по законам семантического поля — через синонимы, антонимы, родовые, видовые, ассоциативные отношения. Рассмотрим несколько примеров, в которых знаки, раскрывающие данное семантическое поле, задающие читателю содержание соответствующего концепта, подчеркнуты.

ИЕРАРХИЯ «. . .именно изгнание индивидуального и возможно более полное включение личности в иерархию Воспитательной коллегии и научного мира есть один из высших принципов нашей духовной жизни. И принцип этот укоренился и стал традицией столь давно, что теперь крайне затруднительно, а зачастую даже невозможно выяснить подробности жизни и черты характера отдельных лиц, имеющих перед этой иерархией особые заслуги. . . . . .иерархическая организация исповедует идеал безымянности. . .» (с. 36). И далее: «порядок, . . . налаженная организация, . . . не машина, но живое тело. . .» (с. 37).

МЕДИТАЦИЯ «. . .Братство паломников в страну Востока, сочлены которого заботились не столько о культивировании интеллекта, сколько о культивировании души, о воспитании благоговения и благочестия — отсюда наша современная форма духовности и Игра в бисер восприняли важные импульсы, особенно это касается приемов контемпляции — созерцания. . . . благодаря своей способности, развитой старинными тайными приемами, магически входить в минувшие эпохи и состояния духа. . . (с. 48) . . . из духовного инвентаря воспитательной традиции, . . . из обычаев и преданий паломников в страну Востока, в Игру было привнесено понятие контемпляции (с. 59) . . . возникло и требование более глубокой и более душевной самоотдачи. . . . Технические навыки процесса созерцания члены Ордена и игровых братств выносили из школ элиты, где искусству контемпляции и медитации обучали с великим тщанием. . . . играющие и слушатели живут. . . аскетической отрешенной жизнью абсолютного самоуглубления. . .» (с. 60).

AMOR FATI (что лучше, очевидно, не переводить, а передать словами самого Гессе — «приятие человеческого удела») «. . .у нас,

потомков, сложилось совсем иное отношение к классической музыке, чем у представителей творческих эпох, наше одухотворенное и не всегда в достаточной мере свободное от резиньирующей меланхолии почитание подлинной музыки. . . Главным итогом новой позиции или, вернее сказать, нового подчинения ритму культурного процесса был далеко заходящий отказ от создания новых произведений искусства, постепенный отход служителей культуры от мирской предприимчивости и, что не менее важно и как бы венчает все, — рождение Игры в бисер, или Игры стеклянных бус» (с. 49). «. . .Основные черты классической музыки: знание о трагизме человеческого бытия, приятие человеческого удела, мужество и ясность! Будь то. . . или тихая, сосредоточенная готовность к смерти, как у Баха — это неизменно некое противление, некая неустрашимость, некое рыцарство, и во всем этом отзвук сверхчеловеческого смеха, бессмертной ясности» (с. 64).

Далее, восходя от комплексов знаков к тем или иным характеризуемым ими концептам, читатель начинает замечать, что семантические поля пересекаются, концепты взаимодействуют, образуя как будто парные противопоставления. Так, в приведенных отрывках иерархия противостоит личности, медитация влечет за собой идею воспитания, обучения, amor fati неизбежно взаимодействует с музыкой, trascendere характеризует ступени движения и совершенствования истории. При последующем углублении в текст оказывается, что некоторые концепты всегда определяются в связи с другими: таковы amor fati и Инь—Ян, которые, будучи общезначимыми и вполне самостоятельными, приводятся к выражению лишь в контексте музыки.

ИНЬ—ЯН «Истоки музыки лежат далеко. Она рождается из меры, и корни ее в великом Едином. Великое Единое рождает два полюса; они рождают силу темного и светлого. . . Музыка зиждется на гармонии неба и земли, на соразмерности темного и светлого. . .» (с. 51).

Постепенная кристаллизация названных концептов в тезаурусе читателя, по мере развертывания соответствующих тем в тексте, подводит его к пониманию того, что сама внутренняя структура (т. е. знаковое наполнение) концептов, так же как и их взаимоотношения, пронизана противоречиями, предстает часто в виде парадоксов. Так, в кастальской «Воспитательной коллегии» воспитание зиждется на истории. Однако мы тут же узнаем, что в Касталии традицией стало «забвение истории» и «полное включение личности в иерархию», когда нельзя узнать ни черт характера, ни имен. Как же тогда можно воспитывать? Ведь воспитание немыслимо без опоры на историю и на личность. Но этот парадокс пока зашифрован, и только на следующей странице (с. 36) эта внутренняя противоречивость вскрывается и объясняется автором: «. . .чем четче мы формулируем тезис, тем

неумолимей он требует своего антитезиса». Итак, тезис: «безымянность наших коллегий и нашей духовной жизни»; антитезис: «каждая фаза этого развития. . . наиболее ярко предстает перед нами именно в самой личности преобразователя. . .». И здесь же далее возникает синтезис, который как будто и не был предусмотрен авторским объяснением, включающий лишь тезис и антитезис: «. . .личности того, кто был лишь неким инструментом данного изменения и усовершенствования» (т. е. Кнехта. — *Ю. К.*). Именно так, через диалектическое разрешение противоречия тезиса и антитезиса в синтезисе, разворачивается каждый из названных выше концептов, ко все более глубокому пониманию и характеристике которых подводит автор своего читателя. И теперь уже знаки, раскрывающие содержание концепта «личность», например, естественным образом укладываются в читательском тезаурусе в три группы, во внутреннем напряжении между которыми и в возникающем за счет этого напряжения движении угадывается символика жизни и судьбы главного героя романа, Магистра Игры — Кнехта.

ЛИЧНОСТЬ

— тезис: культ великих людей, биография, единственный и главный инспиратор, преобразователь, отклонение личности от нормы, аномалии, неповторимость, патологическое, выдающаяся, почитать. . .
— антитезис: человек без оригинальничанья, без причуды, найти себя в общности, служить сверхличному, идеальный представитель некоего типа, а не индивидуальность, великий образ истории. . .
— синтезис: герой, свежесть, удивительная энергия, конфликт с иерархией, мятежник, жертва, трагическое. . .

Но поскольку к этому моменту читатель уже осознает, что стержнем композиции всего романа является контрапункт, поэтому он ищет ритмического соответствия этой триаде также во взаимоотношениях самих концептов. Происходит перестройка читательского тезауруса, и на месте бинарных противоположений возникают замкнутые триады образов-идей: «музыка» — «amor fati» — «Инь и Ян»; «amor fati» — «личность» — «иерархия»; «личность» — «медитация» — «воспитание»; «иерархия» — «история» — «trascendere». В сложном переплетении и движении этих тем создается впечатление, что над всем этим стоит «музыка», как бы определяющая своими законами и само развитие каждого образа, и многослойную композицию романа, строящуюся на контрапунктирующих мотивах образов-идей и образов-людей. Но в конце концов становится ясно, что и сама «музыка» поглощается более универсальным, всепроникающим и как будто всеобъясняющим, фантастическим образом «Игры». Это легко обнаружить и в приводившихся примерах, так как Игра — явно или скрыто (т. е.

своими синонимами или атрибутами) — участвует в выкристаллизовывании всех основных концептов, всех образов-идей романа. С другой стороны, ее ключевая позиция становится очевидной в тех фрагментах текста, которые посвящены целиком этому образу, потому что в этих фрагментах мы снова встречаем все основные концепты романа, но уже в роли определителей, раскрывающих смысл этого начала начал в жизни Касталии: «. . .Игра игр развилась до некоего универсального языка, посредством которого оказывается возможным выражать ценности духа в осмысленных знаках и сопрягать их между собой.

Игра. . . тесно связана с музыкой и. . . велась по музыкальным и математическим правилам. При этом назывались одна, две, три темы, затем их разыгрывали, варьировали, развивая подобно теме фуги или музыкальной фразе концерта. Игра могла, например, отправляться от определенной астрономической конфигурации или от темы баховской фуги, от фразы Лейбница или Упанишад, далее же, в зависимости от намерения и способностей играющего, вызванная к жизни главная мысль могла развиваться и шириться или обогащаться в своей выразительности через отзвуки родственных ей представлений. Если начинающему удавалось, например, в знаках Игры установить параллели между классической музыкой и формулой физического закона, то у искушенного мастера Игра, начиная с исходной темы развивалась свободно в безграничных комбинациях. . . сопоставления, противопоставления и, наконец, гармонические сочетания враждебных друг другу тем или идей, например, закона и свободы, индивидуума и общности, причем особое внимание уделялось тому, чтобы обе эти темы или оба тезиса развивались на абсолютно равных правах, беспристрастно, и из тезиса и антитезиса в наивозможно чистом виде был выведен синтез. . . Игры, оканчивающиеся негативным или пессимистическим, дисгармоническим аккордом, не пользовались любовью. . . (Игра) . . . означала изысканную, символически многозначительную форму исканий совершенства, высокую алхимию, приближение к единому в себе и превыше всех образов и множеств духу. стало быть — к богу. . . . . так строились, музицировали и любомудрствовали фигуры и формулы Игры стеклянных бус на вселенском языке, вскормленном всеми науками и искусствами, в танце устремляясь к Совершенству, к чистому Бытию, к глубокой и полной Действительности. . . . . Да и сама Игра, с тех пор как Игры стали открытыми и был назначен Magister Ludi, находилась под покровительством Ордена и Воспитательной коллегии. . .

. . . в каждой стране были созданы Комиссии Игры в бисер и назначены верховные руководители со званием Магистра, а официальные Игры, проходившие под личным руководством Магистра, были возведены в ранг духовного празднества . Магистр, как и все высокие и высшие функционеры интеллек-

туальных сфер, сохранял анонимность. . . Помимо руководства публичными Играми, в обязанности Магистра входило попечение о мастерах и школах Игры. . .» (с. 60—63).

В итоге, в восприятии читателя взаимоотношения тем, образов, идей, т. е. концептов романа, выстраиваются в некую иерархическую пирамиду взаимосвязанных тирад (см. выше), на вершине которой находится Игра.

Однако на этом читательская концептуализация не кончается: вся схема триад и Игра как высший синтез, как символ, вбирающий в себя все содержание указанных противопоставлений, включается в качестве отдельного члена в новую, более крупную и обобщающую триаду идей — «Игра» — «Касталия» — «внешняя жизнь», которая в свою очередь по закону контрапункта оказывается полностью изоморфной соответствующей триаде образов-людей — «Тегулярис — Кнехт — Дезиньори». Причем средний член в каждой из обеих триад, призванный символизировать очередную ступень синтеза между полярными крайностями, приводится автором к краху, к трагическому концу, но читатель, со своим теперь обогащенным и, возможно, несколько деформированным тезаурусом, выходит из этих перипетий оптимистически и по-боевому настроенным (amor fati), вынося твердое убеждение в разрешимости всякого противоречия и одновременно в потенциальной разложимости всякого синтезиса, в его чреватости своим собственным Инь и Ян, лежащим в основе неуклонного движения Действительности «вперед и выше».

Конечно, изложенная трактовка не выходит за рамки наивно-непосредственного читательского восприятия, и будь на его месте критик, он не преминул бы углубиться также и в авторский тезаурус, в котором обнаружил бы, вероятно, «феноменологическое понятие о мире», а в вечном напряженном противоборстве жизни и духа, торжестве их синтеза через сублимацию тезиса и антитезиса — элементы шелеровской философской антропологии [13]; но хочется надеяться, что сам механизм формирования концептов, который нас в данном случае главным образом и интересует, в тезаурусе критика и наивного читателя в основных своих чертах остается одним и тем же.

Ведь критик — тот же читатель, и различие их позиций касается прежде всего глубины реконструкции, глубины «достраивания» изображаемого в тексте. Всякий текст, согласно Р. Ингардену [14], принципиально неполон, и процесс чтения и понимания есть одновременно процесс реконструкции, восполнения недостающего. К этому надо добавить, что и тезаурус, построенный на основе любого текста, будет неизбежно неполон. Однако было бы ошибкой полагать, что восполнение текста в процессе чтения

[13] *Scheler M.* Die Stellung des Menschen im Kosmos. Darmstadt, 1928, c. 46—53.
[14] *Ингарден Р.* Исследования по эстетике. М., Изд-во ИЛ. 1962.

может изменить сам тезаурус, заложенный автором в этот текст при его производстве. Восполнение всегда идет только в пределах генерирующего текст тезауруса. Причем «наивный» читатель в этом процессе ограничивается восполнением текста, выявлением текстового мини-тезауруса и последующим соотнесением его со своим читательским тезаурусом. Критик же идет дальше: он не только восполняет текст, что необходимо для его понимания, не только строит по тексту мини-тезаурус, но и достраивает последний до полного, привлекая другие тексты того же автора, обращаясь к контексту эпохи, используя биографические данные, т. е. стремится, по возможности адекватно воспроизвести весь авторский тезаурус.

Если основываться на предпосылке о существовании корреляции между идеальным тезаурусом-миром и реальным тезаурусом-словарем, то последний может стать эффективным инструментом критического анализа литературного текста. В таком своем качестве эталона, модели тезауруса-мира, тезаурус-словарь используется, например, в анализе текстов двух близких по тематике античных авторов. На базе словарей Роже и Дорнзайфа была составлена классификационная схема из 11 классов (с разветвленной системой разрядов внутри каждого класса), т. е. некоторый сокращенный тезаурус. Вся лексика (существительные и прилагательные) басен Авиана и Бабрия распределялась по этим классам, причем учитывалась частота употребления слова в отдельном значении для каждого автора. На основе этих данных определялся удельный вес каждого тематического класса для того и другого автора, что позволило установить, каким классам (темам, концептам) автор отдает предпочтение, а в итоге сопоставительного анализа сделать идеологическое заключение об отношении «баснописцев к окружающему их миру, который у Авиана рисуется смутным и неопределенным миром знати и черни, а у Бабрия отличается значительной конкретностью и разнообразием» [15].

Последний аспект семантического пространства тезауруса — «концепт-концепт» тоже относящийся к характеристике позиции воспринимающего (слушающего, читателя) по принципу своей работы не отличается, на наш взгляд, от рассмотренного канала «знак-концепт». Его психологическим аналогом можно считать процесс так называемого «быстрого чтения», конструктивными, научно-методическими разновидностями которого являются индексирование и контент-анализ. Хотя успех «быстрого чтения» зависит только от установки, от ясного осознания читателем «чего он хочет», сам механизм его представляет общий интерес. «Быстрое чтение», как известно, представляет собой чтение «по понятиям»,

[15] *Борецкий М. И.* Опыт использования семантического словаря для сопоставительного анализа басен Авиана и Бабрия. — Іноземна філологія. вып. 49. Питання класичної філології, № 15, Львів, 1978, с. 71

при котором информация кодируется не цифрами, не словами, не предложениями и не текстами, а наиболее экономным и емким способом — с помощью идей. При этом различают два этапа ее переработки — сам процесс восприятия, понимания и процесс запоминания, которые по своей структуре практически оказываются тождественными. Картина преобразования текстового содержания в «смысловые вехи» «внутренней речи» при быстром чтении хорошо согласуется с развиваемой здесь метафорой об идеальном читательском (слушательском) тезаурусе как организующей основе читательского (слушательского) восприятия: «Таким образом, при чтении слова распознаются благодаря их связям с понятиями и общей концептуальной моделью, т. е. некоторой алгоритмической схемой или совокупностью соотношений информативных единиц смысла, которые конструирует сам читающий. Таким алгоритмическим распознаванием вербальных речевых образов люди занимаются постоянно: по-видимому, оно основано на процессе, в котором слова служат лишь своего рода «ключами», помогающими конструировать представление смысла того сообщения, которое программируется мозгом, или, другими словами, конструировать информационную модель ситуации по тексту» [16]. Следовательно, уже на первом этапе «быстрого чтения», на этапе понимания мы минуем описанный выше процесс обобщения знаков в концепты и оперируем непосредственно самими концептами. Этап запоминания предполагает те же процедуры — «смысловую группировку материала» и выделение «смысловых опорных пунктов», а затем «соотнесение полученных результатов с уже известным» [17].

Характеризуя процессы понимания текстовой информации и хранения ее в памяти, некоторые авторы говорят о «табличном чтении», которое в этом случае противопоставляется «линейному», т. е. обычному чтению. Однако речь в этом случае идет не о направлении движения глаз по тексту — вертикальном при «быстром» и построчно-линейном при «медленном» чтении, а о способе фиксирования самой информации. Линейное — это чтение «случайное»: при движении по тексту вдоль строчек, слева направо и сверху вниз читатель сталкивается с определенными количествами несистематизированной, неупорядоченной информации, с набором случайностей, которые сводятся затем в мысленную «таблицу». Таким образом, в этой модели [18] табличное чтение следует за линейным, является его результатом, тогда как в нашем представлении восприятие информации читательским тезаурусом как по каналу «знак-концепт», так и по каналу «концепт-концепт» про-

---

[16] *Кузнецов О. А., Хромов Л. Н.* Быстрое чтение. М., Главная редакция восточной литературы изд. Наука, 1976, с. 28.

[17] Там же, с. 46

[18] Rhétorique de poésie: Lecture lineaire, lecture tabulaire. P., 1977.

исходит с известной антиципацией, с некоторым опрежением ее текстового отражения в мозгу реципиента [19]: читательский тезаурус как бы предписывает, предопределяет способ отражения и обобщения. Отсюда, так называемый «эффект страусового крыла», когда «в первую очередь принимается информация, отвечающая установке (т. е. стандартному тезаурусу — *Ю. К.*), во вторую очередь — противоречащая ей» [20].

Процедура индексирования, применяемая при обработке научно-технической информации в разного рода информационных системах, предполагает выбор из текста ключевых понятий данной области знания, выбор, который осуществляется, как правило, с помощью соответствующего отраслевого тезауруса. «Под индексированием. . . понимается интеллектуальный процесс формирования поискового образа документа (ПОД) или запроса (ПОЗ), выражаемого на некотором информационно-поисковом языке любого типа (дескрипторном или классификационном). Такое определение индексирования является более широким, чем то, которое дается, например, в «Терминологическом словаре по научной информации»: «Индексирование — классифицирование и простановка индексов классов, к которым отнесены классифицируемые документы» [21]. Постановка в один ряд индексирования и «чтения по понятиям» не приводит, на наш взгляд, к дальнейшему расширению трактовки самого индексирования, поскольку в обоих случаях мы имеем а) целевую установку в процессе чтения; б) отбор из текста кандидатов в дескрипторы или ключевые слова; в) базовый тезаурус, с которым соотносятся понятия, претендующие на роль ключевых. Тем не менее при сопоставлении индексирования с «быстрым чтением» или просто чтением создается парадоксальное впечатление о разнонаправленности обоих процессов: для понимания при чтении необходимо достраивание, т. е. известное расширение текста, тогда как индексирование в качестве первого этапа требует наоборот сжатия текста, приведения изложения к телеграфному стилю, особенно если учесть, что «аннотирование и реферирование являются этапом, составной частью индексирования» [22]. Думается, что такое впечатление чисто внешнее, поскольку направляющим и ограничивающим моментом обоих процессов служит тезаурус — идеальный «читательский» или вполне реальный, отраслевой, — через который можно определить любую форму фиксации содержания текста [23].

---

[19] *Караулов Ю. Н.* Асимметрия языкового знака во времени. — В кн.: Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., Наука, 1974.

[20] *Воробьев Г. Г.* Теория тезаурусов в анализе коммуникаций. — В кн.: Семиотика и информатика, вып. 11. М., ВИНИТИ, 1979, с. 9.

[21] *Якушин Б. В.* Алгоритмическое индексирование в информационных системах. М., Наука, 1978, с. 29.

[22] Там же, с. 34.

[23] Ср., напр.: *Воробьев Г. Г.* Теория тезаурусов в анализе коммуникаций. — В кн.: Семиотика и информатика, вып. 11. М., ВИНИТИ, 1979, с. 30.

Контент-анализ, как и только что описанная процедура, ставит своей задачей конденсированное выражение смысла текстов, но от «быстрого чтения» и от индексирования его отличает то, что он предназначен для эксплицирования латентного содержания источников, отражающего либо социальную, идеологическую тенденцию, либо мировоззренческую картину мира определенных слоев общества. В условиях современной буржуазной культуры контент-анализ одинаково применим и к средствам массовой коммуникации (газета, радио, телевидение), и к произведениям массовой литературы (комиксы, реклама, приключенческие книжки, литература серии now how — как разбогатеть, как добиться успеха, как получить власть над людьми, как завоевывать друзей и оказывать влияние на других и т. п.).

Если согласиться с представлением об идеальном, постоянно флуктуирующем тезаурусе-мире отдельной личности, то контент-анализ предстает как способ единовременной, единоразовой фиксации фрагмента этого тезауруса на материале текстов массовых коммуникаций, т. е. в его статистически и социально усредненном варианте. Сополагаемость контент-анализа с рассмотренными выше процедурами явствует, в частности, из следующей его характеристики: «. . .Контент-анализ действительно оказывается специфическим способом научного «прочтения» текстов. Это есть: а) «чтение» множества текстов как некоего целого, безотносительно к индивидуальным (уникальным) особенностям каждого текста; б) «чтение», предполагающее использование формализованного наблюдения и — как правило — статистических процедур; в) «чтение», имеющее конечной целью выявление или измерение некоторой социальной тенденции, репрезентированной данной совокупностью текстов. Фигурально говоря, контент-анализ является исследованием «мира» текстов в целях познания «мира» социальных отношений» [24]. Таким образом, это тоже своего рода «чтение по понятиям», которое роднит с индексированием использование формальных процедур и за которым стоят те же три общих момента, названные выше, — целевой параметр, отбор единиц из текста и базовый стандартный тезаурус. Роль последнего в контент-анализе выполняет специальная «понятийная схема» или «стандартизованный категориальный аппарат», структура которого может варьироваться в зависимости от направленности, методики и объекта анализа. Так, в одной из школ [25] этот аппарат состоит из 100 ключевых слов, пригодных к анализу неполитических текстов, и 25 слов, необходимых в анализе политического или иного материала, выявляющего общественное мнение. Эти 125

---

[24] Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., Наука, 1976, с. 145—146.

[25] *Andersson B.* The quantifier as qualifier. Some notes on qualitative elements in quantitative content analysis. Gothenburg, 1974.

концептов охвытывают наиболее распространенные способы выражения оценочных суждений и образуют базисный словарь анализа оценок. В этом случае контентный словарь представляет собой неполный, или мини-тезаурус. Компьютеризация и универсализация контент-анализа потребовали создания соответствующего полного словаря, который был построен, например, в программе General Inquirer, реализованной в Массачусетском технологическом институте [26]. Особенность такого словаря в том, что он по сути дела представляет собой перевернутый тезаурус, в котором единственным входом является «знак-концепт», поскольку семантика отдельного слова характеризуется здесь набором дескрипторов, в семантические поля которых это слово входит, т. е. дескрипторы, или концепты «понятийной схемы» контент-анализа, выступают как своего рода маркеры, классификаторы, в своем комплексе отражающие функционирование данного слова в исходной совокупности текстов.

В заключение, подводя итог рассмотрению взаимоотношений тезауруса и текста, можно сказать, что всякий текст есть либо покушение на стандартный тезаурус, коль скоро он содержит потенциальную попытку изменить его, либо, наоборот, имеет целью активно противостоять таким попыткам, сохранить тезаурус без изменения. Надо сказать, что попытки изменить весьма редко — во всяком случае на протяжении жизни одного поколения — бывают удачными. Известная консервативность коллективного тезауруса-мира обусловлена, во-первых, психологическими причинами, — значительной устойчивостью семантических или смысловых полей в тезаурусе личности, во-вторых, относительной социальной стабильностью личности, поскольку, если она даже и меняет свою классовую принадлежность или общественную орпентацию, то делает это не часто.

Е. В. КРАСИЛЬНИКОВА

О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ В СИСТЕМЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

1. Описание русской разговорной речи должно стать частью полного описания русского литературного языка, отражающего его внутреннее функциональное членение. Для решения этой задачи, пока еще отодвинутой в будущее, нужно выяснить до конца характер соотношения двух подсистем языка: книжной

[26] *Kelly F., Stone Ph.* Computer recognition of English word senses. Amsterdam—Oxford, 1975, с. 1, 5, 82, 112—113; *Holsti O. R.* Content analysis for the social sciences and humanities. Addison Wesly Publishing Company, 1969, с. 150—168.

(КЛЯ) и разговорной (РР). В литературе обсуждаются два типа описания, опирающиеся на разные гипотезы о соотношении РР и КЛЯ. Первый — описание в рамках единой системы. Оно оказалось бы возможным, если бы все различающиеся явления были связаны соотносительно в рамках единого вариативного ряда (ср. опыт такого описания, представленный в работах И. Н. Кручининой), если бы речь шла только о различиях на уровне поверхностных структур при тождестве глубинных; если бы различия *двух подсистем носили регулярный характер, т. е. существовали* правила выводимости подсистемы РР из КЛЯ. Второй — раздельное описание двух подсистем. При таком подходе каждое явление должно быть поставлено в сетку отношений, замкнутых границами одной подсистемы. Это второе описание могло бы быть преобразовано в первое, если бы при сравнении целостных описаний были бы обнаружены закономерные преобразования, единые для разных частей системы, для разных языковых уровней. Наличие или отсутствие правил вывода и должно показать степень самостоятельности системы РР. (Эта мысль высказывалась М. В. Пановым в конце 60-х годов). В книге «Русская разговорная речь» (1973) принцип замкнутого системного описания фактов РР в некоторых частях дополнялся сопоставительным анализом. Отмечались случаи, которые можно было подвести под однонаправленные типы различий. Такими объединяющими характеристиками стали синкретизм и расчлененность. На раннем этапе изучения РР возникал вопрос: нельзя ли получить систему РР путем свертывания, упрощения системы КЛЯ? В некоторых сопоставляемых фрагментах такое отношение прослеживалось. Но в других обнаружились отличия противоположного типа — бóльшая дифференцированность отношений в РР. Таким образом, были зафиксированы два разнонаправленные соотношения.

В перестройках синкретической направленности проступало несколько типов: в РР представлены ряды с меньшим числом противопоставленных членов (частный случай: наличию противопоставления единиц в КЛЯ соответствовала одна единица в РР), при этом обобщалось (или снималось) самое содержание противопоставления; эквиполентным отношениям соответствовали привативные (ср. им. п. — другие падежи, бессоюзие — союзные конструкции), ослаблялось противопоставление разных единиц на уровне их конкретных реализаций.

В фонетике РР было отмечено большее число общих реализаций у разных фонем, расширение возможностей нулевой реализации, большее количество позиций нейтрализации (см. Русская разговорная речь 1973, Фонетика). Те же черты угадываются и на других уровнях. Пересечение реализаций разных синтаксических моделей было рассмотрено в статье: Лаптева 1973 (см. также: Лаптева 1976). В области номинации стяжение номинативных словосочетаний типа *химическая завивка — химия, номер*

телефона — телефон (см. Русская разговорная речь 1973; Номинация) только в РР дает совпадение реализаций номинативных единиц *«химическая завивка» и «химия»* (наука), *«номер телефона»* и *«телефон»* (устройство связи).

Большее число позиций, в которых происходит нейтрализация, также наблюдается на разных уровнях. Падежное противопоставление снимается в сегментированных конструкциях с местоименным удвоением типа: *Катя/ у нее сын в школу пошел//; Катя/ к ней сын приехал//*; в симметричных конструкциях диалога: *А Павловск с какого вокзала? Павловск/ Витебский//* (см. Красильникова 1976). Условия противопоставления, как кажется, могут считаться специфичной для РР позицией нейтрализации ряда лексем с признаковым значением: *не нарядная* (блузка), *не шелковая* (косынка), *не газированная* (вода) и т. п., *а простая* (Русская разговорная речь 1973, Номинация, 455).

Наиболее регулярными являются в РР модели, которые могут быть соотнесены в КЛЯ с целой группой моделей со специализированными значениями, но сами обладают более общим, более простым языковым значением (ср. Гавранек 1967, 440). Подсистеме моделей полипредикативных высказываний с союзами и союзными словами соответствует единая модель бессоюзного полипредикативного высказывания (ср. наблюдения Е. Н. Ширяева: Земская, Китайгородская, Ширяев 1981), многообразным типам отношений, выражаемым в КЛЯ различными средствами, в том числе субстантивными словосочетаниями — модель атрибутивного словосочетания с отсубстантивным прилагательным (типа *автомобильные деньги*: см. Земская 1968, 1978; Сиротинина 1974, 97—98), нескольким типам отношений — паратактические связи в группах двойных глаголов и двойных падежей существительных (ср. *уеду заколочу, пойду погуляю и уеду, заколотив, пойду погулять*; *сахар пачка, платье сорок восьмой размер* и *пачка сахара, платье сорок восьмого размера*).

Можно ли указать закономерности усложнения, обогащения системы РР, беря за точку отсчета КЛЯ? Большая дифференцированность смысловых отношений в РР связана прежде всего с тем, что эта система как бы надстраивается формами и значениями, принадлежащими к таким языковым функциям (в смысле Р. Якобсона), как контакт, воздействие на слушающего, выражение отношения к содержанию высказывания. Самое различие функций языка находит здесь отражение в дифференциации языковых форм. Система РР обладает более развитой коммуникативной грамматикой, т. е. большим набором средств, реализуемых в актуальном взаимодействии собеседников. Примеры большей дифференцированности отношений в РР сравнительно с КЛЯ будут рассмотрены далее в связи с еще одним механизмом, регулирующим их различия.

2. Смысловое членение высказывания выражено в РР многими

дополнительными и часто специализированными средствами. Одно из самых глубоких различий в системах книжного и разговорного синтаксиса касается выражения актуального членения. В КЛЯ основными средствами выражения коммуникативной перспективы высказывания являются интонация, порядок слов. Происходит варьирование в рамках одной и той же синтаксической схемы. «В разговорной же речи актуальная расчлененность предложения достигла особенной резкости, она уже не только накладывается на грамматическую структуру предложения,. . . — в разговорной речи актуальное членение предложения часто преобразует его синтаксические связи. Тема и рема предложения в разговорной речи стремятся и грамматически обособиться и выделиться в два синтаксических сегмента (объединенных в разграниченных интонационными средствами)» (Русский язык и советское общество 1962). Разговорная речь имеет развитую подсистему специфических конструкций с грамматическим вычленением темы и ремы и в повествовательных, и в вопросительных высказываниях. Это так называемые сегментированные конструкции с местоименным удвоением, конструкции с актуализаторами. Ср.: В лесу много комаров и *В лесу/ там* комаров много (выделена тема); *В лесу/ вот где* комаров много (выделена рема); *Где/ в лесу* комаров много? *Что (кого)/ комаров* много в лесу? *Что/ много* в лесу комаров? В КЛЯ соответствующие конструкции отсутствуют.

В РР многообразно проявляется тенденция к грамматической цельнооформленности номинативных единиц разной структуры. Как отмечалось в литературе, нередко происходит слияние компонентов составных номинаций, флексия переносится на конец группы; в составных числительных, в русских сочетаниях имен и отчества, в сочетаниях иностранных имен и фамилий (*Жюль Верна*), в устойчивых словосочетаниях типа *о день рождении*, в целостных группах типа *к первому сентябрю* Внешняя флексия — предлог также часто относится к целому блоку, к ряду форм, различных в грамматическом отношении, но однородных в смысловом: купить *за большие деньги — за так — за дешево*; оставить *на обед — на завтра — на потом — на после обеда* (см. Русская разговорная речь 1982), *на когда вам захочется*.

Грамматикализация актуального членения, тенденция к грамматикализации номинативных единиц — это способы грамматического оформления смысловых компонентов высказывания, отсутствующие в КЛЯ. Структура высказывания расчленяется в РР и иными формальными средствами — суперсегментного характера. В частности, чередование сильноударных и слабоударных элементов высказывания достаточно последовательно соответствует их коммуникативной и информативной значимости как частей высказывания.

Семантический принцип регулирует сочетаемость слов и создает единообразие в синтагматическом поведении слов, принадлежащих

к разным частям речи, но имеющим сходство в семантике: Ср. в РР и в КЛЯ: *очень умный*, *очень быстро*, *очень ветрено*, *очень рад*, *очень нравится*, только в РР: *очень вознесенское стихотворение*, *очень кипит*, *очень ветер*. Примеры: В том гастрономе *очень толкучка*/ а здесь наверное давка-давка//: Пошли/ а то там *очень ветер*//; Ты уж *очень наседка*//. Однородность синтаксической сочетаемости формально очерчивает семантический класс слов (словоупотреблений).

Можно было бы указать и ряд других черт, позволяющих говорить о «лексическом синтаксисе» РР (см. например: Кручинина 1976), о преобладании смысловых связей сравнительно с формальными (см. Barnet 1971 и др. работы), например в согласовании по смыслу, а не по форме.

Для морфологии РР также характерна бóльшая регулярность реализации форм, опирающаяся на единство в семантике лексем, при бóльшей, чем в КЛЯ, независимости от формально-грамматических различий. Ярким примером проявления этой тенденции, когда регулярность производства форм переступает в РР границы частей речи, может служить образование сравнительной степени от слов разных частей речи, выражающих признак, способный изменяться по степеням. Рядом с соответствующими формами от прилагательных и наречий появляются сравнительные формы, соотносимые непосредственно с существительными. Они принадлежат к двум семантическим группам: оценочные слова и локальные падежи имени. Ср.: 1) Раньше Ургенч был такая дыра/ ну а Хива еще *дырее*//; Он и раньше был ханжа/ но к старости стал *ханжее*//; Уж дура-раздура/ *дурее* некуда//; 1) Он живет *центрее*//; *Морее* лучше (предлагается идти дорогой, более близкой к морю). Таким образом, формально (набором форм) выделяются классы слов, наделенных определенными семантическими характеристиками, закрепляется функциональное тождество локального падежа и наречия (ср. *вправо — правее*). В формообразовании КЛЯ границы грамматических классов остаются непреходимыми.

Семантический фактор может действовать и как ограничивающий регулярность реализации форм в РР сравнительно с КЛЯ. Например, некоторые группы прилагательных не дают в РР кратких форм, хотя имеют их в КЛЯ. Краткие формы несут в РР определенную семантическую нагрузку и поэтому их образование реагирует на лексическую семантику классов прилагательных (см. Русская разговорная речь 1973, Морфология). Например, прилагательные, обозначающие цвет, не входят ни в класс слов, способных обозначать актуальный, ситуативный признак (*болен*), ни в класс слов, обозначающих градуируемый признак. Они лишены и модальных элементов в своем значении. Поэтому кратких форм они не дают. В РР эти лексемы могут получить краткую форму только при переносном употреблении, если они начинают обозначать признак, могущий изменяться по степеням. Например:

До чего *черен*! (ср. *загорелый — загорелся*). Таким образом, и эти факты соответствуют направлению к грамматикализации лексико-семантических различий. (Одно из самых значительных следствий этой тенденции: поляризация имени и глагола в системе РР). В связи с этим нужно придать более точное содержание широко распространенным характеристикам РР, указывающим на большую свободу сочетаемости единиц, на большую регулярность реализации моделей. Ограничения регулярности в РР заданы строгими границами семантических единств. В частности, формы на *-н*, *-т* у глаголов, краткие формы прилагательных имеют меньшую регулярность в РР сравнительно с КЛЯ.

При сопоставлении функционирования ряда форм в РР и в КЛЯ было обнаружено, что в РР «вычитаются» чисто синтаксические нагрузки форм, но сохраняются семантические (см. Русская разговорная речь 1973, Морфология). То же отличие можно увидеть в характере противопоставления падежей. В КЛЯ: «Чисто синтаксическое различие между винительным и родительным падежом. . . (*читать книгу — чтение книги. . .*) противостоит семантическому различию между теми же падежами, когда они занимают тождественные позиции и, следовательно, прямо противопоставлены друг другу (так, винительный и родительный падежи в сочетании с одними и теми же глаголами являются членами оппозиции по признаку определенности/неопределенности)» (Булыгина 1967). В РР первое различие не реализуется. Семантическая специализация форм может также рассматриваться как проявление тенденции к установлению одно-однозначных отношений планов содержания и выражения.

Специального исследования требует тенденция к повышению оппозитивной значимости единиц, которые в КЛЯ выступают лишь в качестве парадигматических вариантов. В системе падежей повышается семантическая ориентация каждой формы, так как отсутствуют некоторые чисто позиционные распределения (см. выше о вин. — род. п. то же относится к им. — твор. п.). Две формы род. п. на *-а* и на *-у* в КЛЯ скорее являются стилистическими вариантами одного падежа. В РР с бóльшим основанием можно говорить об оппозиции двух падежей родительного и партитивного. Интересны в этой связи замечания М. В. Панова о «мерцающих фонемах» (Панов 1979, 223—225). При определенных трансформациях фонетической структуры слова увеличивается различительная роль вариаций фонем. «Поэтому отдельные вариации фонемы могут становиться между собой различительными единицами» (с. 225).

Итак, наиболее общим и глубоким механизмом, действующим в РР, является «ориентированность на смысл». КЛЯ — это система в которой форма в большей степени подчинена собственно языковым механизмам, внутренней технике языка (например, формально-грамматические классификации имеют «структурный»,

а не содержательный характер: ср. части речи и семантические классы слов; в синтаксисе существуют средства, которые служат лишь выражению синтаксической иерархии частей высказывания: ср. отношение основной и вторичной предикации). В РР различия по форме в большей степени коррелируют с различиями по смыслу. Язык больше обращен и к действительности, поэтому в нем больший вес приобретают номинативные типы значения. С этим общим механизмом оказываются согласованы и те черты отличий РР и КЛЯ, которые мы рассматривали в плане синкретизм — расчлененность. Может возникнуть вопрос относительно синкретически окрашенных фактов РР. Наличие моделей, в которых смысл устанавливается на основе лексической семантики, контекста и конситуации, немаркированные единицы, все явления нейтрализации также отвечают названному принципу системы, благодаря этим средствам создается возможность выразить значение в необходимом и достаточном (неизбыточном) объеме. В согласии с этим механизмом находится, на мой взгляд, и большее распространение в РР фразеологических единиц (фразеологизация — способ образования специального означающего для отдельного означаемого).

В этой части статьи автор попытался пройти как можно дальше в степени обобщения различий РР и КЛЯ: найти механизм самый общий, правила самые широкие. Однако, нужно заметить, что указанные правила не задают полный «алгоритм» перевода КЛЯ в РР (Регулярность действия этих правил во всех частях системы также требует еще проверки. К тому же есть основания считать, что более удобным было бы направление от РР к КЛЯ). Найденный общий механизм свидетельствует о качественном своеобразии устройства РР и не закрывает возможности обнаружения различий в структурировании плана содержания и плана выражения. Видимо, многие названные здесь черты относятся к универсалиям разговорной речи (ср. Алисова 1980).

3. На каждом уровне РР проявляется более напряженное и противоречивое, чем в КЛЯ, взаимодействие правил сегментной и суперсегментной организации элементов. Очевидно, что в РР повышена роль суперсегментных правил. В фонетике суперсегментные преобразования глубоко деформируют структуру цепочек, строящихся по законам сегментной фонетики. Фонетической редукции подвергаются прежде всего слова, попадающие в слабоударную позицию во фразе. Некоторые фонетические изменения затрагивают стыки слов, происходят как бы внутри возникающих из слияния новых «фонетических слов», такт (т. е. группа слогов, объединенных одним ударением) оказывается состоящим чаще всего более чем из одного слова (Розанова 1978).

В синтаксисе обнаруживается цельнооформленность синтаксических блоков (ср. также наблюдения: Земская 1968 и последующие работы этого автора). При этом нередко наблюдается смазывание

стыков, невыраженность грамматических отношений между составляющими. Например, при переносе флексии в конец «внутренние» флексии исчезают (ср. *у МарьИванны*), происходит функциональная переориентация внутренних показателей (ср. *тетикатин, к первому сентябрю*). Здесь также можно говорить об особом «синтагматическом слове», возникающем в речи и требующем себе морфологического оформления.

В словообразовании структура слова как целого, структура такой суперсегментной по отношению к морфемам организации, как основа, также подчиняют себе линейный поток морфов и также прежде всего деформирует стыки (см. Красильникова 1981). Таким образом, на всех уровнях суперсегментные требования резко преобразуют результат действия сегментных правил.

Примечательно, что на всех уровнях появляются опустошенные заполнители структурной формы. В фонетике слова — гласные, лишенные различительной силы, превращаются в простые разделители согласных (см. Панов 1967, 272; автор цитирует слова Бодуэна де Куртене). В словообразовании участвуют опустошенные корни (например, в префиксальных глаголах типа *отмахать*, *втяпать*). В структуре высказывания также допускаются в предикате глагольные лексемы, типа *валять*, *дуть*, вбирающие в себя семантику контекста, кроме того, отдельные лексемы (часто местоимения) могут вообще терять какую-либо смысловую нагрузку и несут лишь ритмическую. Мы наблюдаем функционально опустошенные реализации фонемы, морфемы, слова. С одной стороны, фонетическая форма слова требует обязательного заполнения места слогообразователя, словообразовательная форма — места корня, семантическая структура высказывания — места предиката, ритмико-интонационная структура высказывания — ритмического места, но, с другой стороны, соответствующий элемент избыточен с информативной точки зрения. При этом избыточность их определяется смысловой структурой целого более высокого уровня.

В линейном развитии высказывания в РР примечательны также признаки кольцевой организации, когда формы, непосредственно связанные синтаксически, окаймляют высказывание: *Значки я* рада что *купила*; *Девочки* хорошо что *приехали*; *Зеленую* я не видела *шляпу* (см. примеры в книге Русская разговорная речь 1973, 380—402). Рамка служит дополнительным грамматическим средством, скрепляющим смысловое целое. Синтаксическая связь между двумя формами (в словосочетании) становится средством, работающим в механизме целого более высокого уровня (высказывания).

Таким образом, можно говорить, по-видимому, о более глубоком подчинении уровней в системе РР в сравнении с КЛЯ.

Специального внимания при изучении РР требует анализ

таких отношений, когда сегментные и суперсегментные средства в языке несут разную функциональную нагрузку. Они могут соотноситься с разными семантическими линиями, проходящими через высказывание. Многослойность, партитурность семантической структуры высказывания характерна для РР, так как рядом с линией сообщения могут идти линии контакта с собеседником, воздействия на него, модального отношения к содержанию высказывания (ср. языковые функции, выделяемые Р. Якобсоном).

Понятие суперсегментной организации может быть, по нашему мнению, применено к разным явлениям, которые реализуются на пространстве нескольких сегментов. Такие суперсегментные средства, как, например, интонация, разлиты по всей цепи сегментов, другие же могут распределяться по ней (как целому) некоторым закономерным образом, принимая и сегментные выражения.

Контакт собеседников в речи включает отношение к адресату речи. Оно может быть выражено в словах, обслуживающих контакт непосредственно, в обращениях, междометиях, релятивах (термин саратовских исследователей разговорной речи, относимый к словам типа *да*, *нет*, *ладно*, выражающим реакцию собеседника и не входящим в структуру синтаксических связей высказывания (см. Сиротинина 1974, 78): *Еленочка Николавна! Нончик! Аиньки?* (переспрос), *До свиданьица*. Но выразители субъективного отношения уменьшительно-оценочные суффиксы могут присоединяться и к другим членам высказывания: *Чайку*? Дай *Краснодарчик* два билета (кассирша диспетчеру), *пирожочек с капусточкой*, в местоимениях: *ничегошечки*, *ничемушеньки*, в глаголе, например, в обращении к ребенку: *Покакенькал*? Пойдем *спатеньки*. Итак, отношение к адресату может быть передано приклеиванием аффикса к одному или нескольким членам высказывания. При этом в ряде случаев оказывается невозможным говорить о внутрисловной семантической связи основы и аффикса. Примечательно прикрепление аффикса к целой словоформе к концу номинативной единицы (ср. в составной единице *пирожочек с капусточкой*).

Таким образом, здесь можно говорить о суперсегментной накладке, относящейся к структуре высказывания. Линия контакта проявляет свою независимость от линии сообщения.

Модальные нагрузки могут быть распределены по отдельным сегментам высказывания. В разговорной речи модальной семантикой обогащены употребления многих грамматических форм, прежде всего видовременных форм глагола (см. соответствующие наблюдения в разделе М. Я. Гловинской: Русская разговорная речь 1982), числовых форм существительного (ср.: Кто это здесь *кошельки* раскидывает — по отношению к одному предмету; А ты слушай *всяких Иваныванычей*). Однако значение упрека,

неодобрения и т. п. не относятся к категориальной семантике соответствующих форм, они возникают в структуре высказывания. Нередко определенное модальное содержание связывается с фразеологизованной синтаксической конструкцией.

Отдельность референтного и модального ряда может принимать интересные асимметричные формы выражения. Расхождение модального и реального субъектов наблюдается, например, в конструкции: *Я тебе поговорю* (пример из работы: Шмелев Д. Н. 1961) Я — говорящий каузирует (запрещает) действие, которое совершает или намерен совершить слушающий, таким образом это употребление *Я поговорю* не имеет ничего общего с типом употребления: *Я поговорю с Машей.*

Модальные задания накладываются на собственно информативные и в фонетике. Характерные для РР растяжки гласных являются носителями модальной интонации, некоторые особенности произнесения согласных имеют яркую эмоциональную окрашенность (Русская разговорная речь 1973, Фонетика).

4. Особый аспект соотношения формы и содержания связан с условиями устной реализации РР, психологией неподготовленной спонтанной речи, которые в своем совокупном действии усиливают роль фонетической формы в создании всех составных единиц языка. Синтез слова и высказывания не ограничивается применением правил соединения элементов, несущих смысловую нагрузку (морфем, слов и т. д.); поверх этих правил действуют иные, отвечающие за создание правильной — а в РР и оптимальной — фонетической формы целого. Производное слово должно иметь определенную, оптимальную для РР, ударно-слоговую структуру (с ограниченной длиной слова), допустимые сочетания звуков. Требования фонетической формы могут деформировать структуру, складывающуюся по смысловому заданию. Усечения, наращения, наложения морфов — типичные для РР явления на стыке основы и формантной части — часто вызываются именно фонетическими причинами. Интонационной, ритмической структуре высказывания в РР могут быть подчинены словопорядок, повторы, употребление частиц и местоимений, служебных слов. Избыточные и семантически опустошенные элементы могут служить наполнителями интонационной или ритмической схемы. При этом нужно иметь в виду, что разговорная речь отличается высокой ритмической организованностью, так что давление ритма на организацию речевого потока очень велико (см. Иванова 1971, Розанова 1978). Правильное чередование ударных и безударных слогов в тексте легче создать, если слова могут варьировать свой слоговой состав. Видимо, этим можно объяснить наличие вариантов словоформ в морфологии: *скорее—скорей, мною—мной, зимою—зимой, почисти—почисть*, вариативность формы служебных элементов: *кое—кой-* (*кто, кого. . ., где, куда* и т. д.). *чтобы—чтоб.*

5. Межуровневые связи в РР. Целенаправленное изучение этой темы, по нашему мнению, должно открыть самые глубинные системообразующие факторы, которые создают своеобразие строя РР как многоуровневого целого и находят отражение в своеобразии структурных отношений на каждом уровне. А. Н. Васильева, сравнивая РР с функциональными стилями, приходит к выводу, что «в «наибольшей степени взаимосвязанность элементов разных уровней свойственна разговорной речи» (Васильева 1976, 57, см. также 88, 90—91). Сегодня можно вложить достаточно определенное содержание в два утверждения. Фонетика в РР играет особую роль в формировании единиц разных уровней (выше говорилось о давлении фонетической формы, сказывающемся на формировании линейных цепей элементов разных уровней, очевидно повышенное значение интонации и других суперсегментных средств при построении высказывания и текста). Принципиальное отличие системы РР от системы КЛЯ проходит по линии взаимоотношения лексики и грамматики: лексики и морфологии, лексики и синтаксиса. Морфологические классы слов коррелируют с лексико-семантическими, наблюдается сближение морфологии и словообразования. Многие синтаксические модели связаны с определенным лексическим наполнением. При частой внешней невыраженности синтаксических связей между словами особый вес при установлении отношений между ними переносится на лексику, на лексико-семантические связи (ср. известные примеры: *пошел посмотрел* и *посмотрел удивился* или *шкаф карельская береза* и *крабы баночка*).

Некоторые синтаксические схемы требуют определенных словообразовательных структур для своей реализации. Ср.: *Ни песчинки. Ни ветринки*: в последнем случае суффикс передает лишь идею усиления отрицания, свойственную данной синтаксической конструкции, так как понятие *ветер* не дает производного со значением «мельчайший элемент». Условием реализации модели *раз* + существительное: *Будь ты хоть умник-разумник* — Н. А. Янко-Триницкая называет конструкцию уступительности (см. Янко-Триницкая 1980). (Очевидно, что связь синтаксиса и словообразования в РР должна быть исследована и со стороны словообразования, она должна быть учтена при определении характера регулярности некоторых типов производных, их значения).

Можно ожидать таких типов межуровневых связей языковых единиц в РР, которые составляют только ее принадлежность, нужна осторожность, чтобы не смазать их специфику в теоретической интерпретации.

Синкретизм системных отношений в РР создает иногда затруднение в уровневом отнесении наблюдаемых фактов. Возможно, подобный синкретизм и есть системный факт РР (устное замечание М. В. Панова 1967 г.). Например, употребления типа: Вы сегодня *без головы* (без головного убора) могут быть объяснены

как результат действия преобразований лексико-семантического, словообразовательного и синтаксического характера.

Неопределенным (нейтрализованным?) оказывается в ряде случаев выбор между квалификациями: слово/ морфема, номинативная единица /предикативная конструкция. Актуализация частей высказывания, как кажется, является типичным условием для возникновения подобных неопределенностей. Глагольная приставка или наречие? — Ну как недосолила? — Наоборот/ *пере*// (Ср.: Нет в меру//) Номинация или предикация, выраженная именительным падежом существительного? — Я не могу петь/ *горло*//. Дальнейшее изучение механизмов актуализации в разговорной речи прояснит, сопутствует ли межуровневый сдвиг (направленный в сторону повышения уровня) типичным способам коммуникативной трансформации высказывания.

Исследование структуры разговорной речи на разных уровнях достигло уже той стадии, когда можно сделать некоторые обобщения, касающиеся изоморфизма и взаимодействия уровней. Попытку такого обобщения по нескольким линиям представляет эта статья.

ЛИТЕРАТУРА

Алисова Т. Б. Константы языкового развития и типология романских языков. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 39, 1980, № 1.

Булыгина Т. В. О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц. — ВЯ, 1967, № 5.

Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., Русский язык, 1976.

Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., Прогресс, 1967.

Земская Е. А. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968.

Земская Е. А. Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта. — В кн.: Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., Наука, 1978.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., Наука, 1981.

Иванова Г. Н. Ритмика русской прозы. Автореф. канд. дис. М., 1971.

Красильникова Е. В. К функциональной характеристике именительного падежа существительных в системе русской разговорной речи. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 7, ч. 1. Горький, 1976.

Красильникова Е. В. О формальной структуре слова. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., Наука, 1981.

Кручинина И. Н. Элементы разговорного синтаксиса в произведениях эпистолярного жанра. — В кн.: Синтаксис и стилистика. М., Наука, 1976.

Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., Наука, 1976.

Лаптева О. А. Гомофункциональные ряды — принцип системности некодифицированного устно-разговорного синтаксиса. — ВЯ, 1973, № 5.

Панов М. В. Русская фонетика. М., Просвещение, 1967.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., Высшая школа, 1979.
Розанова Н. Н. Суперсегментные средства русской разговорной речи (на материале ударения в потоке речи). Автореф. канд. дис., М., 1978.
Русская разговорная речь. М., Наука, 1973.
Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., Наука, 1982.
Русский язык в советское общество. Проспект. Алма-ата, 1962.
Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., Просвещение, 1974.
Шмелев Д. Н. Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке. — Вопросы культуры речи, вып. 3. М., Наука, 1961.
Янко-Триницкая Н. А. Префикс «раз-» в именах существительных, прилагательных, наречиях. — РЯШ, 1980, № 3.

Barnet Vl. Jaký je linguistický status hovorové ruštiny? — Československá rusistika, 1970, № 2.

II. СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Н. В. КОССЕК, В. Н. КОСТЮК

СИЛЬНОЕ И СЛАБОЕ ОТРИЦАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрим схематически язык, на предложения которого можно воздействовать связками классической логики предикатов $\sim$, $\wedge$, $\vee$, $\forall$. $\exists$, а также обобщенными модальными знаками δ 'необходимо; обязательно; много; известно; быстро; очень' и Δ 'возможно; позволено; немало; допустимо; не очень медленно; не очень не'.

Из очевидных соображений назовем знаки $\wedge$, $\forall$ и δ сильными, а $\vee$, $\exists$ и Δ — слабыми. Действительно, если A и B — предложения, то ($|=$ — логическое следование) $A \wedge B \mid = A \vee B$, $\forall x A \mid = \exists x A$, $\delta A \mid = \Delta A$, но не наоборот. Соответственно будем называть предложения $A \wedge B$, $\forall x A$ и δA сильными, а $A \vee B \exists x A$ и ΔA — слабыми.

Из этой классификации выпадает отрицание $\sim$, которое, в зависимости от его места в предложении и структуры предложения, может быть понято либо как сильное, либо как слабое: отрицание сильного предложения назовем слабым отрицанием, а отрицание слабого предложения — сильным отрицанием. Сильные предложения $A \wedge B$, $\forall x A$, δA имеют только слабые отрицания $\sim (A \wedge B)$, $\sim \forall x A$, $\sim \delta A$, а слабые предложения $A \vee B$, $\exists x A$, ΔA имеют только сильные отрицания $\sim (A \vee B)$, $\sim \exists x A$, $\sim \Delta A$. С учетом обычной взаимосвязи между $\wedge$ и $\vee$, $\forall$ и $\exists$, δ и Δ (δ есть $\sim \Delta \sim$ и Δ есть $\sim \delta \sim$) $\sim \forall x A$ может быть понято как $\exists x \sim A$, $\sim \delta A$ может быть понято как $\Delta \sim A$, $\sim \exists x A$ может быть понято как $\forall x \sim A$, и $\sim \Delta A$ может быть понято как $\delta \sim A$. Оправдание терминологии, принятой для отрицания, состоит в том, что сильное отрицание логически сильнее соответствующего слабого отрицания.

Указанное различение сильного и слабого отрицания имеет некоторые особенности.

I. С логической точки зрения рассматривается только одно отрицание — отрицание в смысле классической логики, переводящее ложь в истину и истину в ложь. То, что в конкретном предложении отрицание понимается либо как сильное, либо как слабое отрицание, зависит только от структуры этого предложения (для выявления которой и служат знаки $\wedge$, $\vee$, $\forall$, $\exists$, δ и Δ) и места отрицания в нем. Иначе говоря, в зависимости от структуры предложения одно и то же отрицание допускает два различных истолкования — *сильное и слабое*.

II. Сильные предложения имеют только слабые отрицания, а слабые предложения имеют только сильные отрицания. Скажем, если имеется отрицательная конструкция *возможно не-А*, то исходным для нее служит только предложение *А необходимо*, отрицание которого и порождает *возможно не-А*. Если хотят получить конструкцию *невозможно А*, то в качестве исходного используют предложение *А возможно*.

III. Слабая конструкция, будучи логическим следствием сильной, допускает больше возможностей для истолкования. Поскольку отрицание может переводить сильную конструкцию в слабую, то оно может стать одним из источников неопределенности и двусмысленности, а также более тонкого различения по степени. Скажем, *все* (сильная конструкция) понимается в единственном смысле, тогда как *не все* (слабая конструкция) допускает различения по степени: 'ни один, мало, немного, много, почти все'.

В общем случае, когда проявляется различие между сильным и слабым отрицанием, все слабые предложения допускают различия по степени. И наоборот, если слабая конструкция не допускает различия по степени, то ее сильное и слабое отрицания совпадают.

Ниже мы рассмотрим случаи сильного и слабого отрицания в русском языке на разных уровнях его структуры.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

На лексическом уровне изучение выражения с отрицанием связано с выделением антонимов и функционально подобных им лексических групп. При рассмотрении лексических единиц, включающих в свой состав отрицание, целесообразно разграничивать собственно антонимы и квазиантонимы. Квазиантонимы (*умный — неумный*, *добрый — недобрый*, *веселый — невеселый*, *здоровый — нездоровый*, *красивый — некрасивый* и др.) являются результатом действия слабого отрицания и представляют контрадикторные понятия, а антонимы (*умный — глупый*, *добрый — злой*, *веселый — грустный*, *здоровый — больной*, *красивый — уродливый* и др.) есть результат действия сильного отрицания, они образованы на основе контрарных понятий.

Действительно, для того чтобы получить семантическую эквивалентность квазиантонимов и антонимов, следует к первым присоединить смысл 'очень': *очень невеселый≡грустный*, *очень неумный≡глупый*, *очень нездоровый≡больной*. Привлекая другие аналогичные примеры, замечаем, что такое соотношение верно не для всех случаев, ср.: *очень незрячий — слепой*, *очень не присутствовать — отсутствовать*, *очень неженатый — холостой*. Значения слов первой группы допускают различные степени проявления признака, в то время как для второй группы это не-

верно: человек является или зрячим, или слепым (=незрячим), он может присутствовать или отсутствовать (=не присутствовать).

Как известно, многие лингвисты включают в число антонимов лишь лексемы с градуированным значением [1]. Мы полагаем, что разграничение квазиантонимов и антонимов является выражением различия на лексическом уровне между сильным и слабым отрицанием.

Действительно, когда исходное слово выражает неградуированный признак (степени признака отсутствуют), то его антонимы и квазиантонимы совпадают, ср. *незрячий — слепой*. И именно в таких случаях не проявляется различие между сильным и слабым отрицанием.

В ряде случаев от квазиантонимов, или слабого отрицания, можно перейти к антонимам, или сильному отрицанию, используя некоторый смысловой компонент δ, усиливающий отрицание, например, для ранее упоминавшегося случая имеем: *очень неглупый≡умный*. Возможность такого подхода связана с тем, что смысл 'очень' добавляет отрицание среднего компонента (в данном случае отрицание компонента 'средний по уму'). На необходимое присутствие эксплицитного или имплицитного сравнения в предложениях, содержащих антонимы, обращал внимание Э. Сепир (Сепир 1934).

Разграничиваемое нами противопоставление сильного и слабого отрицаний может, в частности, проявляться в виде оппозиции «больше/меньше», лежащей в основе большинства антонимов русского языка. Ю. Д. Апресян называет эти антонимы «значительной группой бесспорных антонимов» (Апресян 1974). К ней (оппозиции) могут примешиваться различные созначения. Так, расположение по шкале сравнения понятия «величина» дает антонимичные пары: *больше — меньше, большой — маленький, крупный — мелкий, огромный (гигантский, громадный) — микроскопический (крошечный, карликовый)*. Сочетание противопоставления «больше/меньше» со значением измерения по определенным параметрам дает антонимы *длинный — короткий, широкий — узкий, толстый — тонкий, высокий — низкий*. В антонимичных парах *тяжелый — легкий, тяжелее — легче* выступает значение большего — меньшего веса, в парах *старый — молодой, старше — моложе* находим противопоставление по возрасту, а антонимы *быстрый — медленный* противопоставлены по признаку «интенсивность движения».

Противопоставление по признаку «больше/меньше» может сочетаться со значением фазовых глаголов: *толстеть* 'становиться=начинать быть более худым'. Противопоставления зна-

[1] Дж. Лайонс (Лайонс 1968; с. 460—464) предлагает разграничивать антонимы и противоположности (oppositeness), относя к первым только градуированные понятия, а ко вторым — неградуированные.

чений фазовых глаголов 'начинать/кончать' и 'продолжать (=не начинать не)/кончать' могут образовывать самостоятельные оппозиции, лежащие в основе антонимичных пар:

1. *рождаться — умирать*='начинать жить — кончать жить'
2. *жить — умирать*='продолжать жить — кончать жить'
1. *находить — терять*='начинать иметь — кончать иметь'
2. *сохранять — терять*='продолжать иметь — кончать иметь'
1. *запоминать — забывать*='начинать помнить — кончать помнить'
2. *помнить — забывать*='продолжать помнить — кончать помнить'

Большинство исследователей признает антонимичными в русском языке как пары типа 1, так и пары типа 2. Очевидно, наличие таких коррелятивных пар тоже может быть объяснено разграничением сильного и слабого отрицания. Так, значение слова *умирать* нельзя получить слабым отрицанием смысла глагола *рождаться*, так как 'не рождаться'≠'умирать'. В этом случае действует сильное отрицание: *начинать не жить=умирать*. В то же время значение слова *умирать* получается слабым отрицанием значения оборота *продолжать жить*: *не продолжать жить=умирать*. Интересно также отметить, что корреляция *продолжать — кончать* приводит к антонимии, а корреляция *начинать — продолжать* не приводит к ней: *жить — умирать* антонимы, а *рождаться — жить* — нет. Возможно, это связано с наличием или отсутствием отношения включения для настоящего момента времени: 'тот, кто рождается, тем самым уже сейчас и живет, но тот, кто живет, не обязательно в данный момент умирает'.

Еще более четко, чем в парадигматике лексических единиц, разграничено сильное и слабое отрицание в различных типах высказываний, рассматриваемых на фоне их широкого контекста. В лингвистических работах последних лет обращалось внимание на тот факт, что некоторые отрицательные лексемы и целые высказывания имеют утвердительный смысл (Толстой 1971 и Богуславский 1979). Н. И. Толстой, например, в словообразовательном аспекте выделяет три «неотрицательных» значения частицы *не* в русском языке: а) ироническое, б) табуистическое, в) усиляющее (Толстой 1971; с. 282).

В разговорной, диалогической речи особенно часты случаи употребления отрицательных конструкций с частицами *не* и *нет*, смысл которых может рассматриваться только как утвердительный. Так, интересен следующий типичный диалог между двумя грибниками:

— *Ты что-нибудь нашел?*

— *Нет, только одну маленькую свинушку.*

С формальной точки зрения отрицанием высказывания *X нашел что-либо* является высказывание *X не нашел ничего*, в на-

шем же диалоге значение отрицания сводится к смыслу высказывания *X нашел мало*. Таким образом, в отличие от логических систем, где отрицанию придается всегда один и тот же смысл 'неверно, что . . .', в естественном языке отрицанию может сопоставляться смысл 'мало', 'незначительный', 'неважный'; ср. в нашем примере: *Одна маленькая свинушка не может порадовать грибника.*

Ограничительная частица *только*, употребляемая обычно в таких конструкциях, подчеркивает исключительность того круга предметов или лиц, которые не входят в сферу действия отрицания.

Очевидно, именно такие случаи «неполного» отрицания явились причиной возникновения отрицательных конструкций с наречиями, фразеологизмами и свободными словосочетаниями, подчеркивающими, усиливающими отрицание, типа: *не видеть совсем, ни зги; не хотеть ни капельки, нисколько, ни за что, ни за какие коврижки; не знать абсолютно, совершенно, ни грана, ни йоты, ни черта. . .*

Иногда говорящий специально подчеркивает собственно отрицательный смысл («сильное отрицание»), добавляя к отрицаемой части один из вышеперечисленных компонентов, соединенный парцелляцией с основной частью предложения: — *Это не имеет значения*! *Совершенно не имеет* (Ю. Бондарев). Частица *даже* в русском языке также может играть роль «усилителя» отрицания наряду с отмечаемыми выше наречиями: . . . *он даже мельком не взглянул на присевшую возле печки Зою* (Ю. Бондарев); . . . *ровно ничего интересного не было в этой казни* (М. Булгаков). Очевидно, такие конструкции могут существовать потому, что в естественном языке смысл отрицательных предложений не исчерпывается значением 'неверно, что', а требует дополнительного учета взаимодействия отрицания с обобщенными модальными знаками δ и Δ. В частности, если δ означает 'много' или 'соответствующий норме', то отрицание может передавать смысл 'мало', а также 'меньше нормы' или 'хуже нормы'. О семантическом и синтаксическом тяготении отрицания к количественным словам в славянских языках писал еще В. Вондрак (Вондрак, 1915; с. 29).

Регулярным средством понимания отрицания в русском языке в смысле 'мало' (слабое отрицание) является употребление частиц *почти*, разг. *почитай*, *чуть не*: *В салоне теперь почти не затихало отсыревшее от речных туманов пианино* (К. Паустовский)=*редко затихало*; *Молодых мужчин в Иверсайде почти не было* (К. Паустовский)=*было мало.*

В такой же функции могут выступать различные лексические средства, а также элементы контекста: *Он ничего не весит, он легок, как девушка, а между тем он поднимал шесть тысяч тонн груза* (К. Паустовский). Здесь первое, отрицательное высказывание *ничего не весит* уточняется следующим за ним сравнением:

(*легок*), *как девушка*, и только контекст показывает, что речь идет о пароходе с относительно небольшим весом, настолько небольшим, что это позволило говорящему дать ему определение как «не весящему ничего».

Одной из частных модификаций смысла 'мало' при «ограничителях» отрицания является смысл 'плохой', 'плохо' Этот смысл передается соединением отрицания с наречиями и прилагательными, имеющими значение 'хорошо', 'хороший': толком, хорошенько, как следует, путный и др.: *Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел* (К. Паустовский)=*видел плохо*; *Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил* (К. Паустовский)=*ответили не по существу, плохо*.

Иногда сам говорящий в явной форме отождествляет смысл 'плохой' с отрицательным смыслом: 'плохой'='никакой': . . . *разговор вышел какой-то странный, путаный, а вернее сказать, совсем не вышел* (М. Булгаков).

Второстепенные члены предложения, особенно дополнения и обстоятельства, ограничивающие сферу действия отрицания, также могут переводить сильное отрицание в слабое. В этом случае на них обычно падает логическое ударение и они занимают первое место — в асболютном начале предложения: *В адъютанты я тебя не назначу* (*а роту дам*) (Ю. Бондарев); «*Так*» *ничего не бывает*, — *строго повторил мальчик* (К. Паустовский); *В этой комнате попросил бы не курить* (Ю. Бондарев). Здесь, таким образом, лексико-семантические особенности сильного/слабого отрицания связаны не только с широким контекстом, но прямо зависят от синтаксических характеристик предложения, а также от особенностей его актуального членения и порядка слов.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

На словообразовательном уровне разграничение сильного и слабого отрицания помогает понять природу дериватов, включающих аффиксы с отрицательным значением. Рассмотрим с этой точки зрения префиксальные прилагательные в русском языке с отрицательными префиксами *без-* и *не-*. Среди них имеется группа парных прилагательных с формально совпадающей в современном русском языке мотивирующей основой; различаются же они наличием префикса *без-* или *не-*: *беззвездное*/*незвездное* (небо), *бесснежная*/*неснежная* (зима), *безболезненный*/*неболезненный* (укол), *беззлобный*/*незлобный* (смех), *безобидная*/*необидная* (шутка) и др.

Интуитивно ясно, что прилагательное с префиксом *без-* выражает более сильное отрицание по сравнению с коррелятами, включающими префикс *не-*. Обращение к их деривационной истории убеждает в том, что чисто внешнее совпадение их моти-

вирующих основ скрывает принципиальное различие между ними.

Деривационная история каждого из членов рассматриваемых пар различна:

звезды → без звезд → беззвездный
звезды → звездный → незвездный
злоба → без злобы → беззлобный
злоба → злобный → незлобный

Эти формальные различия в словообразовательных моделях сопровождаются семантическими различиями рассматриваемых прилагательных.

В словах с префиксом *без-* сферой действия отрицания является предложение *имеется X*: ~ (*имеется снег*)=*не имеется* (*совсем*) *снега*=*бесснежный*; ~ (*имеется злоба*)=*не имеется* (*совсем*) *злобы*=*беззлобный*. В прилагательных с префиксом *не-* сферой действия отрицания является смысл прилагательного с суффиксом *-н-* типа *снежный*, *звездный*, *злобный*. Прилагательные с суффиксом *-н-* этого типа включают в свое значение элемент 'много': *снежная зима* 'такая, когда выпадает много снега', *звездное небо* 'такое, когда на небе много звезд' и т. д. Поэтому здесь сферой действия отрицания является предложение с квантитативом *имеется много X*, в отличие от сферы действия отрицания в прилагательных с префиксом *без-*: ~ (*имеется много снега*)= =*имеется мало снега* ∨ *не имеется* (*совсем*) *снега*=*неснежный*; ~ (*имеется много злобы*)=*имеется мало злобы* ∨ *не имеется* (*совсем*) *злобы*=*незлобный*.

Поскольку дизъюнкция слабее каждого из своих дизъюнктов, то отрицание в прилагательных с префиксом *без-* сильнее отрицания в прилагательных с префиксом *не-*. В данном случае разграничение сильного/слабого отрицания связано со сферой его действия в различных по типу дериватах.

Наличие дизъюнкции в случаях типа *незлобный* навязывается нам чисто логическим подходом к анализу семантики естественного языка, такой подход диктовался стремлением не упустить ни одной из теоретически мыслимых возможностей. И, как мы видели, даже при таком подходе отрицание деривата с префиксом *не-* оказывается слабее отрицания в прилагательных с префиксом *без-*. На самом же деле в естественном языке отрицанием выражения *имеется много снега*, *злобы*, . . ., скорее всего, будет выражение *имеется мало снега*, *злобы*, . . ., соответствующее первому дизъюнкту.

Аналогичные семантические отношения имеют место в парах «бессуффиксное прилагательное с префиксом *без-*» — «прилагательное с суффиксами *-ат-*, *-аст-*». Так как суффиксы *-ат-*, *-аст-* в русском языке имеют значение '(содержащий) много, в большой

степени', то дериваты с этим суффиксом, как показано выше, должны выражать только слабое, но не сильное отрицание.

Действительно, в современном русском языке основы с суффиксами *-ат-*, *-аст-* могут сочетаться с префиксом *не-*, выражающим слабое отрицание, и, как правило, не сочетаются с префиксом *без-*, выражающим сильное отрицание:

*беззубый — незубастый — *беззубастый*
*безглазый — неглазастый — *безглазастый*
*безголовый — неголоватый — *безголоватый*
*безусый — неусатый — *безусатый* и др.

Здесь, таким образом, проявляется тесное взаимодействие между семантикой префикса и суффикса; отрицательная функция префикса более непосредственно связана со значением суффикса, чем с семантикой самого корня. Такие случаи семантической корреляции «префикс — суффикс» отмечены К. Циммером, например, для английских аффиксов un- и -able (Циммер 1964; с. 38).

Сильное отрицание, выражаемое в прилагательных с префиксом *без-*, в отличие от образований с префиксом *не-*, может сближать их с прилагательными, антонимичными корневому слову:

облачный — безоблачный=ясный
облачный — необлачный≠ясный

Тем самым здесь стирается грань между сильным отрицанием признака и утверждением зеркально противоположного признака. Действительно, полное отсутствие признака «облачный» образует в прилагательном *безоблачный* противоположное свойство *ясности*.

Таким образом, и на словообразовательном уровне сильное и слабое отрицание в русском языке разграничиваются достаточно четко.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

С формальной точки зрения добавление любого нового члена в синтагматическую цепочку, расширяющее сферу действия отрицания, ослабляет тем самым отрицательный смысл высказывания: $\sim$ (*Ты придешь*)$\equiv$*Не ты придешь* $\vee$ *Ты не придешь*; $\sim$ (*Ты придешь ко мне*)$\equiv$*Не ты придешь ко мне* $\vee$ *Ты не придешь ко мне* $\vee$ *Ты придешь не ко мне*; $\sim$ *Ты придешь ко мне завтра*)$\equiv$*Не ты придешь ко мне завтра* $\vee$ *Ты не придешь ко мне завтра* $\vee$ *Ты придешь не ко мне завтра* $\vee$ *Ты придешь ко мне не завтра*.

Однако естественный язык избегает этой множественности способов введения отрицания. Г. Лаков в (Lakoff 1965 и Lakoff 1970) показал, что отрицание всегда относится к предикату предложения. Сложная иерархия предикатов в случае их неединст-

венности в предложении, связанная с актуальным членением высказывания и с разграничением утверждения и пресуппозиций, делает нетривиальной задачу определения сферы действия отрицания (см., например, выделение в предложении главной предикации и подчиненных в Манукян 1972).

Ограничение сферы действия отрицания, как было показано, тесно связано с особенностями его семантики — усилением или ослаблением отрицательного смысла высказывания. Поэтому при желании подчеркнуть, выделить собственно отрицательный смысл всего высказывания говорящий вводит несколько отрицательных актантов и сирконстантов, которые исчерпывают валентность данного слова-предиката, не оставляя сомнений в том, что в данной конструкции отрицание имеет смысл 'неверно, что': . . .на войне *никто*, *нигде* и *никогда* не гарантирован *ни от осколка*, *ни от пули* (Ю. Бондарев); Кирпич *ни с того ни с сего . . . никому* и *никогда* на голову не свалится (М. Булгаков).

Однако такие случаи намеренного подчеркивания отрицательного смысла высказывания сравнительно редки. В предложениях с отрицанием перед предикатом обычно под отрицанием находится одна из замещенных валентностей (актант, сирконстант или адъюнкт): *— Он уйдет! — О нет. . . он никуда не уйдет* (М. Булгаков); *Никакого мага там не оказалось* (М. Булгаков).

Интересно отметить, что актанты и сирконстанты могут использоваться в равной мере в качестве средства усиления отрицания, ср.: не видеть *совсем*=не видеть *ничего*.

Особый интерес представляют отрицательные предложения, содержащие аналоги кванторных слов. При введении отрицания в квантифицированное высказывание может встретиться два случая: либо сфера действия квантора входит в сферу действия отрицания, либо сфера действия отрицания входит в сферу действия квантора. Решающим моментом в определении смысла высказывания, которое содержит кванторы и отрицания, является их взаимное расположение друг относительно друга в глубинно-синтаксической структуре.

Рассмотрим утвердительное предложение с аналогом квантора общности: *Все спят*, или $\forall x P(x)$, где $P(x)$ — *X спит*. Ввести отрицание в это предложение можно двумя способами: (1) $\forall x \sim P(x)$ и (2) $\sim \forall x P(x)$. В случае (1) квантор общности доминирует над отрицанием, и сфера действия последнего есть смысл предложения *X спит*. Придавая предложению $\sim$ (*X спит*) значение универсальности, кванторное слово *все* в этой позиции сообщает предложению смысл сильного отрицания: *Все* (*не спали*)≡ ≡*Никто не спал*.

В случае (2) отрицание доминирует над квантором общности, и сферой действия отрицания является смысл кванторного слова: (*Не все*) *спали*. Такое взаимное расположение отрицания и кванторного слова ограничивает сферу действия отрицания, и все

высказывание фактически приобретает смысл высказывания с квантором существования: *Не все спали≡Некоторые спали∧ Некоторые не спали.* Логическая форма этого высказывания, соответствующая слабому отрицанию, есть $\sim\forall x P(x)$, или $\exists x \sim \sim (Px)$, или даже $\exists x P(x) \wedge \exists x \sim P(x)$.

Сильное отрицание, таким образом, имеет место в тех случаях, когда квантор общности доминирует над отрицанием или отрицание доминирует над квантором существования. Если квантор существования доминирует над отрицанием или отрицание доминирует над квантором общности, то имеет место слабое отрицание. В поверхностной структуре мы обычно легко переходим от сильного отрицания к слабому и наоборот, меняя взаимное расположение отрицания и аналога кванторного слова в предложении: (3) *Не все входящие во Дворец бракосочетаний испытывают страсть Ромео и Джульетты* (из газеты) — слабое отрицание; (4) *Все входящие во Дворец бракосочетаний не испытывают страсти Ромео и Джульетты* [2] — сильное отрицание.

Но определением, связанным с взаимным расположением отрицания и кванторного слова в поверхностной структуре, нельзя было бы ограничиться, так как линейный порядок следования квантора и отрицания часто не отражает их действительного места в глубинно-синтаксической структуре: особенности актуального членения и связанный с ним порядок слов могут вносить существенные коррективы. Так, обращаясь к переводу А. С. Пушкина из Горация, находим высказывание: *Нет, весь я не умру* в соответствии с латинским non omnis moriar. Судя по поверхностной структуре русского предложения, следовало бы отнести его к случаям сильного отрицания типа $x \sim P(x)$. Однако семантически это предложение представляет случай слабого отрицания, что соответствует и смыслу латинского оригинала. Это связано с постановкой логического акцента на кванторе общности *весь*, который и притягивает к себе отрицание. Точно так же, поместив логический акцент на кванторном слове *все* в (4), переведем его в число высказываний со слабым отрицанием: *Все входящие во Дворец бракосочетаний не испытывают страсти Ромео и Джульетты* — слабое отрицание.

Интересно отметить, что некоторые авторы сознательно пользуются разграничением сильного и слабого отрицания при взаимодействии отрицания с аналогами кванторных слов как своеобразным стилистическим приемом, создающим комический эффект. Выражение со слабым отрицанием может содержать пресуппозицию, смысл которой явно противоречит социальным

---

[2] Косвенным доказательством того, что в случае (3) сфера действия отрицания фактически ограничивается смыслом кванторного слова, является то, что, в отличие от случая (4), второй актант не приобретает формы родительного падежа.

и морально-этическим нормам: *Иной мадьяр не виноват в том, что он мадьяр* (Я. Гашек).

Пресуппозиция: «Некоторый X может быть виноват в том, что он по национальности мадьяр»; — *Видите, гражданин, из-за вас я нахамила не тому, кому надо* (М. Булгаков). Пресуппозиция: «Существует X, которому надо нахамить».

Если выражение с квантором общности занимает в предложении маргинальную позицию, например детерминанта, то отрицание доминирует над квантором, превращая последний в квантор существования, а предложение в целом интерпретируется как слабое отрицание: *На весь вечер я не приду=Я приду, но не на весь вечер*; *Весь день не лил дождь=Дождь лил, но не весь день*. Оба предложения имеют вид $\sim \forall\ xP(x)$, или $\exists x \sim P(x)$.

Предложение **Весь день не лил дождь* не вполне соответствует нормам лексической сочетаемости современного русского языка в отличие от общепринятых *Весь день не было дождя*, *Весь день не шел дождь*. Очевидно, неестественность первого предложения связана с наличием глагола *лить*, в смысл которого включается интенсив: *лил дождь=шел сильный дождь*. Таким образом, здесь сталкиваются два взаимоисключающих смысла: с одной стороны, утверждение того, что шел сильный дождь, с другой — отрицание того, что дождь вообще шел. При эмфатическом прочтении этой фразы имеет место пресуппозиция *шел сильный дождь*, но утверждается, что он шел ограниченное время: *Вéсь день не лил дождь* (*он хлынул только вечером*).

По этой же причине семантически неприемлемы отрицательные конструкции, включающие фразеологические сочетания со значением интенсива: *Я не знаю этого как свои пять пальцев*, *Я не промерз до мозга костей*. В случае эмфазы они становятся допустимыми, так как сфера действия отрицания замыкается на значении интенсива: *Как свои пять пальцев я этого не знаю* (*но кое-что мог бы сказать*), *До мозга костей я не промерз* (*но продрог изрядно*).

Используя трехчленное деление О. Есперсена (Есперсен 1958; с. 376), можно отнести высказывания со слабым отрицанием к средней ступени, передающей смысл 'немного' — 'некоторые'. Таким образом, как и на лексическом, и на словообразовательном уровнях, смысл слабого отрицания может интерпретироваться как 'мало', в отличие от смысла 'полностью', 'весь', характеризующего высказывания с сильным отрицанием.

Аналогично рассматриваются предложения с модальностями δ и Δ. Так, для предложения: (5) *Возможно, будет дождь — Возможно, не будет дождя* — слабое отрицание (5), *Невозможно, чтобы был дождь* — сильное отрицание (5); (6) *Ему необходимо приехать в Москву — Ему не необходимо приехать в Москву* — слабое отрицание (6), *Ему необходимо не приехать в Москву* — сильное отрицание (6).

Если усилить модальность, входящую в предложение, то этим усиливается сильное отрицание предложения и ослабляется его слабое отрицание. Так, заменив в (6) модальность *необходимо* более сильной модальностью *абсолютно необходимо*, *имеем*: (7) *Ему абсолютно необходимо приехать в Москву — Ему не абсолютно необходимо приехать в Москву* — слабое отрицание (7), *Ему абсолютно необходимо не приехать в Москву* — сильное отрицание (7).

Ясно, что сильное отрицание (7) влечет сильное отрицание (6), слабое отрицание (6) влечет слабое отрицание (7), но не наоборот.

Отметим важную особенность предложений с модальностью возможности. Сочетание смысла исходного предложения со смыслом его сильного отрицания приводит, как и следует ожидать, к противоречию; но сочетание смысла исходного предложения со смыслом слабого отрицания дает непротиворечивое высказывание. Рассмотрим предложение: (8) *Он может приехать*. Его сильным отрицанием является высказывание, в котором отрицание доминирует в глубинно-синтаксической структуре над модальностью возможности: *Он не может приехать*. Сочетая его смысл со смыслом предложения (8), получаем противоречие: *Он может приехать, и он не может приехать*.

В слабом отрицании предложения (8) модальность возможности доминирует над отрицанием: *Он может не приехать*. Сочетая смысл этого отрицания со смыслом исходного высказывания, противоречия не получаем: *Он может не приехать, и он может приехать*.

В отличие от вышеописанных конструкций с кванторами общности и существования, намеренное изменение актуализации модальных высказываний с помощью логического акцента не приводит к замене сильного отрицания слабым.

Другие виды модальности δ и Δ также чувствительны к различению сильного и слабого отрицания. Сюда относятся деонтические модальности (*позволять*, *разрешать*, *запрещать*, *обязывать*), модальности воления (*хочу*, *желаю*), эпистемические модальности (*знаю*, *верю*, *полагаю*, *думаю*) и т. п. Так, сильным отрицанием *позволено* является *не позволено* (*запрещено*), а слабым отрицанием — *позволено не*. Сильным отрицанием *обязательно* служит *обязательно не* (*запрещено*), а слабым отрицанием — *необязательно*. Поскольку обязательность сильнее позволения, то можно сказать: отрицание является сильным, если оно стоит после сильной деонтической модальности или перед слабой деонтической модальностью, и отрицание является слабой деонтической модальностью, и отрицание является слабым, если оно стоит перед сильной деонтической модальностью или после слабой деонтической модальности.

Но не все виды модальностей позволяют выделять сильное и слабое отрицание. В качестве примера укажем модальность *сомневаюсь*. Модальности *не сомневаюсь в А* и *сомневаюсь в не-А* не связаны отношением логического следования. Поэтому, хотя предложение *Я не сомневаюсь в том, что она придет* и предложение *Я сомневаюсь в том, что она не придет* и являются различными видами отрицания предложения *Я сомневаюсь в том, что она придет*, они не различаются между собой как сильное и слабое отрицание. Вместе с тем, если сделать эти предложения градуированными, то различие между сильным и слабым отрицанием восстанавливается, хотя и в незначительной степени: *Я очень не (совсем не) сомневаюсь в том, что она придет*, и *Я не очень (почти не) сомневаюсь в том, что она придет*.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. — М.: Наука, 1974.
Аристотель. Категории. — СПб., 1859.
Богуславский И. М. О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. Канд. дис., М., 1979.
Вондрак В. Древнецерковнославянский синтаксис. — Казань, 1915.
Есперсен О. Философия грамматики. — М.: Изд.-во ИЛ. 1958.
Мануян Ж. К. Актуальное членение и отрицание. — Научно-техническая информация, сер. 2, 1972, № 9.
Падучева Е. В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке. — Машинный перевод и прикладная лингвистика, 1969, вып. 12, с. 5—35.
Сепир Э. Язык. — М.: Соцэкгиз, 1934.
Толстой Н. И. Не — не 'не'. — В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. — М.: Наука, 1971.
Червенкова И. О прилагательных с префиксом *без-* в современном русском языке. — Годишник на Софийския университет, т. 12, 1968. — София, 1969.

Anderson S. R. How to get even. — Language, 1972, v. 48, N 4, p. 893—906.
Bolinger D. Degree words. — Mouton, 1972.
Gale R. Negative statements. — American philosophical quarterly, v. 7, N 3, 1970.
Lakoff G. On the nature of syntactic irregularity. Report NSF-16. Cambridge, Mass., 1965.
Lakoff G. Irregularity in syntax. 1970.
Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. — Cambridge, 1968.
Wierzbicka A. Negation. A study in deep grammar. — MIT, 1967.
Wright G. von. On the logic of negation. — Commentationes phisico-mathematicae, v. 22, N 4, 1959.
Zimmer K. Affixal negation in English and other languages. — Suppl. to Word, v. 20, N 2, 1964.

И. М. БОГУСЛАВСКИЙ

ОТРИЦАНИЕ И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ

Синтаксические и семантические особенности предложений, содержащих отрицательную частицу *не* (или, короче, просто отрицание), много раз привлекали внимание исследователей. Существует тем не менее один обширный класс отрицательных предложений, имеющих большое число весьма специфических свойств, которые изучены пока далеко недостаточно. Речь идет о предложениях, в которых частица *не* выступает в контексте противопоставления. Противопоставлением мы будем условно называть такую ситуацию, когда в предложении имеется конструкция *не P, а Q*, например, (1) *На шоферском месте сидел не обычного вида шофер, а черный длинноносый грач в клеенчатой фуражке и в перчатках с раструбом* (М. Булгаков). Второй компонент этой конструкции может выступать в бессоюзном варианте — ср. (2) *Не недели, не месяцы — годы Расставались . . .* (А. Ахматова) или вовсе отсутствовать — ср. (3) *Нет, не тебя так пылко я люблю* (М. Лермонтов), но и в последнем случае он всегда по смыслу подразумевается [1].

Как правило, предложения с противопоставлением имеют особый интонационный контур. Ср., например, предложение (4) *Он не работает, а ест*, имеющее два осмысления: противопоставительное (≈'он занимается не работой, а едой') и непротивопоставительное (≈'он бездельничает, а тем не менее ест'), которые отчетливо различаются и интонационно.

Давно замечено, что во многих случаях закономерности, действующие в нейтральных условиях, в противопоставительном контексте оказываются в значительной степени расшатанными. Это в максимальной степени касается и частицы *не*. При ближайшем рассмотрении оказывается, что в контексте противопоставления частица *не* едва ли имеет хотя бы одно общее свойство с *не* в нейтральном контексте (за исключением самого значения 'неверно, что'). В настоящей работе будет продемонстрировано большое количество расхождений в поведении отрицания в этих контекстах. В связи с этим возникает вопрос о семантической природе столь резких различий. Почему, собственно, противопоставление несовместимо с обычным набором свойств частицы *не*? Какие именно особенности противопоставительного контекста вызывают эти изменения? Почему наблюдаемые изменения носят именно такой (а не какой-либо другой) характер? В заключение статьи мы наметим ответы и на эти вопросы.

[1] Вариантом противопоставительной конструкции *не P, а Q* служит конструкция *Q, а не P*, на которой мы здесь специально останавливаться не будем.

Ниже мы укажем 17 различий в поведении частицы *не* в непротивопоставительном (нейтральном) контексте (далее условно — *не* [1]) и в контексте противопоставления (далее — *не* [2]). Для лучшей обозримости разобьем эти различия на четыре группы: коммуникативные, семантические, синтаксические и сочетаемостные.

КОММУНИКАТИВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

1. Смысловая законченность/незаконченность предложения

Как мы уже говорили, в предложениях, содержащих противопоставление, не всегда эксплицитно присутствуют оба противопоставляемых члена. Существенно, однако, что когда одного из них в предложении нет, оно по смыслу оказывается незаконченным; отсутствующий член противопоставления всегда подразумевается. Например: (5) *Я уезжаю не завтра* (подразумевается: 'в другое время'), (6) *Спит не Коля* (подразумевается: 'кто-то другой'). В случае *не* [1] подобной неполноты нет. Ср. предложения *Дождь не прекращался*, *Сильный мороз не отпугнул болельщиков*, произносимые с нейтральной интонацией.

2. Обязательность/необязательность наличия темы

Некоторые исследователи выделяют в русском языке предложения, состоящие из одной ремы — так называемые нерасчлененные предложения (см., например, Ковтунова 1976, с. 46): (7) *Вечерело*, (8) *Вдруг раздался выстрел*, (9) *В этот вечер впервые не зашло солнце*. Последний пример показывает, что в подобных предложениях может выступать частица *не* [1]. Что же касается предложений с противопоставлением, то в них наличие темы обязательно. По отношению к этой теме члены противопоставления играют обычно одну и ту же смысловую роль и выполняют одну и ту же синтаксическую функцию. Так, в предложении *Воет не ветер, а зверь* к теме относится сказуемое *воет*, а в предложении *Зверь не воет, а рычит* темой служит подлежащее *зверь*. Если в предложении такой эксплицитно выраженной темы нет, то оно в большинстве случаев неправильно: (10) ??*Не зверь рычит, а ветер воет*. Эту мысль высказывает А. Богуславский в кн. «Проблемы тематико-рематической структуры предложений», утверждая, что члены противопоставления всегда «относятся к ясно выделенному объекту, а не просто . . . ко «всей действительности»».

Впрочем, в поэтической речи предложения типа (10) вполне допустимы: ср., например, некрасовское (11) *Не ветер бушует над бором, Не с гор побежали ручьи, Мороз-воевода дозором обходит владенья свои* или строчки П. Петефи *Как заблуждался он, Не шуба тяжелила, а Сердце у него надорванное ныло*. Однако

эти примеры — лишь кажущееся исключение из указанного выше правила. Они все же содержат тему, хотя и не выраженную отдельным словом или словосочетанием. В качестве темы здесь выступает смысл 'то, что имеет место': (11) ≈ 'то, что имеет место, не есть «ветер бушует над бором» и не есть «с гор побежали ручьи», а есть «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои»'. Из того, что тематический смысл в этих предложениях не имеет специального выражения, не следует, что его в предложении вовсе нет, что он «берется из ничего». Ведь каждое повествовательное предложение сообщает о том, что нечто имеет место. Поэтому значение 'имеет место', обусловленное предикативностью повествовательного предложения, можно считать входящим в его семантическую структуру.

Замечание. В связи с этим выскажем одно предположение: повествовательных предложений без темы не бывает. В самом деле, если смысл 'имеет место' входит в смысловой коррелят предикативности, то естественно считать, что он всегда входит и в тему предложения (именно потому, что каждое повествовательное предложение посвящено тому, чтобы сообщить, что́ имеет место) Тогда в тех случаях, когда в предложении эксплицитно выраженной темы нет, как в предложениях (7)—(9), этот смысл остается единственным тематическим элементом, который представлен в семантической и не представлен в синтаксической структуре предложения. Заметим, что даже если принять такой вывод, обсуждаемое различие между *не*[1] и *не*[2] не исчезает: с одной стороны, окажется, что предложения с *не*[1] типа (9) имеют тему, пусть и не выраженную эксплицитно, с другой стороны, однако, для предложений с *не*[2] такая возможность практически исключена или во всяком случае ограничена лишь поэтической речью.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

В стандартном случае семантическое воздействие частицы *не*[1] на значение отрицаемой предикации сводится к тому, что к вершинному смыслу этой предикации присоединяется предикат 'неверно'. В результате возникает так называемое «чисто отрицательное» значение. В ряде случаев, однако, воздействие частицы *не*[1] на значение других единиц более сложное.

В п. 3—6 мы рассмотрим четыре типа идиоматичного взаимодействия частицы *не*[1] со значениями связанных с ней единиц. В п. 3 и 4 речь будет идти о взаимодействии отрицания со смыслами разных типов, а в п. 5 и 6 — о его способности вызывать более или менее стандартные изменения значения. Для всех этих случаев характерно, что в противопоставительном контексте специфический эффект отрицания снимается.

3. Влияние на пресуппозицию

Хорошо известно, что отрицание по-разному взаимодействует с разными смыслами, входящими в состав отрицаемой единицы. Тот компонент значения отрицаемой единицы, к которому при-

соединяется отрицание, называют ассертивным компонентом. Среди неассертивных компонентов значения лучше всего изучены пресуппозиции — такие высказывания, входящие в значение данной единицы, которые не меняют своего истинностного значения при ее отрицании. Так, давно стало хрестоматийным утверждение о том, что значение слова *холостяк* содержит пресуппозицию 'X является взрослым мужчиной', поскольку в предложении *Петр не холостяк* отрицается только то, что Петр женат, а то, что он взрослый мужчина, не отрицается. Тем не менее в контексте противопоставления это утверждение теряет силу: (12) *Я увидел перед собой не холостяка, а совсем юную девушку.*

4. Влияние на другой (не пресуппозиционный) тип неассертивных значений

Помимо пресуппозиций имеются и другие типы неассертивных значений (см., например, Hajičová 1974). Ниже мы укажем еще один тип таких значений, который в этой работе не обсуждался и убедимся в том, что *не*[1] и *не*[2] ведут себя по-разному также по отношению и к нему.

Рассмотрим, например, глагол *касаться*. Предложение (13) *Ветка сирени касалась окна* означает, что между веткой и окном имеется особого рода («слабый») контакт. Компонент 'слабый' отличает (13), в частности, от предложения (14) *Ветка сирени упиралась в окно*, предполагающего, что в точке контакта приложена определенная сила.

Рассмотрим теперь предложение (15) *Ветка сирени не касалась окна*, взятое в непротивопоставительном контексте. Оно, очевидно, означает, что между веткой и окном нет никакого контакта. Между тем, это предложение не может считаться простым отрицанием предложения (13): отрицание утверждения 'имеется слабый контакт' должно было бы дать значение 'либо нет контакта, либо контакт не слабый'.

Для того чтобы объяснить, каким образом получилось значение предложения (15), следует уточнить коммуникативную организацию толкования глагола *касаться*: (13) = а) 'между веткой сирени и окном имелся контакт', б) 'причем этот контакт — «слабый»'. Существенно, что это толкование имеет две коммуникативно неравноценные части — ядерную (ассертивную) и дополнительную (неассертивную). Ассертивной частью является здесь компонент (а), именно к нему присоединяется отрицание. Неассертивный компонент (б) отрицанию не подвергается; однако он не составляет и пресуппозиции, поскольку не сохраняет свою истинность в отрицательном предложении.

Глаголов с подобной организацией значения в русском языке немало. К этому классу относятся многие глаголы, обозначающие разновидность или способ совершения какого-либо действия; ср.,

например, глаголы, обозначающие разновидности перемещения — *прийти*, *приехать*, *приплыть*, *прилететь* и т. п. Так, предложение (16) *Петр прилетел на свадьбу брата* утверждает, что '(а) Петр прибыл на свадьбу брата и (б) при этом использовал воздушный транспорт'. Соответствующее отрицательное предложение (17) *Петр не прилетел на свадьбу брата* в нейтральном контексте утверждает, что 'Петр вообще не прибыл на свадьбу' (отрицается компонент (а)), и не может описывать ситуацию, в которой отрицается только компонент (б). — 'Петр прибыл на свадьбу брата, не используя воздушного транспорта (например, приехал на поезде)'.

Замечание. Сказанное не означает, что в семантическом представлении предложений типа (15) и (17) неассертивные компоненты значения глаголов типа (б) просто исчезают. Они, бесспорно, сохраняются, но переходят в другую модальность. Так, предложение (17) в первом приближении означает 'Петр не прибыл на свадьбу брата, причем если бы он прибыл, то можно было ожидать, что он использует воздушный транспорт'.

Обратимся теперь к сравнению сочетаний *не*[1] и *не*[2] с подобными глаголами. Если *не*[1], как мы видели, чувствительно к делению смысла глагола на ассертивную и неассертивную часть, то *не*[2] «игнорирует» это деление: *Ветка сирени не касалась окна, а упиралась в него*; *Петр не прилетел, а приехал на поезде*.

5. Стандартные идиоматичные сочетания

Как известно, семантическое воздействие отрицания во многих случаях не сводится к добавлению предиката 'неверно' к тому или иному компоненту значения, а сопровождается появлением новых семантических единиц (возможно, взамен некоторых старых). Эти изменения могут быть очень различны не только по своему семантическому содержанию, но и по широте охвата лексики. В этом пункте мы рассмотрим один тип весьма стандартного изменения.

В сочетании со многими прилагательными и наречиями отрицание имеет особое — и притом одно и то же — значение. Присоединение *не* к этим словам дает не чистое отрицание, а «противоположность с оттенком умеренности» (Апресян 1974, с. 292—294; Кжижкова 1974).

В русском языке такое отрицание выражается не частицей, а приставкой *не-*. Например: *небольшой*= 'относительно маленький' (но не 'средних размеров' и не 'огромный',) *немаленький*= 'относительно большой' (но не 'средних размеров' и не 'крошечный'), *неплохо*='относительно хорошо' (но не 'отлично' и не 'отвратительно').

Как заметил еще О. Есперсен, этот специфический эффект вызывает только непротивопоставительное отрицание (Есперсен 1958). При противопоставлении появляется возможность указать

на любую точку шкалы данного свойства, отличную от занимаемой исходным прилагательным или наречием. Например: *не большой, а огромный*; *не маленький, а крошечный* ‹*средней величины*›; *не хорошо, а отлично*.

6. Индивидуальные идиоматичные сочетания

В отличие от предыдущего пункта здесь мы обратимся к частным семантическим изменениям, происходящим под воздействием *не*[1].

В нейтральном контексте сочетание глагола *любить* с отрицанием в предложении *Я не люблю перловый суп* означает не отсутствие чувства любви, как этого следовало бы ожидать ('не испытываю любви'), а наличие противоположного чувства (≈'испытываю нелюбовь'). Заметим, что в других значениях глагола этого свойства может не быть: предложение *Маша не любит Васю* не предполагает активно отрицательного отношения со стороны Маши, а означает просто отсутствие любви. Еще значительнее изменение значения в случае глагола *сомневаться*: *Я сомневаюсь, что Маша придет* ≈ 'я склонен считать, что Маша не придет'; *Я не сомневаюсь, что Маша придет* = 'я твердо уверен, что Маша придет'.

В сочетании с *не*[2] значение глагола реализуется в неизменном виде: *Я не люблю перловый суп, а отношусь к нему равнодушно* (='неверно, что я люблю'), *Я не сомневаюсь в этом, а просто не имею полной информации* (='неверно, что испытываю сомнения').

В связи с этими примерами возможно следующее возражение. Идиоматичность нейтральных сочетаний *не люблю* и особенно *не сомневаюсь* столь велика, что их надо считать отдельными целостными единицами. В таком случае нельзя говорить, что они построены из частицы *не*[1] и глаголов *люблю* и *сомневаюсь*, а следовательно, здесь нет места для сравнения *не*[1] и *не*[2].

В действительности, однако, различие между *не*[1] и *не*[2] сохраняется и при такой трактовке; оно лишь принимает несколько другую форму: глаголы *любить* и *сомневаться* сочетаются с частицей *не*[2] и не сочетаются с *не*[1].

7. Соотношения с антонимами

Существует такой тип антонимии слов (в книге Апресян 1974, с. 292—294 он обозначен $Anti_2$), при котором антоним слова *X* синонимичен сочетанию слова *X* с частицей *не*. Например: *соблюдать — нарушать=не соблюдать*; *попасть — промахнуться=не попасть*; *спать — бодрствовать=не спать*. Эту корреляцию с антономией имеет только *не*[1]. Сочетание *не*[2] с *X* не может (без изменения смысла) заменяться на антоним. например: *Коля не спит, а ходит*≠**Коля бодрствует, а ходит*.

8. Соотношения с приставкой *не-*

Провести отчетливую границу между частицей и приставкой *не* очень трудно. Действующие правила правописания, а также многочисленные предложения по их усовершенствованию стремятся нащупать некоторую интуитивно ощутимую и одновременно лингвистически обоснованную грань, которая разделяла бы эти единицы (см., например, Розенталь 1978, с. 64—73; Обзор 1965, с. 362—379). При всей зыбкости этой грани, при многообразии точек зрения по поводу того, в каких случаях перед нами приставка, а в каких — частица, при явной искусственности отдельных решений некоторые положения представляются бесспорными. К ним относятся, в частности:

а) утверждение о том, что при имеющемся или подразумевающемся противопоставлении *не* является частицей и пишется раздельно; например: *не уверенность в своих силах, а излишняя самонадеянность*; *не женатый, а совершенно свободный*; *не весело, а сосредоточенно*. Это правило относится к числу наиболее давних и устойчивых правил русского письма, стихийно сложившихся еще в XVI—XVII вв.;

б) утверждение о том, что в непротивопоставительном контексте существительные, прилагательные и наречия на *-о*, приобретающие в сочетании с *не* противоположное значение и способные обычно заменяться на синоним без *не*, содержат приставку *не* (и пишутся с ней слитно); например: *неуверенность* (*≈сомнение*) *в своих силах*, *неженатый* (*= холостой*), *невесело* (*≈грустно*).

В самом деле, в контексте противопоставления *не* входит в синтаксическую конструкцию *не. . .*, *а. . .* и тем самым безусловно является отдельным (служебным) словом (Обзор 1965, с. 364). Что же касается сочетаний *не* с существительными, прилагательными и наречиями на *-о*, то они определенно составляют единое слово, ведущее себя во многих отношениях иначе, чем соответствующее слово без приставки *не*. Именно поэтому в словарях для таких слов часто даются отдельные словарные статьи. Так, в частности, у слов с приставкой *не-* хуже, чем у исходных слов, выражаются семантические валентности или уменьшается их число. Например, прилагательное *неженатый* не способно управлять формой «на ком» (*женатый на молоденькой — *неженатый на молоденькой*), а существительное *неспециалист* хуже, чем исходное существительное специалист, присоединяет формы со значением «в какой области» (*специалист по электронике — *неспециалист по электронике*). (Заметим, что частица *не* не оказывает такого воздействия на выражение валентностей: *не женат на Вере*, *не специалист по электронике*). В других случаях сочетаемостные свойства слов с *не-* богаче, чем у исходных слов. Например, существительное *невнимательность* приобретает способность сочетаться с предлогом *по* в причинном значении

(*по невнимательности*), которой лишено исходное существительное — *внимательность* (**по внимательности*). Кроме того, частица и приставка *не* различаются размещением относительно предлога, который отрывает от существительного частицу, но не затрагивает приставки: *не для математиков — для нематематиков*.

Что касается сочетаний *не* с глаголами, то они всегда — как при наличии противопоставления, так и без него — пишутся раздельно и содержат частицу, а не приставку.

Таким образом, возникает следующая несимметричность в поведении $не^1$ и $не^2$: $не^1$ — непосредственно соотносится с приставкой *не-*, а $не^2$ никакой связи с ней не имеет, что проявляется в том, что при номинализации сочетаний с $не^1$ возникает имя с приставкой, а при номинализации сочетаний с $не^2$ — имя с частицей: *Боря не уверен в своих силах* ⇒ *неуверенность Бори в своих силах*; *неуверенный в своих силах Боря. Боря не уверен в своих силах, а излишне самонадеян* ⇒ *не уверенность Бори в своих силах, а излишняя самонадеянность*; **неуверенность . . ., а излишняя самонадеянность*.

9. Ограничения на выбор видового значения глагола

При формулировке условий реализации того или иного значения глагольного вида, следует отдельно говорить о нейтральном и ненейтральном (в частности, противопоставительном) контексте, поскольку закономерности, обнаруженные в первом из них, часто нарушаются во втором. Приведем два примера, связанные с реализацией актуально-длительного значения несовершенного вида.

Многие глаголы несовершенного вида, при которых имеется непротивопоставительное отрицание, осмысляются в первую очередь в общефактическом значении; осмысление в актуально-длительном значении затруднено (Гловинская 1979); например: *Я не обедал*. Добавление противопоставления полностью снимает это ограничение; предложение *Я не обедал, а читал газету* легко понимается в актуально-длительном смысле.

Е. В. Падучева (устно) отметила, что частица $не^1$ не допускает, чтобы глагол имел актуально-длительное значение, если при нем есть зависимые определенных типов. Так, предложение *Коля не спит в сарае* сообщает о некотором узуальном событии. Оно не может пониматься в актуально-длительном значении (в то время, как при устранении обстоятельства *в сарае* такое осмысление вполне возможно: *Коля не спит*). Контекст противопоставления, как легко видеть, отменяет и это ограничение: *Коля не спит в сарае, а ловит рыбу*.

10. Способность участвовать в заполнении валентностей других предикатов

Рассмотрим предложения, в которых сочетание *не*+$V_{\text{инф}}$ служит дополнением некоторого глагола, например: (18) *Петр умеет не падать духом.*

В непротивопоставительном контексте сочетание частицы *не* с инфинитивной группой заполняет в подобных предложениях валентность личного глагола. Так, (18) означает, что 'Петр обладает способностью, состоящей в том, чтобы не падать духом'. Таким образом, валентность глагола *уметь* заполняет здесь сочетание *не падать духом* целиком. (19) ?*Петр умеет не говорить по-французски.* Предложение (19), грамматически абсолютно правильное и подобное (18), по смыслу кажется странным: нелепо говорить о способности, состоящей в том, чтобы не говорить на каком-то языке.

Между тем, соответствующее предложение с противопоставлением никакого протеста не вызывает, в нем указанного странного смысла уже нет: (20) *Петр умеет не говорить по-французски, а только читать.*

Чем это объяснить? Очевидно, что предложение (20) не является простым распространением предложения (19). Простое распространение предполагает добавление таких зависимых элементов, которые не приводили бы к переосмыслению уже имеющейся части предложения: *Пришел не Петр — Пришел не Петр, а Иван.* В случае (19) — (20) дело обстоит иначе. Сочетание *умеет не говорить по-французски* имеет в этих предложениях совершенно разные значения, поскольку в них идет речь о разных способностях: в (19) — о способности не говорить по французски, а в (20) — о способности говорить по-французски. Следовательно, частица *не*^{2} в (20) в отличие от *не*^{1} в (19) — не участвует в заполнении валентности глагола *умеет.*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

11. Способность вызывать родительный падеж подлежащего, дополнения и обстоятельства длительности

Как известно, винительный падеж подлежащего, дополнения и обстоятельства длительности, находящегося в сфере действия присказуемостного отрицания, иногда факультативно, а иногда и обязательно переходит в родительный падеж [3]. Здесь нам существенно отметить, что такое влияние оказывает только непро-

[3] Возникающие при этом тонкие смысловые различия для нас здесь несущественны

тивопоставительное отрицание. Например: *В этих условиях кристаллов не образуется* ‹*кристаллы не образуются*› — *В этих условиях кристаллы не образуются, а распадаются* — **В этих условиях кристаллов не образуется, а распадается*; *Он не ест мяса* ‹*мясо*› — *Он не ест мясо, а жрет* — **Он не ест мяса, а жрет* (пример из статьи Crockett 1978).

Даже те глаголы, которые при отрицании обязательно меняют падеж прямого дополнения на родительный, при противопоставлении вынуждены сохранять винительный падеж, ср. глагол *иметь*: *Он не имеет ренты* — **Он не имеет ренту* — *Он не имеет ренту, а только надеется ее получить в случае смерти дяди* — **Он не имеет ренты, а только надеется ее получить в случае смерти дяди.*

12. Влияние на вид инфинитивного дополнения

Как известно, при некоторых глаголах, способных управлять инфинитивом совершенного вида, отрицание переводит этот совершенный вид в несовершенный, например: *Я велел тебе уйти* — *Я не велел тебе уходить* — **Я не велел тебе уйти.*

При противопоставлении совершенный вид дополнения сохраняется: *Я не велел тебе уйти, а просто попросил тебя об этом.*

13. Способность относиться к синтаксически несвязанным группам

Такая способность отсутствует у *не*[1], но (в разговорной речи) имеется у *не*[2]. Например: *Я приехал не во вторник поездом, как собирался, а в среду на попутной машине.*

СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

14. Сочетаемость со словами разных частей речи

Не[1] присоединяется практически только к глаголу (как в личной, так и во всех неличных формах). *Не*[2] сочетается со словами любой части речи. Приведем некоторые примеры сочетаний *не*[2] с неглагольными словами, относящимися к разным частям речи, выделяя эти слова курсивом:

Нет, не *я* вам печаль причинил (Б. Пастернак); Солнце не *огнистое*, не *раскаленное*, как во время знойной засухи, не *тускло-багровое*, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное — мирно всплывает из-под узкой и длинной тучки (И. Тургенев); Говорил не *громко*, не *тихо*, а совершенно так, как следует (Н. Гоголь); Не *два*, не *пять*, не *десять*, а восемнадцать дней летчик упорно двигался к линии фронта (Б. Полевой); Я пришел

не *чтобы* помешать вам, а, наоборот, чтобы помочь; Ты вошел в класс не *до*, а после звонка.

В связи с этими примерами сделаем одно замечание.

Противопоставительный контекст позволяет частице *не* сочетаться не только со словами любой части речи, но даже (в разговорной речи) и с отдельными морфемами. Например: — *Правда ли, что здесь будут проходить велосонки? — Не вело-, а мото(гонки). — Он славянофил? — Не -фил, а -фоб. — Почему хлопнула дверь? Кто-то пришел? — Не при-, а у-.* Ср. замечание Г. Ласника (Lasnik 1975) о том, что в английском языке при противопоставлении возможно выделение любого элемента предложения, в том числе и артикля: John didn't get THE result, but he got A result.

15. Сочетаемость с разными значениями одной грамматической категории

Сочетаемостные различия между *не*[1] и *не*[2] наблюдаются не только по отношению к разным частям речи, но в рамках одной и той же части речи по отношению к разным значениям некоторой грамматической категории. В качестве примера можно привести деепричастия несовершенного вида, которые различают по меньшей мере два грамматических значения — значение времени и значение образа действия (подробнее об этом см. Богуславский 1977). Деепричастие с временным значением не сочетается с *не*[1]: предложение **Он забывает о своем горе, не работая в саду* неправильно относительно смысла 'он забывает о своем горе не тогда, когда работает в саду'. Однако при противопоставлении такая интерпретация возможна: *Он забывает о своем горе не работая в саду, а навещая старых друзей*='Он забывает о своем горе не тогда, когда работает в саду, а тогда, когда навещает старых друзей'.

16. Сочетаемость в приглагольном употреблении с неопределенными местоимениями

Если отрицание стоит при сказуемом, то в его сфере действия неопределенные местоимения невозможны (Падучева 1969, с. 31—32): (21) **Он не читает какие-то газеты.* Это предложение неправильно относительно смысла 'Неверно, что он читает какие-то газеты', который следует выразить с использованием отрицательного местоимения: *Он не читает никаких газет*[3]. Добавив к (21) противопоставление, можно убедиться, что и этот запрет на *не*[2] не распространяется: *Он не читает какие-то газеты, а работает.*

[3] Относительно другого смысла — 'Существуют газеты, которые он не читает' — предложение (21) правильно, но при этом осмыслении неопределенное местоимение оказывается вне сферы действия отрицания.

ИРЯ
институт русского языка
им. В. В. Виноградова

17. Сочетаемость с интенсификаторами

Частицы *не*[1] и *не*[2] по-разному сочетаются с наречиями — показателями предельной меры признака. В частности, глаголы, хорошо сочетающиеся с наречием *совершенно*, в нейтральном контексте отрицания не допускают его, если отрицание противопоставительное. Например: *Я его совершенно не люблю — *Я его совершенно не люблю, а ненавижу; Коля совершенно не устал — *Коля совершенно не устал, а просто не выспался.*

* * *

Итак, мы продемонстрировали 17 различий в поведении отрицания в нейтральном и противопоставительном контекстах. Чем же обусловлено в них столь разное поведение отрицательной частицы?

Самым простым решением было бы признание *не*[1] и *не*[3] разными единицами, предлагавшееся многими исследователями (см., например: Шахматов 1925, Современный русский язык 1952, с. 434, Попов 1970, Попов 1975 и др.). В этом случае вопрос об объяснении различий отпал бы сам собой, поскольку разные единицы и не обязаны вести себя сходным образом. Безупречное с формальной точки зрения, это решение неудовлетворительно с точки зрения содержательной, поскольку оно оставляет совершенно невыявленной природу наблюдаемых различий, носящих явно закономерный характер. Ниже мы кратко наметим тот путь описания, который позволяет объяснить все представленные факты в рамках одной лексемы *не* (т. е. не умножая числа постулируемых сущностей) и даже предсказать новые, еще не отмеченные факты.

Источник всех различий между *не*[1] и *не*[2] мы видим в том, что при тождестве значения ‘неверно, что’ они имеют разные сферы действия, т. е. *не*[1] и *не*[2] отрицают разные утверждения. Для того чтобы в этом убедиться, условимся представлять значение актуально расчлененных предложений в виде ‘то, что T, есть R’, где T — часть значения предложения, соответствующая теме, а R — реме. Тогда предложение *Коля спит* предстанет в виде ‘То, что Коля делает, есть спит’, а предложение *Спит Коля* — в виде ‘Тот, кто спит, есть Коля’. Сформулируем теперь различия в сфере действия *не*[1] и *не*[2]: утверждение, которое отрицает *не*[1], лежит внутри T или R, в то время, как *не*[2] отрицает сам предикат ‘то, что . . ., есть . . .’, соединяющий тему и рему. Если *не*[1] отрицает некоторую часть «вещественного» содержания предложения, то *не*[2] имеет принципиально другую функцию: эта частица отрицает истинность приписывания данной ремы теме предложения. При такой трактовке нейтральное предложение (22) *Коля не спит* получит следующую интерпретацию: ‘То, что Коля делает, есть не спит’. При наличии противопоставления значение другое: (23) *Коля не спит (а ходит)*=‘То, что Коля делает, не есть спит (а есть ходит)’. Из такого представления значения

www.ruslang.ru

непосредственно вытекает, в частности, почему замена сочетания *не спит* на *бодрствует* возможна только в (22) (см. различие 7 выше): значение 'бодрствует' представляет собой отрицание значения 'спит', а такое отрицание имеется только в предложении (22); в (23) отрицается другой компонент смысла.

Аналогичным образом легко объяснить смысловое различие между предложениями (19) *?Петр умеет не говорить по-французски* и (20) *Петр умеет не говорить по-французски, а только читать* (см. различие 10). В (19) значение отрицания относится непосредственно к значению 'говорить по-французски' и образует вместе с ним тот смысловой комплекс, который заполняет валентность глагола *умеет*. В (20) отрицание не связано ни с каким «вещественным» значением, и поэтому не может участвовать в заполнении валентностей других слов. Сходным образом объясняются и все остальные расхождения между *не*[1] и *не*[2], отмеченные выше: все специфические воздействия, которые оказывает отрицание, распространяются только на те слова, которые входят в его сферу действия, между тем при противопоставлении таких слов в предложении нет: отрицается предикат ('то, что. . ., есть . . .'), не выраженный никаким отдельным словом и лежащий совсем в другой плоскости. Поэтому все специфические эффекты нейтрального отрицания в противопоставительном контексте невозможны.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Богуславский И. М. О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность? — Изв. АН СССР, сер. Лит. и яз., 1977, № 3.

Есперсен О. Философия грамматики. М., Изд-во ИЛ. 1958 (1-е изд. 1924 г.).

Кожинова Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ). — В кн.: Синтаксис и норма. М., 1974, с. 122—144.

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М., 1965.

Падучева Е. В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке. — В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, № 12. М., 1969.

Попов Ф. В. Не а как сочинительный союз. — В кн.: Краткие очерки по русскому языку. — Учен. зап. Курского ПИ, т. 72, № 3, 1970.

Попов Ф. В. Отрицательно-утвердительные союзы в современном русском языке. — Русский язык в школе, № 5, 1975.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке — 3-е изд. Книга. М., 1978.

Современный русский язык. Морфология. Курс лекций. Под ред. В. В. Виноградова. М., 1952.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, ч. II. Л., 1925.
Crockett D. The scope of denial in Russian. — Lingua, v. 43, N 2—3, 1978.
Hajičová E. Meaning, presupposition and allegation. — Philologica pragensia, v. 17, N 1, 1974.
Lasnik H. On the semantics of negation. — In: Hockney et al. (eds.). Contemporary research in philosophical logic and linguistic semantics. D. Reidel publishing company, Dordrecht—Holland, 1975.

Е. В. ПАДУЧЕВА

ЗНАЧЕНИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЛОВА *ЭТО*

— Ты что, не знаешь, что значит слово «это»? — сурово спросила Мышь.

Льюис Кэрролл. Алиса в стране чудес

§ 1. СЛОВО *ЭТО* И ЕГО СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Как отмечает Э. Бенвенист в статье «Относительное предложение как проблема общего синтаксиса» (Бенвенист 1974), омонимичность служебного слова, т. е. наличие у него нескольких функций и соответственно вхождение в несколько разных конструкций, как правило, не является внешним обстоятельством, относящимся к одной только области формы: вхождение слова в несколько разных конструкций накладывает отпечаток на то, каким именно образом оно функционирует в составе каждой из них. Это положение мы проиллюстрируем ниже на примере слова *это*, которое употребляется в русском языке в разных конструкциях и даже в функции разных частей речи, но таким образом, что его функционирование в одних конструкциях как бы отбрасывает тень на другие, так что в результате слово имеет не только уникальный набор синтаксических функций, не повторяемый больше ни в каком другом слове, но и некоторые уникальные функции, не выполняемые никаким другим словом.

Из-за многообразия и взаимосвязанности значений и синтаксических функций у слова *это* оно непоследовательно и неполно описывается в толковых словарях: непоследовательно — в том смысле, что функции смешиваются одна с другой (так, в Словаре Академии наук — Словарь 1961 — частица *это* в предложении *Это он от Волги до Камчатки смог впервые руку протянуть* отнесена к местоимениям; в Словаре языка Пушкина местоимение *это* во фразе *Чьи это дрожки?* отнесено к частицам); неполно — в том смысле, что некоторые функции не отражаются вообще; так, ни в толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова (Ушаков 1935), ни в Словаре Академии наук никак не упомина-

ется употребление слова *это* в предложениях типа *Жизнь — это борьба*. В данной работе мы охарактеризуем по возможности весь спектр употреблений слова *это*; в стороне оставлены лишь употребления, свойственные исключительно разговорной речи, типа *Он . . . вот это . . . выложился* (Русская разговорная речь, с. 75).

Основное разграничение, которого требует анализ слова *это*, — это разграничение между местоимением и частицей. Функциональные различия между местоимением (субстантивным) и частицей состоят в следующем: 1) местоимение либо имеет антецедент (при анафорическом употреблении), либо обозначает, само по себе, какой-то внеязыковый объект или ситуацию (при дейктическом употреблении); частице же не свойственно ни иметь антецедент, ни обозначать; 2) местоимение является в своем предложении отдельным членом предложения; частица же не составляет отдельного члена предложения, а примыкает к какому-то другому (см. Молотков 1960, Киселев 1976). Л. А. Булаховский (Булаховский 1938, с. 292) называет *это* в одном из контекстов частицей и одновременно подлежащим — правда, «своего рода»; *для нас такое сочетание характеристик будет несовместимым*. Между местоимением и частицей имеется также внешнее различие: в качестве частицы *это* принципиально безударно, а в качестве местоимения оно, вообще говоря, может принимать фразовое ударение; однако это различие неустойчиво.

§ 2. *ЭТО* — ЧАСТИЦА

У частицы *это* различают несколько значений.

I. У с и л и т е л ь н о е *это* — частица, примыкающая к вопросительному местоимению или наречию [1]:

(1) Куда *это* ты пошел?; О чем *это* он все думает?; С каким *это* дураком вы связались? (Достоевский); С кем *это* я вас видел?; И откуда *это* столько народу набралось?;

(2) Где же вы *это* пропадали? (Сухово-Кобылин); Да где же *это* он?; *Это* зачем ты туда идешь?; Ты как же *это* сюда попал?;

(3) Теперь понятно, отчего *это* в бурсацком языке так много речений, выражающих понятие кражи.

Вопросительное слово, присоединяющее частицу, должно употребляться именно в вопросительном значении — в частности, в косвенном вопросе, как в (3). При вопросительном местоимении в составе восклицательного предложения, как в (4), в современном языке предпочтительно не *это*, а *же*:

(4) Какие *это* Каноричи хитрые и бесчувственные люди! (Писемский).

[1] Некоторые из приводимых ниже примеров заимствованы из словарей и цитируемых работ. Ссылка на литературный источник примера часто опускается.

Частица *это* в усилительном значении нормально располагается в постпозиции к вопросительному слову, непосредственно примыкая к нему; однако возможно и препозитивное расположение, а также отсутствие непосредственного контакта, см. (2).

Что же «усиливает» усилительное *это*? По-видимому, в разных контекстах усиливаются разные компоненты значения исходного предложения. Одна из возможностей — усиление экзистенциального предположения вопроса, ср.: *Кто вчера ушел с работы до звонка?* и *Кто это вчера ушел с работы до звонка?*; *Какие поручения он тебе давал?* и *Какие это поручения он тебе давал?* Частица здесь показывает, что у спрашивающего имеются сведения относительно того, что кто-то ушел с работы и что были какие-то поручения. Другие примеры: *Что же это с тобою сделалось?* (Пушкин); *А с кем это, мой батюшка, ты ссорился* (Пушкин).

Однако частица *это* может входить и в состав риторического вопроса, т. е. предложения со скрытым отрицанием и без экзистенциального предположения, — в значении, которое тоже можно назвать усилительным, и здесь сфера действия усиления менее ясная:

(5) Кто же *это* мог подумать, что она сюда придет?; Кто *это* захочет выполнять такие поручения?

Иногда выделяют у частицы *это* отдельное от усилительного указательное значение, которое диагностируется глаголами, предполагающими «зрительное восприятие лица или предмета (*сидеть*, *ходить*, *стоять*, *виднеться*, *белеться* и т. п.): *Кто это сидит в углу?*» (Киселев 1976, с. 63). Скорее всего, однако, соответствующий компонент значения предложения идет от вышеуказанных глаголов, а не от частицы.

II. Выделительное *это* — частица, маркирующая экспрессивную препозитивную рему, т. е. рему, подвергнутую смещению в начало предложения:

(6) а) Ведь *это я* вас на настоящую дорогу вывел; б) *Это* я вàс вчера встретил на улице?; в) *Это* вàс я застал с папироской в аудитории?

Нормальное положение выделительной частицы *это* в отличие от усилительной — в препозиции к слову, к которому она относится (т. е. к слову, выделенному главным фразовым ударением), и в непосредственном контакте с ним. Дисконтактность, как в (6б), и постпозиция довольно редки.

Как правило, выделительная частица *это* употребляется при именных группах, и ее семантический вклад — презумпция существования и единственности объекта, обладающего тем свойством, о котором идет речь. Употребляясь при предикатных словах, *это* имеет сугубо разговорную окраску и менее ясную функцию (более естественна здесь частица *же*):

(7) Угора́здило *это* вас туда забраться! Ло́рко *это* она вас обманула!

И. А. Киселев (Киселев 1976) усматривает у частицы *это* еще сопоставительно-выделительное значение:

(8) *Это* мужчи́ны непостоянны, а женская любовь и верность до гроба; *Это* она при тебе́ такая смирная, а без тебя она любому из нас зоб вырвет.

Однако значение сопоставления порождается в примере (8) союзом *а* (см. Крейдлин, Падучева 1974), а *это* — средство выделения ремы, обычное для такого рода предложений.

III. Особое употребление, не отмеченное в грамматиках и словарях, имеет частица *это* в следующих примерах:

(9) а) Кто меня беспокоит, *это* Натали; б) Но что не могло не поразить многих — *это* была странная судьба всех тех, кто получал от него деньги (Гоголь): в) Что особенно поразило Степу — *это* то, что графинчик запотел.

Здесь частица *это* входит в состав расщепленной конструкции, включающей относительное местоимение или наречие и выражающей эмфатическое выделение того члена предложения, которому предшествует частица. Функциональное назначение конструкции в целом — превращение выделенного члена предложения в асинтаксическую контрастную рему (о понятии контрастной ремы см. Падучева 1978). Так (9а)=*Беспокоит меня/Натали́*.

На первый взгляд кажется, что *это* в составе расщепленной конструкции — местоимение. Такая трактовка принимается, в частности, А. А. Шахматовым (Шахматов 1941, с. 153), который приводит в качестве примера употребления *это* в роли указательного местоимения предложение . . . *что было всего смешнее, это естественная запальчивость Сенатора*, содержащее именно расщепленную конструкцию. В этом случае, однако, структуре предложения нельзя дать никакой цельной интерпретации. Действительно, первая его часть обладает синтаксической законченностью: в ней имеется предикативное ядро и насыщены все валентности; а вторая часть — если считать *это* местоимением — состоит из двух именных компонентов, никак не связанных друг с другом. В примерах из (9) вторая часть еще может трактоваться как биноминативное предложение (БП) [2], в котором *это* — главный компонент. Однако им. падеж конечной именной группы в (9) — это чистая случайность; с таким же успехом та часть предложения, которая стоит после *это* в расщепленной конструкции, может быть в любом другом падеже, иметь в своем составе предлог и вообще быть глагольной группой:

(10) Кем я увлеклась целиком, *это* А. И. Введенским; Все, что можно им обещать, так *это* привилегию на 15 или 20 лет (Пушкин); Чего там много, *это* комаров.

[2] Биноминативным мы называем предложение, состоящее из двух именных групп в им. падеже, со связкой или без связки (Падучева, Успенский 1979). В биноминативном предложении два главных компонента.

Поэтому на самом деле *это* в примерах (9), (10) — частица (что хорошо согласуется с синтаксическим разнообразием частей предложения, к которым может относиться частица), и вся конечная группа, включая *это*, вводится в предложение с помощью анафорической связи с относительным местоимением или наречием, которые играют здесь роль «обещающего» — термин Л. А. Булаховского (Булаховский 1954, с. 450) — или «предваряющего» — термин В. А. Белошапковой (Белошапкова 1971) — местоимения, т. е. местоимения, предшествующего своему антецеденту.

Структура расщепленной конструкции такова, что конечная группа тождественна по своей синтаксической роли предваряющему ее местоимению: она как бы дублирует местоимение. Частица *это* в составе расщепленной конструкции является обязательным ее компонентом, который не может быть опущен без нарушения грамматической правильности (ср. **Кто меня беспокоит, Наташ*), хотя нормально частица — факультативный элемент в структуре предложения. Наличие при конечной группе связки, как в (9а) фактически противоречит современной норме.

IV. Есть другая конструкция с частицей *это*, близкая к расщепленной:

(11) а) Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, так *это* только наш вишневый сад; б) А если кто для меня непонятен, так *это* моя бабушка графиня Анна Федотовна; в) Если в целой Вене Сей почести достоин кто-нибудь, Так *это* Анджело.

В (11) предваряющим для выделенного компонента служит не вопросительное, а неопределенное местоимение в составе условного предложения. Эта конструкция тоже выражает выделение, т. е. единственность, но уже без презумпции существования: 'если существует, то один', 'разве что один'; так, (11б)= 'Непонятна для меня разве что моя бабушка'.

§ 3. *ЭТО* — МЕСТОИМЕНИЕ

В словарях местоимение *это* трактуется как форма ср. рода указательного местоимения *этот*, употребляемая «в значении существительного», т. е., очевидно, в тех же синтаксических функциях, что существительное. Однако реальный набор синтаксических употреблений субстантивного *это* настолько не вытекает из этой характеристики, что представляется более естественным рассматривать субстантивное *это* отдельно от указательного местоимения *этот*.

Функционирование местоимения в предложении определяется двумя параметрами: синтаксическое употребление (см. § 3) и тип референции (§ 4).

Синтаксические употребления местоимения *это* можно разделить на две группы: 1) самостоятельные; 2) служебные.

1. Самостоятельные употребления

I. Местоимение *это* может употребляться в тех же синтаксических ролях, что обычная субстантивная группа:

(1) Прототипы героев находились тут же рядом, и *это* не могло не сковывать исполнителей; После *этого* он уехал; *Это* было чистой случайностью; Вот на *это-то* и нужно сделать главный упор.

II. Местоимение *это* может употребляться в качестве одного из главных компонентов биноминативного предложения:

(2) Чьи *это* дрожки?; *Это* мой брат.

Как известно, такие предложения характеризуются особым поведением связочного глагола. Если в БП один из главных компонентов — *это*, то связочный глагол согласуется не с ним, а с другим главным компонентом:

(3) *Это* был дурной знак; *Это* была ошибка; *Это* были волки.

В словарях *это* в контекстах типа (3) называют «несогласованным подлежащим» [3]. Другое решение принимает А. И. Молотков (Молотков 1960), который, на основании примеров типа (3), утверждает, что *это* не является словом среднего рода. Этому противоречит, однако, то обстоятельство, что вне БП местоимение *это* участвует в согласовании как обычное слово ср. рода — *Это было полезно*, *Это прошло*, *Это на него повлияло*. Отметим, что аналогичную согласовательную особенность имеет в БП местоимение *кто*, которое не считается не имеющим рода.

Однако то, что *это* в БП не есть просто подлежащее, подтверждается тем, что второй компонент такого БП не есть просто сказуемое: он не может быть сочинен ни с каким сказуемым другого морфологического вида (хотя в других случаях сочинение морфологически различных сказуемых ничем не ограничено); так, у Тургенева фраза *Это артист в душе и сочиняет премило* не вполне корректна. Во фразе *Я убедился, что он никакой не дьявол, а просто попал в беду, как и я* (Искандер) вместо *он* естественнее было бы сказать *это никакой не дьявол*; но тогда невозможно было бы сочинение.

Двоякое истолкование допускает конструкция, анализируемая Л. А. Булаховским (Булаховский 1938. с. 292):

(4) На этом пути я, однако, замечаю в себе одно постоянство — *это* все большее и большее приближение к простоте языка.

Л. А. Булаховский трактует заключительную именную группу как аппозитивно связанную с одним из слов в 1-й части пред-

[3] Как отмечено Н. Д. Арутюновой (Арутюнова, 1976, с. 320), с точки зрения смысловой *это* в составе БП иногда естественнее считать не подлежащим, а предикативом, — например, во фразе *Один из нас должен умереть, и я хочу, чтобы это были Вы*, где *чтобы это были Вы*='чтобы вы были тем, кто умрет'. А с точки зрения синтаксической БП с *это* — всегда предложение идентификации, и в нем главные компоненты не диагностируются как подлежащее и сказуемое (Падучева, Успенский, 1979).

ложения, а *это* — как частицу. Другая возможность состоит в том, чтобы интерпретировать предложение (4) как бессоюзное сложное; в этом случае *это* — местоимение и подлежащее во 2-м простом предложении, биноминативном. В пользу первого истолкования приводят тот аргумент, что *это* в такой позиции можно, как правило, без большого изменения смысла опустить или, наоборот, добавить[4]. Так, в предложение (5) можно, вообще говоря, вставить *это*, и его конструкция приравняется к (4):

(5) Есть вещь, которая и гению не дается отродясь, — опыт.

Этот аргумент, однако, не убедителен: вполне допустимо, что предложение без *это* реализует аппозитивную конструкцию, а предложение с *это* — конструкцию с бессоюзным соединением предложений, которые синтаксически различны, хотя и дают близкие смыслы. Трактовка *это* в (4) как местоимения в составе БП предпочтительна потому, что в этом случае связующая роль, которую здесь явно играет слово *это*, естественно объясняется его анафорической функцией. Кроме того, *это* в такой функции вовсе не везде может быть опущено:

(6) Но любопытно, что одно из действующих лиц <. . .> не высказало никакого удивления, — *это* частный пристав.

III. Наибольшие разногласия возникают по вопросу о том, каким членом предложения является *это* в контекстах типа:

(7) Это дома служащих, завод, конюшни, — отвечала Анна. — А *это* парк начинается; Каждый почти вечер видно зарево далеких пожаров: *это* турки жгут болгарские деревни; Красивое лицо выглянуло из окна и дружелюбно ему улыбнулось. *Это* Сипягина приветствовала его возвращение.

(8) Почему, спрашиваю, у тебя ноги синие? *Это*, говорит, чулки линяют; Собаки залаяли. *Это* Мавра ходит; Длинная трава у ее ног зашуршала — *это* пробежал мимо Белый Кролик.

Во всех этих употреблениях *это* имеет очевидную анафорическую или дейктическую функцию, что однозначно характеризует его как местоимение (и заставляет отказаться от предлагаемой А. М. Пешковским — трактовки *это* в предложении *Это птица летит*, сказанном в ответ на вопрос *Что это?*, как выделительной частицы — Пешковский, 1938, с. 235). Но в таком случае *это* должно получить статус того или иного члена предложения.

Л. А. Булаховский пишет, что в предложениях типа (7) *это* — «своего рода подлежащее, по отношению к которому сказуемым является . . . целое предложение» (Булаховский 1938). В русском языке других подлежащих с сентенциональным сказуемым нет (если не считать фразеологизмов типа *Пироги у нее — паль-*

[4] Полемизируя со второй трактовкой предложений типа (4), А. И. Молотков пишет: «такое расчленение предложения на две части чрезвычайно условно, потому, что смысловая слитность этих двух частей настолько сильна, что она допускает без ущерба для содержания предложения и его целостности опущение слова *это*» (Молотков 1960).

чики оближешь, *Работа — комар носу не подточит*, *Шляпа у него — можно со смеху умереть*. всегда с модальным значением). Но в принципе такие структуры вовсе не являются типологически редкими.

Заметим, однако, что основной тип предложений с сентенциональным сказуемым в тех языках, где такое сказуемое заведомо есть, имеет иную денотативную структуру: подлежащее при сентенциональном сказуемом (например, в корейском языке, см. Парк 1973) находится в отношении кореферентности с каким-то явным или скрытым компонентом внутри сказуемого (так, в корейском ki уəča ka nun i kopta — букв. 'Эта женщина — глаза <ее> красивые'); между тем *это* в (7) находится в отношении кореферентности со всей остальной частью предложения. Таким образом, точнее было бы сказать, что *это* в (7) не подлежащее, а главный компонент предложения идентификации, который не диагностируется как подлежащее или сказуемое.

Что касается примеров из (8), то А. А. Шахматов (см. Шахматов 1941) считает *это* в контекстах такого рода наречием (а именно, местоименным наречием) — а следовательно, обстоятельством. Действительно, здесь *это* означает 'это потому, что' и является своего рода конверсивом к *поэтому*: в конструкции «А, поэтому В» (А и В — предложения) событие *А* является объяснением, причиной события *В*; и в конструкции «В, это А» тоже событие *А* служит объяснением события *В* (в Словаре Ушаков 1935 отмечается, что *это* может употребляться «для объяснения чего-нибудь только что сказанного или происшедшего или же чего-нибудь происходящего, находящегося перед глазами»; имеется в виду не причина-каузатор, cause, а причина-объяснение, reason). Однако в допущении для *это* целой новой части речи нет необходимости: значению идентификации, если оно связывает единицы с предикатным значением (*Физкультура — это долголетие*; *Хороший урожай — это прежде всего удобрения*), часто сопутствуют значения следования, обусловливания и т. п. В частности, среди этих значений может быть и то, которое обнаруживается в (8). Существенно, что четкую границу между (8) и (7) провести практически невозможно. Таким образом, синтаксический статус (и часть речи) у *это* в (7) и (8) один и тот же.

IV. Уникальной является также конструкция, в которую входит местоимение *это* в вопросительном предложении с *кто*, *что*:

(9) а) Ц а р ь. А *это* что такое Узором здесь вится? Ф е о д о р. Это Волга; б) Но *это* кто в толпе избранной Стоит безмолвный и туманный?

О том, что *это* здесь местоимение, а не частица, свидетельствует не только его ударность, но и относительная законченность первой части предложения, к которой потом присоединяется глагольное сказуемое. Получается, что при одном подлежащем (*это*) два несочиненных сказуемых — именное (вопросительное

слово) и глагольное, т. е. одно слово входит в две синтаксических связи, исключающих одна другую (ср. в разговорной речи нанизывания типа *Видела объявление на двери висело*?).

V. Имеется круг употреблений, где *это* обычно считают частицей:

(10) Море. . . коричнево-зеленоватое. *Это* от морских растений; — Он мерзавец. — *Это* если судить по обычным меркам; — Зачем ты ее берешь? — *Это* я на всякий случай; — Бабушка, почему у тебя такие длинные уши? — *Это* чтобы лучше тебя слышать; Он горделиво улыбается себе и даже язык показывает в воде. *Это* он бабке (Айтматов); Когда заходит речь о Туркиных, то он всегда спрашивает: «*Это* вы про каких Туркиных?»; — Я должна съехать от вас, Михайло Иваныч. — *Это* зачем?; — С этим юродивым я и разговаривать не стану. — *Это* как угодно; *Это* ты зря; Что ты *это*?

Два признака, которые мы выделили как отличающие местоимения от частиц, в примерах *из* (10) приходят в противоречие друг с другом: *это* здесь имеет антецедент как местоимение, но как частица не поддается идентификации в качестве того или иного члена предложения. Можно было бы назвать *это* в (10) замещающей частицей (Киселев 1976), но это не решает вопроса о синтаксической структуре этих предложений: дело в том, что наличие у *это* предикативного антецедента как бы компенсирует отсутствие в самом предложении предикативных компонентов, так что предложение не воспринимается как неполное.

В точности аналогичное употребление допускают *тоже* и *также*: — *Он меня удивил.* — *И меня тоже*; — *Поздравляю вас с праздником.* — *И я вас также*. Скорее всего, *это* в (10), как и *тоже*, *также* в этих примерах, — местоимение, означающее нечто вроде 'делать это' или 'X делает это'.

2. Служебные употребления

К служебным употреблениям мы относим такие, где анафорическая связь, в которую вступает *это*, входит в число средств структурной организации предложения.

I. Местоимение *это* может употребляться в качестве обобщающего слова (обычно в сочетании *все это*):

(12) Муравьи, козявки. . ., червяки, паучишки — все *это* торопливо и не задумываясь копошилось в траве.

Обобщающее слово входит в то же самое простое предложение, что и сочинительная группа. Поэтому во фразе (13), где однородные члены — отдельные назывные предложения, *это* не обобщающее слово — вопреки тому, что указано в Словаре 1961:

(13) Крик, шум, . . ., топот, ржанье, хлопанье по рукам, и все *это* сливается в какой-то общий нестройный гам.

Для сочинительной группы в (12) единственный вид связи с пред-

ложением — это анафорическая связь с обобщающим словом, синтаксически связано с остальным предложением только обобщающее слово; а (13) построено на сочинительной связи предложений.

II. *Местоимение это употребляется, вместо более обычного то*, в составе сложного предложения изъяснительного — либо в случае препозиции его придаточной части, как в (14), либо в качестве предваряющего местоимения, как в (15):

(14) а) Что они уезжают, *это* я давно знаю; б) Что у нас ладу нету в семье, *это* я сам чувствую;

(15) *Это* плохо, что ты уходишь; А *это* не странно, что у нас именье-то все с молотка продадут?

Антецедентом местоимения является здесь все придаточное предложение; так, в (14б) антецедент *это — у нас ладу нету в семье*. Антецедентом *это* может быть и косвенный вопрос:

(16) Когда он вернется — *этого* я не знаю; С кем советоваться — *это* она сама решит; Стоит ли ехать — *это* вопрос.

III. Местоимение *это* может быть служебным элементом в БП и в предложении с инфинитивными главными компонентами:

(17) Жизнь — *это* борьба; Нравиться — *это* дело юношей.

Распространена трактовка *это* в примерах типа (17) как связки (см. Щерба 1957, с. 79; Грамматика 1954, с. 375; Грамматика 1970, с. 552; Виноградов 1947, с. 675) [5]. Однако более естественно интерпретировать *это* в (17) как второе (вспомогательное) подлежащее. Конструкция с двумя несочиненными подлежащими при одном сказуемом в (17) возможна благодаря соединяющей их анафорической связи. Что касается синтаксической связи, то она связывает сказуемое только со вторым, вспомогательным подлежащим. Для первого, полнозначного подлежащего единственное средство включения в предложение — это анафора.

Иногда считают, что слово *это* в предложениях типа (17) — частица (так, Л. А. Булаховский пишет: «Распространена форма *это* также в роли частицы, связывающей подлежащее со сказуемым — именем существительным: *Бетон — это замысел нашей рабочей постройки*»). В действительности, однако, как раз связочная функция диагностирует *это* в (17) как местоимение: именно местоимение порождает такое мощное средство связи, как анафора.

Трактовка полнозначного подлежащего в (17) как включаемого в предложение анафорической связью [6], подкрепляется

[5] Убедительный аргумент против понимания *это* в (17) как связки состоит, в частности, в том, что в этом случае в предложении с настоящей глагольной связкой, например, *Молодость — это не есть беззаботность*, окажется сразу две связки (см. Молотков 1961).

[6] Решение, близкое к данному, предлагает А. М. Пешковский (Пешковский 1938, с. 253, 263, 369). Ср. также Молотков 1961; «Слово *это* в таком употреблении выполняет фактически роль дополнительного (формального) подлежащего при наличии в предложении основного подлежащего»

тем, что при наличии в предложении, кроме *это*, связочного глагола, см. (18), его согласование строится в точности так же, как в отдельном БП с главным компонентом *это*: *это* принципиально не участвует в согласовании, а неучастие в согласовании полнозначного подлежащего полностью объясняется тем, что оно синтаксически не связано со связочным глаголом; в результате согласование определяет 2-й главный компонент БП.

(18) Шахматы — это была его страсть (ср. **Шахматы — это были его страсть*).

При такой трактовке конструкция с *это* в биноминативном предложении оказывается родственной широкому классу так наз. сегментированных конструкций (см. Попов 1964). Сюда относятся, в частности: а) конструкции с обобщающим словом, представленные выше примером (12); б) конструкции с так называемым именительным представления, свойственные разговорному языку, но иногда допускаемые и в литературной речи, ср. *Квартальный поручик, он высокого роста*; *Девочки — они аккуратно носят платье* (начальная именная группа, дублируемая далее местоимением, может быть и не в им. падеже, например: *Начальнику цеха — ему на все наплевать*, и в этом случае для нее не хватает существующей грамматической номенклатуры); в) конструкции с «тяжелой» именной группой, включающей обособленный оборот или придаточное и подхватываемой далее местоимением или указательной группой, например: *Мысль, что честь его была замарана и неомыта по его собственной воле, эта мысль меня не покидала.*

Начальную именную группу в указанных видах сегментированных конструкций (по словам А. М. Пешковского, подобную «пуле, попавшей в организм») обычно не считают членом предложения. Однако это не оправдано ни синтаксически, ни интонационно: эта начальная группа образует член предложения, который можно назвать, используя несколько иначе слово, которое употребляет А. М. Пешковский, п р е д с т а в л е н и е м — поскольку он как бы «представляет» слушающему тот объект, о котором далее будет идти речь. Представлением можно, в частности, считать начальную группу в (19) (*что*='то, что'):

(19) А что он не моется — *это* он с отчаянья (Достоевский); А что он ей цветы подарил, так *это* для приличия.

§ 4. МЕСТОИМЕНИЕ *ЭТО*, ЕГО АНТЕЦЕДЕНТЫ И ДЕНОТАТЫ

Местоимение *это* либо указывает на предмет или ситуацию, находящуюся перед глазами говорящего (д е й к т и ч е с к о е *это*), пример (1), либо отсылает к предмету или ситуации, упомянутой ранее (а н а ф о р и ч е с к о е *это*), примеры (2), (3)

(разумеется, в служебном употреблении только анафорическое *это*):

(1) Откуда у тебя *это*?» — спросила женщина, указывая на подарок; Знакомьтесь. *Это* мой муж Алексей;

(2) Инспектор ходил по классу, ничего не говоря, а *это* был дурной знак; Иисуса. . . на самом деле никогда не было в живых. Вот на *это-то* и нужно сделать главный упор; Вдруг — *это* было на мгновенье — будто облачко скользнуло по его лицу;

(3) Какое мне дело до твоих страстей! Плевать мне на *это*; Бабка говорила, что лучше всего съездить на святое место. *Это* где-то там, за горами.

Имеется явление, которое Дж. Лайонз (Лайонз 1978) называет «текстовой дейксис»; так, в известном *Человек! Это звучит гордо* местоимение *это* не отсылает к слову *человек* как к кореферентному, а о б о з н а ч а е т само это только что прозвучавшее слово, т. е. употребляется дейктически. Между чистым дейксисом и чистой анафорой имеется ряд промежуточных возможностей.

Пример (4) демонстрирует то, что можно назвать «дейксис с предупомнанием». У *это* в (4) нет антецедента; но текст, предшествующий местоимению, вводит имплицитно, т. е. не называя, в общее поле зрения говорящих объект, который и обозначается словом *это*:

(4) Наконец показывается первая лодка. — *Это* Юра; — Подождите! — прислушиваясь сказала Сашенька. — *Это*, кажется, Егор.

О других употреблениях, промежуточных между дейксисом и анафорой, см. Болинджер 1973, Генслер 1977.

Антецедент *это* может не составлять цельной синтаксической группы и вообще быть размытым и неопределенным (Здоровов 1976); в реплике князя *Разве это возможно*? в одной из последних сцен (часть 4, гл. VIII) романа «Идиот» для восстановления содержания отсылки нужна чуть ли не целая глава.

Антецедент *это* чаще всего предикативный, как в примере (2). Представляют интерес, однако, такие употребления, где *это* имеет субстантивный антецедент, как в (3). Дело в том, что для отсылки к антецеденту — именной группе употребляется обычно местоимение 3-го лица, так что контексты, где предпочтительным оказывается *это*, заслуживают особого внимания. Некоторые случаи употребления *это* с субстантивным антецедентом описаны в работе Падучева 1981. Ниже мы рассмотрим другие употребления.

I. Местоимение *это* является единственным способом отсылки к антецеденту — субстантивированному прилагательному, пример (5), и номинализованному предложению, пример (6) (курсивом выделено местоимение и его антецедент или синтаксическая вершина антецедента):

(5) Теперь *последнее*, что я хотел сказать. *Это* не относится к проблеме залога; — Вы требуете *невозможного*! — А вы сделайте, чтобы *это* стало возможным.

(6) *То*, что вы рассказываете, бесспорно было в действительности. Но *это* так необыкновенно, что догматик Стравинский вам, конечно, не поверил; *То*, что в одном языке выражается с необычайной точностью, в другом остается невыраженным, как будто *это* не имеет значения; Я понимаю, *что* ты имеешь в виду, но не считаю, что *это* так ужасно (*это*='то, что, как я понимаю, ты имеешь в виду').

II. Местоимение *это* часто вытесняет местоимение 3-го лица при отсылке к антецеденту — отпредикатному имени [7]:

(7) Мы стремимся к *созданию* искусственных мембран. *Это* позволит использовать энергию солнечного света; Многое зависит от правильного *распределения* памяти. Именно *это* делает программу хорошей или плохой; Они тоже осуждают п о в ы ш е н и е цен на нефть, хотя страдают от *этого* прежде всего западные провинции.

Местоимение *это* употребляется для отсылки к антецеденту — отпредикатному имени прежде всего в том случае, если в контексте своего подчиняющего глагола субститут *это* был бы обозначением ф а к т а (а не процесса, действия, состояния, события, см. об этом противопоставлении, в частности, Арутюнова 1980). Таковы, например, контексты *это позволяет*, *помогает*, *мешает*, *вызывает*, *делает*, *заставляет*, *способствует*, *обеспечивает*, *приводит к*, *объясняется*, *свидетельствует* и т. д. То же самое в контекстах, где субститут местоимения обозначал бы несовершившийся факт, т. е. в о з м о ж н о с т ь, ср. *требует этого*, *настаивает на этом*, *убежден в этом*, *возражает*, *восстает против этого* и т. д.

Пример (8) показывает, что чередование *это* с местоимением 3-го лица может порождать смысловое противопоставление:

(8) В течение 200 лет шла *борьба* римлян с кельтами. И именно *она* способствовала возвышению Рима (*это способствовало*= ='тот факт, что борьба шла в течение 200 лет'); Приезд Анны взволновал хутор. Весь день только об этом (≠о нем) и говорили (*об этом*='о том, что приехала'; *о нем*='о тех или иных обстоятельствах приезда').

Такие существительные, которые обозначают только факты, например, *существование*, практически не допускают анафорических отсылок иначе как с помощью *это*:

(9) Докладчик подчеркнул *существование* разногласий между

[7] Об ограниченной возможности местоимений 3-го лица заменять отглагольные и отадъективные существительные упоминает П. Адамец (Адамец 1973). Однако в приводимых им примерах (*ее оказывает* ‹помощь›, *его испытывает* ‹уважение›) местоимение 3-го лица не кажется запрещенным.

странами, но признал, что *это* не может помешать выработке эффективных соглашений; В 1964 году 30% американцев были убеждены в *существовании* заговора против Кеннеди. Сегодня в *этом* убеждены уже 80%.

То же касается существительных, образованных от полуслужебных глаголов:

(10) *Проведение* диалога между этими странами становится неизбежным. *Этого* требует большинство членов Совета Безопасности; Они отказались от *создания* системы коллективной безопасности, хотя на *этом* решительно настаивали страны Европы; Они вынуждены были пойти на *заключение* мира: *это* давало возможность выиграть время; Трюдо выступал против *предоставления* самостоятельности провинциям, считая, что *это* грозит утратой целости Канады.

Если же существительное — субститут обозначает не факт, а действие, процесс или состояние, то местоимение *это* либо не употребляется вообще, либо употребляется наряду с местоимением 3-го лица:

(11) *Обсуждение* этой проблемы не ограничивается узким кругом специалистов. Теперь к *нему* привлечена широкая общественность; Именно *борьба* с кельтами способствовала возвышению Рима, в конце концов выигравшего *ее*; Резолюция не ставилась на *голосование*: *оно* было отложено. Он заявил, что дальнейшая *гонка* вооружений недопустима, что *она* ставит под угрозу всю экономику.

В частности, только местоимение 3-го лица (а не *это*) употребляется в контексте полуслужебных глаголов, диагностирующих процессные существительные (*оказывает, испытывает, ведет* ‹*борьбу*›, *применяет, проводит, прекратил, начал, продолжает* и т. д.):

(12) Мы неоднократно обращались к нему за *помощью*, и он нам *ее* оказывал; Одному сыну свойственно необычайное *уважение* к старшим, а другой не испытывает *его* вовсе; Требовали *расследования*, но он не стал *его* проводить; Что касается *борьбы* с эпидемическими заболеваниями, то они ведут *ее* уже много лет.

Отступают от этого семантического правила распределения некоторые предлоги — в частности, *до, после, вместо, против* — которые требуют при отсылке к антецеденту — отпредикатному имени местоимения *это*, хотя соотносятся с событием, а не с фактом:

(13) Мы предложили *перемирие*. Вместо *этого* они возобновили атаку; Никакого *лечения* не проводилось. Вместо *этого* больных обрекали на медленную смерть; *Исправление* ошибки занимает полминуты, и после *этого* программа включается в очередной пакет; После *обследования* больной почувствовал себя хуже, хотя до *этого* состояние было удовлетвори-

тельным; Выходом было бы *строительство* дамб. Против *этого*, однако, решительно возражают крестьяне, опасаясь за безопасность своих жилищ.

Местоимение 3-го лица может вытесняться местоимением *это* по сочетаемостным соображениям: если невозможно сочетание глагола с существительным-субститутом (**сделал поступление*; **занимался содействием*; **произошло заключение мира*), то невозможно и сочетание с местоимением 3-го лица; а на *это* запрет не распространяется:

(14) Он приехал в Москву для *поступления* на работу, но сделать *этого* не смог; Его задачей было *содействие* беженцам. *Этим* он занимался два года; Народы требовали *заключения* мира, но *этого* не произошло.

Сочетаемостные ограничения действуют и в примере (15) — субстантивированное прилагательное не может образовывать БП с местоимением 3-го лица:

(15) Что касается *выбора* названия, то *это* самое трудное (ср. допустимое . . . *то он труднее всего*).

Местоимение 3-го лица невозможно также в контекстах, где субститут имеет отчетливое значение 'имеет место . . .', которое в антецеденте — отпредикатном имени не выражено:

(16) Мы потребовали *переноса* собрания — *это* позволило нам лучше подготовиться; В отчете отмечается сильное *снижение* дохода на душу населения. *Это* вызывает опасение у канадцев; У животных наблюдалось *выпадение* волосяного покрова. *Это* объясняется плохим питанием.

* * *

Итак, у *это* обнаруживается уникальный набор синтаксических употреблений, который формируется из употреблений, свойственных местоимению, и употреблений, свойственных частице, а кроме того, включает еще широкий спектр промежуточных употреблений, в которых *это* с трудом поддается отнесению к той или иной части речи. Что касается анафорических возможностей местоименного *это*, то они характеризуются той же размытостью: разрушается граница между субстантивным и предикативным антецедентом (вполне отчетливая для местоимений 3-го лица); разрушается граница между анафорой и дейксисом, поскольку возможна отсылка к объекту, неявно введенному в рассмотрение в предшествующем тексте, но не упомянутому в нем эксплицитно.

ЛИТЕРАТУРА

Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных. — Филологические науки, 1973, № 4.
Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., Наука, 1976.
Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка. — Изв. АН СССР, Серия литературы и языка, 1980, т. 39, № 4.
Белошапкова В. А. Анафорические элементы в составе сложного предложения. — В кн.: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., МГУ, 1971.
Бенвенист Э. Относительное предложение как проблема общего синтаксиса. — В кн.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., Прогресс, 1974.
Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. 3-е изд. Киев — Харьков, Радяньска школа, 1938.
Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., Учпедгиз, 1954.
Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947.
Грамматика русского языка, т. II, ч. 1, М., 1954.
Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
Здоровое Ю. А. К вопросу о синтактико-семантической структуре связного текста. — В кн.: Вычислительная лингвистика. М., Наука, 1976.
Киселев И. А. Частицы в современных восточнославянских языках. Минск, 1976.
Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а*. — Научно-техническая информация. Сер. 2, 1974, № 10.
Молотков А. И. Трудные случаи лексико-грамматической характеристики слов *это* и *то* в русском языке. — В кн.: Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960.
Падучева Е. В. Актуальное членение предложения и структура имен объектов. — В кн.: Tekst. Język. Poetyka. Warszawa, 1978.
Падучева Е. В. Местоимение *это* с предметным антецедентом. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1979. М., Наука, 1981.
Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое? (семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в бипоминативных предложениях.) — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, № 4.
Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., Учпедгиз, 1938.
Попов А. С. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке. — В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., Наука, 1964.
Русская разговорная речь. Тексты. М., Наука, 1978.
Словарь современного русского литературного языка. М., Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961.
Словарь языка Пушкина. В четырех томах. М., 1961.
Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. И. Ушакова. М., ОГИЗ, 1935.
Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.—Л., Учпедгиз, 1941.
Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Bolinger D. Ambient *it* is meaningful too. — Journal of linguistics, 1973, v. 9, N 2, p. 261—270.
Gensler O. D. Non-syntactic antecedents and frame semantics. — In: Proceedings of the 3-d annual meeting of Berkeley linguistic society. Berkeley, Calif. 1977.
Lyons J. Semantics, v. II. Cambridge, 1977.
Park Byung-Soo. On the multiple subject constructions in Korean. Linguistics, v. 100, 1973.

Г. Е. КРЕЙДЛИН

О ПОРЯДКЕ СЛОВ В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С НЕСКОЛЬКИМИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫМИ СЛОВАМИ

§ 1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В настоящее время в лингвистике активно обсуждаются разнообразные проблемы, относящиеся к вопросительным предложениям, — к их структуре, смыслу, условиям функционирования в текстах. Это обстоятельство можно объяснить тем, что сейчас на передний план выдвигается задача построения общей теории текстов, выявления их структурных и семантических особенностей. Вопросно-ответные структуры являются существенной частью многих текстов, внутри которых происходит обмен информацией между партиципантами текстовой ситуации. Исследование вопросительных предложений было стимулировано также различными задачами современной прикладной лингвистики, такими, как создание диалоговых информационных систем, разработка проблемы общения человека с ЭВМ, проблемы понимания текста и др. Очевидно, что для решения всех этих проблем необходимо предварительно решить целый ряд лингвистических задач, связанных с построением поверхностной синтаксической структуры вопросно-ответных единств, с представлением их смысла на некотором формальном семантическом языке, с переходом от поверхностной структуры к смысловому представлению текста и т. д.

Известно, что любое повествовательное предложение русского языка может быть преобразовано в вопросительное несколькими способами, например, посредством только интонации (*Он пришел — Он пришел?*), интонации вместе с вопросительными словами (*Он пришел — Кто пришел?*), интонации и частицами (*Он пришел — Неужели он пришел?*) и др. В дальнейшем нас будут интересовать только вопросительные предложения с вопросительными словами, и говоря «вопросительные предложения», мы будем иметь в виду только этот тип.

Долгое время в языкознании господствовала точка зрения, согласно которой в вопросительном предложении может быть лишь одно вопросительное слово. В частности, такая гипотеза была принята и поддержана адептами классической трансформационной грамматики (см., например, Baker. 1970, Bach, 1971). Однако позднее появился ряд работ, в которых указанная точка зрения подверглась полной ревизии. Одними из первых работ такого рода были статьи Kuno, Robinson, 1972 и Wachowicz, 1974, где на английском, польском и русском материале было

показано существование так называемых «множественных вопросов» [1] (multiple questions), допускающих более чем одно вопросительное слово на одно простое предложение; затем аналогичные примеры были обнаружены и в других языках, в том числе и в большинстве современных индоевропейских [2]. Глубокий и обстоятельный поверхностно-синтаксический и (частично) смысловой анализ предложений русского языка с несколькими вопросительными словами содержится в работах В. З. Санникова (Санников 1980, Санников 1980а), где среди прочего указаны разнообразные ограничения на дистрибуцию вопросительных местоимений в пределах предложения.

В данной работе мы хотели бы обратить внимание на один тип закономерностей поведения вопросительных местоимений в поверхностной структуре множественных вопросов, который не был отмечен во всех вышеуказанных работах, а именно, на ограничения, связанные с расположением вопросительных местоимений друг относительно друга и с их расположением относительно остальных элементов предложения.

Сразу подчеркнем, что эти закономерности расположения вопросительных слов, как правило, не носят характера запретов, а имеют преимущественно характер предпочтения одного порядка другому. Думается, что предпочтительное расположение элементов во множественных вопросах отражает некоторые фундаментальные закономерности порядка слов в соответствующих утвердительных предложениях.

Как известно, основной функцией вопросительных предложений является «побуждение собеседника к определенной позитивной информации» (ГСРЛЯ 1970, с. 573). Вопросительные предложения могут иметь и другие, вторичные функции и значения. Таковы, например, риторические вопросы, которые по смыслу являются вовсе не вопросами, а утверждениями или отрицаниями, вопросы уяснения, или переспросы, эмоциональные вопросы (типа *Кому мы теперь нужны*?). Множественные вопросы, помимо выполнения основной функции — побуждения адресата к ответу на вопрос субъекта, — часто выступают в функции уяснительных вопросов-переспросов. Естественно, что закономерности порядка следования вопросительных местоимений во множественных переспросах, вообще говоря, иные по сравнению с порядком вопросительных местоимений в обычных множественных вопросах. Дополнительное логическое выделение переспрашиваемого элемента часто сопровождается его вынесением в абсолютное начало предложения. Ср. «обычный» множественный вопрос: а) *Кто с кем*

[1] Этот термин не вполне удачный, однако нам не удалось придумать сколько-нибудь более удовлетворительного и короткого наименования для вопросительных предложений с несколькими вопросительными словами, и за неимением лучшего мы решили оставить термин «множественные вопросы».

[2] См. в частности: Hintikka, 1974, Karttunen, 1977.

хотел бы танцевать? и переспрос: б) *С кем кто хотел бы танцевать*? В обычных множественных вопросах пара, тройка и т. д. вопросительных слов составляет один только выделенный элемент (точнее, вся «переспрашиваемая» составляющая предложения). Ср. структуры актуального членения в примерах а) и б):
а) [Кто с кем]^{R} [хотел бы танцевать]^{T}?
в) [С кем]^{R} [кто хотел бы танцевать]^{T}?

Далее, ответом на обычный множественный вопрос является утверждение, а ответом на множественный переспрос — вопрос; ср. *С кем кто хотел бы танцевать*? — *Кто хотел бы танцевать с Машей*? и лишь затем снова идет реплика отвечающего *Петя хотел бы танцевать с Машей* или просто *Петя*. Если при обычном множественном вопросе порядок вопросительных элементов *кто с кем* предпочтительнее, чем *с кем кто* (конечно, при нормальной, неэмфатической интонации, вне контекста противопоставления и, вообще, при семантической ненагруженности, опустошенности порядка слов), то при переспросе эта закономерность легко нарушается без ущерба для семантической, синтаксической и стилистической адекватности предложения. В дальнейшем все описываемые ограничения порядка слов формулируются для обычных множественных вопросов [3].

Нас будут интересовать условия контактного или дистантного расположения вопросительных местоимений, а также закономерности их расположения в составе сочинительной группы в пределах одного простого предложения. Прежде чем привести примеры предложений с несколькими вопросительными словами, еще раз оговоримся: мы рассматриваем только такие множественные вопросы, где порядок слов десемантизирован.

Примеры предложений с несколькими вопросительными словами:

(1) Теперь вопрос к понятым: *Кто что* знает об этом человеке?
(2) *Кто на ком* женился?
(3) *Что с чем* согласуется в этом предложении?
(4) *Кто что когда* сказал [4]?
(5) И главное, непонятно *кому и на что* она нужна, эта голова! (М. Булгаков)
(6) *Кто в каком году* выигрывал чемпионаты страны по хоккею? (из викторины)
(7) Ну, ребятки, *кому что* нравится? — Налетай!
(8) Давайте по одному — *кто, откуда и с какой целью* приехал?
(9) *Кто* там у вас в группе *какую* тему выбрал?
(10) *Кого и чему* здесь учат?

[3] Переспросы «нарушают» и многие синтаксические закономерности, не относящиеся к порядку слов. Так, сочинительные конструкции типа *Ты встретил Петра и какую девушку*? недопустимы при обычных вопросах и возможны при переспросах.
[4] Пример из статьи Wachowicz, 1974, с. 158.

§ 2. ПЕРВАЯ ГРУППА ОГРАНИЧЕНИЙ

Ограничение 1. Именительный падеж одушевленного местоимения *кто* располагается левее косвенного (или предложной группы с косвенным падежом). Примеры:

(11) а) *Кто кому* первый написал письмо — Онегин Татьяне или Татьяна Онегину? б) ?***Кому кто* первый написал письмо — Онегин Татьяне или Татьяна Онегину?

(12) а) *Кто кого* учит суахили? б) ?**Кого кто* учит суахили?

(13) а) *Кто с кем* будет играть в четвертьфинале? б) ?**С кем кто* будет играть в четвертьфинале?

Ограничение 2. Именительный падеж одушевленного местоимения *кто* располагается левее прямого неодушевленного *что*. Примеры:

(14) а) *Кто что* знает о Наполеоне? б) ?**Что кто* знает о Наполеоне?

(15) а) Ну, *кто что* хочет себе взять? б) ?**Ну, *что кто* хочет себе взять?

(16) а) *Кто и что* действует ему на нервы? б) ?**Что и кто* действует ему на нервы? [5]

Ограничение 3. Именительный падеж неодушевленного местоимения *что* располагается левее косвенного. Примеры:

(17) а) *Что для чего* служит? б) ?**Для чего что* служит?

(18) а) *Что с чем* здесь в наборе? б) ?**С чем что* здесь в наборе?

(19) а) *Что от чего* зависит в этой синтаксической структуре? б) ?**От чего что* зависит в этой синтаксической структуре?

Ограничение 4. Косвенный падеж одушевленного местоимения *кто* располагается левее косвенного падежа неодушевленного местоимения *что*. Примеры:

(20) а) *Кого и чему* здесь учат? б) ?**Чему и кого* здесь учат?

(21) а) *Кого и о чем* она расспрашивала? б) ?**О чем и кого* она расспрашивала?

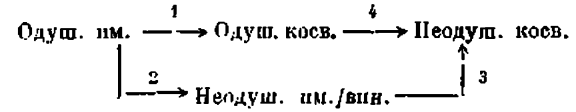
(22) а) *Кому и в чем* вы помогли? б) ?**В чем и кому* вы помогли.

Замечание. Во всей видимости, при явно выраженном или автоматически восстанавливаемом подлежащем сочинение предпочтительнее соподчинения, т. е. подчинения вопросительных слов одному сказуемому предложения; ср. напр., предложение (20а) с предложением (20в) ?*Кого чему здесь учат?*

---

[5] Вопросы с сочиненными вопросительными местоимениями представляют собой дополнительную семантическую и синтаксическую сложность по сравнению с вопросами без таких конструкций; см. подробнее об этом в § 4. Однако, что касается отмеченных закономерностей порядка вопросительных слов в составе сочинительной группы, то они в существенных чертах аналогичны тем, которые характерны для конструкций с соподчинением.

Выявленные закономерности порядка следования вопросительных местоимений можно изобразить в виде следующей схемы:

Стрелки здесь обозначают отношение «быть левее в предложении»; на них написаны номера соответствующих ограничений.

§ 3. ВТОРАЯ ГРУППА ОГРАНИЧЕНИЙ

Ограничение 1. Предпочтительно (а иногда и единственно допустимо) расположение всех вопросительных слов в начале предложения левее сказуемого. Исключением является вхождение вопросительных слов в сочинительную группу — в этом случае сочинительная группа может иногда разрываться остальным материалом предложения. Примеры:

(23) а) *Кому что* хочется выпить? б) ?**Кому* хочется выпить *что*? в) ?**Кому* хочется *что* выпить?

(24) а) *Кто что когда* принес? б) ?**Кто* принес *что когда*?

(25) а) *Кто и за что* поблагодарил Машу? б) *Кто* поблагодарил Машу *и за что*?[6]

Ограничение 2. Как и в обычных вопросительных предложениях с одним вопросительным словом (не переспросах), предпочтительно, чтобы по крайней мере одно из вопросительных слов (или, конечно, составляющая, куда входит вопросительное слово) было в абсолютном начале предложения. Примеры:

(26) а) *Чем и от чего* она лечит? б) ?*Она лечит *чем и от чего*?

(27) а) *Кем и чем* она недовольна? б) ?*Она недовольна *кем и чем*?

(28) а) *Какие мальчики* являются братьями *каких девочек*? б) *Являются братьями *какие мальчики каких девочек*?

Ограничение 3. Предпочтительно расположение актантных вопросительных слов перед сирконстантными [7].

(29) а) *Кто, где и когда* написал следующие строчки. . .? б) ?**Где, кто и когда* написал следующие строчки. . .?

(30) а) *Кто и на сколько минут* опоздал сегодня на работу? б) ?**На сколько минут и кто* опоздал сегодня на работу?

(31) а) *Кому и зачем* понадобился отпуск зимой? б) ?**Зачем и кому* понадобился отпуск зимой?

Ограничение 4. Последняя закономерность словорасположения связана с длиной вопросительных групп — как

---

[6] Предложения типа (25а) и (25б) семантически противопоставлены; см. об этом ниже в § 4.

[7] В разговорной речи это ограничение может нарушаться.

правило, «короткая» вопросительная группа должна стоять в препозиции по отношению к длинной [8]. Примеры:

(31) а) *Где и по какому случаю* состоялся прием? б) ?***По какому случаю и где* состоялся прием?

(32) а) *Кто, когда и на сколько дней* уехал? б) ?***Кто на сколько дней и когда* уехал?

(33) а) *Когда и по отношению к какому человеку* были сказаны слова: «Он понимал плодотворность противоречий»? (из вопросов викторины): б) ?***По отношению к какому человеку и когда* были сказаны слова: «Он понимал плодотворность противоречий?»

Замечание. Можно сформулировать одно синтаксическое ограничение, относящееся к «длинным» вопросительным группам, но не связанное со словопорядком, а именно: нежелательна, а в подавляющем большинстве случаев недопустима соподчиненность (т. е. подчиненность одному сказуемому) длинных вопросительных групп. Примеры:

(34) а) ?* *Кого из родителей ваших учеников на какой срок* вы могли бы порекомендовать в школьный комитет? б) *Кого из родителей ваших учеников и на какой срок* вы могли бы порекомендовать в школьный комитет?

(35) а) ?* *На какой площадке в котором часу* состоится встреча баскетболистов? б) *На какой площадке и в котором часу* состоится встреча баскетболистов?

§ 4. Заключение

В данной работе была предпринята попытка описать ряд закономерностей расположения вопросительных местоимений в простых множественных вопросах. Описаны две группы ограничений. В первую группу входят ограничения на взаимное расположение коротких актантных вопросительных слов, во вторую — ограничения, касающиеся расположения этих слов относительно других слов в предложении. а также расположения актантных и обстоятельственных вопросительных местоимений относительно друг друга.

Ниже мы обсудим и прокомментируем некоторые из отмеченных закономерностей.

1. Как уже отмечалось выше, вопросительные местоимения занимают в предложении позицию ремы (или входят в состав ремы). Контактное расположение этих местоимений в начале предложения свидетельствует о том, что все вопросительные слова составляют одну, далее не членимую на тему и рему рематическую единицу предложения. Порядок слов в вопросительных предложениях с несколькими вопросительными словами между тем далеко не всегда отражает актуальное членение соответствующих утвердительных предложений, служащих ответами на заданный

[8] Особенно заметно нарушение этой закономерности, когда длинная вопросительная группа значительно длиннее короткой.

вопрос: ср. [*Мне хочется*]^{T} [*пить*]^{R}, *а* [*сыну* —]^{T} [*есть*]^{R}. — *Кому что хочется?* и [*Мне нравится*]^{T} [*ее дочь*]^{R}, а [*моей жене* —]^{T} [*ее сын*]^{R}. — *Кто кому нравится?*

2. Вопросительные предложения с соподчиненными вопросительными местоимениями требуют в ответе обычно пару, тройку и т. д., т. е. множество противопоставленных элементов. Так, вопрос *Кто что любит?* обычно задается в ситуации, когда имеется, например, множество предметов и множество людей, и у этих людей спрашивается, какие из предметов им нравятся: иными словами, обычным ответом на поставленный вопрос будет такой — *Пете нравится книжка, Кате — кукла, а Коле — пистолет*, но не просто *Коле нравится пистолет*. Точно также вопрос *Кто откуда звонил?* предполагает существование более чем одноэлементного множества людей, звонивших из разных мест. В то же время предложение *Кто звонил и откуда?* уже не имеет такой пресуппозиции и семантически отлично от приведенного выше — на данный вопрос вполне адекватным будет, например, такой ответ — *Звонил Петя. Из Рязани.*

3. Интересно, что в некоторых языках действуют ограничения на словопорядок, аналогичные приведенным в настоящей работе. Так, согласно замечанию Куно и Робинсона (приведенного также в Karttunen, 1977), в английском языке недопустимо предложение *Tell me whom who killed букв. 'Скажи мне, кого кто убил', а правильным будет предложение с иным порядком вопросительных местоимений Tell me who killed whom. В том же языке вопросительное слово в позиции подлежащего «не пропускает» левее себя какое-либо другое вопросительное слово, ср. правильное Tell me who took what 'Скажи, кто что взял' и неправильные *Tell me what who took, *Tell me where who came 'Скажи мне, кто куда приехал'.

ЛИТЕРАТУРА

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970 (ГСРЛЯ).

Санников В. З. О типах русских сочинительных конструкций. — Russian linguistics, 1980, 4.

Санников В. З. Русские сочинительные и сравнительные конструкции: их близость, их формальное представление (в печати).

Bach E. Questions. — Linguistic inquiry, 1971, 2.

Baker C. Notes on the description of English questions: the role of an abstract question morpheme. — Foundations of language, 1970, 6.

Wachowicz K. Against the universality of a single *Who*-question movement. — Foundations of language, 1974, 11.

Karttunen L. Syntax and semantics of questions. — Linguistics and philosophy, 1977, 1.

Kuno S., Robinson J. Multiple *Who*-questions. — Linguistic inquiry, 1972, 3.

Hintikka J. Questions about questions. — In: *M. Munitz* and *P. Unger* (eds.) Semantics and philosophy. N.—Y., 1974.

Л. И. ВАСИЛЕВСКАЯ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО. III

В настоящей статье будет продолжено рассмотрение сочетаний личных собственных имен с препозитивными определениями, выраженными прилагательными, которое было начато в предыдущей работе [1]. Характер подобных сочетаний определяется, как мы пытались показать, целым рядом факторов, и прежде всего особенностями семантики у разных классов имен собственных, таких как личные собственные имена с коннотациями и без таковых (Василевская 1979, с. 136—137). Применительно к первым каких-либо ограничений позиционного или смыслового характера со стороны текста на сочетаемость с прилагательными, как правило, не обнаруживается. В составе словосочетания такие антропонимы играют ведущую роль: именно они в большинстве случаев обеспечивают смысловые связи всего сочетания в структуре текста.

Имена второго класса, т. е. личные собственные имена без коннотаций, в подобных сочетаниях с точки зрения контекстных отношений играют не ведущую, а семантически зависимую роль; семантические и синтаксические их связи разнонаправлены: связи словосочетания с другими частями текста осуществляет по преимуществу прилагательное. Синтаксическая значимость этих имен собственных в силу особенностей их семантики [2] иная, чем у большинства других личных имен — они стимулируют наиболее полное проявление текстообразующих свойств сочетающихся с ними слов [3].

В данной работе остановимся на рассмотрении круга вопросов, связанных с выявлением контекстных условий употреблений преимущественно бесконнотативных собственных имен в сочетаниях с препозитивными прилагательными. Все отмеченные нами случаи могут быть распределены по четырем основным группам:

1) синтаксическая позиция сочетания «прилагательное — собственное имя» в предложении и его смысловые связи с другими компонентами предложения;

2) смысловые связи сочетания «прилагательное — собственное имя» и предложения, в котором оно функционирует, с предшествующим контекстом;

3) смысловые связи рассматриваемой атрибутивной группы с последующим контекстом;

---

[1] См.: Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981, с. 98—107.

[2] Подробное описание семантического своеобразия имени собственного см.: Суперанская 1973, с. 250—323.

[3] О синтаксических свойствах лексем, определяющихся условиями их использования в тексте см.: Гинзбург 1979, с. 34.

4) конструктивно обусловленные употребления.

Рассмотрим последовательно каждую группу употреблений.

1. Сочетание «прилагательное — личное собственное имя» может вступать в различные смысловые отношения с компонентами предложения, в котором оно функционирует. В значительной степени это определяется синтаксической позицией и смысловой нагрузкой всего сочетания в предложении.

В позиции подлежащего у определения при имени собственном можно наблюдать значение причины, объяснения, мотивировки того, что далее описывается предикативной группой предложения: прилагательное указывает на такие особенности личности, которые определяют ее поступки, действия, свойства, состояния и т. п. Значение, передаваемое именной группой в целом, может быть согласовано или не согласовано по смыслу с последующим повествованием [4]. Ср. две группы примеров:

Нравственный Петр Егорыч покраснел (Чехов, Драма на охоте); *Невоздержанная на язык Кэт* кольнула: — Липка с тополем тоже вместе растут, да порознь цветут (Пермяк, Очарование темноты); *Бесхитростная Саида* отнеслась к постоялице по-доброму и доверчиво (Кешоков, Восход луны); Видя, как маются его коллеги, *совестливый Энэн* приходил на экзамены чаще обычного (Грекова, Кафедра).

Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном (Лермонтов, Максим Максимыч); . . . *и осторожный Бульбанюк* после мучительного раздумья отдал приказ: занять деревню (Бондарев, Батальоны просят огня); *Маленький, тщедушный Таткин* обладал на удивление неповторимым аппетитом, мог есть сколько угодно, порой грыз припасенные сухарики прямо на посту, похрустывая в темноте голодной мышью . . . (Бондарев, Берег).

В первой группе употреблений прилагательное при антропониме содержит объяснение, мотивировку последующего краткого или развернутого описания, выступая в качестве компонента высказывания, семантически согласующего его различные части. Другая группа примеров содержит прилагательные при собственных именах, которые передают отношения уступительного характера, выражающие значение не согласования, а противопоставления свойств личности его действиям, поступкам, состоянию и т. д. В обоих случаях прилагательное при антропониме является как бы своеобразным «средством взаимодействия» тематического и рематического компонентов высказывания [5].

---

[4] Эти проблемы конспективно намечены нами в статье: Василевская 1981, с. 104. О смысловых связях определений при имени собственном со сказуемым см. также: Ермакова 1979, с. 156—157.

[5] Правомерность подобного вывода, как кажется, подтверждает то обстоятельство, что отношения рассматриваемого типа могут характеризовать

Позиция предиката в меньшей степени обусловливает возможность смыслового взаимодействия внутри предложения. Определения при предикате-имени собственном выражаются, как правило, прилагательными квалификативной (оценочной) семантики:

Иван по-прежнему *настоящий Иван* (Чехов, Письма); . . . он пытается доказать окружающим, что именно он, хромоножка, и есть *истинный Медведь*, а тот лгун и узурпатор (Окуджава, Путешествие дилетантов).

Мотивировка подобной квалификации, экспликация субъекта оценки может происходить в более широком, чем предложение, контексте или определяться сугубо прагматическими факторами. С точки зрения репертуара собственно синтаксических средств выражения всего комплекса оценочных значений (квалификативной структуры — Вольф 1978, с. 29—30), в частности — значений основания и субъекта оценки, то применительно к описываемым конструкциям можно отметить: использование соответствующих придаточных предложений, пропозициональных глаголов, разрушающих смысловую элементарность предложения, наконец, выражение мотивов оценки за рамками данного предложения — в предшествующем или последующем более широком контексте [6].

Имя собственное с препозитивным определением в позиции синтаксического объекта может сочетаться с глаголами самой разнообразной семантики. Ср.: обедать вместе *с приятным Иваном Даниловичем*, побеседовать *с благодушным Петром Егоровичем*, взглянуть *на безобразного Сергея Кирюхина*, скомпрометировать *добренького Степана Семеновича*, разузнать все *о белокурой Светлане Ильиничне*, работать вместе *с благожелательной Серафимой Михайловной*, стесняться *настойчивого Игнатенко* и т. д.

В некоторых случаях наблюдается смысловое взаимодействие в предложении между сочетанием собственного имени с препози-

---

в предложении не только группы подлежащего и сказуемого, но и другие компоненты, между которыми с точки зрения коммуникативно-стилистической устанавливаются отношения темы и ремы: Вся эта буйная волна пьяных пушкарей, как о каменный оплот, разбивалась *о непоколебимого Баргамота*, забиравшего методически в свои мощные длани пару наиболее отчаянных крикунов и самолично доставлявшего их «за клин» (Андреев, Баргамот и Гараська); . . . и Никитин подумал, что *раненого Самсонова* чем-то особо задело вчерашнее вежливо-обидное отношение госпожи Герберт к нему, случайному, что ли, при своем коллеге человеку. . . (Бондарев, Берег).

[6] Ср. с достаточно редким случаем выражения определения при собственном имени в позиции предиката прилагательным неквалификативной семантики: Лучше быть этой *белокурой Оленькой*, — обратился я к Урбенину, — и жить здесь со зверями, чем судебным следователем и жить с людьми . . . (Чехов, Драма на охоте). Важно, что и в данном случае осмысление мотивов подобного предицирования также возможно при обращении к более широкому, чем предложение, контексту.

тивным прилагательным в позиции синтаксического объекта и другими членами предложения. Это возможно прежде всего при том условии, что в предложении присутствует еще по крайней мере один компонент, помимо данного, входящий в состав предикативного ядра предложения или являющийся детерминантом. Наличие такого компонента в предложении может быть обусловлено и семантико-синтаксическими возможностями самого глагола, т. е. представлять собой реализацию обязательной или факультативной валентности данного глагола: обедать вместе *с приятным Иваном Даниловичем* в неприятном месте; побеседовать *с благодушным Петром Егоровичем* о вещах в высшей степени замечательных; увидеть *в веселой Серафиме Михайловне* очень нервного и впечатлительного человека и т. д. Ср. у Тендрякова: Впервые *я* увидел *гордую Майю* в роли униженной просительницы (Затмение).

Дополнительные возможности смыслового взаимодействия сочетаний личных собственных имен с прилагательными в функции синтаксического объекта с другими компонентами предложения открываются в конструкциях с перечислением или противопоставлением. Отношения такого типа отнесены нами к числу конструктивно обусловленных (см. ниже).

В функции обстоятельства сочетание «прилагательное — антропоним» может приобретать в предложении причинное значение. В роли обстоятельства причины прилагательное часто выступает необходимым компонентом именной группы, отсутствие которого делает обязательным обращение к более широкому, чем предложение, контексту или речевой ситуации для уяснения действительных мотивов подобных употреблений. Кроме того, наличие или отсутствие прилагательного при собственном имени в роли обстоятельственного компонента в предложении позволяет судить о функциональной принадлежности данного высказывания сфере разговорной или колифицированной речи:

Доехал я благополучно, но ехал скверно *благодаря болтливому Лейкину* . . . (Чехов, Письма); На глазах отца *под влиянием скользкого, морально нечистоплотного Семена Семеновича* портится его сын Борис (Апостолов, Сценический путь Н. Д. Мордвинова); Прозрение началось *от маленького, худенького, несчастного Шута, изнемогающего, холодного, голодного* (Мордвинов, Дневники). Ср. с предложениями: *Ехал плохо благодаря Лейкину* (из-за Лейкина . . .); *Все несчастья от Петрова* (из-за Петрова, благодаря Петрову . . .), имеющими явную разговорную окраску [7].

[7] Не останавливаясь специально на вопросе о роли прилагательного в функции препозитивного определения при имени собственном в сложном предложении, отметим лишь, что рассматриваемая атрибутивная группа встречается и в сложносочиненном предложении (Его помощник, Алеутов, каждое лето ездил куда-то жениться, и *бедному Шептунову* одному приходилось дежурить — Чехов, Начальник станции) и в сложноподчиненном предложении, где наблюдается как в главном предложении (По-

2. У именной группы «прилагательное — антропоним» могут обнаруживаться смысловые связи с более широким, чем предложение, контекстом. Рассмотрим вначале случаи смысловой связи сочетаний личных собственных имен с определениями (и шире — всего высказывания) с предшествующим контекстом.

К данной группе могут быть отнесены отмеченные О. П Ермаковой (Ермакова 1979, с. 157) случаи употребления препозитивных определений при именах собственных, подготовленные предшествующим предикативным употреблением, а также предшествующим сочетанием этих же прилагательных с нарицательными названиями лица, которое в дальнейшем обозначается именем собственным.

Однако перечень подобных употреблений не ограничивается данными случаями. Кроме того, определенное значение при характеристике таких отношений приобретает также объем предшествующего контекста — близкий контекст или более широкий контекст.

Остановимся последовательно на различных группах употреблений сочетания «прилагательное — антропоним», обусловленных предшествующим контекстом.

Прилагательное при собственном имени может заключать в себе в ы в о д (с л е д с т в и е) из предшествующего данному высказыванию описания, непосредственная причина которого объясняется или в ближайшей данному предложению части текста, или в более широком контексте, объем которого иногда вырастает до объема всего повествования в целом.

В качестве примера влияния ближайшего к предложению окружения на характер прилагательного при имени собственном рассмотрим отрывок из романа Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов»:

. . . Отношения с родственницей были порваны. Девушке было предложено покинуть дом, ибо ее поведение было расценено как посягательство на наследство. *Гордая Александрина* хлопнула дверью, имея при себе небольшой сундучок с нехитрым скарбом и горькие воспоминания.

Не обсуждая в подробностях вопрос о достаточности приведенного отрывка для осмысления роли прилагательного-эпитета *гордая* в организации смысловых оппозиций романа, отметим, что с точки зрения коммуникативно-стилистической начало абзаца приведенного отрывка можно считать в известной степени опре-

---

этому роль *ядреного Курбского* необходима для того, чтобы самозванец был скромен — Мейерхольд, Статьи), в данном случае вводя, кроме того, смысловое противопоставление главной и придаточной частей предложения; так и в придаточном (Он, не переставая, наблюдал, как его *разумная и положительная Маня* устраивала гнездо. . . — Чехов), где можно вступать в смысловые отношения также внутри придаточного предложения

деляющим причины того, о чем повествуется далее, в частности в предложении, содержащем атрибутивное сочетание *гордая Александрина*. Последнее представляет собой по сути дела существенную часть высказывания-вывода из предшествующего контекста. Данное сочетание вместе с тем вступает в отношение смыслового согласования с предикативным компонентом во внутренней структуре высказывания.

Сочетаниям прилагательных, обозначающих состояние субъекта, с именами собственными может в ближайшей к предложению части текста предшествовать описание вызвавшей такое состояние лица причины:

Генерал наскоро, пятое через десятое, рассказывает содержание прочитанного им рассказа, а Макар Денисыч слушает и чувствует неловкость, словно его вина в том, что он не французский писатель, который пишет маленькие штучки . . . И Макара начинает сосать червь. . . *Отравленный Макар* идет дальше и через садовую калитку выходит на грязную дорогу (Чехов, Весной); — Нет, все-таки, товарищи женщины, — тихо сказал Спивак, — ничего вы не понимаете. *Тихий Спивак* — в этом было даже что-то пугающее (Грекова, Кафедра).

Значение прилагательного при личном собственном имени может быть мотивировано не только ближайшим к данному предложению текстом, но по существу — всем предшествующим повествованием. Примером такого употребления прилагательного при имени собственном может служить рассказ Чехова «Осенью», в котором описание человеческой судьбы завершается выводом о судьбе медальона:

Выпив пять стаканов, барин отправился в угол, раскрыл медальон и пьяными, мутными глазами стал искать дорогое лицо. . . Но лица уже не было. . . Оно было выцарапано из медальона ногтями *добродетельного Тихона*.

Сочетание *добродетельный Тихон* заключает в себе одновременно и авторскую характеристику героя и его поступка с медальоном, имеющего своим основанием, по-видимому, все предшествующее этому в рассказе описание судьбы несчастного барина, пострадавшего из-за любви.

Прилагательное при личном собственном имени может не только определяться предшествующим текстом, но оказывать известное воздействие и на последующее повествование, т. е. быть своеобразным с в я з у ю щ и м к о м п о н е н т о м между двумя частями текста, семантически примыкая вместе с тем к предшествующему повествованию.

[1] Примером такого употребления прилагательного при личном собственном имени является сочетание *галантный Смычков* в рассказе Чехова «Роман с контрабасом». Высказывание с данным сочетанием как бы открывает следующий новый этап описания сложных жизненных перипетий в судьбе героя рассказа, связан-

ный с погоней за похитителями одежды самого героя и его прекрасной спутницы:

Вдруг *галантному Смычкову* показалось, что впереди его, окутанные темнотою, идут две человеческие фигуры . . . «Не воры ли это? — мелькнуло у него в голове. — Они что-то несут. Вероятно, это наше платье!» Смычков положил у дороги футляр и погнался за фигурами . . .

Эпитет *галантный*, данный герою на основе предшествующего приведенному эпизоду весьма любезного его разговора с дамой, становится своеобразным связующим звеном между различными тематическими частями рассказа.

Наблюдаются также разнообразные употребления прилагательных с именами собственными на фоне предшествующих им сочетаний антропонимов с анафорическими местоимениями. Ср.:

Но там все держится на Але, а где взять еще *такую Алю? Такую умную, гостеприимную Алю*, которая уже сдала кандидатский минимум, а потом, сообразив, что на свете существует нечто важнее диссертаций, бросила работу и родила Льву Петровичу двух прелестных детей. *Такую взять негде* (Каверин, Двухчасовая прогулка); Вот прошли годы, и *этот Чайковский стал настоящим Чайковским наших дней*, а не тот — с легкой грустью раздумья, даже пессимизма (Мордвинов, Дневники).

3. Остановимся теперь на рассмотрении употреблений личных собственных имен с препозитивными прилагательными, при которых смысл всей атрибутивной группы получает свое дальнейшее раскрытие и объяснение в последующем контексте. Как правило, это отношения пояснительного типа.

Сочетание прилагательного с именем собственным, входя в одно из высказываний, между которыми устанавливаются пояснительные отношения, может указывать на такие признаки лица, которые оказываются существенными для понимания следующих за этим описаний разнообразных действий, состояний, событий и т. д. Рассмотрим два отрывка из повести Чехова «Драма на охоте»:

Тщеславная Оленька должна была радоваться . . . От венчального аналоя до самых царских врат тянутся два ряда представительниц нашего уездного цветника . . . Гостьи разодеты так, как разоделись бы они, если бы женился сам граф: лучших нарядов и желать нельзя . . . Тут все больше аристократки . . . Ни одной попадьи, ни одной купчихи. . . Есть даже такие, которым Оленька ранее не считала себя вправе кланяться . . .

И следующий за этим отрывок, контрастный к приведенному:

Но тщеславная Оленька не радуется . . . Она бледна как полотно, которое она недавно везла с теневской ярмарки. Рука ее, держащая свечу, слегка дрожит, подбородок изредка вздрагивает. В глазах какое-то отупение, словно она внезапно чему-то

изумилась, испугалась . . . Нет и следа той веселости, которая светилась в ее глазах, когда она не дальше как вчера бегала по саду и с увлечением рассказывала, какие обои будут в ее гостиной, в какие дни она будет приглашать к себе гостей и прочее.

В обоих случаях — примеры таких употреблений антропонимов с прилагательными, мотивировка которых осуществляется в последующем контексте. Во втором отрывке значение пояснительного типа осложнено значением противопоставления, контраста как внутри высказывания, так и в более широком контексте (по отношению к первому отрывку). Различие состоит в том, что в первом примере в поясняющей части описываются события, подтверждающие данную априори характеристику лица, а во втором случае — действительное состояние этого лица.

В поясняющей части текста могут описываться и действия лица, подтверждающие данную автором его первоначальную характеристику. Приведем в более полном объеме уже цитировавшийся отрывок из писем Чехова: Доехал я благополучно, но ехал скверно благодаря *болтливому Лейкину*. Он мешал мне читать, есть, спать . . . хвастал и приставал с вопросами.

4. Функционирование имен собственных с определениями, выраженными препозитивными прилагательными, в синтаксических фигурах перечисления и противопоставления отнесено нами к типу конструктивно обусловленных. Значения сопоставимости или противопоставленности по какому-то признаку (совокупности признаков), проявляемое у сочетаний личных собственных имен в условиях высказывания и более широкого контекста, может подкрепляться значением самой синтаксической модели в фигурах перечисления и противопоставления. Приведенные ниже фрагменты представляют собой конструкции перечисления:

Никитин отхлебывал пиво, смотрел на солдат, знакомых и чем-то незнакомых ему по новым жестам, улыбкам, тону голоса, — и за сутки ощутимая перемена этой окончательной счастливой судьбы теплым наплывом блаженства охватила его. *И сержант Меженин*, весь прочный, с расстегнутым воротом гимнастерки, потный, без конца выкрикивающий тосты за «капут войне, за баб, за немчишек, которым всем передóхнуть», *и наивный круглоглазый Ушатиков* со своим удивленным всплеском рук, готовый залиться звонким, серебристым бубенчиком, охотно засмеяться любому посоленному слову, *и хитренький Таткин*, украдкой составляющий выпитые бутылки под стол, подальше от глаз начальства, и *степенный, серьезный командир четвертого орудия Зыкин* . . . (Бондарев, Берег); . . . подошли *озабоченная Шура, недовольный чем-то Бобков* . . . (Бондарев, Батальоны просят огня); Да, я был сильным, я был добрым. И мне все нравилось. Нравились девочки, все трое, и *неуклюжая Галя, и бойкая, легкая на ногу Оля*. (Тендряков, Затмение); Тут снова с чу-

довищной изысканностью встретил его *круглолицый Афанасий*, напяливший по случаю приезда князя поношенный цилиндр, и несколько *притихшая рыжеволосая Аглая* испуганно улыбалась ему, оправляя все то же пурпурное платье (Окуджава, Путешествие дилетантов).

Это могут быть многочленные конструкции или более лаконичные, в том числе двучленные образования

Отличительной чертой подобных конструкций с именами собственными является наличие в тексте вводящего перечисление плана воспринимающего субъекта, ориентированность текста прежде всего на перечисление качеств лица, особенностей внешности, характера, состояния двух или нескольких лиц и т. д. В этом отношении данные фрагменты представляют собой образцы, построенные по типу текстов с качественно-рематической доминантой (Золотова 1979, с. 121), с той, впрочем, особенностью, что содержат характеристику не одного лица, а ряда лиц.

Конструкции противопоставления, естественно, двучленны, хотя это не исключает возможности противопоставления одного лица группе лиц или двух групп лиц друг другу. Идея противопоставления выражается с помощью различных синтаксических средств:

Около старика с листом бумаги стояли Везувиев и Черносвинский, сослуживцы Понимаева. *Высокий и тощий Везувиев* расписывался, а *Черносвинский, маленький, рябенький человечек*, дожидался своей очереди (Чехов, Либерал); Я подозревал у нее недюжинный ум, меня восхищала широта ее воззрений, быть может, потому, что она мыслила иначе, чем *строгая, красивая Лида*, которая не любила меня (Чехов, Дом с мезонином); Однако Борису больше нравился своей горячей бесшабашностью старший лейтенант Орлов, чем *излишне осмотрительный, расчетливый Бульбанюк*, хотя в глубине души готов был понять вечную и неоспоримую на войне правоту майора (Бондарев, Батальоны просят огня); И добро бы она еще плакала в дневные часы! Нет, по ночам, и так горько, что не только у ошалевших родителей, но и *у молчаливой, строгой и отчасти даже грозной Ольги Ипатьевны* от жалости разрывалось сердце (Катаев, Двухчасовая прогулка).

Противопоставление двух лиц по некоторому качеству, черте характера, внешности и т. д. может перерасти в описание разнообразных действий, состояний субъекта, ситуаций, связанных с действием, а не качеством. Прилагательные при собственном имени организуют, скорее, не качественную доминанту текста, а представляют собой вкрапленный в текст через данные прилагательные и синтаксическую конструкцию (помимо, быть может, других средств) план воспринимающего субъекта.

Анализ сочетаемости антропонимов с прилагательными дает возможность, как представляется, по-
ставить

ное выступает в качестве своеобразного «минимального контекста» для такой специфической в семантическом отношении категории, как имена собственные, обеспечивая развитие разнообразных смысловых взаимодействий всей атрибутивной группы внутри высказывания и в более широком контексте. Затронутые в данной работе аспекты функционирования собственного имени, безусловно, не исчерпывают всего многообразия возникающих при этом проблем и могут рассматриваться как некоторые предварительные наблюдения и размышления, возникшие у автора при анализе конкретного языкового материала. Дальнейшие исследования в этом направлении, проводимые на более широком корпусе текстов, могут способствовать теоретическому осмыслению такой сложной в функциональном отношении категории, как имя собственное, и вместе с тем расширят наши представления о структуре текста и принципах его изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Василевская Л. И. Синтаксические возможности имени собственного. I. — Лингвистика и поэтика. М., Наука, 1979.
Василевская Л. И. Синтаксические возможности имени собственного. II. — Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., Наука, 1981.
Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М., Наука, 1978.
Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., Наука, 1979.
Ермакова О. П. Контекстно обусловленная сочетаемость идентифицирующих существительных с прилагательными. — В кн.: Синтаксис текста. М., Наука, 1979.
Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста. — В кн.: Синтаксис текста. М., Наука, 1979.
Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., Наука, 1973.

Л. А. МЕСЕНЯШИНА

ПОЗИЦИОННЫЕ СВОЙСТВА КОНСТРУКЦИЙ ИЗЪЯСНЕНИЯ

В изъяснительных конструкциях используются такие лексические единицы, которые в зависимости от того, какова присоединяемая ими конструкция, либо выступают как полнозначный глагол, либо выполняют строевую функцию, маркируя изъяснительную конструкцию. И в этой ситуации происходят преобразования их семантики: на первый план выходят такие семантические составляющие этих лексических единиц, которые определяют характер синтаксического целого, т. е. контекстозадающие компоненты значения [1].

[1] Классификация значений возможна по разным основаниям. Так, в работах В. В Виноградова значения подразделяются на контекстно свободные и

Е. Л. Гинзбург показал, что основания классификации значений могут быть перенесены на классификацию компонентов значения, т. е. основания классификации целого могут быть распространены и на классификацию составляющих.

Слово в любом его значении может употребляться в разных позициях. При переходе от одной позиции к другой значение слова может не сохранять один и тот же статус в классификации. Это же верно и для его составляющих. Поэтому возможные изменения в содержании слова могут сводиться к а) изменению набора составляющих; б) изменению организации составляющих. А если взять ту часть организации, которая связана с функциональной перспективой, то изменения могут быть связаны с изменением функций.

Рассмотрим противопоставления по парадигматике знака: число единиц, которым он противопоставлен в данной позиции. При этом в знаке различаются идентифицирующие и неидентифицирующие компоненты значения. Чем меньше число противопоставляемых единиц, тем меньше нужно идентифицирующих компонентов значения; чем больше число противопоставляемых единиц, тем больше идентифицирующих компонентов значения.

Таким образом, с уменьшением набора сравниваемых единиц будет либо 1) увеличиваться избыточность идентифицирующих компонентов, либо 2) те или иные идентифицирующие компоненты начнут выполнять функции классифицирующих.

Если рассмотреть знак в синтагматическом аспекте, то обнаружится, что одни компоненты его значения могут задавать контекст, другие — нет. Задать контекст — означает задать не только одну конструкцию, но и всю совокупность конструкций, связанных с ней. Чем больше конструкций, которые связаны с данной, тем значительнее роль конструкциезадающих компонентов значения лексических единиц и обратно. Ограничимся этими двумя типами составляющих. Проверке подлежат следующие гипотезы.

1. Классифицирующие компоненты значения связаны с конструкциезадающими, так что по мере увеличения значимости конструкциезадающих элементов увеличивается количество классифицирующих компонентов значения.

2. Для разных лексем число классифицирующих и коррелятивных с ними конструкциезадающих компонентов значения будет разным. Соответственно этому для разных лексем (даже одного и того же класса) будет различным число конструкций, которые

контекстно связанные; Е. А. Земской показано, что существуют лексические единицы, задающие контекст, и зависящие от контекста: *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова. — В кн.: Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 176—178; *Земская Е. А.* Производные слова в толковых словарях русского языка. — В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1977, с. 112—113.

с ними связаны, и шкала изменений от минимального до максимального набора конструкций будет разной.

Задача данной работы,— проверка этих предположений на материале конструкций изъяснения (КИ), возможных с ментальными глаголами.

Объектом исследования являются 23 КИ, возможные со 111-ю глаголами мысли [2], а именно: сложноподчиненное предложение с союзом *что* (Пчто): *Подумают, что это эпидемия* (Е. Шварц); сложноподчиненное предложение с союзом *как* (Пкак): *Он хорошо знал, как прекрасное, могучее предприятие обрастает за время своего возведения . . . халупами. . .* (К. Федин); сложноподчиненное предложение с союзом *ли* (Пли): *. . .она подумала в испуге — не начался ли вновь обстрел?* (К. Федин); сложноподчиненное предложение с союзом *чтобы* (Пчтобы): *Условились, чтобы Василий Петрович пришел. . . ко мне* (Н. Г. Чернышевский); сложноподчиненное предложение с союзными словами (Псс): *. . . не знаю, что сказать вам* (Е. Шварц); сложноподчиненное предложение с союзом *будто* (Пбудто): *. . .и представляю, как будто она мне ответила. . .* (Ф. М. Достоевский); бессоюзное сложное предложение (Пб): *Я один знаю — все будет прекрасно* (Е. Шварц); предложение с прямой речью (ПР): *«Странно, я не испытываю к нему никакой вражды», — думал Карабаш* (Ю. Трифонов); предложение с вводной конструкцией (Пв): *Могла бы написать и поделовитей, подумал я. . .* (Л. Жуховицкий); простое предложение с прямым дополнением (Дп): *Алехин. . . усвоил эту манеру обсуждения. . .* (В. Богомолов); простое предложение с дополнением с предлогом *о* (До): *Пикин подумал в тот вечер о плене. . .* (К. Симонов); простое предложение с предлогом *про* (Дпро): *Она . . . подумала про Альтуса. . .* (Ю. Герман); простое предложение с предлогом *насчет* (Днасчет): *Насчет Толстого я точно не знал. . .* (Л. Жуховицкий); простое предложение с дополнением с предлогом *на* (Дна): *Согласились на пятаке за строку.* (М. Горький); простое предложение с дополнением с предлогом *над* (Днад): *. . .он . . .сидел. . ., размышляя над происшедшим* (Ю. Нагибин); инфинитивная конструкция (Ди): *. . . они планировали вместе поехать к морю* (Б. Галин); простое предложение с дополнением с предлогом *в* (Дв): *. . . остается условиться в цене* (Н. Гоголь); простое предложение с дополнением в винительном падеже без предлога + существительное в творительном падеже (ДВ=Т): *. . .героем тебя не сочтут. . .* (Д. Гранин); простое предложение

---

[2] Рассматриваются глаголы трех лексико-тематических классов (ЛТК): ЛТК со значением мыслительного процесса (ЛТК(Думать)), ЛТК со значением результата мыслительной деятельности (ЛТК(Понимать)) и ЛТК знания (ЛТК(Знать)). Классификацию глаголов см.: *Васильев Л. М.* Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи — В кн.: Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.

с дополнением в винительном падеже + существительное с предлогом *за* (ДВ=за): . . .*гости сочли за лучшее заночевать здесь* (Г. Березко); простое предложение с дополнением в дательном падеже (ДД): [*Прасковья Ивановна*] *не поверила известиям*. . . (С. Аксаков); простое предложение с дополнением с предлогом *до* (Ддо): *Корейцы первые додумались до использования живой силы воды* (В. Арсеньев); простое предложение с дополнением с предлогом *с* (Дс): *С его словами согласились все.*

Назовем совокупность КИ, способных употребляться с одной и той же совокупностью глагольных лексем, синтактико-функциональным рядом (СФР). Так, СФР (Усвоить) образован тремя глагольными лексемами: *усвоить*, *предсказать*, *осознать* и пятью КИ: Пчто: *Аркадий Александрович усвоил, что крестьяне хитры* (А. Лебеденко); Псс. *Я быстро усвоил, как подавать гостям кофе, шоколад*. . . (Н. Ляшко); Пб: *Я крепко усвоил с тех пор: матери врать нельзя*; Пв: *Это, усвоил я, произойдет нескоро, но обязательно будет* и Дп: *Алелин усвоил эту манеру обсуждения*. . . (В. Богомолов).

Назовем совокупность СФР, заданных глагольными лексемами одного ЛТК, синтактико-функциональным полем (СФП).

Рассмотрению подлежат три СФП: поле с глаголами ЛТК (Думать) — СФП (Думать), поле с глаголами ЛТК (Понимать) — СФП (Понимать) и поле с глаголами ЛТК (Знать) — СФП (Знать). Идентифицирующие компоненты глагольных лексем и в этих ЛТК совпадают, различаются они за счет классифицирующих компонентов значения.

Если классифицирующие компоненты значения синтаксических формантов [3] КИ действительно связаны с конструкциезадающими, это должно находить отражение в несовпадении позиций максимального различения КИ в полях, различающихся за счет классифицирующих компонентов значения синтаксических формантов.

Позиции минимального различения конструкций, являясь неблагоприятными для выражения классифицирующих компонентов в семантике синтаксических формантов, представляют собой условия, способствующие выявлению наиболее важных, неустранимых свойств КИ и разбиению их на семантически свободные и семантически связанные.

Работа, таким образом, состоит из двух частей. В первой рассматриваются минимальные условия существования КИ в СФП с целью выявления тех свойств конструкций, которые являются инвариантными в сопоставляемых полях, и нахождение свойств конструкций, маркирующих отдельные СФП.

---

[3] Под синтаксическим формантом понимается глагольная лексема, реализующая ведущий структурный компонент ЛТК

Таблица 1

Конструкции	СФП (Понимать)	СФП (Думать)	СФП (Знать)	Конструкции	СФП (Понимать)	СФП (Думать)	СФП (Знать)
Пчто	1	3	1	До	4	3	6
Дп	1	1	1	Ддо	4	—	—
Дв	1	—	—	Пбудто	5	3	—
Псс	2	1	1	ДВ-за	5	—	—
Ди	4	3	6	ДВ-Т	5	3	—
Пчтобы	2	11	—	ДД	5	—	—
Пб	3	3	3	Дс	5	—	—
Пли	3	4	3	Дна	5	6	—
Пв	4	4	4	Днасчет	8	—	9
ПР	4	3	4	Дпро	11	5	9
Пкак	4	4	9	Днад	—	4	—

Во второй части исследуются максимальные условия существования КИ с целью проверки высказанного ранее предположения.

Позиции минимального различения представлены в табл. 1. Для сопоставления СФП примем во внимание лишь те конструкции, которые принадлежат всем трем полям, а именно: Пчто, Дп, Псс, Ди, Пб, Пли, Пв, ПР, Пкак, До, Дпро. Возможны следующие ситуации.

1. Для каждой конструкции набор минимальных свойств остается неизменным. Тогда это будет характеристикой а) самой конструкции (ее положения в поле), б) рассматриваемых полей, которые в этом случае должно было бы считать равноправными и неавтономными представителями всего СФП КИ с ментальными глаголами.

2. От одного СФП к другому набор минимальных свойств меняется настолько, что между ними не будет ничего общего. Отсутствие общего говорило бы о гетерогенности исходного поля конструкций и о независимости полей друг от друга.

3. При переходе от одного СФП к другому набор минимальных свойств меняется не у всех конструкций, изменение затрагивает только часть их. Это говорило бы о взаимозависимости между полями и в то же время об относительной автономности их.

Анализ минимальных ограничений на использование данных конструкций показывает, что мы имеем дело с ситуацией третьего типа: у одной части конструкций при переходе от одного СФП к другому набор минимальных свойств не меняется, у другой, находящейся на периферии СФП, набор свойств, которыми характеризуются данные конструкции, меняется. К первой группе принадлежат Дп, Пб и Пв (число минимальных ограничений на их использование равно 1, 3 и 4 соответственно). У Дп в СФП (Знать) и (Понимать) позиция минимального противопоставления совпадает и качественно (она состоит в противопоставлен-

ности Пчто), а в СФП (Думать) она состоит в противопоставленности Псс. Минимальные условия существования остальных конструкций образуют в каждом поле парадигму, так как осуществимы в нескольких рядах одновременно. Так, минимальные условия существования Пб в СФП (Понимать) состоят в противопоставленности а) Пчто, Пли и Дв и б) Пчто, Псс и Дп; в СФП (Думать) — а) Пчто, ПР и До и б) Пчто, Псс и Дп; в СФП (Знать) — а) Пчто, Псс и Пли и б) Пчто, Псс и Дп. Нетрудно заметить, что один из компонентов парадигмы, а именно: Пчто, Псс и Дп — повторяется во всех трех полях. Если же сопоставлять другие единицы парадигм, то окажется, что СФП (Понимать) маркировано конструкцией ДВ, СФП (Думать) — ПР и До, а СФП (Знать) — Псс.

Такая же картина наблюдается при рассмотрении минимальных условий существования Пв. В СФП (Понимать) минимальные условия существования этой КИ осуществляются в трех рядах: а) Дп, Псс, Пб, Пчто; б) ПР, Дп, Пб, Пчто; в) Пчто, Пб, Пчтобы, Дв; в СФП (Думать) — в двух рядах: а) Дп, Псс, Пб, Пчто; б) Псс, Пб, До, Днад; в СФП (Знать) — в двух СФР: а) Дп, Псс, Пб, Пчто; б) Пчто, Пб, Дп, ПР. Как видим, и здесь одна из единиц — ДП, Псс, Пб, Пчто — повторяется во всех трех полях.

Сопоставляя другие единицы парадигм, видим, что СФП (Думать) маркировано двумя конструкциями: До и Днад, остальные — немаркированы.

Тот факт, что минимальные условия существования этих конструкций образуют парадигмы, а также факт общности одной из единиц этих парадигм для всех трех полей представляется чрезвычайно важным.

Это свидетельствует а) о действительной независимости этих конструкций от лексического наполнения синтаксических формантов;) б) о том, что для описания минимальных условий существования конструкции количественный аспект является весьма важным, связанным с действительно существенными, неустранимыми свойствами конструкций: с большим числом конструкций данная может быть связана — с меньшим — никогда [4]; в) от лексического наполнения синтаксических формантов не зависит прежде всего количество минимальных ограничений на использование данных конструкций и лишь во вторую очередь — качество этих ограничений.

Рассмотрим группу конструкций, минимальные условия существования которых меняются при переходе от поля к полю. Она распадается на две подгруппы: а) конструкции, минимальные

[4] Эти результаты подтверждаются на материале СФП КИ с глаголами восприятия, его подполей и полей, смежных с данными — с глаголами каузации восприятия (типа *показать*) и антивосприятия (типа *проморгать*).

условия существования которых меняются незначительно, и б) конструкции, минимальные условия существования которых меняются существенно.

К первой подгруппе относятся Пчто (число ограничений в СФП (Понимать), (Думать) и (Знать) соответственно равно 1, 3, 1), Псс (2, 1, 1), ПР (4, 3, 4), Пкак (4, 4, 8), Пли (3, 4, 3). Пчто в СФП (Понимать) и (Знать) противопоставлена Дп, в СФП (Думать) — а) Дп, Пбудто, ДВ-Т; б) Псс, Пб, Дп; в) Пб, ПР, До. Таким образом, СФП (Думать) относительно Пчто маркировано целым рядом конструкций. Псс в СФП (Думать) и СФП (Знать) противопоставлена Дп, а в СФП (Понимать) — Пчто и Дп. Таким образом, относительно Псс СФП (Понимать) маркировано Пчто. Относительно Пли СФП (Понимать) маркировано Дв, а СФП (Думать) — До, Ди и Дп. СФП (Знать) не маркировано. При сопоставлении полей относительно ПР обнаруживается немаркированность СФП (Знать), СФП (Понимать) маркировано конструкцией Ди, а СФП (Думать) — До. А при сопоставлении полей относительно Пкак маркированным оказывается СФП (Знать) — конструкциями ПР, Псс и Дп.

Таким образом, конструкции, колебания в минимальных условиях существования которых незначительны, показывают отсутствие привативных отношений между полями и сколько-нибудь последовательной маркированности их.

Обратимся к конструкциям с существенными различиями в минимальных условиях их использования. К их числу относятся три конструкции: Ди (число ограничений в СФП (Понимать), (Думать) и (Знать) соответственно равно 4, 3, 6), До (4, 3, 6) и Дпро (5, 9).

Так, относительно Ди СФП (Знать) маркировано конструкциями ПР и Пб, СФП (Думать) — Пбудто, а СФП (Понимать) (минимальные условия существования Ди осуществляются здесь в 2-х СФР) — До или Пчтобы. Относительно До СФП (Знать) маркировано Пв, СФП (Думать) — ПР, а СФП (Понимать) — Ди. Относительно Дпро СФП (Знать) маркировано Пкак и Днасчет, а СФП (Понимать) — ПР, Пбудто и Ди. СФП (Думать) ничем не маркировано.

Итак, конструкции со значительными колебаниями в минимальных условиях существования их подтверждают сделанное ранее на основании сопоставления конструкций с незначительными колебаниями в минимальных условиях существования наблюдение об отсутствии сколько-нибудь последовательной маркированности того или иного поля в сопоставлении с другими.

Рассмотрим максимальные условия существования конструкций в этих полях (см. табл. 2).

Нетрудно заметить, что ни у одной конструкции максимальные условия существования не совпадают. Этот факт свидетельствует о том, что в условиях максимальных ограничений на использо-

вание конструкций последние выступают как лексически связанные, причем каждая конструкция в разных полях связана с разными лексическими особенностями синтаксических формантов, с различными конструкциезадающими компонентами их значения.

Таким образом, сопоставление минимальных и максимальных условий существования изъяснительных конструкций в СФП (Понимать), (Думать) и (Знать) показало следующее.

1. Классифицирующие и конструкциезадающие компоненты значения глагольных лексем, являющихся синтаксическими формантами КИ, связаны между собой так. что по мере увеличения значимости вторых увеличивается количество первых.

2. Условия минимального существования конструкций можно характеризовать как позицию нейтрализации различий между разными полями.

3. Конструкции, относительно которых осуществима такая нейтрализация, следует считать семантически независимыми конструкциями. От лексических различий синтаксических формантов данных полей не зависят Дп, Пб и Пв.

4. Семантическая независимость данных конструкций проявляет себя прежде всего в количественных характеристиках минимальных ограничений на их использование, качественные характеристики играют в этом случае второстепенную роль.

5. Количество минимальных ограничений на использование той или иной КИ следует считать существенным, характеризующим признаком этой конструкции.

Таблица 2

Конструкции	СФП (Понимать)	СФП (Думать)	СФП (Знать)	Конструкции	СФП (Понимать)	СФП (Думать)	СФП (Знать)
Пчто	10	11	9	Дв	8	—	—
Дп	10	11	9	Днасчет	8	—	9
Псс	10	11	9	Пчтобы	8	11	—
Дн	10	11	6	Пкак	8	6	6
Пб	10	11	9	Дна	7	6	—
ПР	10	11	9	ДВ-за	7	—	—
Пв	10	11	9	ДВ-Т	7	3	—
Пли	10	11	9	Дс	5	—	—
До	10	11	9	ДД	5	—	—
Пбудто	10	10	—	Ддо	4	—	—
Дпро	10	11	9	Днад	—	11	—

П. А. СОБОЛЕВА

СТРУКТУРА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Применение термина «структура» к смысловой стороне языковых единиц неизбежно влечет за собой понятие упорядоченности. Ибо структура — это «не простой набор элементов, а целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является благодаря отношениям с другими элементами» (Ельмслев 1962, 122). Структура — это «автономная сущность с внутренними зависимостями» (Там же).

Взаимосвязанность и взаимообусловленность элементов предполагает иерархию. Показательна в этом отношении точка зрения А. Греймаса, согласно которой лексема — это не простой набор сем, а множество сем, связанных между собой отношениями иерархии (Greimas 1966).

Структурированное, иерархическое представление смысловой структуры слова предлагает и Н. И. Толстой, который выделяет два типа сем: опорные и сопутствующие. Опорные семы — это конкретные и немаркированные семы, а сопутствующие — абстрактные и маркированные, служащие основой сопоставления (Толстой 1968).

В. Г. Гак в семантической структуре слова — семантеме — выделяет: 1) ядро — архисему (или сверхсему) — сему родового значения. Архисема может именоваться также семантической категорией. Архисемы представляют собой скрытые компоненты, имплицитно присутствующие в семантике, которые могут быть эксплицированы при взаимодействии значений; 2) дифференциальные, дополнительные семы — семы видового значения; 3) потенциальные семы, отражающие побочные характеристики объекта (Гак 1971). Ср. также противопоставление интегральных и дифференциальных сем (Швед 1978).

Однако приведенные выше представления иерархического строения лексических значений не превышают двух—трех ступеней абстракции.

Более глубокие иерархии семантических дифференциальных признаков допускают исследователи, работающие в области порождающей семантики (Lakoff 1971, Mc Cawly 1973, Postal 1971). Видя аналогию между синтаксическим строением высказывания и смысловой структурой слова (подробнее см. Соболева 1976, 1977, 106—109; Барченкова 1976), они допускают пять—шесть погружений, т. е. пять—шесть ступеней иерархии при описании смысловой структуры слова.

Исследователи, работающие в области интерпретативной се-

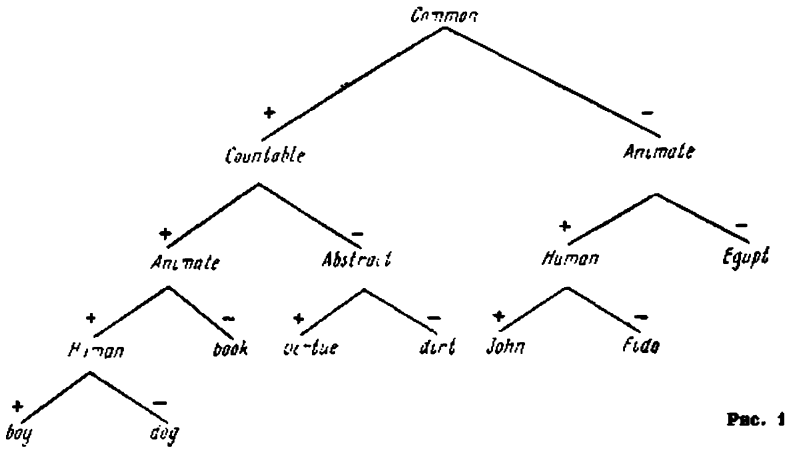

Рис. 1.

мантики, настаивающие на качественном различии синтаксических и лексических структур, также допускают относительно глубокие иерархии семантических дифференциальных признаков. Правила, порождающие синтаксические структуры, принципиально отличаются от правил порождения (упорядочения) лексических единиц.

Неприменимость деревьев фразовых структур для описания лексической семантики заключается в опасности пересечения деревьев (cross-classification). Последнее возможно из-за того, что строгая иерархия является свойством именно синтаксических деревьев. Лексическим деревьям строгая иерархия несвойственна. Последнее следует понимать, как возможность построения более чем одного семантического дерева на одних и тех же семантических дифференциальных признаках. В отличие от строго иерархических синтаксических деревьев субкатегоризации «интерпретативисты», учтя опыт Каца и Фодора (Katz, Fodor 1963), Каца и Постала (Katz, Postal 1964), предлагают для описания лексической семантики деревья другого типа, которые называются «ветвящимися диаграммами» (branching diagrams). См. рис. 1.

У дерева, показанного на рис. 1, во главе иерархии помещено противопоставление существительных по признаку Common/Proper. Очевидно, что это не единственный способ упорядочения признаков, помещенных в вершинах узлов. Можно построить столько равноправных деревьев, сколько используется противопоставляющихся признаков. В зависимости от структуры дерева набор семантических дифференциальных признаков, приписываемых терминальным узлам, будет упорядочен по-разному. Если основные опорные семы соответствуют более высоким ступеням иерархии, а неосновные, периферийные, — более низким, то удельный вес

сем будет всегда зависеть от структуры дерева, т. е. от характера признаков, распределяющихся по узлам иерархии.

Основное отличие деревьев фразовых структур (деревьев субкатегоризации) от «ветвящихся диаграмм» заключается по нашему мнению, в наличии/отсутствии строгой иерархии ступеней абстракции.

Следует заметить, что терминальные узлы у ветвящейся диаграммы (lexical entries) являются не словами, а лексико-семантическими вариантами слов. Если учитывать полисемию, то некоторые слова, в частности dog попали бы одновременно более чем в один терминальный узел. Так третье значение слова dog 'Mechanical device for gripping; metal support for burning wood or for grate or fire irons' попало бы в ту же точку, что и слово book, а его четвертое значение '(fig) person, losing a fight, one who is in a state of inferiority or subjection' попало бы в ту же точку, что и слово boy. Следовательно «ветвящиеся диаграммы» или, как мы их предпочитаем называть «классификационные деревья» для структурирования лексической семантики целесообразно применять не к лексеме как совокупности лексико-семантических вариантов слова, а к отдельным лексико-семантическим вариантам слова (ЛСВ).

Открытым, однако, остается вопрос о порядке ступеней, т. е. рангах иерархии.

Равноправие фонологических и семантических дифференциальных признаков, в отличие от синтаксических, открывает пути для множественности иерархий. Очевидно, в области лексической семантики, как и в области фонологии продуктивным является метод комбинаторного исчисления возможных сочетаний дифференциальных признаков (Вилюман 1977, 1980).

Рассмотрим теперь, как относятся к структурированию словообразовательного значения в советском и зарубежном языкознании.

Не вдаваясь в полемику о том, сводимо ли словообразовательное значение к значению словообразовательного форманта, определим словообразовательное значение как ту часть значения слова (точнее, ЛСВ), которую придает ему формант, точнее, формант в одном из своих значений — семантико-словообразовательный вариант (ССВ). (Ср. Хидекель 1975; Манучарян 1974, 1976).

При структурном описании словообразовательного значения имеют место также два подхода: синтаксический (Lees 1960, Соболева 1964, Marchand 1966, Степанова 1977, Никитевич 1975, 1976; Волоцкая 1965; Кубрякова 1977, 1980; Гинзбург 1972, 1979; Ворожцов 1978, Калиущенко 1979, Сахарный 1980 и др.) и асинтаксический, или классификационный, типичными представителями которого являются разделы словообразования в АГ 70 и ГРЯ 80. См также Земская 1973, Улуханов 1977, Хохлачева 1975, Соболева 1980, Милославский 1980 и др.

Под асинтаксическим подходом к толкованию словообразовательного значения мы понимаем объяснение его через частиречные (категориальные) и лексические свойства производящего и производного, например: «Существительное с суф. *-льник*. . . называет предмет (орудие, приспособление), предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим словом. Мотивирующие — глаголы несовершенного вида: *паять — паяльник*, *будить — будильник*» (ГРЯ 80, 145).

Под синтаксическим подходом к толкованию словообразовательного значения мы понимаем объяснение его через семантическую схему высказывания, либо через компоненты грамматической схемы словосочетания или предложения, содержащего производящее слово. Е. С. Кубрякова, например, следуя чешской лингвистической традиции (Dokulil 1962, 196—197), усматривает фундаментальную аналогию между ономасиологическим базисом/ономасиологическим признаком и двухчастным строением производных и сложных слов. При этом она обнаруживает различного вида компрессии поверхностных синтаксических структур или деривацию глубинных структур в производные и сложные слова.

О максимально полном учете синтаксического и лексического контекстов производящего см.: Кубрякова 1980 (ср. Гинзбург 1972, 1977).

Б. Н. Ворожцову (1978) на материале французского языка и В. Д. Калиущенко (1979) на материале немецкого языка удалось установить словообразовательные значения (семантико-синтаксические типы) отыменных глаголов на основании функции мотивирующего имени в обозначении элементов ситуации, выражаемой отыменным глаголом — предикатом и его аргументами. Формулы толкования значений представляют собой предикатно аргументные структуры, где мотивирующие имена выступают в качестве актантов, сирконстантов или характерных свойств тех или других.

Наиболее развернуто синтаксический подход к толкованию словообразовательного значения выступает в работах Е. Л. Гинзбурга, который различает синтаксическую и лексическую деривации (1972, 1979 и др.) (ср. Куриловч 1962). Синтаксическим остается подход к словообразовательному значению и при характеристике так называемой «лексической деривации»: «Производное является лексическим дериватом, если (помимо обозначения одного или нескольких семантических компонентов схемы предложения с производящим в его первичной синтаксической функции) оно ... фиксирует семантические и/или лексические ограничения на реализацию схемы предложения, в котором употреблено производящее» (Гинзбург 1972, 334). Автор противопоставляет чисто синтаксический дериват *изгнанник*, играющее роль субъекта каузируемого состояния в исходной структуре, лексическим дериватам *привычник* и *наемник*, играющим ту же синтаксическую роль.

Однако последние фиксируют различные лексические ограничения на реализацию схемы предложения с производящим. В этой и последующих работах Е. Л. Гинзбург постоянно подчеркивает, что всякий лексический дериват есть вместе с тем и синтаксический дериват, но не обратно. Е. Л. Гинзбургу принадлежит также идея универсального исчисления словообразовательных значений. На этом мы остановимся ниже.

Следует отметить, что в рамках синтаксической трактовки сложилось два подхода к изучению словообразовательного значения. Первый подход (Павлов 1972, Никитевич 1975, 1976; Степанова 1977, Сахарный 1980 и др.) исходят из предположения о том, что слово есть компрессия поверхностной структуры словосочетания или предложения.

Второй подход (Хидекель 1969, Кубрякова 1977, 1980, Храковский 1979, Гинзбург 1972, 1979 и др.) исходит из положения о равнопроизводности словосочетания (предложения) и производного (сложного) слова по отношению к глубинной структуре, имеющей форму актантной структуры высказывания.

Для асинтаксического подхода к трактовке словообразовательного значения существенным является понятие «компонент значения» (сема, семантический дифференциальный признак). Термином «компонент значения» пользуется, например, И. С. Улуханов в монографии «Словообразовательная семантика в русском языке» (1977, 207—212) при описании парадигматических связей значений ковариантных аффиксов.

Согласно И. С. Улуханову, глаголы типа *взлететь*, *вспениться*, *взволноваться*, *взметнуться* совмещают в формантной части своего значения семантические компоненты направленности, интенсивности, начальности, совершенности. Пример из монографии И. С. Улуханова интересен, в частности, тем, что показывает совместимость в одном словообразовательном значении трех качественно разнородных семантических дифференциальных признака — локативного, квантитативного и темпорального. Объективация того или иного признака зависит от семантического разряда производящего глагола.

Анализируя синтагматику компонентов значения, в частности компонентов значения, привносимых приставкой *из-* в глагол *изранить*, И. Г. Милославский говорит о взаимодействии сем производящего *ранить* и форманта *из-*. Учитывая двувидовой характер глагола *ранить*, автор приписывает ему одновременно два противоположных набора сем: «процессность» и «многократность», «целостность и однократность». Форманту *из-* «многообъектность», «многократность» и «целостность (результативность)». В производном глаголе *изранить* остаются семы «многообъектности», «многократности» и «целостности (результативности)». Ср. *изранить солдат* и *изранить грудь* (Милославский 1980, 57—58).

Однако в рамках асинтаксического подхода к словообразовательной семантике нам неизвестны опыты иерархизации дериватем, т. е. семантико-словообразовательных дифференциальных признаков.

Отсутствие попыток структурировать словообразовательное значение объясняется, по-видимому, презумпцией равноправия дериватем в пределах лексико-семантических вариантов слов.

В области порождающей грамматики также имеют место два подхода к описанию словообразовательной семантики: асинтаксический («лексикалистский») и синтаксический («трансформационалистский») «Лексикалисты» относятся скептически к трансформационному выводу значений даже у абстрактных отглагольных и отадъективных существительных (если отглагольные имена не герундиальны) типа eagerness, refusal, criticism. Из соответствующих производящих предложений John is eager to please, John has refused the offer, John criticized the book грамматически, т. е. по строгим трансформационным правилам, выводимы: John's being eager to please, John's refusing the offer, John's criticising the book, в то время как John's eagerness to please, John's refusal of the offer, John's criticism of the book не могут быть получены, если не осложнить чрезмерно характер трансформационных правил.

Предпочитая простоту и прозрачность трансформационных правил и соизмеримость удельных весов лексического и трансформационного компонентов грамматики, «лексикалисты» предлагают рассматривать номинализированные существительные (не герундиальные) как именные фразы, которые следует задавать с помощью лексических дифференциальных признаков (lexical features).

«Трансформационалистов» же (сторонников порождающей семантики) не смущает усложнение трансформационного компонента грамматики для получения поверхностных структур с производными словами. Показательна в этом отношении работа «When nouns surface as verbs» (Clark E. V. and Clark H. H., 1979), где для отыменных безаффиксальных глаголов в английском языке предлагаются довольно сложные глубинные структуры (семантические представления), предполагающие многоступенчатые этапы вывода. Например, для поверхностной структуры Jane blanketed the bed 'Джейн положила одеяло (одеяла) на кровать, букв.* Джейн ободеялила кровать' (ср. рус. *асфальтировать, аттестовать, бальзамировать, вакцинировать, солить, перчить*) предлагается следующая производящая структура, содержащая «parent clause» [1]: Jane did something to cause it to come about that [the bed had one or more blankets on it] (769) '* Джейн сделала

[1] «Родительское придаточное предложение». Оно в квадратных скобках.

нечто для того, чтобы каузировать, чтобы имело место, что кровать имела одно или более одеяло'.

А для предложения Kenneth kenneled the dog 'Кенет посадил собаку в конуру, букв. * Кенет оконурил собаку'. Ср. рус. *госпитализировать, складировать, прикарманить, приземлить(ся)*) — глубинное предложение Kenneth did dosmething to cause it to come about that [the dog was in a kennel] '*Кенет сделал нечто для того, чтобы каузировать, чтобы имело место то, что собака находится в конуре'. Если упростить первое «parent clause», то получится The blanket(s) is (are) on the bed. Сравнение первого и упрощенного второго придаточных предложений (parent clauses) выявляет конверсные отношения между ними: Loc (blanket, bed) и Loc (dog, kennel). В первом случае поверхностным глаголом становится первый аргумент (субъект) погруженного предложения, во втором — второй аргумент (объект или сиркумстант).

На языке трансформационных деревьев (Postal 1972, Mc Cawley 1971) порождение предложений с погруженным локативом, в частности The boy porched the newspaper 'Мальчик положил газету на порог', которое Е. В. Кларк и Х. Х. Кларк представляют в скобочной нотации: (Cause (Do (the boy, something), Come-about (On (the newspaper, porch))), показано на рис. 2.

Привативные отыменные глаголы типа peel (the potato), stone (the cherry), bone (the fish), skin (the rabbit) etc. имели бы не четыре, а пять ступеней иерархии — соответственно четыре погруженных предложения (рис. 3). Ср. рус. *обездолить, обезводить, обезвредить, обезуглеродить, обесцветить* и под. Последнее, самое глубокое погружение может также иметь вид Have (rabbit, skin). Предикаты типа Cause, Do, Come-about, Have, Be, Like и под. авторы (Е. В. Кларк и Х. Х. Кларк) называют лексическими константами [2] (с. 785).

Еще более сложные трансформационные деревья пришлось бы строить для субъектных предикатов типа to butcher the cow, to jockey the horse, to general the army, to monitor the exam, to chairman the department и под. Ср. рус. *адвокатствовать, буянить, балагурить, батрачить, дирижировать, сторожить, хулиганить* и под. В последнем случае поверхностное и глубинное представление, по мнению Е. В. Кларка и Х. Х. Кларк, соответствует следующим парам: (a) John butchered the cow, (b) John did to the cow the act that one would normally expect a butcher to do to the cow '(a) Джон зарезал корову (butcher$_n$ 'мясник') (б) *Джон совершил по отношению к корове поступок, который естественно ожидать, что мясник совершит по отношению к корове'.

[2] Ср. лексические функции, лексические параметры в грамматике «Смысл-текст».

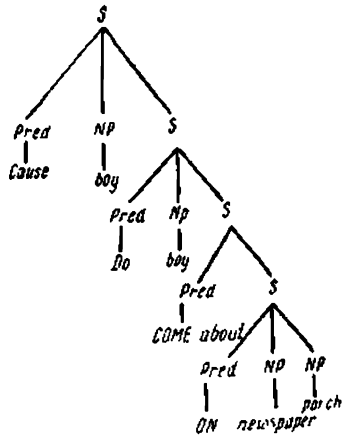

Рис. 2.

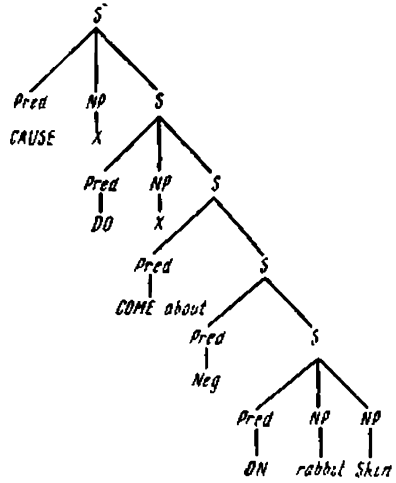

Рис. 3.

Авторы не предлагают скобочкой, а следовательно и древовидной нотации для исходного семантического представления (б), т. е. субъектной ситуации. В рамках порождающей семантики нам эта задача тоже представляется трудной.

Ср., однако, Е. Л. Гинзбург («Существительное в маске глагола», 1981), который в терминах аппликативной порождающей грамматики (развиваемого им локалистского варианта ср. Andersen 1971 и Fillmore 1963, 1971) предлагает компактную запись семантического представления для поверхностной субъектной ситуации типа John butchered the cow (ср. русское *врачевать*, *пилотировать*, *конвоировать*).

Вполне вероятно, что для большинства производных слов, характеризующихся регулярностью образования, можно сконструировать семантико-синтаксические представления и выводы различной степени сложности в терминах порождающей грамматики: порождающей семантики либо аппликативной порождающей модели. Аппарат последней, на наш взгляд, дает более тонкое описание.

Однако не следует, как нам кажется, впадать в крайность и настаивать на синтаксическом подходе к описанию словообразовательных значений любого типа (даже в рамках порождающей грамматики). Это касается производных с высокой степенью лексикализации, а также производных, возникших не путем транспозиции. См. например Кубрякова 1977, 127 и 1980, где автор удачно совмещает синтаксический и компонентный подходы при описании словообразовательных значений.

Показательна в этом плане критика М. Д. Степановой транс-

формационного подхода к образованию префиксальных глаголов в немецком языке: Wilhelm malt Bilder an die Wand — Wilhelm bemalt die Wand mit Bildern. Глагол bemalen предполагает полный охват предмета действием, чего нет в предложении с глаголом malen. То же касается ряда соответствующих примеров с глаголами beschmieren (по сравнению со schmieren), bestreuen (по сравнению с streuen), bedecken (по сравнению с decken), etc. (Степанова 1977, 139).

Как нам представляется, областью, где синтаксический подход дает наименьшие результаты, является область идентифицирующего словообразования. Именно здесь целесообразно применять не семантико-синтаксический вывод, а осуществлять иерархизацию семантико-словообразовательных дифференциальных признаков (деривасем). Сюда относятся отыменные имена (за исключением слов типа *шахтер*, *киоскер*, *лыжня*, *сырня*, скрывающих в себе пропозиции), отадъективные прилагательные и отглагольные глаголы со значениями способов глагольного действия (в том числе и локативными).

Семантико-словообразовательные дифференциальные признаки можно упорядочивать с помощью многоступенчатых бинарных членений — метода, широко применяемого при описании (как генеративном, так и таксономическом) различных уровней языковой структуры. Р. Якобсон и М. Халле, например, полагают, что дихотомическая система «без всякого сомнения может рассматриваться как неотъемлемое свойство лингвистической системы» (Jakobson, Halle, 1960) [3].

Ниже структура словообразовательных значений префиксальных глаголов представлена в «чистом» виде, т. е. без грамматического значения перфективатора (значения целостности, нейтральной результативности).

Для того чтобы избежать, насколько возможно, трудности, с которыми столкнулись «интерпретативисты» при построении «ветвящихся диаграмм» (классификационных деревьев), т. е. устранить множественность возможных иерархий сем, мы делаем попытку расположить семантические дифференциальные признаки по мере убывания степени их генерализации. Для этого были выделены опорные характеристики, лежащие в основе всех трех типов отглагольно-глагольных деривасем: локативных, темпоральных и квантитативных. Для верхнего уровня трех иерархий был выбран признак, общий для трех типов значений — это отношение действия к его возможным ограничителям: временным, пространственным и количественным. Для дерева темпоральных значений основным дифференциальным признаком служит ограниченность действия временным пределом с одной, либо с обеих сторон. К первым относятся начинательные и окончательные гла-

[3] Цит. по монографии Н. Г. Комлева (М., 1969, 33).

голы, ко вторым детерминативные, пердуративные и моментальные глаголы (Соболева 1980, 230—236). Для дерева локативных значений в качестве опорного выбран признак характера пространственных пределов, ограничивающих действие. Пределом служит либо плоскость, либо замкнутое пространство. К первым относятся действия, совершающиеся относительно плоскости (пересекающие, непересекающие ее, направленные к ней, от нее, вверх, вниз). Ко вторым — действия, совершающиеся относительно замкнутого пространства (пересекающие, непересекающие, огибающие его) (Соболева 1980, 236—240).

С точки зрения количественных ограничителей действия подразделяются на состоящие из ограниченных отрезков — квантов (мы их назвали кратными) и действия без ограничителей (неквантованные, некратные) (Соболева 1980, 241—251).

Для иллюстрации приведем дерево локативных словообразовательных значений, как наименее спорное из рассматриваемых в цитированной выше монографии автора (рис. 13). Дерево состоит из восьми ступеней иерархии, причем только лишь две нижние ступени, начинающиеся от узла 00111, допускают неединственность упорядочения (ср. рис. 4 и одноименные узлы на рис. 13).

Как было указано выше, квалификация действия, связанная с условиями его протекания в пространстве, дается с точки зрения его отношения к пространственным пределам, а также характера самих пределов.

Указанные свойства могут быть классифицированы на основе следующего набора дифференциальных признаков:

(1) Предел представляет собой либо плоскость (00), либо замкнутое пространство (01). Если предел плоскость, то возможно следующее:

(2) Действие пересекает предел (000), либо действие не пересекает предел (001). Пересечение действия с пределом соответствует глаголам конечной составляющей типа *проехать*, *прожечь*, *пробуравить*, *провезти*, *прогрызть*, *продавить*; *перенести*, *перебрести*, *перевезти*, *перейти*, *перекатить*, *перекочевать*, *перелететь*, *перепилить*, *перетащить* (рис. 5).

Если действие не пересекает предела, то возможно следующее:

(3) Действие может быть направлено к пределу с двух сторон (0010), либо с одной стороны (0011). При двусторонней направленности действия в соответствующем конечном узле помещаются глаголы типа *сблизиться*, *съехаться*, *сомкнуться*, *совладать* (рис. 6).

(4) При односторонней направленности действия оно может быть параллельным пределу (00110), либо наклонным по отношению к нему (в частности, перпендикулярным) (00111). Если действие параллельно пределу, то возможно следующее:

(5) Действие может происходить под пределом (001100) либо над пределом (001101) (рис. 7). В первом случае на конечной со-

ставляющей дерева порождаются глаголы типа *подстелить*, *подсунуть*, *подплыть* (под мост), *подбежать* (под навес) и др. Во втором — глаголы типа *намазать*, *намылить*, *навощить*, *накатить* — 'катя, поместить что-л.', *наехать*, *наклеить*, *налепить*, *намалевать*, *нацарапать*, *нагрязнить*, *намерзнуть*, *насорить*. Если действие наклонно, в частности перпендикулярно, пределу, то возможно следующее разбиение по характеру направленности действия:

(6) Действие может иметь либо горизонтальное (001110), либо вертикальное направление в пространстве (001111). (Термины «горизонтальный» и «вертикальный» следует понимать приблизительно).

Если действие направлено горизонтально, то возможны две вероятности:

(7) Направление действия от vs к пределу (рис. 8).

В первом случае (0011100) в конечном узле дерева помещаются глаголы типа *увести*, *угнать*, *уйти*, *укатить*, *унести*, *уманить*, *унести*; *отвезти*, *отнести*, *оттащить*, *отбросить*, *отлететь*, *отломать*, *отмокнуть*. Во втором (00111101) — *добрести*, *довезти*, *дорыть*, *дотащить*; *подойти*, *подвести*, *поднести*, *подкатиться*; *приволочь*, *приехать*, *прийти*, *принести*, *приволочь*, *приклеить*, *прилепить*, *припаять* и др. Если действие направлено вертикально, то имеются также две возможности:

(8) Действие направлено вверх, либо вниз по отношению к пределу. Если действие направлено вверх, возможно следующее:

(9) Действие может направляться вверх от предела или вверх к пределу (рис. 9). В первом случае перечисленный набор дифференциальных признаков реализуется глаголами типа *надстроить* — 'строя, увеличить высоту, строя, добавить', *надклеить*, *надвязать*, *надписать*, *надсыпать*, *надшить*; *возвести*, *воспарить*; *подлететь* 'взлететь вверх', *подбросить*, *подпрыгнуть*. Во втором случае такими, как *подпереть*, *подставить*, *подтолкнуть*; *влезть*, *взлететь*, *взойти*, *вскарабкаться*, *втащить*, *подняться* и др. Если действие направлено вниз по отношению к пределу, то возможно следующее разбиение:

(10) Действие направлено вниз от предела или вниз к пределу (рис. 10). В первом случае это глаголы типа *сойти* (с самолета), *слететь*, *слезть*, *срубить* (с корня), *очистить*, *скатить*, *снять*, *сострогать*, *сползти*, *спуститься* (с крыши), *срыть*, *низойти*, *низвергнуть*, *ниспасть*, *сползти*. Во втором это глаголы типа *осесть* (на дно), *опуститься* (на пол), *смести* (на землю), а также некоторые глаголы, относящиеся к первому случаю, но с уточняющим обстоятельством: *спуститься* (на этаж), *сойти* (на землю), *сползти* (на пол) и т. д. Оба подкласса дифференцируются, как правило, с помощью контекста. Если предел представляет собой замкнутое пространство (01), то:

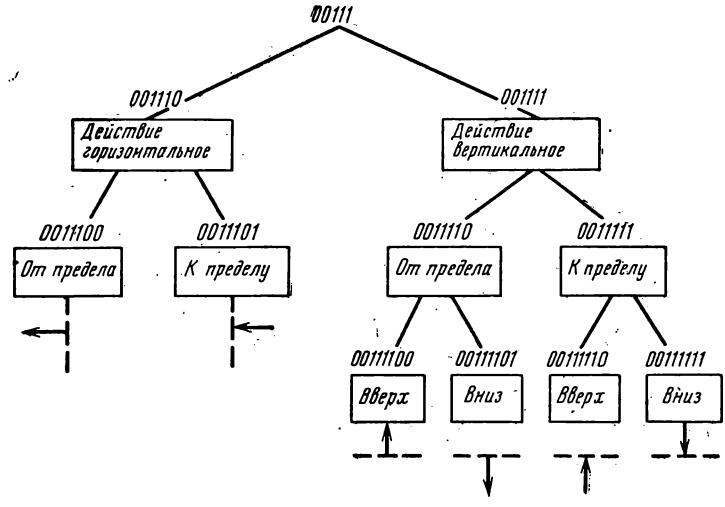

Рис. 4.

Рис. 5.

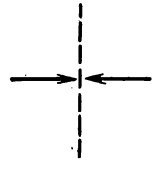

Рис. 6.

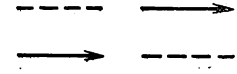

Рис. 7.

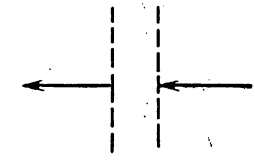

Рис. 8.

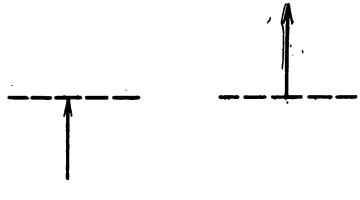

Рис. 9.

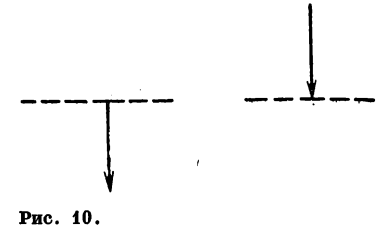

Рис. 10.

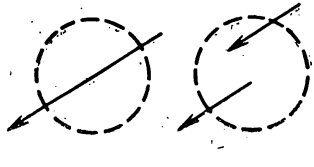

Рис. 11.

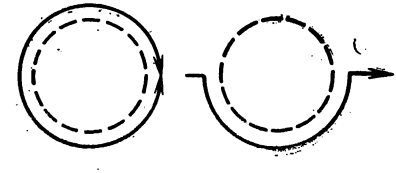

Рис. 12.

(11) Действие может нарушать (010)/не нарушать (011) предела. Если действие нарушает предел, то возможно следующее:

(12) Действие рассекает (0100)/пересекает предел (0101). (рис. 11). В первом случае порождается конечная составляющая — глаголы типа *разломать*, *развести*, *разгрести*, *разгрызть*, *разорвать*, *разрубить*, *распилить*, *рассечь* и др. При пересечении действием предела возможны также два случая: в первом случае приведенный набор признаков порождает конечную составляющую — глаголы типа *вкатить*, *вдолбить*, *вползти*, *влить*, *вместить*, *вмонтировать*, *войти*, *втолкать* и др., а также *упечатать* — 'печатая, уместить', *уверстать*, *умотать*, *унюхать*, *утаскать* и др. (01010); во втором — *вылить*, *выбросить*, *изгнать*, *излить*, *истечь* и др. (01011). Если действие не пересекает замкнутое пространство, мыслимое как предел (011), то возможны два случая:

(13) Действие замыкает (0110)/не замыкает (0111) предел, (рис. 12). В первом случае набор перечисленных выше дифференциальных признаков характеризует конечную составляющую дерева и реализуется в глаголах *объехать* — 'проехать вокруг', *обойти*, *обнять*, *обнюхать*, *обжарить* — «поджарить со всех сторон', *обмылить*, *обсадить* и др. Во втором — в глаголах типа *обежать* — 'пробежать мимо чего-н., находящегося на пути движения', а также *обойти* и *обогнуть* в значении 'направить действие мимо предела, находящегося на пути движения'; *проехать* (линию чего-л.), *пробежать*, *пройти*, *прокатить*. *промчаться*, *проплыть*; *заехать* (за угол), *забежать*, *заглянуть* (за что-л.), *заплыть* (за мост) и др. Различие между (0110) и (0111), как правило, контекстно обусловлено. Последними подклассами глаголов исчерпываются случаи пределов, мыслимых как замкнутое пространство. Перечисленные выше 13 дифференциальных признаков порождают 26 классов локативных глаголов. В качестве конечных составляющих выступают пятнадцать.

Каждый класс полностью охарактеризован набором порождающих его дифференциальных признаков. Например, класс глаголов типа *обойти*, *объехать* (вокруг) характеризуется как действие, ориентированное относительно замкнутого пространства, не пересекающее его и замыкающее предел.

Класс глаголов типа *разрубить*, *разделить* характеризуется как действия, ориентированные относительно замкнутого пространства, пересекающее предел и рассекающее его. Класс глаголов типа *осесть*, *опуститься*, *слезть* (на пол) характеризуется как ориентированное относительно плоскости, не пересекающее ее, однонаправленное к ней, наклонное, вертикально направленное вниз к пределу. См. дерево локативных пределов на рис. 13.

Предлагаемое нами древовидное представление деривасем позволяет делать заключения об относительной простоте или сложности словообразовательных значений. Если значение складывается из небольшого числа дифференциальных признаков, оно

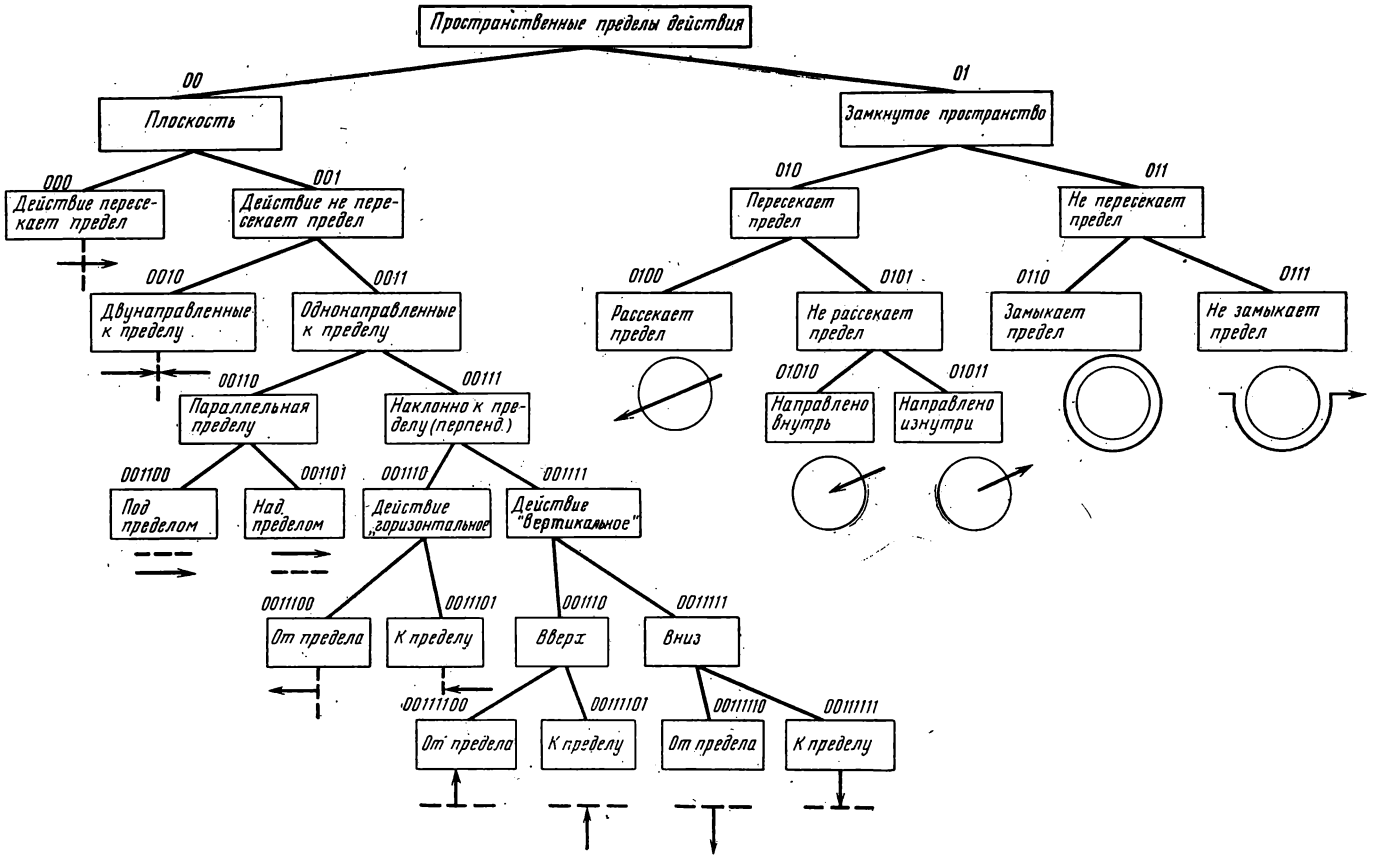

Пространственные пределы действия
00
Плоскость
01
Замкнутое пространство
000
Действие пересекает предел
001
Действие не пересекает предел
010
Пересекает предел
011
Не пересекает предел
0010
Двунаправленные к пределу
0011
Однонаправленные к пределу
0100
Рассекает предел
0101
Не рассекает предел
0110
Замыкает предел
0111
Не замыкает предел
00110
Параллельная пределу
00111
Наклонно к пределу (перпенд.)
01010
Направлено внутрь
01011
Направлено изнутри
001100
Под пределом
001101
Над пределом
001110
Действие „горизонтальное"
001111
Действие „вертикальное"
0011100
От предела
0011101
К пределу
00111100
От предела
00111101
К пределу
00111110
Вверх
00111111
Вниз
00111110
От предела
00111111
К пределу

Рис. 13.

простое. Если из относительно большого, оно сложное. Например, действие глаголов *сблизиться*, *съехаться*, *сомкнуть*, *сварить* (цистерну) и под. складывается из трех дифференциальных признаков: действие, ориентированное относительно плоскостного предела, не пересекающее его, двунаправленное относительно последнего. Действие глаголов *взметнуться*, *вспениться* набирает семь дифференциальных признаков: действие, ориентируемое относительно плоскостного предела, не пересекающее его, однонаправленное по отношению к пределу, наклонное (перпендикулярное), вертикальное, направленное вверх от предела.

Семантические дифференциальные признаки иерархически упорядочены. Перечисляя их при характеристике какого-либо класса глаголов (ЛСВ), следует спускаться сверху вниз по дереву, как мы только что сделали при описании значений глаголов *сблизиться*, *съехаться*, *взметнуться*, *вспениться*. На первое место ставится наиболее общий признак, за ним следуют последовательно подчиненные признаки.

Порядок подчинения продиктован структурой дерева.

Древовидное представление компонентов словообразовательного значения дает возможность измерять расстояние между значениями. Так, относительно небольшое семантическое расстояние имеет место между глаголами типа *подстелить*, *подсунуть*, *подлезть*, *подплыть* (под мост) и *намазать*, *намылить*, *накатить*, *навощить*. Они различаются всего лишь одним семантическим дифференциальным признаком: действие происходит под/над пределом. Большим семантическим расстоянием характеризуются словообразовательное значение глаголов *увезти*, *отнести*, *отбросить* и *разрубить*, *рассечь*, *разделить*. Расстояние между этими классами на дереве — семь шагов (узлов).

Локативное дерево семантических дифференциальных признаков так же, как и темпоральное и квантитативное деревья, построенные по аналогичным принципам, используются для описания структуры словообразовательного значения, выяснения его гомогенности (принадлежности всех сем к одному и тому же дереву), либо гетерогенности (принадлежности сем к разным деревьям), квалификации словообразовательной полисемии, т. е. набору словообразовательных значений в производном слове, а также определению границы между полисемией и омонимией (Соболева 1980).

Предлагаемые древовидные диаграммы семантических дифференциальных признаков представляется возможным рассматривать как своего рода семантико-словообразовательные поля. Фундаментальным для понятия лингвистического поля как синхронной семантической системы является: а) понятие инварианта поля и б) понятие структуры поля, т. е. сети отношений между его элементами. С этой точки зрения рассмотренные системы упорядочения признаков отвечают понятию поля.

1) Оппозиция наиболее генерализованных семантических дифференциальных признаков, лежащая в вершине иерархии, остается инвариантом для всех ее ступеней.

2) Место каждого семантического разряда производных в системе обусловлено его противопоставлением всем остальным разрядам [4].

Таким образом, характеристика семантического представления словообразовательных значений, как они изложены выше и в монографии «Словообразовательная полисемия и омонимия» (Соболева 1980) сводится к следующему: это асинтаксические бинарные классификационные деревья с нежесткой иерархией в некоторых узлах низших уровней.

Три дерева словообразовательных значений — локативное (L), темпоральное (T) и квантитативное (Q) можно рассматривать как три сечения модели словообразовательно-семантического пространства. Значения, складывающиеся из гетерогенных сем, т. е. сем, попадающих в узлы разных деревьев, являются областью пересечения полей L, T, Q.

Изложенное выше — один из возможных способов асинтаксической иерархизации, т. е. упорядочения словообразовательных значений.

ЛИТЕРАТУРА

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Барченкова М. Д. Смысловое представление предложений в трансформационной порождающей грамматике. — В сб. Проблемы порождающей грамматики и семантики. М., 1976.

Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения. — В кн. *Э. Бенвенист.* Общая лингвистика. М., 1974.

Вилюман В. Г. Семантические и функциональные связи слов и их синонимия в современном английском языке. — Автореф. докт. дис. Л., 1971.

Вилюман В. Г. Английская синонимика. М., 1980.

Волоцкая З. М. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы. — В кн.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1965.

Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. — В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.

Гинзбург Е. Л. Синтаксическая и лексическая деривация. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972.

Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.

Гинзбург Е. Л. Существительное в маске глагола. — В кн.: Семантика, слово и предложение. Пермь, 1981.

Грамматика русского современного литературного языка. М., 1970 (АГ 70).

Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1962, вып. 2.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

[4] Ср. с понятием Т-поля в АПМ (Основания порождающей грамматики русского языка. М., 1968, 299—300).

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
Кубрякова Е. С. Семантика синтаксиса и некоторые проблемы теории словообразования. — В кн.: Вопросы романо-германской филологии: Синтаксическая семантика. М., 1977, вып. 112.
Кубрякова Е. С. Семантика производного слова. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980.
Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962.
Манучарян Р. С. Словообразовательное значение в различных аспектах. — В кн.: Русский язык. Вопросы теории и методики. Ереван, 1976.
Манучарян Р. С. К типологии словообразовательных значений. — Изв. ОЛЯ, т. XXXIII, М., 1974.
Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
Никитевич В. М. О деривационном аналитизме. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Учен. зап., т. 143. Ташкент, 1975.
Никитевич В. М. О глубинной структуре деривационного ряда. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. II. Науч. труды, т. 174, Ташкент, 1976.
Основания порождающей грамматики русского языка. М., 1968.
Русская грамматика. I. М., 1980 (ГРЯ 80).
Сахарный Л. В. Словообразование в речевой деятельности. Автореф. докт. дис. Л., 1980.
Соболева П. А. Место семантического компонента в трансформационной порождающей грамматике. — В сб.: Проблемы порождающей грамматики и семантики. М., 1976.
Соболева П. А. Семантика в трансформационной грамматике. — В кн.: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977.
Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.
Степанова М. Д. К вопросу семантических корреляций синтаксических и словообразовательных структур. — Сб. Науч. труд. Моск. пед. ин-та иностр. яз. М., 1977, вып. 112.
Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии. — В кн.: Славянское языкознание, М., 1968.
Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.
Хидекель С. С. Сложные слова и свободные словосочетания в современном английском языке. — Учен. зап. Курского ГПИ, т. 63. Орел, 1969.
Хидекель С. С. Некоторые спорные вопросы строения словообразовательной модели. — В кн.: Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку, вып. 3. Владивосток, 1975.
Хохлачева В. Н. Словообразование имен существительных в русском языке. Докт. дис. М. 1975.
Храковский В. С. Синтактическая деривация и словообразование. — В кн.: Словообразование и фразообразование. Тезисы докл. научн. конф. М., 1979, с. 110—112.
Шведова Н. Ю. О некоторых методах семантического анализа словообразования. — Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку, вып. 6. Владивосток, 1978.

Anderson J. M. The grammar of case, towards a locative theory. London, 1971.
Clark E. V. and *Clark H. H.* When nouns surface as verbs. — Language, vol. 55, № 4, December 1979.
Dokulil M. Tvoření slov v češtine, I. Praha, 1962.
Jakobson R., Halle M. Grundlagen der Sprache. Podstawy języka. Wrocław, 1960.
Fillmore, Charles J. The case for case. Universals of linguistic theory, ed. by Emmon Bach and Robert T. Harms, 1—88, New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968.

Fillmore, Charles J. Some problems for case grammar. Linguistic developments of the sixties — Viewpoints for the seventieth, ed. by Richard J. O'Brien. Monograph series of languages and linguistics, Georgetown university, 24, 1971.
Greimas A. Semantique structurale. Larousse, 1966.
Katz J., Fodor J. The structure of a semantic theory. Language, 1963, 39, № 2.
Katz J., Postal P. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge, Mass., 1964.
Lakoff G. On generative semantics. — In: Semantics, Cambridge, 1971.
Lakoff G. On derivational constraints. — Papers from the Fifth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society, 1969.
Lees R. The grammar of English nominalizations. — International Journal of American Linguistics, № 1, 1960.
Marchand H. On attributive and predicative derived adjectives and some problems related to their distinction. — Anglia, 1966, v. 84, № 2.
Mc Cawley J. Prelexical Syntax. Linguistic developments of the sixties — Viewpoints for the seventieth, ed. by Richard J. O'Brien. Monograph Series on Language and Linguistics, Georgetown University, 24, 19—33, 1971.
Mc Cawley J. Grammar and meaning; papers on syntactic and semantic topics. Tokyo, Taishukan publ., 1973.
Pavlov V. M. Die substantivische Zusammensetzung im Deutschen als syntaktisches Problem. München, 1972.
Postal P. On the surface verb «remind». — Linguistic Inquiry, № 1, 1970.
Postal P. The best theory. — Goals of linguistic theory, ed. by S. Peters. New Jersey, 1972.

Е. Л. ГИНЗБУРГ

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД. II

Что отличает и что связывает формы разнотипных однокоренных единиц лексической системы, например, формы лексико-семантических вариантов (лев) слова — потенциальных членов текста и формы самого слова [1], отличного от любого кодифицируемого перечня его вариантов?

Среди разнообразных форм лексических единиц, лексических и грамматических, синтаксических и морфологических, морфемных и фонетических, нас будут интересовать *словообразовательные* формы, разновидность морфологических форм.

Если о словообразовательной форме лексической единицы говорить как о совокупности необходимых и достаточных условий функционирования этой единицы в качестве компонента слово-

[1] Уместно напомнить то понимание формы слова, которое предлагал В. В. Виноградов (1947, 38): «Всякое слово оформлено уже тем, что оно несет известные грамматические функции, занимает определенное место в грамматической системе языка, подводится под ту или иную грамматическую категорию».

образовательной системы и только в этом качестве, то к образующим одной из двух ее составляющих, ко внутренней форме, относятся способы соотнесения с однокоренными, в частности с первообразным, прежде всего отношения производности, которым она принадлежит как производящее и/или как производное, а к образующим второй ее составляющей, ко внешней форме — морфотактические и фонотактические диакритические средства, в совокупности обеспечивающие фиксацию принадлежности этой единицы к словообразовательным рядам и словообразовательным гнездам и ее места в этих словообразовательных конструкциях.

С учетом сказанного сформулированную проблему можно конкретизировать так. Пусть каждому семантическому представлению однокоренных лексических единиц: слову, значению, оттенку значения сопоставлены — необязательно однозначно — соответствующие словообразовательные формы, а тем самым, по определению словообразовательной формы, заданы такие разновидности их организации, как словообразовательные гнезда (С-гнезда), для каждого типа представлений лексических единиц отдельно. Что изменится, а что останется неизменным при переходе от С-гнезд для одного типа семантических представлений однокоренных лексических единиц к С-гнездам для другого типа семантических представлений однокоренных лексических единиц? Иначе говоря, с какими преобразованиями С-гнезд естественно связывать переход от одного типа лексических единиц к другому? [2]

Предложенный подход к обсуждению сформулированной проблемы удобнее всего реализовать, обратившись к омонимичным словообразовательным формам: разнообразие их ограничено преимущественно разнообразием внутренних форм, что максимально сближает их с обладателями этих форм — лексическими единицами.

ОМОНИМИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОМОНИМИЯ

Омонимия словообразовательных форм обнаруживается в наличии у лексической единицы как производного не менее двух альтернативных словообразовательных форм при отсутствии специальных средств обозначения различий в тех способах ее членения на морфы, которые соответствуют этим

[2] Формулировка проблемы предполагает такие соответствия. А это значит, что необходимо учитывать в словообразовательных формах (и в способах их организации, С-гнездах) только то, что делает разные типы лексических единиц однородными. На наш взгляд, это прежде всего, а может быть только отнесенность лексической единицы к определенной части речи. Поэтому многосортность допускается лишь для лексических, но не для словообразовательных гнезд.

альтернативам. Говоря об альтернативных условиях ее существования и функционирования как производного, мы прежде всего имеем в виду возможность сопоставить ей несколько разных способов соотнесения с первообразным, или деривационных историй, причем переход от одной из них к другой коррелирует с переходом от одной лексической разновидности данной единицы к другой, отличной от нее часто и в ином отношении.

Этикетаж, напр., может интерпретироваться как имя собирательное от первообразного сингулятива *этикетка* и как nomina actionis к глаголу *этикетировать* от того же *этикетка*. Различия в значениях и деривационных историях этих однокоренных слов (слов, не значений, ср. кодификацию в БАС *пилка* < *пила* и *пилка* < *пилить* < *пила*, аналогично *смолка*, *оправка*) никак не отражены ни в составе морфов, ни в их организации. Омонимия словообразовательных форм слова *типаж* отличается от омонимии словообразовательных форм слова в случае *этикетаж* только тем, что одно из значений (!) этого слова мотивировано не производным глаголом, а производными прилагательными *типичный*, *типический*; отличия условия существования этого лсв от лсв слова *типаж*, мотивированного первообразным существительным *тип*, также никак не отражены в особенностях фономорфологической структуры слова *типаж*[3].

Замечание. Различия в деривационных историях, сопоставимых производной лексической единице, далеко не всегда коррелируют с различиями в вещественном значении дериватов, ср. *шпион* > *шпионаж* и *шпион* > > *шпионить* > *шпионаж* и *разумный* > *неразумный* > *неразумность* и *разумный* > *разумность* > *неразумность* — в этой ситуации естественнее, наверное, говорить не об омонимии словообразовательных форм, а о словообразовательной полиформии.

В чем смысл омонимии словообразовательных форм?

Для лексического гнезда (Л-гнезда) это может быть способом обеспечить его регулярность, пополнить его состав единицами с деривационными структурами, которыми не обладает ни одно другое однокоренное слово, так что без них лексическое гнездо в словообразовательном плане было бы дефектным. Это может быть возможностью пополнить состав гнезда кодериватами, а зна-

[3] Это, конечно, не значит, что различия таких лексических единиц вообще не находят выражения. У словообразовательных омонимов *пилка* < *пилить* < *пила* и *пилка* < *пила* они обнаруживаются хотя бы в том, что первое принадлежит к числу singularia tantum, а второе — к binumeralia. Иной пример кодирования различий словообразовательных омонимов с помощью количественных разрядов имен сущ. — слово *движение*. В значении 'перемещение чего-л. в определенном направлении' производное непосредственно возводимо к каузативу *двигать* и принадлежит к разряду sg. t., в значении же 'изменение положения тела или его частей' опирается на *двигаться*, производящее для *двигать*, и обладает обеими полупарадигмами по числу, т. е относится к разряду binumeralia с немаркированным ед. ч.

чит возможностью продублировать уже актуальное соответствие деривационным структурам, конституентам словообразовательного гнезда (С-гнезда).

Возьмем Л-гнездо, содержащее *грешник* и производное от него (при одних интерпретациях) или равнопроизводное с ним (при других) *грешница*. Двойная морфемная членимость слова *грешник* позволяет считать его подобным или *лошадник* < *лошади*, *ключник* < *ключи*, *фокусник* < *фокусы*, *завистник* < *завистъ*, *путник* < *путь*, *дворник* < *двор*, *двоечник* < *двойка*, *птичник* < *птица*, или *заступник* < *заступаться*, *истопник* < *истопить*, *шутник* < *шутить*, *клеветник* < *клеветать*, *шкодник* < *шкодить*, *насмешник* < *насмехаться*, *проводник* < *проводить*, *работник* < *работать*, *путаник* < *путать*, или *озорник* < *озорной*, *старик* < *старый*, *антирелигиозник* < *антирелигиозный*, *сверхсрочник* < *сверхсрочный*, *внештатник* < *внештатный*. Как носитель омонимии словообразовательных форм это слово подобно одновременно словам типа *эстрадник* (< *эстрада*, < *эстрадный* < *эстрада*) или *профсоюзник* (< *профсоюз*, < *профсоюзный* < *профсоюз*) и словам типа *помощник* (< *помощь*, < *помощь* < *помочь*) или *участник* (< *участие*, < *участвовать* < *участие*).

Исключаем на время из состава Л-гнезда со словами *грех* и *грешить* дериваты *грешник* и *грешница*.

Рассмотрим далее ту часть этого гнезда, где нет глаголов и производных от них слов. Она содержит следующие деривационные цепи: 1) *грех* > *грешок*; 2) *грех* > *на грех*; 3) *грех* > *греховный*, *безгреховный*, *грешный*, *безгрешный* > *безгрешность*; *греховность*; 4) *грех* > *грешный*, *безгрешный* > *многогрешный*, *небезгрешный* > *небезгрешность*. Такое гнездо объединено словообразовательной структурой, или С-гнездом, которое показано на рис. 1. Гнездо это является регулярным. Если считать прилагательные *безгрешный* и *безгреховный* не кодериватами *грешный* и *греховный*, а производными от них, соответствующее С-гнездо было бы нерегулярным (рис. 2). Ухудшение качества С-гнезда дает основание отказаться от этой гипотезы.

Качество С-гнезда (1) не ухудшится, если *грешник* считать дериватом от *грех* и кодериватом *грешок*. Более того, оно улучшится, поскольку равнопроизводные от *грех* можно будет линейно упорядочить по убыванию деривационного потенциала и этот порядок будет естественным: A > N > D (рис. 3). Качество С-гнезда не ухудшится, но и не улучшится, если *грешник* считать кодериватом к *безгрешность* (рис. 4).

Таким образом, на этом этапе анализа лучше всего было бы считать *грешник* дериватом от первообразного *грех*.

Рассмотрим теперь Л-гнезда полностью, иначе, Л-гнездо, содержащее не только деривационные цепи (1)—(4), но еще и (5) *грех* > *грешить* > *нагрешить*, *прегрешить*, *согрешить*, *погрешить* >

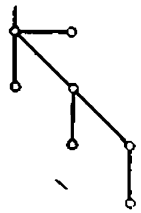

Рис. 1.

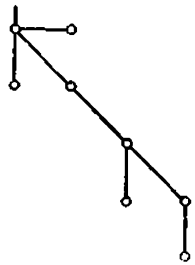

Рис. 2.

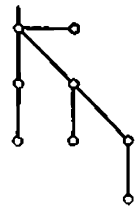

Рис. 3.

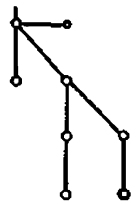

Рис. 4.

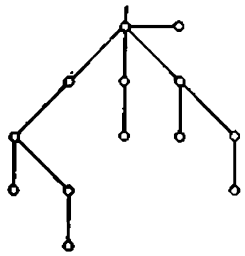

Рис. 5.

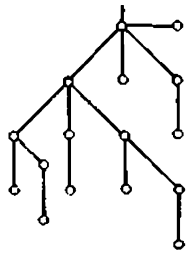

Рис. 6.

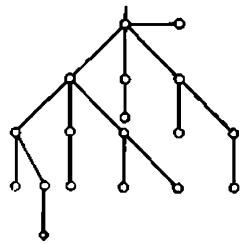

Рис. 7.

прегрешение, *согрешение*, *погрешение*, *погрешность* [4] и (6) *грех* > *грешить* > *погрешить* > *непогрешимый* > *непогрешимость*. Учитывая полученные ранее результаты, этой совокупности однокоренных можно было бы приписать словообразовательную организацию, изображенную на рис. 5. Подобное С-гнездо нерегулярно. Чтобы быть регулярным, оно должно было бы содержать дериваты от *грешить*, как минимум отглагольные существительные и прилагательное. Среди имеющихся лексических единиц на такую роль могут претендовать только *грешник* и *грешный* [5]. Изъятие соответствующих цепочек из неглагольной части Л-гнезда и пополнение ими глагольной его части приписывало бы Л-гнезду структуру, изображенную на рис. 6. Качество словообразовательной организации изучаемого Л-гнезда было бы оптимальным, если бы можно было бы ограничиться лишь пополнением глагольной части без обеднения адъективной. В этом случае мы получили бы то, что изображено на рис. 7.

[4] *Погрешность* — можно было бы рассматривать и как кодериват к *непогрешимость*. В этом случае его должно было бы квалифицировать как результат чересступенчатой деривации, поскольку прилагательное *погрешный* семантически не соотносимо с *погрешность*.

[5] О возможности глагола быть базой для *грешник* см. выше; о возможности глагола быть базой прилагательного на *-н-* и о возможном спектре значений такого прилагательного см. АГ-70, 200; о их синонимии другим словообразовательным типам там же с. 206. Укажем только образцы: *надоедный* < *надоедать*, *скучный* < *скучать*, *проездной* < *проехать*, *ревной* < < *ревать*.

Омонимия словообразовательных форм в лексическом Л-гнезде была бы делом случая, не будь она моделированной, воспроизводимой производными иных Л-гнезд (но тех же словообразовательных типов, которым принадлежат производные, объединяемые омонимией словообразовательных форм в данном Л-гнезде). Помимо словообразовательных форм лексических единиц, словообразовательной системе принадлежат стандарты, которым эти формы соответствуют: словообразовательные модели и типы, ряды и гнезда. Их самостоятельность обнаруживается в наличии между ними связей, не сводимых к отношениям производности и существующих, чтобы понизить тот возможный разброс интерпретаций этих единиц, который задан для них взаимодействием семантики производящего и соответствующего словообразовательного значения [6]. По выполняемой функции они грамматичны и обязательны для любой лексической единицы, если она отвечает соответствующему словообразовательному стандарту. Таковы, напр., принудительные связи словообразовательных моделей или словообразовательных типов и такова же словообразовательная омонимия, то соотношение словообразовательных типов, которое обусловливает омонимию словообразовательных форм лексических единиц, принадлежащих в одно и то же время всем этим типам.

Смысл словообразовательной омонимии тот же, что и у лексической омонимии — обе фиксируют экстремальные условия контактов соответствующих категорий, пределы их дальнодействия. И для отдельного Л-гнезда, и для всей совокупности Л-гнезд значимость омонимии словообразовательных форм, и словообразовательной омонимии состоит, наконец, в том, что они позволяют выявить закрепляемые в соотношениях словообразовательных типов предпочтительные пути членения словообразовательных конструкций, в частности С-гнезд на составляющие, бóльшие, чем словообразовательная пара, но меньшие, чем Л-гнездо. Такие объединения, разумеется, существуют и как группировки наблюдаемых производных, и как блоки не менее реальных языковых образований, но более высокого уровня абстракции, блоки словообразовательных типов и даже деривационных категорий.

Так, словообразовательная омонимия глаголов на *-ничать* выявляет однородность отношений между глаголами в качестве производных и именами, первообразными и производными именами существительными и прилагательными, в качестве производящих: *монтажничать* < *монтажник* < *монтаж*, < *монтаж*; *бездомничать* < *бездомник* < *бездомный*, < *бездомный* (< *дом*); *кустарничать* < *кустарный* < *кустарь*, < *кустарь* или *нахальничать*

[6] Это не исключает существования такой лексической единицы, которая в этих связях (редуцирующих семантическую неопределенность) не нуждается, и прежде всего из-за конкретности производящего.

нахальный < *нахал*, < *нахал*. Совмещение всех этих разновидностей словообразовательной омонимии обнаруживаем в случае *капризничать* < *каприз*, < *капризный*, *каприза* < *капризный* < *каприз* при только отадъективных глаголах на *-ничать*: *фривольничать*, *щепетильничать*, *фамильярничать* и при только отсубстантивных глаголах на *-ничать*: *сотрудничать*, *надомничать*, *тунеядничать*. Для интерпретации *капризничать* в отличие от *капризуля* или *капризный* деривационные различия между *каприза* и *капризы* и даже между ними и *капризный* как бы сняты — этому благоприятствует транспозитивный характер отношений между словообразовательными формами *каприз* и *капризный*, принадлежность деривационных отношений между *каприз* и *каприза*, *капризный* и *каприза* к числу сугубо синтаксических деривационных отношений. Эта как бы снятость деривационных различий верна не только для слов, но и для деривационных категорий производящих.

«Эквивалентности» первообразных и производных, имен существительных и имен прилагательных в качестве производящих для глаголов на *-ничать* могут препятствовать лишь вещественные компоненты значения этих слов, то есть то, что если и является фактором словообразовательной структуры слова, то только его локальных аспектов.

То же, но более жестко демонстрируют двоякомотивированные глаголы на *-ствовать*, во многих Л-гнездах словообразовательные варианты глаголов на *-ничать*. В гнездах с первообразным именем существительным они могут соотноситься либо с ним, либо с производным от него существительным на *-ство* или на *-ствие*: для утверждений об омонимии словообразовательных форм *меценатствовать*, *маклерствовать*, *пиратствовать*, ср. *опекунствовать* < *опекун* < *опекать*, < *опекунство* < *опекать*, показательны данные гнезд, где одна из разновидностей происходящего отсутствует, т. е. где-либо нет отыменного деривата на *-ство/-ствие* и глагол на *-ствовать* мотивирован только первообразным именем существительным — качественно-характеризующим названием лица: *палачествовать*, либо нет названия лица, соотносимого с глаголом на *-ствовать* в качестве производящего: *шествовать*.

При соотнесении с названием лица двоякомотивированные глаголы на *-ствовать* толкуются на базе схемы интерпретации узуальной модальности, исключающей привязанность обозначаемого стандарта поведения лица к какому бы то ни было моменту времени, а при соотнесении с существительными на *-ство/-ствие* — исключительно на базе схемы интерпретации, предполагающей окказиональность действия, реализуемого лишь при некоторых обстоятельствах, в частности временных. В оппозиции этих двух схем интерпретация последняя является маркированной — глаголы, соотносимые с названиями лица, могут осмысляться и как относительные; глаголы, соотносимые с названиями на *-ство*,

только эту интерпретацию и имеют. Еще ярче это различие обнаруживается в случае, когда глагол на *-ствовать* возводим, непосредственно или косвенно, к прилагательному. Если прилагательное является непосредственным производящим, глагол обозначает обладание качеством, если нет, то глагол обозначает проявление качества: *буйствовать*, *безумствовать*, *лукавствовать*, *упрямствовать* (при мономотивированном *поспешествовать*).

Для морфемики русского языка равно двоякочленимыми являются как *маклерствовать* или *меценатствовать*, так и устар. *селадонствовать* или *секундантствовать*. Но для словообразования к глаголам с омонимией словообразовательных форм относятся лишь два первых: только они реализуют оппозицию обозначения вневременного стандарта действий, состояния, поведения и обозначения определенного во времени действия, состояния, поведения, отвечающего этому стандарту. Только второе из этих значений (объединяемых в семантической структуре глагола отношением, аналогичным отношению «класс—элемент класса» (для имен существительных)) присуще глаголам *селадонствовать* или *секундантствовать*, словам, деривационной базой для которых является обозначение лица, предполагающее высказывание окказионального временно́го модуса. И хотя морфемно оправдано членение как *секундант-ствовать*, так и *секундантств-овать*, семантически реально только первое. Принадлежность производного только к некоторым из тех альтернативных словообразовательных типов, совокупность которых задана неединственностью его морфемного членения и существованием в составе лексического гнезда единиц, которые отвечают соответствующим требованиям к производящим, объяснима только одним — семантика производящего исключает его совместимость с другим однокоренным словом как производящим для той же лексической единицы.

Омонимия словообразовательных форм: словообразовательная омонимия = локальные : нелокальные свойства лексической единицы = формы единицы : единица.

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ АЛЬТЕРНАТИВНЫМ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ СТРУКТУРАМ И НЕЛОКАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СЛОВА

Исследуя проблемы лексического тожества слова, А. И. Смирницкий приходит к выводу: «Различие между грамматическими формами слова совершенно беспрепятственно соединяется с его тожеством» (Смирницкий 1954).

Рассмотрим, как кодифицируются для глаголов на *-ствовать* связи лексических соответствий указанным выше двум альтернативным словообразовательным структурам этих глаголов, структура производного от первообразного названия лица и структура производного от существительного на *-ство*, мотивированного

этим названием лица. Оказывается, даже в одном и том же словаре для разных глаголов эти соответствия фиксируются по-разному:

А.1. двумя значениями, различия которых могут усугубляться различиями функционально-стилистическими: *скоморошествовать* фиксируется БАС как 1. 'заниматься скоморошеством' и как 2. 'разг. вести себя как шут, скоморох' (показательна развитая синонимия *скоморошествовать*, гнездо от *скоморох* содержит кроме *скоморошествовать* еще *скоморошить* и *скоморошничать*). Удобства ради эта ситуация может быть схематизирована так: $СФ_1$—$ЛФ_2$, $СФ_2$—$ЛФ_1$, где СФ — сокращение для термина «словообразовательная форма», ЛФ — для термина «лексическая форма», цифровые индексы при сокращении СФ соответствуют деривационной сложности словообразовательной формы, а при ЛФ — порядку их перечисления в БАС.

А.2.1. двумя оттенками одного значения: *сибаритствовать* описывается БАС как '1'. вести себя как сибарит' и как '1". предаваться сибаритству'; *сибаритствовать* синонимично только *сибаритничать* (ситуация, когда семантика глагола на *-ствовать* имеет еще одно, столь же многообразно реализуемое значение, может быть проиллюстрирована глаголом *соседствовать* с синонимом *соседить*: 1. 'быть соседом; жить по соседству'; 2. 'существовать, быть рядом, осуществляться по близости').

А.2.2. В обратном порядке словообразовательно мотивированные разновидности одного значения 'стандарт поведения' и 'действие, отвечающее некоторому стандарту', кодифицируется для bahuvrihi *самодурствовать*, синонимичного *самодурить* и *самодурничать*: '1'. проявлять самодурство'; '1". вести себя как самодур'

А.2.1. соответствует схеме $СФ_1$—$ЛФ_1$, $СФ_2$—$ЛФ_2$, а А.2.2.— схеме $СФ_1$—$ЛФ_2$, $СФ_2$—$ЛФ_1$, той же, что и для случая А1.

В. одним значением, без каких-либо подразделений на оттенки. При этом возможны два случая:

В.1. Семантика глагола на *-ствовать* толкуется с помощью существительного на *-ство*, в рамках схемы обозначения действия, отвечающего некоторому стандарту. Таковы *соглядатайствовать* 'заниматься соглядатайством', среди производных от сложных слов, напр., *самохвальствовать* 'проявлять самохвальство': *Я начинаю самохвальствовать — это не в моем характере* (Черн.). Эти же глаголы на основе принудительных связей словообразовательных типов или отношений, подобных им, допускают интерпретацию, основанную на связях с названием лица — производящим для существительных на *-ство*. Отличия обсуждаемых результатов кодификации от приведенных ранее можно видеть в таком одно-многозначном соответствии, когда пара лексических форм сопоставляется только одной словообразовательной, большей де-

ривационной сложности. Схематически эту ситуацию можно изобразить так: $СФ_2$—$ЛФ_1$, $СФ_2$—$ЛФ_2$. И это не удивительно — ведь маркированная форма предполагает немаркированную.

В.2. Семантика глагола на *-ствовать* толкуется с помощью обозначения лица в рамках схемы обозначения некоторого стандарта действий или поведения. От производящего *сиротствовать* наследует главным образом качественное обозначение состояния; его интерпретация ориентирована прежде всего на схему, обозначающую стандарт действий, присущих производящему — названию лица. Не отмечаемое словарями, относительное осмысление этого слова как прикрепленного к определенному времени или определенным обстоятельствам состояния или действия, соответствующего некоторому стандарту, в отличие от качественного нуждается в контекстной поддержке и защите. Именно эта интерпретация естественна, если *сиротствовать* используется в ирреальном контексте. Такая интерпретация базируется на связи глагола *сиротствовать* не с названием лица *сирота*, а с абстрактным именем существительным *сиротство* в семантически производном его употреблении (одиночество, покинутость), ср. *Пошла уже пятая неделя, как мы жили одни, и, наконец, такая жизнь стала сильно действовать на мой ум и сердце; чувство какого-то сиротства и робкой грусти выражалось не только на моем лице, но даже во всей моей наружности* (С. Аксаков). Эта ситуация отличается от В.1. только одним: пара лексических форм вновь сопоставляется только одной словообразовательной форме, но не большей, а меньшей деривационной сложности, схематически $СФ_1$—$ЛФ_1$, $СФ_1$—$ЛФ_2$.

Ситуации типа А реализуют, в разной мере, один и тот же принцип:

Одна словообразовательная форма — одна лексическая форма.

Ситуации типа В реализуют, также в разной мере, прямо противоположный принцип:

Одна словообразовательная форма — много лексических форм.

Для любой лексической единицы последовательное проведение принципа А ведет к усилению ее статуса как члена словообразовательной системы, в большой мере в ситуациях типа А.2.1., в меньшей — в ситуациях А.2.2. или А.1. (из-за дополнительности функциональных перспектив у организации словообразовательных форм и у организации лексических форм). Для каждой лексической единицы реализация принципа В — свидетельство решения споров о приоритете в пользу лексической формы, проявление характерной для производных тенденции стать минимум кодериватом производящего, максимум первообразным. Необходимость оградить лексическую систему от обилия первообразных поддерживает принцип А, стремление воспользоваться всеми возможностями, которые предоставляет лексическая система, дает силу принципу В. Отмеченные различия лексических единиц

одной и той же словообразовательной модели, допускающей несколько членений, а вместе с ними и различия лексических гнезд воплощают противоборство этих начал. И только все вместе, сопряжением стандартов, которым они отвечают, эти единицы отражают единство и многообразие системы. Если отвлечься от конкретности словообразовательных форм, окажется, что для глаголов на *-ствовать* возможны все мыслимые соответствия (хотя и с разной вероятностью):

$СФ_1—ЛФ_1$, $СФ_2—ЛФ_2$ $СФ_1—ЛФ_1$, $СФ_1—ЛФ_2$
$СФ_1—ЛФ_2$, $СФ_2—ЛФ_1$ $СФ_2—ЛФ_1$, $СФ_2—ЛФ_2$

Актуальность одного из соответствий и виртуальность остальных, отражающие пути структурирования лексического гнезда, его взаимодействие со словообразовательной системой, — примета конкретной лексической единицы, иногда одной-единственной на словообразовательную модель с несколькими членениями (хотя статистика таких соответствий, в пределе возможность/невозможность некоторых из них может оказаться основанием дифференциации и упорядочения словообразовательных моделей, характеризуемых неединственным членением и воплощающих принадлежность словообразовательных типов отношениям словообразовательной омонимии). Но важно еще раз подчеркнуть две вещи. Любое из соответствий, актуальное для данного лексического гнезда, реализует одну из многих возможностей, которые словообразовательная система предоставляет лексическому гнезду с производным словообразовательной модели с двумя и более членениями. И только одна среди них наиболее полно согласуется с тенденцией к упрочению словообразовательной системы. Все остальные должны быть признаны вторичными, одни для самой словообразовательной системы, другие, иллюстрируемые ситуациями А1 и А22, — для ее взаимодействия с лексической системой.

Для глаголов на *-ствовать* переход от первичной словообразовательной структуры ко вторичным с помощью языка моделирования словообразовательных отношений (Соболева 1980) могли бы быть изображены следующим образом.

Первичной словообразовательной структуре (ситуация А.2.1.) сопоставляется транскрипция $R_2X—R_1^2X—R_1R_2X—R_1R_2^2X$ (Γ_1) или соответствующее ей изображение на рис. 8. Вторичным словообразовательным структурам сопоставляются: ситуации В2 — формула $R_2X—R_1^2X—R_1R_2X$ (Γ_2, рис. 9), ситуации В1 — формула $R_2X—R_2^2X—R_1R_2^2X$ (Γ_3, рис. 10). Тогда интересующие нас преобразования могли бы быть изображены так:

τ_1 :: (А.2.1. → В2) $R_2X—R_1^2X—R_1R_2X—R_1R_2^2X \Rightarrow R_2X—R_2^2X—R_1R_2X$ (рис. 11)

τ_2 :: (А.2.1. → В1) $R_2X—R_1^2X—R_1R_2X—R_1R_2^2X \Rightarrow R_2X—R_2^2X—R_1R_2^2X$ (рис. 12).

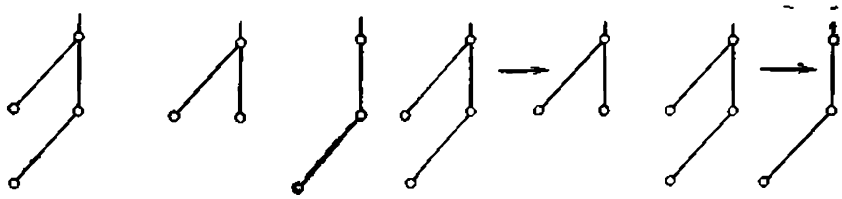

Рис. 8. Рис. 9. Рис. 10. Рис. 11. Рис. 12.

Показательно, что τ_1 дает С-гнездо, интерпретируемое однокоренными из большего числа Л-гнезд, чем С-гнездо, которое дает преобразование τ_2. Первое отличает не только меньшая глубина и, след., меньшая деривационная сложность. В отличие от второго оно последовательнее воплощает те свойства отношения производности, которые позволяют его отнести к разновидностям отношения маркированности. В нем, например, как и в его прообразе, для каждого производящего А и для каждого производного от него Б верно, что А дает производные, разнообразие категорий которых строго включает разнообразие категорий, которым принадлежат производные от Б. В терминах категорий С-гнезд, описанных ранее (Гинзбург 1972, 1980), операнд и образы преобразований τ_1 и τ_2 различаются так, как показано в таблице.

Таблица

Является ли С-гнездо	Γ_1	Γ_2	Γ_3
компактным?	+	−	−
регулярным?	+	+	−

По всей видимости, наиболее непосредственная интерпретация описанных преобразований τ_1 и τ_2 словообразовательного гнезда, организующего двояко мотивированные глаголы на *-ствовать* и предполагаемые ими однокоренные лексические единицы, состояла бы в признании каждого из преобразований словообразовательным субстратом (а может быть и мотивом) правила (функции) идентификации (выбора) соответствующего лексико-семантического представления слова — значения или одного из его оттенков. Для *сибаритствовать*, напр., τ_1 было бы основой для интерпретации его на базе связей с *сибарит* и залогом соответствия такому контексту, как в случае *Жизнь в Марьине текла своим порядком: Аркадий сибаритствовал, Базаров работал.* (Тург.), а τ_2 — основой интерпретации с опорой на слово *сиба-*

ритство и гарантией соответствия такому контексту: *С малых лет он привык быть байбаком благодаря тому, что у него и подать, и сделать — есть кому: тут даже против воли нередко он бездельничает и сибаритствует* (Добр.) или *Дай мне денег, я налажу издательство, а ты — удались и сибаритствуй* (Горький).

Такое правило выбора (вместе со своим словообразовательным субстратом) является неотчуждаемой принадлежностью одновременно и одного из лексико-семантических представлений данной лексической единицы, и той совокупности ее разновидностей, которой это представление принадлежит. Тогда особенность формы слова как компонента лексической системы, отличного и от каждого из ее вариантов — потенциальных членов текста, и от их совокупности, прежде всего естественно видеть в подобном правиле, или функции (ср. Петерсон 1923), идентификации, а самого слова — в совокупности одновременно таких правил и того, что они оформляют, то есть нормы как лексической вариации, так и вариации форм.

Бросаются в глаза следующие особенности этих форм.

1. Они напоминают вычислимые функции, алгоритмы.

2. Они воспроизводимы — каждая является достоянием не только данной лексической единицы, но и ряда других, подобных ей благодаря идентичности словообразовательного субстрата, принадлежности к одной и той же словообразовательной модели и к разнообразию словообразовательных структур, а точнее их типов, которые — в качестве опор для возможных интерпретаций — она ассоциирует с каждой реализующей ее лексической единицей.

3. Каждая из них обладает словообразовательным субстратом — правилом преобразования С-гнезда, которому принадлежат сопоставимые слову словообразовательные формы.

4. Внешней стороне каждой из них в качестве составляющих принадлежат компоненты формы идентифицируемой лексико-семантической разновидности слова, отличающие ее от любой другой подобной ей разновидности того же слова и их совокупности, то есть слова в целом.

Другая интерпретация преобразований τ_1 и τ_2, менее очевидная, но приводящая к более привычным представлениям о форме слова, заключалась бы в приданию им статуса правил аранжировки словообразовательных форм и соответствующих им лексико-семантических представлений лексической единицы.

Отличие их от ранее описанных форм слова — только в том, что они объединяют. Первые относят лексическую единицу к классам, подобным категориям рода у существительных или вида у глаголов — они относят любую форму ко всей совокупности форм, их можно было бы назвать нелокальными. Вторые локальны — они связывают только некоторые из форм и относят слово к категориям, подобным числу (даже тогда, когда эти формы

и не являются классифицирующими, как в случаях *Он слывет чудаком ~ Он ходит в чудаках*). Результаты этих преобразований могли бы быть проиллюстрированы ситуациями А1 и А2.1. Именно о таких формах слова пойдет речь в следующем разделе.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ И ЛОКАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СЛОВА

Деривационная иерархия производящих в *скоморошествовать* дана в обратной перспективе: стилистически нейтральный лсв глагола опирается на семантику производного сущ. на *-ство*, а стилистически маркированный — на семантику производящего для сущ. на *-ство*. Различия в функциональной перспективе могут рассматриваться в качестве основы классификации глаголов, где оппозиция словообразовательных значений 'стандарт состояния или поведения' ~ 'состояние или действие, соответствующее этому стандарту' зафиксирована двумя лексическими их разновидностями, двумя оттенками одного значения или двумя значениями. Так, деривационная иерархия производящих воспроизводима семантикой глагола *сибаритничать* прямо, а семантикой глагола *самодурствовать* — зеркально.

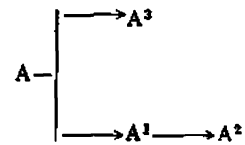
То же верно и для некоторых случаев омонимии словообразовательных форм глагола на *-ствовать*, мотивированного прилагательным и производным от него существительным, скажем, для семантического облика глагола *свирепствовать*, деривата, в одном из оттенков основного значения возводимого к прилагательному *свирепый*, к производному имени сущ. на *-ость свирепость*[7] — в другом. Относительную интерпретацию *свирепствовать* получает во фразе *Жил в некотором царстве господин немилостивый, который десятки лет свирепствовал в своих вотчинах* (Салт.), качественную, опирающуюся на связь глагола с прилагательным, — во фразе *Особенно свирепствовал один чубатый казак* (Г. Марков) ⇔ *Особенно свиреп был один чубатый казак*. Определяющий характер связей *свирепствовать* с сущ. *свирепость* виден хотя бы из того, что качественное осмысление возможно только для того конструктивно-связанного значения этого глагола, которое он получает, управляя именной группой *над* + сущ.

[7] Отмечаемое словарями в качестве еще живого для начала XIX в. *свирепство* в настоящее время является устар. и в силу стилистической маркированности производящим для стилистически нейтрального *свирепствовать* быть не может.

Функционирование *N-ость* в позиции, где должно было бы быть *N-ство*, — проявление морфемной диссимиляции производящего и производимого, поляризации их внешних словообразовательных форм. Примечательно, что соотношение прилагательного и производного от него глагола в этом сугубо внешнем плане существенно регулярнее соотношения отадъективного существительного и производного от него глагола, в то время как соответствующие соотношения внутренних форм прямо противоположны.

во мн. ч., тв. п.»: *Альбин, правитель, человек алчный и жестокий, подобный работнику, свирепствовал над беззащитными* (Короленко), ⇔ *. . . был свиреп по отношению к беззащитным*, а относительное — для двух фразеологически-связанных переносных значений 'проявляться крайне интенсивно, неистовствовать, о стихиях, ветре, морозе и т. п.' и 'причинять вред большому числу существ, о болезнях': *. . .Ужасный вихрь. . . снова свирепствовал в поле* (Загоскин), *Теперь буря свирепствовала где-нибудь у берегов Японии* (Арсеньев, Цицикар), *Здесь свирепствовала оспа* (Чехов).

Все перечисленные случаи — результаты поляризации (Курилович 1962, 10), локальной тенденции усилить противопоставление исходного и производного слов. В деривационной цепи $A > A^1 > A^2$ усиление различий внешних форм сопровождается таким усилением внутренних форм, что связь A и A^3 оказывается фоновой для связей A^1 и A^2 — в семантике A^2 семантика A представлена не только как периферийная, но и как полярная по знаку семантике непосредственно производящего A^1, той, которая в A^3 представлена как центральная для гнезда, включающего лексические единицы A, A^1 и A^2. Итак, для семантики вторичного производного характерна тенденция усилить различие между непроизводным и первичным производным и придать последнему значимость ведущего в этой паре, обернуть отношения между ними. Для гнезда однокоренных

закон поляризации определяет более тесную связь A^2 и A^1, чем A и A^1. Динамическое осмысление этого факта состоит в том, что когда производное получает статус производящего, связь между ним и его производящим слабеет. Обобщение этого правила приводит к утверждению — чем больше производных у данного слова, тем слабее его связь с производящим. Отсюда в качестве следствий:

(1) Связь между A^3 и A сильнее, чем связь между A и A^1, а между A^1 и A^2 сильнее, чем между A и A^1. При некоторых допущениях это позволяет предложить процедуру линеаризации, или линейного представления словообразовательных гнезд. Для данного случая результат ее применения был бы таков:

((A A^3) (A^1 A^2))

(2) Чем значительнее глубина гнезда, вершине которого принадлежит данное слово, или, что то же самое, чем больше длина максимальной деривационной цепочки, началом которой оно является, тем слабее его связь с непосредственно производящим.

Ясно, что подобная ситуация благоприятствует возможности разрыва гнезда, разрыва именно в этом его звене.

(3) Нелокальная тенденция, стабилизируя разнообразие первообразных, минимизируя и их пополнение, и их убывание, иной своей стороной имеет тенденцию ограничить число разрывов лексических гнезд, сохранить их лексический состав, усилить семантическую непрерывность в гнезде, в частности однородность производных по силе связей с производящим. Эта тенденция препятствует чрезмерному удлинению деривационных цепей в гнезде, а в критической или близкой к ней ситуации ведет к перестройке деривационной структуры гнезда: к уменьшению деривационной сложности производного, в частности к преобразованию отношений деривации в отношения кодеривации и/или к передаче функций производящего другим членам гнезда, прежде всего равнопроизводным, в частности кодериватам. Тогда понятно, почему омонимия и синонимия словообразовательных форм слова являются двумя важнейшими проявлениями той внутренней динамики лексического гнезда, которая мотивирована упомянутыми локальными и нелокальными закономерностями его словообразовательной организации.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Русский язык. — М.: Учпедгиз, 1947.
Гинзбург Е. Л. Исследования структуры словообразовательных гнезд. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. — М.: Наука, 1973.
Гинзбург Е. Л. Компактные словообразовательные гнезда — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1978. — М.: Наука, 1980.
Курилович Е. Очерки по лингвистике. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1972.
Петерсон М. Н. Очерки синтаксиса русского языка. — М.—Пг.: Госиздат, 1928.
Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тожества слова)». — В: Труды Института языкознания АН СССР, т. 4. — М.: Изд-во АН СССР, 1954.
Соболева П. А. Моделирование словообразования. — В: Проблемы структурной лингвистики. 1971. — М.: Наука, 1972.

И. В. АЛЬТМАН

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ГНЕЗДА: ТИПОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА. II

Изучение гнездовой структуры русского словаря, равно как и изучение семантических связей в словообразовательном гнезде, позволяет установить определенную зависимость не только набора производных от семантики производящего, но и влияние набора производных, образующих гнездо, на состав каждой из слово-

образовательных парадигм, т. е. набор производных от одного и того же слова, находящихся на одной ступени деривации (см. Земская 1973, Манучарян 1974, Лопатин 1974), и даже — на состав производных, соответствующих одной и той же словообразовательной структуре.

Представляется целесообразным проследить закономерности этой связи, рассмотрев возможно большее количество словообразовательных гнезд различных типологических групп. В предыдущей заметке на эту тему была дана краткая характеристика состава гнезд по объединениям типологических групп в зависимости от состава производных по принципу, который можно было бы назвать липографическим. Принцип этот состоит в отборе гнезд в зависимости от того производные какого типа в них не представлены. Так, были получены следующие объединения типологических групп: I — гнезда без производных глаголов (группы Б, Д, Е, И, К, Н, П), II — гнезда без производных существительных (группы В, Д, Ж, И, Л, Н, Р), III — гнезда без производных прилагательных (группы Б, В, Г, И, К, Л, М), IV — гнезда без производных наречий (группы Б, В, Г, Д, Е, Ж). Эти четыре типа гнезд в свою очередь ниже сопоставляются с одним, наиболее разнообразным по составу производных типом — гнездами группы 3, для которых допустимы производные глаголы, существительные и прилагательные.

Группа А (гнезда, не имеющие производных вовсе) для описания не привлекается.

Группа I (гнезда, не имеющие производных глаголов).

Минимальные гнезда: Б1: R_1O, R_2R_1O *бряцал, бряцание*; *зиял, зияние, ухмылялся/ухмыльнулся, ухмылка*; *бравировал, бравада, бравирование*; *домогался, домогание, домогательство*; *ретушировал, ретушевка, ретушер, ретуширование, ретушь*.

Д1: R_1O, R_3R_1O *вопил, вопиющий*; *импонировал, импонирующий*; *надлежал, надлежащий*; *ошеломил/ошеломлял, ошеломительный, ошеломляющий*.

Е1: *заискивал, заискивание, заискивающий*; *преобладал, преобладание, преобладающий*; *восклицал/воскликнул, восклицание, восклицательный*; *дегустировал, дегустатор, дегустация, дегустационный*; *недоумевал, недоумение, недоумевающий, недоумелый, недоуменный*.

Гнезда без глаголов, включающие производные наречия, следовало бы искать в группах, которые либо не представлены вовсе, как группа И, для которой предполагается наличие одних только наречий, или группа Н, для которой предполагается наличие среди производных как наречий, так и прилагательных; либо представлены единичными случаями: группа К (производные существительные и наречия) и группа П (производные существительные, прилагательные и наречия). Естественно, единичными случаями можно пренебречь.

Максимальные гнезда без производных глаголов обнаруживаются в группе Е, — например, Е 17: R_1O *осязал*, R_2R_1O *осязание*, R_3R_1O *осязаемый*, $R_2R_3R_1O$ *осязаемость*, $R_3R_3R_1O$ *неосязаемый*, $R_2R_3R_3R_1O$ *неосязаемость* — всего пять типов производных (словообразовательных структур).

Гнезда этой группы не включают более шести—семи типов производных каждое, однако количество производных по всем представленным гнездам без глаголов достигает большого разнообразия — сводный граф для этих гнезд см. на рис. 1.

Перечислим все типы производных, возможные в этих гнездах. Таких типов восемь. Приводятся примеры из гнезд для *подсобил/подсоблял*, *удался/удавался*, *обитал*.

R_2R_1O *подсоба*, *удача*, *обиталище*, *обитель*

R_3R_1O *подсобный*, *удачливый*, *удачный*, *обитаемый*

$R_2R_2R_1O$ *удачница*, *неудача*, *неудачник*, *обитательница*

$R_3R_3R_1O$ *подсобник*, *удачливость*, *обитаемость*

$R_3R_3R_1O$ *неудачливый*, *неудачный*, *необитаемый*

$R_2R_3R_3R_1O$ *неудачливость*

$R_2R_2R_3R_1O$ *подсобница*

$R_2R_3R_3R_1O$ *необитаемость*

Группа II (гнезда, не включающие производных существительных)

Минимальные гнезда: В 1: R_1O, R_1R_1O: *перечил*, *поперечил*; *слыл*, *прослыл*; *способствовал*, *поспособствовал*; *корпел*, *покорпел*, *прокорпел*; *лебезил*, *залебезил*, *полебезил*; *лелеял*, *взлелеял*, *лелеялся*; *содеял*, *содеялся*; *гнушался*, *погнушался*; *зарился*, *позарился*; *нравился*, *понравился*, *разонравился*.

Д 1: R_1O, R_3R_1O: *импонировал*, *импонирующий*; *надлежал*, *надлежащий*; *ошеломил/ошеломлял*, *ошеломительный*, *ошеломляющий*.

Ж 1: R_1O, R_1R_1O, R_3R_1O: *бурлил*, *взбурлил*, *забурлил*, *бурливый*; *отвергал/отверг*, *отвергался*, *отверженный*.

Гнезда без производных существительных, но с производными наречиями следовало бы искать в группах И и Н (не представленных вовсе); единичными случаями представлены группы Л (производные глаголы и наречия) и Р (производные глаголы, прилагательные и наречия).

Максимальные гнезда без производных существительных обнаруживаются в группе Ж — например Ж 5: R_1O *ерошил*, R_1R_1O *взъерошил/взъерошивал*, *ерошился*, *поерошился*, $R_1R_1R_1O$ *взъерошился/взъерошивался*, $R_3R_1R_1O$ *взъерошенный*.

Гнезда этой группы не включают более пяти типов производных. Естественно, что количество производных по всем представленным гнездам без существительных — значительно больше — сводный граф см. на рис. 2.

Перечислим все типы производных, возможные в этих гнездах. Приводятся примеры из гнезд для *бередил*, *клянчил*, *жирел*, *подобало*, *мог*.

R_1R_1O разбередил; выклянчил/выклянчивал, поклянчил; захирел, возмог, моглось, смог
R_2R_1O торный, подобающий
R_4R_1O можно
$R_1R_1R_1O$ разбередился, выклянчивался
$R_3R_1R_1O$ захирелый
$R_3R_2R_1O$ неподобающий
$R_1R_4R_1O$ неможно

Группа III (гнезда, не включающие производных прилагательных)

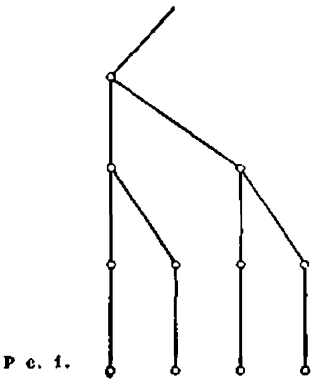

Рис. 1.

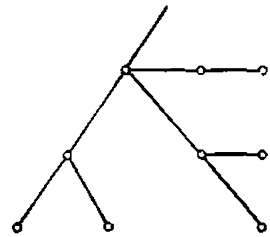

Рис. 2.

Минимальные гнезда: В 1 R_1O_6 R_1R_1O — примеры приводились выше, в разделе о группе II.

Б 1: R_1O, R_2R_1O — примеры приводились выше, в разделе о группе I.

Г 1: R_1O, R_1R_1O, R_2R_1O *сиял, воссиял, засиял, осиял, просиял, сияние; щебетал, защебетал, пощебетал, прощебетал, щебет, щебетание, щебетунья.*

Гнезда без производных прилагательных, включающие производные наречия, следовало бы искать в группах, которые либо не представлены вовсе — как группа И (для которой предполагается наличие одних только производных наречий), либо представлены единичными случаями — группа К (производные существительные и наречия) и группа Л (производные глаголы и наречия).

Следует отметить, однако, группу М (производные глаголы, существительные и наречия), хотя и немногочисленную, но все же представленную пятью типами гнезд, минимальное из которых включает четыре словообразовательных структуры.

М 1: R_1O *мелькал/мелькнул*, R_1R_1O *замелькал, примелькался, промелькнул*, R_2R_1O *мелькание*, R_1R_1O *мельком.*

Гнезда этой группы не включают более шести словообразова-

гельных структур; каждый тип представлен одним—двумя случаями.

Максимальное гнездо без производных существительных обнаруживается в группе Г, например

Г 12: R_1O *вещал*, R_1R_1O *возвещал/возвестил*, *повещал/повестил*, *предвещал*, *провещал*, R_2R_1O *вещание*, *вещун*, $R_1R_1R_1O$ *возвещался*, *предвещался*, *предвозвещал*, *предвозвестил*, *провозвещал*, *провозвестил*, $R_2R_1R_1O$ *предвестие*, *предвестник*, *предвещание*, $R_2R_2R_1O$ *вещунья*, $R_1R_1R_1R_1O$ *предвозвещался*, *провозвещался*, $R_2R_1R_1R_1O$ *предвозвестник*, *провозвестник*, $R_2R_2R_1R_1O$ *предвестница*, $R_2R_2R_1R_1R_1O$ *предвозвестница*, *провозвестница*.

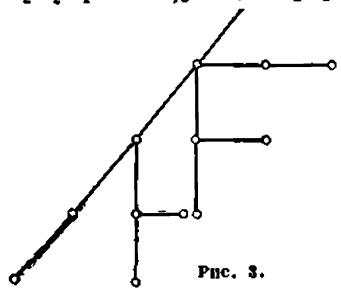

Рис. 3.

Максимальный набор производных, допустимый в гнездах рассматриваемой группы, отражен на сводном графе (рис. 3).

Приведем примеры таких производных, взятых из гнезд *для назначил/назначал*, *вещал* (полностью приводится выше), *тратил*, *попал/попадал* (*попался/попадался*), *щурил* (*щурился*), *торчал*.

R_1R_1O *назначался*, *предназначил/предназначал*, *затратил/затрачивал*, *растратил/растрачивал*, *прищурил/прищуривал*, *прищурился/прищуривался*, *поторчал*, *проторчал*

R_2R_1O *назначение*, *вещание*, *вещун*, *трата*, *попадание*, *торчок*

R_4R_1O *впопад*, *торчмя*

$R_1R_1R_1O$ *предназначался*, *предвозвещал/предвозвестил*

$R_2R_1R_1O$ *предназначение*, *затрата*, *растрата*, *растратчик*, *прищур*, *прищуривание*, *прищурка*

$R_2R_2R_1O$ *назначенец*, *непопадание*

$R_4R_2R_1O$ *торчком*

$R_4R_4R_1O$ *невпопад*

$R_1R_1R_1R_1O$ *предвозвещался*, *провозвещался*

$R_2R_2R_1R_1O$ *предвестница*, *растратчица*

$R_4R_2R_1R_1O$ *вприщур*

$R_2R_2R_1R_1R_1O$ *предвозвестница*

Группа IV (гнезда, не включающие производных наречий)

Эту группу трудно представить как нечто единое. И здесь выясняется, что наличие или отсутствие производных наречий, по-видимому, не может служить признаком, имеющим значение для классификации словообразовательных гнезд. Так, не включают наречий рассмотренные выше группы Б, Д, Е (не включающие и глаголов), группы В, Ж (не включающие и существительных), группа Г (не включающая и прилагательных); в соответствующих местах настоящей статьи приводятся примеры гнезд этих групп. Однако по предлагаемому принципу сюда же следо-

вало бы отнести группу З (производные глаголы, существительные и прилагательные), которая как по своим типологическим характеристикам, так и по семантической структуре, противопоставлена всем остальным типологическим группам (кроме группы С, не имеющей ограничений на состав производных).

Очевидно, в данном случае условие о «запрете» на этот тип производных не играет никакой роли при классификации гнезд. И прежде всего потому, что, как выясняется, отсутствие производных наречий никакого ограничения на сложность гнезда по существу и не накладывает; напротив, среди гнезд группы З, отвечающей этому условию (глаголы, существительные и прилагательные) большое количество таких гнезд, которые относятся к сложнейшим для всего словаря, нередко превосходя по сложности даже гнезда группы С (включающей все типы производных); большинство таких гнезд имеет уникальную структуру, т. е. бывает представлено только одним примером.

Таким образом, разнообразие гнезд для группы З весьма велико. Широко представлены гнезда минимальной структуры, например:

З 1: R_1O, R_1R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O: *вращал, вращался, вращение, вращательный; блуждал, поблуждал, проблуждал, блуждание, блуждающий; глумился поглумился, глум, глумление, глумливый; изумил/изумлял, изумился/изумлялся, изумление; различил/различал, различался, различествовал, различение, различие, неразличимый, различительный, различный.*

Однако специфическая особенность этой группы состоит в том, что именно здесь встречается основная масса сложных гнезд, с нетиповой структурой соответствующего графа.

Следует заметить, что те из гнезд, которые, имея достаточно сложную структуру, представлены малым количеством примеров на каждый тип производных, достаточно редки; такое гнездо образуют, например, производные от глагола *чуял*:

R_1O *чуял*, R_1R_1O *зачуял, почуял, причуял/причуивал, учуял, чуялся*, R_2R_1O *чутье*, R_3R_1O *чуткий*, $R_1R_1R_1O$ *почуялся*, $R_2R_3R_1O$ *чуткость*, $R_3R_2R_1O$ *чутьистый*, $R_3R_3R_1O$ *нечуткий*, $R_2R_3R_3R_1O$ *нечуткость.*

Однако значительно чаще встречаются гнезда типа приводимых ниже — от *плясал, рисовал, дышал, копал.*

R_1R_1O *выплясывал, доплясал/доплясывал, доплясался/доплясывался* (1 зн.), *заплясал, заплясался, наплясался, наплясывал, отплясал* (1, 3 зн.)/*отплясывал* (1 зн.), *отплясал* (2 зн.), *отплясывал* (2 зн.), *переплясал, подплясывал, поплясал, поплясывал, проплясал* (1 зн.)/*проплясывал, проплясал* (2 зн.), *расплясался, сплясал*, R_2R_1O *пляс, плясание, пляска, плясун*, R_3R_1O *плясовой* (1 зн.), $R_1R_1R_1O$ *доплясывался* (2 зн.), $R_2R_1R_1O$ *перепляс, припляс, приплясывание*, $R_2R_2R_1O$ *плясунья*, $R_2R_3R_1O$ *плясовой* (2 зн.).

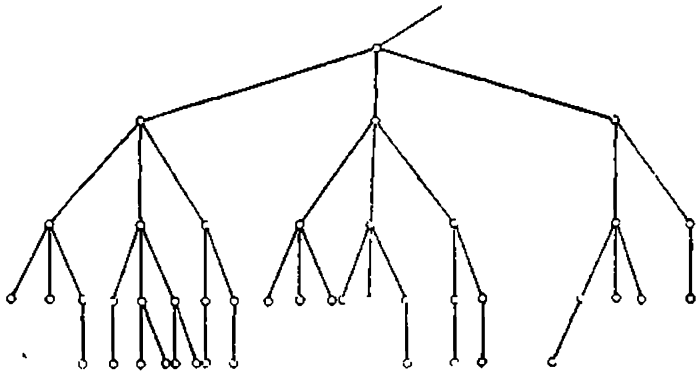

Рис. 4.

R_1R_1O вырисовал/вырисовывал, дорисовал/дорисовывал, зарисовал/зарисовывал, изрисовал/изрисовывал, нарисовал, обрисовал/обрисовывал, перерисовал/перерисовывал, подрисовал/подрисовывал, порисовал, пририсовал/пририсовывал прорисовал (1 зн.)*/прорисовывал, прорисовал* (2 зн.), *разрисовал/разрисовывал, рисовался срисовал/срисовывал, R_2R_1O рисовальщик, рисование, рисовка* (1 зн.), *рисунок, R_3R_1O рисовальный. $R_1R_1R_1O$ вырисовался/вырисовывался. дорисовался, зарисовался, зарисовывался, изрисовывался, нарисовался, обрисовался/обрисовывался, перерисовывался, подрисовывался, порисовался, прорисовался/прорисовывался, разрисовался/разрисовывался, срисовывался, $R_2R_1R_1O$ вырисовка, вырисовывание, дорисовка, дорисовывание, зарисовка, зарисовывание, обрисовка, обрисовывание, перерисовка, перерисовывание, подрисовка. подрисовывание, прорисовка, прорисовывание, разрисовка, разрисовывание, рисовка* (2 зн.), *срисовка, срисовывание. $R_2R_2R_1O$ рисовальщица, $R_3R_2R_1O$ рисуночный. рисунчатый.*

R_1R_1O вдыхал/вдохнул, вздыхал/вздохнул, воздыхал/воздохнул, выдыхал/выдохнул, дышалось, задышал, задыхался/задохнулся, надышал, надышался, отдышался, подышал, придышался, продохнул, продышал, продышался, R_2R_1O дыхание, одышка, придыхание, R_3R_1O дыхательный, $R_1R_1R_1O$ вдыхался, вдыхался/выдохнулся, повздыхал, $R_2R_1R_1O$ вдох, вдыхание, вздох, вздыхание, вздыхатель, воздыхание, выдох, выдыхание, $R_3R_1R_1O$ вдыхательный, выдыхательный, $R_3R_2R_1O$ придыхательный.

R_1R_1O вкопал/вкапывал[2], *вкопался/вкапывался*[2, 1м], *вскопал/вскапывал, выкопал/выкапывал, докопал/докапывал, докопался/докапывался*[1м], *закопал*[1]*/закапывал*[1], *закопал*[2], *ископал/искапывал*[2], *копался*[1м], *накопал/накапывал*[2], *обкопал/обкапывал*[2], *окопал/окапывал*[2], *откопал/откапывал. перекопал/перекапывал*[1], *подкопал/подкапывал*[2], *покопал, прикопал/прикапывал, прокопал* (1, 2 зн.)*/прокапывал, прокопал* (3 зн.), *раскопал/раскапывал, скопал/скапывал,*

R_2R_1O копалка, копание, копатель, копач, копка, R_3R_1O копательный, $R_1R_1R_1O$ вкапывался[2, 2и], *вскапывался, выкопался/выкапывался, докапывался*[2и], *закопался*[1]*/закапывался*[1], *закопался*[3], *искапывался*[2], *обкапывался*[2], *окопался/окапывался*[2], *откопался/откапывался, перекапывался*[1], *подкапывался*[2и], *покопался, прокапывался, прокопался*[1и], *раскапывался скапывался, $R_2R_1R_1O$ закапывание*[1], *обкапывание*[2], *окапывание*[2], *окоп, откапывание, откопка, перекапывание, перекоп, подкапывание, подкоп, подкопка, прикапывание, прикопка, прокапывание, прокоп, прокопка, раскапывание, раскопка, $R_3R_1R_1O$ ископаемый, $R_2R_2R_1R_1O$ окопник, окопчик, $R_2R_3R_1R_1O$ ископаемые*[2и]*, $R_3R_2R_1R_1O$ окопный, подкопный.*

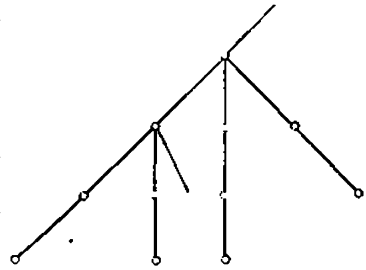

Рис. 5.

Сводный граф для гнезд, не включающих производных наречий, приводится на рис. 4. Он совпадает со сводным графом для группы 3 — безусловно максимальным среди гнезд этих типов. Очевидно, что, будучи значительно более сложным по составу, чем графы всех остальных рассмотренных гнезд (сводный граф для всех групп гнезд, не включающих производных наречий, кроме 3, дается на рис. 5). Он включает и ветви всех приводившихся выше графов; примеры производных, соответствующих этим ветвям, также приводились в соответствующих местах настоящей статьи. В то же время многие типы производных с особенно сложной словообразовательной структурой (4 и более тактов), встречаются только в гнездах, допускающих все производные, кроме наречий, точнее в группе 3. Это соотношение можно

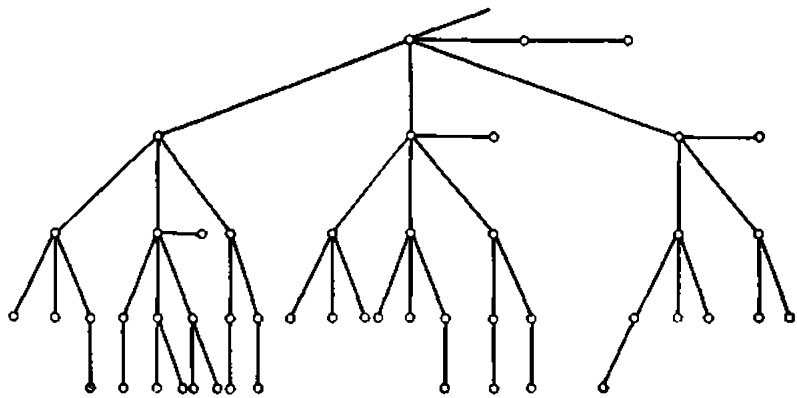

Рис. 6.

представить в таблице, где римскими цифрами обозначены типографические группы словообразовательных гнезд: I — гнезда без производных глаголов, II — гнезда без производных существительных, III — гнезда без производных прилагательных, IV — гнезда без производных наречий.

Все производные, приводимые в таблице, показаны на сводном графе (рис. 6).

Таблица

Типы производных	Группы гнезд	Типы производных	Группы гнезд	Типы производных	Группы гнезд
R_1R_1O	II III IV	$R_1R_2R_1R_1O$	IV	$R_3R_2R_2R_1O$	IV
R_2R_1O	I III IV	$R_1R_1R_2R_1O$	IV	$R_3R_2R_3R_1O$	IV
R_3R_1O	I II IV	$R_1R_2R_2R_1O$	IV	$R_3R_3R_3R_1O$	IV
R_4R_1O	II III	$R_2R_1R_1R_1O$	III IV	$P_4P_2P_1P_1O$	I
$R_1R_1R_1O$	II III IV	$R_2R_2R_1R_1O$	III IV	$R_1R_1R_2R_3R_1O$	IV
$R_1R_2R_1O$	IV	$R_2R_3R_1R_1O$	IV	$R_2R_2R_1R_1R_1O$	III
$R_2R_1R_1O$	III IV	$R_2R_1R_2R_1O$	IV	$R_2R_3R_1R_1R_1O$	IV
$R_2R_2R_1O$	I III IV	$R_2R_2R_2R_1O$	I IV	$R_2R_1R_2R_1R_1O$	IV
$R_2R_3R_1O$	I IV	$R_2R_3R_2R_1O$	IV	$R_2R_2R_2R_1R_1O$	IV
$R_3R_1R_1O$	I II IV	$R_2R_2R_3R_1O$	IV	$R_2R_3R_2R_1R_1O$	IV
$R_3R_2R_1O$	IV	$R_2R_3R_3R_1O$	I IV	$R_3R_2R_3R_1R_1O$	IV
$R_2R_2R_1O$	I II IV	$R_3R_1R_1R_1O$	IV	$R_2R_3R_3R_1R_1O$	IV
$R_4R_2R_1O$	III	$R_3R_2R_1R_1O$	IV	$R_3R_3R_2R_2R_1O$	IV
$R_4R_3R_1O$	II	$R_3R_3R_1R_1O$	IV	$R_2R_2R_3R_3R_1O$	IV
$R_4R_4R_1O$	II III	$R_2R_1R_2R_1O$	IV	$R_2R_3R_3R_2R_1O$	IV
$R_1R_1R_1R_1O$	III IV	$R_3R_2R_2R_1O$	IV	$R_3R_2R_3R_1R_1O$	IV
				$R_3R_3R_2R_1R_1O$	IV

Из приведенного сопоставления видно, что разнообразие производных в словообразовательном гнезде определяется принадлежностью гнезда к той или иной типологической группе, причем эта зависимость имеет специфический характер. Так, в гнездах, где не представлены производные той или иной части речи, не наблюдается и большого разнообразия производных, имеющих допустимую по условию структуру. Примечательно, что в гнездах без производных глаголов ($R_1R_*^mR_1O$) нет существительных типа $R_2R_3R_2R_1O$ или $R_2R_2R_3R_1O$, а в гнездах без производных существительных ($R_2R_*^mR_1O$) нет глаголов типа $R_1R_1R_1R_1O$; в гнездах без производных прилагательных ($R_3R_*^mR_1O$) нет глаголов типа $R_1R_2R_1O$ или $R_1R_2R_2R_1O$ и существительных типа $R_2R_1R_2R_1O$ или $R_2R_2R_2R_1O$. В гнездах же, не имеющих запрета на производные глаголы, существительные и прилагательные, встречаются все эти производные (а не только те, в образовании которых участвуют все три релятора). Выявляется большое количество производных, специфически присущих только одной какой-либо группе. Для группы III такой случай представлен всего одним примером $R_2R_2R_1R_1R_1O$. Для группы IV, естественно, таких примеров подавляющее большинство.

Таким образом, можно считать, что по разнообразию производных для каждой отдельной части речи словообразовательные гнезда делятся на две большие группы: те, в которых это разнообразие достигает высокой степени, т. е. гнезда, объединяющие производные глаголы, существительные и прилагательные (в настоящей статье — группа IV), и гнезда, в которых такого разнообразия нет, т. е. гнезда, не включающие производных какой-либо одной или каких-либо двух из этих частей речи (в настоящей статье — группы I, II, III); между прочим, здесь выясняется, что наличие или отсутствие в гнезде производных наречий в этом отношении решающей роли не играет.

По-видимому, здесь целесообразно вспомнить о предложенном П. А. Соболевой (Основания порождающей грамматики, с. 32) делении словообразовательных структур на полные и неполные, с которым легко соотнести и предложенное выше деление словообразовательных гнезд. Выясняется, что гнезда, различающиеся в зависимости от того, с полной или неполной структурой они соотносятся, различаются не только по составу производных той или иной части речи на первом такте, но и по структуре последующих тактов, а также каждой отдельной ветви.

ЛИТЕРАТУРА

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., Просвещение, 1973.

Лопатин В. В. Словообразование как объект грамматического описания. В кн.: Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.

Манучарян Р. С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий. — В кн.: Проблемы семантики. М., 1974.

Основания порождающей грамматики русского языка. М., 1968.

Г. А. СМИРНОВА

ОСОБЕННОСТИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ И МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НЕСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. I

В работе дается сопоставительное описание тех особенностей фонологической и морфонологической структуры склоняемых и несклоняемых существительных, которые позволяют выявить ограничения на склоняемость, обусловленные фонологической и морфонологической системой русского языка. Следует отметить, что с несклоняемыми существительными сопоставляются склоняемые существительные не во всех падежных формах, а только в исходной. Принято считать исходной (словарной) формой

существительных словоформу им. п. ед. ч. Но если внимательно просмотреть словари современного русского литературного языка, можно выделять наряду со словоформой им. п. ед. ч. как исходную и словоформу им. п. мн. ч.; особенно большой удельный вес у словоформ им. п. мн. ч. как исходных в словаре иностранных слов.

Выявление особенностей фонологической и морфонологической структуры несклоняемых существительных идет, во-первых, через сопоставительное описание ударных и безударных финалей и флексий, во-вторых, через сопоставительный анализ конечных сочетаний структуры tv склоняемых и несклоняемых существительных, проводимый соответственно двум исходным падежным позициям склоняемых существительных.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ КОНЕЧНЫХ ГЛАСНЫХ СКЛОНЯЕМЫХ И НЕСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПЕРВОЙ ИСХОДНОЙ ПОЗИЦИИ (им. п. ед. ч.).

В первой исходной позиции склоняемых существительных на месте флексий *-а*, *-о*, *-е* под ударением после твердых согласных произносятся звуки [а]: вод[а], [о]: сел[о], после мягких согласных — звуки [а́]: зем[л'а́], [о́]: сы[р'j о́], [э́]: жити[jэ́].

Морфонологически различаются [$а́_1$] — конечный ударный звук существительных женского рода II склонения: за[р'а́], зем[л'а́] и [$а́_2$] — конечный ударный звук существительного ср. р. ди[т'а́]. Морфонологические омонимы [$а́_1$] и [$а́_2$] [1] неравноправны по своей грамматической значимости — [$а́_2$] — грамматически непродуктивен: одна лексема *дитя*, где реализуется этот морфонологический омоним, не в состоянии оказать воздействие на существительные с финалью *-а* для вовлечения их в систему склонения.

У несклоняемых существительных на месте ударных финалей после твердых согласных произносятся звуки [а]: баккар[а], [о]: домин[о], [э]: варьет[э], [ы]: газах[ы], [у]: кикап[у], после мягких [а́]: [п'j а́], [о́]: я-лы[к'о́], [э́]: ате[л'j э́], [и]: па[р'и], [у́]: аве[н'у́]. Несклоняемые существительные с конечными [а́], [о́], [у́] после мягких согласных единичны, редки и конечные сочетания твердого согласного с [ы].

Существительные с ударными флексиями [а], [о], [э́] распределены крайне неравномерно. Если существительных с флексией [а] тысячи, существительных с ударной флексией [о] значительно меньше: непроизводные существительные с флексией [о] ударный

[1] В отношении морфонологической омонимии находятся флексийные морфы, имеющие одинаковое звучание, но разные морфонологические значения, поскольку морфонологические омонимы входят в разные системы флексийных морфов; грамматическое значение у морфонологических омонимов одно, в рассматриваемом случае — это значение им. п. ед. ч.

исчисляются в пределах сотни, и совсем «не повезло» существительным с конечным ударным [э́] — они единичны: *питие*, *житие*, *бытие* (*инобытие*).

Неравномерность распределения характерна и для несклоняемых существительных, имеющих финали, фонетически отождествимые с флексиями склоняемых существительных, но количественное соотношение групп несклоняемых слов иное, чем у склоняемых существительных с соответствующими флексиями. По данным словарей, несклоняемых существительных с ударной финалью *-а* немногим больше трех десятков, несклоняемых существительных с ударной финалью *-о* примерно столько же, сколько и непроизводных склоняемых существительных с флексией *-о*, т. е. около ста, несклоняемых существительных с ударной флексией *-е* свыше 150.

Конечные ударные [а], [а́], [о], [о́], [э́] свойственны как склоняемым, так и несклоняемым существительным, конечные [и], [у], [у́], [э] в первой исходной позиции существительных — показатель несклоняемых слов.

В заударном слоге на месте флексий *-а* (орф. *а*, *я*) и *-о* (орф. *о*) произносится редуцированный нелабиализованный гласный [ъ] среднего подъема, среднего или средне-заднего ряда (1, с. 60—61). На месте флексии *-е* (орф. *е*) в заударных слогах произносится обычно звук [ъ] или его произносительный вариант — редуцированный звук [э], по подъему языка средний между [э] и [и] (там же). Поскольку в задачу данной работы не входит установление точного произношения заударных флексий, для целей исследования достаточно принять, что на месте безударной флексии *-е* исходной формы существительных после любого согласного произносится редуцированный звук [ъ].

Морфонологически различаются три звука [ъ]: [ъ$_1$] (орф. *а*, *я*) — член словоизменительной парадигмы существительных II склонения: антилоп[ъ$_1$], рикш[ъ$_1$], мям[л'ъ$_1$]; [ъ$_2$] (орф. *о*, *е*) — член словоизменительной парадигмы существительных I склонения: блюд[ъ$_2$], русл[ъ$_2$], мо[р'ъ$_2$], чуди[ш'ъ$_2$]; [ъ$_3$] (орф. *я*) — член словоизменительной парадигмы существительных на *-мя*: пла[м'ъ$_3$], те[м'ъ$_3$]. Звуки [ъ$_1$], [ъ$_2$], [ъ$_3$], коррелирующие с наборами звуков, характерными для разных парадигм, по отношению друг к другу выступают как морфонологические омонимы.

Ударные и безударные варианты флексий *-а*, *-о* относительно друг друга могут выступать и как морфонологические синонимы: [ъ$_1$] безударный — морфонологический синоним ударного [а]: бронз[ъ$_1$], трав[а]; [ъ$_2$] безударный — морфонологический синоним ударного [о]: русл[ъ$_2$], ведр[о]. Не все флексии склоняемых существительных имеют свои морфонологические синонимы: нет безударного морфонологического синонима у ударного [а́$_2$]: дн[т'а́$_2$], ударного морфонологического синонима у конечного безударного [ъ$_3$]: им'[ъ$_3$], плем'[ъ$_3$].

Что представляют собой безударные финали в соотношении с описанной выше системой флексий? Существительные с безударными финалями, как и существительные с ударными финалями, по соотношению со склоняемыми существительными в форме им. п. ед. ч. делятся на две группы: несклоняемые существительные, не сопоставимые по конечным гласным со словоформами им. п. ед. ч.: существительные с финалями *-и*, *-у*, и несклоняемые существительные, сопоставимые по конечным гласным со словоформами им. п. ед. ч.: существительные с финалями *-а*, *-о*, *-е*.

Произношение звуков на месте безударных финалей *-и*, *-у* не отличается от произношения соответствующих гласных в заударной позиции. Следует, однако, отметить, что финаль *-и*, в отличие от флексии *-и*, встречается в заударной позиции только после мягких согласных: сапера[в'и], т. е. она не реализуется в звуке [ы]. Финаль *-у* в заударной позиции может следовать как за твердым согласным [ty]: ки[пу], так и за мягким [t'ў]: кикуйю [jў] (примеры с конечным безударным сочетанием [t'ў] единичны). Конечные безударные [и], [у], [ў] — показатели несклоняемых слов.

В группе несклоняемых существительных, сопоставимых по конечным безударным гласным с формой им. п. ед. ч. склоняемых слов, также преобладают сочетания конечного гласного с предшествующим твердым согласным. Сочетания безударной финали *-а* с предшествующим мягким согласным отсутствуют у несклоняемых существительных. Единичны словоформы с сочетанием безударной финали *-о* с мягким согласным: интал'[jо]. Преобладают также сочетания безударной финали *-е* с твердым согласным.

Остановимся более подробно на произношении безударных финалей *-а*, *-о*, *-е*. Произношение финали *-а* в безударном слоге не отличается от произношения безударной флексии *-а* (орфографических помет о качестве звука на месте безударной финали *-а* в словарях нет): на месте безударной финали *-а* произносится редуцированный [ъ]: амхар[ъ], иоруб[ъ], хаус[ъ].

Произношение безударной финали *-о* отличается от произношения флексии *-о*, которое подчиняется общим орфоэпическим нормам произношения гласных в безударных слогах: на месте безударной флексии *-о* произносится редуцированный [ъ]. На месте же безударной финали *-о* произносятся два звука: редуцированный [ъ] и звук [о] без редукции. Наличие—отсутствие редукции у звука на месте буквы *о* в безударном слоге М. В. Панов связывает с употребительностью заимствованного слова. В общеупотребительных словах иноязычного происхождения на месте буквы *о* в заударной позиции предпочтительнее произношение редуцированного [ъ], безударное [о] воспринимается как нарочитая манерность в произношении (6, с. 323).

Но среди существительных с безударной финалью *-о* немало слов специальной лексики, не обладающей широкой употреби-

тельностью. В этих словах на месте финали *-о* произносится [о] *без* редукции, что нашло отражение в словарях современного русского литературного языка. Так, согласно словарю-справочнику «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова (М.: ГИС, 1956), с конечным безударным [о] произносятся существительные *авизо* [зо], *ватерполо* [ло], *вето* [то], *жиро* [ро], *инкассо* [сso], *интермеццо* [ццо], *кредо* [до], *манго* [го], *сальдо* [до], *сомбреро* [ро]. Словарь ударений для работников радио и телевидения (М.: СЭ, 1967) фиксирует произношение [о] безударного для слов *авизо* [зо], *ариозо* [зо], *ватерполо* [ло], *вето* [то], *манго* [го].

Всего в словарях современного русского литературного языка около 300 существительных с безударной финалью *-о*, к сожалению, произносительные пометы имеет минимальное число слов. Без специального исследования невозможно установить произношение финали в каждом отдельном случае. В работе принимаются оба варианта произношения финали *-о*, с редукцией и без редукции, в соответствии с чем произношение безударной финали *-о* записывается ([ъ/о].

По сравнению со всеми другими финалями, финаль *-е* отличает наибольшая сложность произношения. В безударном слоге позиционно различается произношение финали *-е*: а) после твердых согласных и гласных, б) после мягких согласных.

На месте безударной финали *-е* после твердых согласных и после гласных произносится звук [э] без редукции. На произношение [э] без редукции в словарях современного русского языка указывают пометы типа [tэ], где t — любой твердый согласный: *анданте* [тэ], *альдине* [нэ], *бирбине* [нэ], *граве* [вэ], *кураре* [рэ], *мачете* [тэ], *мизерере* [рэ], *момме* [мэ], *морзе* [зэ], *нотабене* [нэ], *сайнете* [тэ], *сукре* [рэ], *форте* [тэ], *шютте* [тэ], *эре* [рэ], и написание буквы *э* вместо *е* в конце слова: *алоэ*, *апноэ*, *кокаэ*, *скенэ*. Нет произносительных помет у слов *бере*, *делькредере*, *сутартине*, что, скорее, стоит рассматривать как недосмотр словарей, а не как указание на произношение на конце этих слов редуцированного [ъ].

После мягких согласных на месте финали *-е* в заударной позиции произносятся два звука: гласный [э] без редукции и редуцированный звук типа [ъ] или [ə]. Указание на произношение [э] без редукции после мягких согласных есть в словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение»: *дуче* [че], *кантеле* [ле], *факсимиле* [ле]. Какой редуцированный звук, [ъ] или [ə], произносится на месте безударной финали *-е*, сказать трудно. В заударном слоге в грамматических окончаниях существительных на месте буквы *е* после мягких согласных обычно произносится [ъ]. В данной работе принимается, что на месте финали *-е* после мягких согласных также произносится редуцированный [ъ].

Таким образом, на конце несклоняемых слов на месте безударной финали *-е* после гласных и твердых согласных произносится [э] без редукции, после мягких — [э́] без редукции и редуцированный [ъ], в связи с чем позиции финали *-е* после твердых согласных и гласных записываются соответственно как [тэ] и [vэ], а позиции финали *-е* после мягких согласных как [т'ъ/э́].

Конечный безударный [ъ] (орф. *а*, *я*, *о*, *е*) свойствен как склоняемым, так и несклоняемым существительным. Конечные безударные [о], [э] в позиции исходной формы существительных (им. п. ед. ч.) — фонетико-фонологическая характеристика несклоняемых слов (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставительная таблица конечных гласных несклоняемых и склоняемых существительных в позиции им. п. ед. ч.

Фонол. состав конечных гласных	Финали				Флексии			
	ударные		безударные		ударные		безударные	
	после t	после t'	после t	после t'	после t	после t'	после t	после t'
<а>	[а]	[а́]	[ъ]	—	[а]	[а́]	[ъ]	[ъ]
<о>	[о]	[о́]	[ъ/о]	[ъ/о́]	[о]	[о́]	[ъ]	—
<э>	[э]	[э́]	[э]	[ъ/э́]	—	[э́]	—	[ъ]
<и>	[ы]	[и]	—	[и]	—	—	—	—
<у>	[у]	[у́]	[у]	[у́]	—	—	—	—

Как и у существительных с ударными флексиями [а], [о], [э], отсутствует равномерность распределения среди существительных с безударными *флексиями* [ъ$_1$], [ъ$_2$], [ъ$_3$]. Преобладают производные и непроизводные существительные с флексией [ъ$_1$] (орф. *а*, *я*): ив[ъ$_1$], бу[р'ъ$_1$], которые исчисляются тысячами, и производные существительные с флексией [ъ$_2$] (орф. *о*, *е*): сараишк[ъ$_2$], волчи[шъ$_2$], пени[jъ$_2$]. Непроизводных существительных с конечным (ъ$_2$]: золот[ъ$_2$], по[л'ъ$_2$] около сотни. Единичны существительные с флексией [ъ$_3$] (орф. *я*): им' [ъ$_3$], стрем' [ъ$_3$].

Неравномерность распределения характерна и для несклоняемых существительных. Существительных с безударной финалью [ъ] (орф. *а*): *иоруба*, *хауса*, по данным словарей, около четырех десятков, с безударной финалью [ъ/о] (орф. *о*] — около 300; *кабальеро*, *мокко*, *ранчо*, с конечными [тэ]: *кураре*, *мачете*, *падре* и [т'ъ/э́]: *биеннале*, *кофе* — свыше пятидесяти. Свыше 200 существительных с безударной финалью [и] (орф. *и*): *сари*, *цинандали*; в пределах трех десятков насчитывается существительных с безударной финалью [у]: *иглу*, *кипу*.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОНЕЧНЫХ СОЧЕТАНИЙ НЕСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Несклоняемые существительные по структуре конечных сочетаний делятся на две неравные группы. Первая группа несклоняемых существительных имеет конечные сочетания структуры vv: *амплуа*, *боа*, *макао*, *радио*, *аппоэ*, *кокаэ*, *индау*, *шоу*. Большинство несклоняемых существительных на конечный гласный имеют конечные сочетаний структуры tv. Рассмотрим более подробно существительные каждой из групп.

Несклоняемые существительные с конечными сочетаниями структуры vv

Несклоняемые существительные с конечными сочетаниями структуры vv, в зависимости от качества финали и качества предшествующего гласного, делятся на несколько подгрупп. Финали [а] под ударением предшествуют два безударных звука: [о] в слове *боа* и [у]: *амплуа*, *буржуа*, *па-де-труа*, *папуа*, *патуа*, *октруа*. Безударной финали [ъ/ʌ] (орф. *а*) предшествуют три гласных звука: [о] (*аноа*, *метазоа*, *моа*, *протозоа*, *тестоа*, *фейхоа*); [э] (*брамеа*, *гевеа*, *зоеа*); [у] (*кечуа*, *легуа*). На отсутствие интервокального [j] указывает написание *а* вместо *я* после гласного.

Ударной финали [о] предшествует гласный [и] в слове *фаблио*. Безударной финали [о/ъ] предшествуют два гласных: [а] (*дацзыбао*, *какао*, *макао*, *мао*, *рао*, *хао*, *цзяо*); [и] (*адажио*, *ажио*, *дизажио*, *арпеджио*, *даймио*, *импресарио*, *ин-фолио*, *камбио*, *контракамбио*, *каприччио*, *патио*, *радио*, *рекамбио*, *сольфеджио*, *трио*, *фолио*). Нет несклоняемых слов, у которых финали *-о* предшествовали бы гласные [о], [э], [у]. Об отсутствии интервокального [j] свидетельствует написание буквы *о* вместо *ё* после гласных [а] и [и] (ср. *мумиё*, где *ё* указывает на наличие интервокального [j].

К существительным с финалью *-е*, имеющим конечные сочетания структуры vv, относятся слова *алоэ*, *аппое*, *каноэ*, *кокаэ*, *тазие*. На отсутствие [j] в интервокальном положении указывает написание *э* после гласного (исключение *тазие*). Финали *-е* предшествуют гласные [о], [а], [и], нет примеров с предшествующими [у], [э].

У существительных с финалью *-у* конечные сочетания структуры vv есть только у слов с безударной финалью [у]. Зафиксированы несклоняемые существительные с финалью [у] с предшествующими гласными [а]: *джайлау/джейлау*, *жрау*, *индау*, *камер-фрау*, *метиленблау*, *нейблау*, *фрау*, [о]: *тоу*, *шоу*, *доу*, [и]: *сиу*, *уншиу*. Как предшествующие отсутствуют гласные [э], [у]. Написание *у* вместо *ю* указывает на отсутствие интервокального [j].

Конечное [и] в сочетании *vи* (v=*а*, *у*) однозначно не свидетельствует об отсутствии или наличии интервокального [j], поскольку буква *и* в русской графике может обозначать как один звук [и], так и сочетание [ји]. Конечное [и] в словах *брагуи*, *гильзаи*, *масаи*, *мирзаи*, *рубаи* допускает двоякое истолкование: без интервокального [j] — и тогда эти слова по своим конечным сочетаниям входят в первую группу, т. е. в группу слов, имеющих конечные сочетания структуры vv, и с интервокальным [j] — и тогда эти слова входят в группу слов с конечными сочетаниями структуры tv. На возможность второго истолкования указывают зафиксированные в текстах и словарях склоняемые варианты этих слов: *гильзаи—гильзаев*, *масаи—масаев*, *рубаи* (вар. рубайи) — *о рубайях*.

Как известно, основа склоняемого имени в русском языке заканчивается только на согласный (11, 12, с. 41 и след.). Конечные сочетания существительных первой группы не могут быть осознаны как сочетания морфемного шва (сочетания стыка основы и флексии), все существительные, имеющие конечные сочетания структуры vv, являются несклоняемыми из-за ограничений морфонологической системы, т. е. несклоняемость существительных первой группы определена морфонологической системой русского языка.

Сопоставительное описание несклоняемых и склоняемых существительных с конечными сочетаниями структуры vv

Большинство несклоняемых существительных с конечными ударными и безударными гласными имеет конечные сочетания структуры tv (где t — любой предшествующий согласный, v — конечный гласный), которые свойственны и склоняемым существительным. Сопоставление несклоняемых существительных со склоняемыми по конечным сочетаниям структуры tv необходимо для выявления факторов несклоняемости существительных данной морфонологической структуры, не позволяющих данным заимствованным словам стать склоняемыми.

Сопоставительное описание несклоняемых и склоняемых существительных по конечным сочетаниям структуры tv проводится в несколько этапов. Вначале дается сопоставительное описание конечных сочетаний склоняемых существительных с флексиями *-а*, *-о*, *-е* с учетом ударного и безударного варианта флексии. Вводится понятие функциональной нагрузки конечного сочетания (4). Степень функциональной нагрузки конечного сочетания определяется числом слов, в которых это сочетание функционирует. Функционально нагруженными считаются конечные сочетания, встретившиеся более чем в трех склоняемых существительных [2].

[2] Выборка и подсчеты склоняемых существительных были сделаны по Обратному словарю русского языка (М.: СЭ, 1974).

Предполагается, что существительные с функционально нагруженными конечными сочетаниями способны в большей мере воздействовать на вовлечение в систему склонения заимствованных слов с подобными конечными сочетаниями, чем существительные, конечные сочетания которых ненагружены (см. сопоставительную табл. 2).

Таблица 2

Сопоставительная таблица конечных сочетаний структуры tv склоняемых существительных с флексиями *-а, о, -е* в позиции пм. п. ед. ч.

	Предшеств. согласный	Ударные флексии			Безударные флексии		
		-а	*-о*	*-е*	*-а*	*-о*	*-е*
Твердый	п	+ *	—	—	+ *	—	—
	б	+ *	—	—	+ *	+	—
	ф	+ *	—	—	+ *	—	—
	в	+ *	+ *	—	+ *	+ *	—
	т	+ *	+	—	+ *	+ *	—
	д	+ *	+	—	+ *	+	—
	с	+ *	—	—	+ *	+	—
	з	+ *	+ *	—	+ *	—	+ *
	ц	+ *	—	—	+ *	—	—
	ш	+ *	—	—	+ *	—	+
	ж	+ *	+ *	—	+ *	+ *	—
	к	+ *	—	—	+ *	—	—
	г	+ *	—	—	+ *	—	—
	х	+ *	+	—	+ *	+	—
	м	+ *	+ *	—	+ *	+ *	—
	н	+ *	+ *	—	+ *	+ *	—
	л	+ *	+ *	—	+ *	+	—
	р	+ *	+ *	—	+ *	—	—
Мягкий	п’	—	—	—	—	—	—
	б’	—	—	—	—	—	—
	ф’	—	—	—	—	—	—
	в’	—	—	—	—	—	—
	т’	+	—	—	+ *	—	—
	д’	—	—	—	+ *	—	—
	с’	—	—	—	+ *	—	—
	з’	+ *	+	—	+ *	—	+ *
	ч’	+	—	—	+ *	—	—
	ш’	+	—	—	—	—	+ *
	ж’	—	—	—	—	—	—
	к’	—	—	—	—	—	—
	г’	—	—	—	—	—	—
	х’	—	—	—	—	—	—
	м’	—	—	—	—	—	—
	н’	+ *	—	—	+ *	—	+
	л’	+	—	—	+ *	—	+
	р’	+ *	+ *	+	+ *	—	+ *

* Звездочкой помечены функционально нагруженные сочетания

Флексия *-а* в позиции исходной формы существительного (им. п. ед. ч.) в ее ударном и безударном варианте сочетается с 29 предшествующими согласными. Конечный ударный [а] (орф. *а*, *я*) склоняемых существительных сочетается с 27 согласными — 18 твердыми и 9 мягкими. Функционально нагружено 21 конечное сочетание — все 18 сочетаний ударной флексии [а] с предшествующим твердым согласным: [па]: тро[па], [ба]: ар[ба], [фа]: со[фа], [ва]: ай[ва], [та]: таф[та], [да]: ор[да], [са]: хам[са], [за]: мир[за], [ца]: ма[па], [ша]: черем[ша], [жа]: паранд[жа], [ка]: кир[ка], [га]: тай[га], [ха]: чепу[ха], [ма]: чал[ма], [на]: х[на], [ла]: шка[ла], [ра]: мишу[ра] и три сочетания с мягким согласным: [ч'а]: алы[ч'а], [н'а]: бро[н'а], [ја]: гадимат'[ја]. Ненагружено шесть конечных сочетаний ударного [а] с мягкими согласными: [т'а]: куль[т'а] [з'а]: сте[з'а], [ш̄'а]: пра[ш̄'а], [ж̄'а]: во[ж̄'а], [л'а]: зем[л'а], [р'а]: за[р'а].

Конечный безударный [ъ$_1$] (орф. *а*, *я*) сочетается с 28 предшествующими согласными: 18 твердыми и 10 мягкими. Функционально нагружены 25 конечных сочетаний — все 18 сочетаний флексии [ъ$_1$] с твердым согласным: [пъ$_1$]: рам[пъ$_1$], [бъ$_1$]: аме[бъ$_1$], [фъ$_1$]: ар[фъ$_1$], [въ$_1$]: ага[въ$_1$], [тъ$_1$]: анке[тъ$_1$], [дъ$_1$]: арен[дъ$_1$]; [съ$_1$]: бур[съ$_1$], [зъ$_1$]: ва[зъ$_1$], [цъ$_1$]: инфлюен[цъ$_1$], [шъ$_1$]: афи[шъ$_1$], [жъ$_1$]: бир[жъ$_1$], [къ$_1$]: арни[къ$_1$], [гъ$_1$]: бума[гъ$_1$], [хъ$_1$]: эпо[хъ$_1$], [мъ$_1$]: дог[мъ$_1$], [нъ$_1$]: фау[нъ$_1$], [лъ$_1$]: аку[лъ$_1$], [ръ$_1$]: аст[ръ$_1$] и семь сочетаний конечного [ъ$_1$] с мягким согласным: [т'ъ$_1$]: ба[т'ъ$_1$], [ч'ъ$_1$]: качу[ч'ъ$_1$], [ш̄'ъ$_1$]: ча[ш̄'ъ$_1$], [н'ъ$_1$]: лют[н'ъ$_1$], [л'ъ$_1$]: во[л'ъ$_1$], [р'ъ$_1$]: ги[р'ъ$_1$], [јъ$_1$]: мантил'[јъ$_1$]. Ненагружено три сочетания конечного [ъ$_1$] с мягкими согласными: [д'ъ$_1$]: дя[д'ъ$_1$], [з'ъ$_1$]: зю[з'ъ$_1$], [с'ъ$_1$]: си[с'ъ$_1$].

Флексия *-о* (орф. *о*, *ё*) в ее ударном и безударном варианте сочетается с 15 предшествующими согласными. Конечный ударный [о] склоняемых существительных сочетается с 12 согласными — 10 твердыми и 2 мягкими. Функционально нагружено шесть сочетаний ударного [о] с твердыми согласными: губным [в]: родст[во], зубной аффрикатой [ц]: слов[цо], заднеязычным [к]: молоч[ко], сонорными [н]: ок[но], [л]: дуп[ло], [р]: тав[ро] и одно сочетание с мягким согласным — среднеязычным [ј]: цев'[јо̂]. Ненагружено четыре сочетания конечного [о] с твердыми зубными согласными [т]: доло[то], [д]: гнез[до], [с]: коле[со] и сонорным губным [м]: яр[мо] и одно сочетание с мягким небно-зубным согласным [ч']: пле[ч'о̂].

Безударная флексия [ъ$_2$] (орф. *о*) сочетается с 13 твердыми согласными — губными [б], [в], зубными [т], [д], [с], [з], заднеязычными [к], [г], [х] и сонорными [м], [п], [л], [р]. Функционально нагружено пять сочетаний: [въ$_2$]: сло[въ$_2$], [тъ$_2$]: ле[тъ$_2$], [къ$_2$]: ябло[къ$_2$], [нъ$_2$]: поле[нъ$_2$], [лъ$_2$]: гор[лъ$_2$]. Ненагружены шесть сочетаний: [бъ$_2$]: не[бъ$_2$], [съ$_2$]: про[съ$_2$], [зъ$_2$]: желе[зъ$_2$], [гъ$_2$]: и[гъ$_2$], [мъ$_2$]: пас[мъ$_2$], [ръ$_2$]: ми[ръ$_2$]. Сочетания [дъ$_2$],

[хъ$_2$]: стоят на грани нагруженных и ненагруженных сочетаний. Каждое из них представлено в четырех словах.

Флексия *-е* (орф. *е*) в позиции первой исходной формы существительного сочетается с 7 предшествующими согласными. Ударный [э] сочетается только со среднеязычным [j]: быти[jэ́]. Безударная флексия [ъ$_2$] (орф. *е*) сочетается с семью согласными — двумя твердыми и пятью мягкими: [ц], [ж], [ч'], [ш'], [л'], [р'], [j]. Функционально нагружено три сочетания: [цъ$_2$]: блюд[цъ$_2$], [ш'ъ$_2$]: городи[ш'ъ$_2$], [ъ$_2$]: зел'[jъ$_2$]. Ненагружены четыре сочетания: [жъ$_2$]: ло[жъ$_2$], [ч'ъ$_2$]: ве[ч'ъ$_2$], [л'ъ$_2$]: по[л'ъ$_2$], [р'ъ$_2$]: мо[р'ъ$_2$].

Конечные сочетания несклоняемых существительных структуры tv

Финаль *-а* (орф. *а*, *я*) сочетается с 20 предшествующими согласными — 17 твердыми и 3 мягкими. Ударная финаль [а] сочетается с 10 твердыми согласными: губными [п]: *папá*, [ф]: *лафа*, зубным [т]: *подеста*, небно-зубным [ш]: *антраша*, заднеязычными [к]: *антука*, [г]: *альпага*, [х]: *саха*, сонорными [м]: *трема*, [л]: *гала*, [р]: *баккара* и тремя мягкими: зубным [з']: *эрзя*. небно-зубным [ч']: *ча-ча-ча*, среднеязычным [j]: *пья*. Перечисленные конечные сочетания есть у склоняемых непроизводных и производных существительных с ударной флексией [а]. Все сочетания, кроме [з'а́], у склоняемых существительных функционально нагружены.

Безударная финаль [ъ] (орф. *а*) сочетается с 13 твердыми согласными: губными [б]: *иоруба*, [в]: *кайова*, зубными [т]: *аята*, [д]: *баганда*, [с]: *хауса*, [з]: *якудза*, небно-зубным [ж]: *беджа*, заднеязычными [к]: *динка*, [г]: *макаланга*, сонорными [м]: *ама*, [н]: *апина*, [л]: *диола*, [р]: *ультра* и одним мягким — среднеязычным [j]: *балухья*.

Перечисленные сочетания есть у склоняемых существительных с безударной флексией [ъ$_1$] (орф. *а*, *я*). Все 14 сочетаний у склоняемых существительных функционально нагружены.

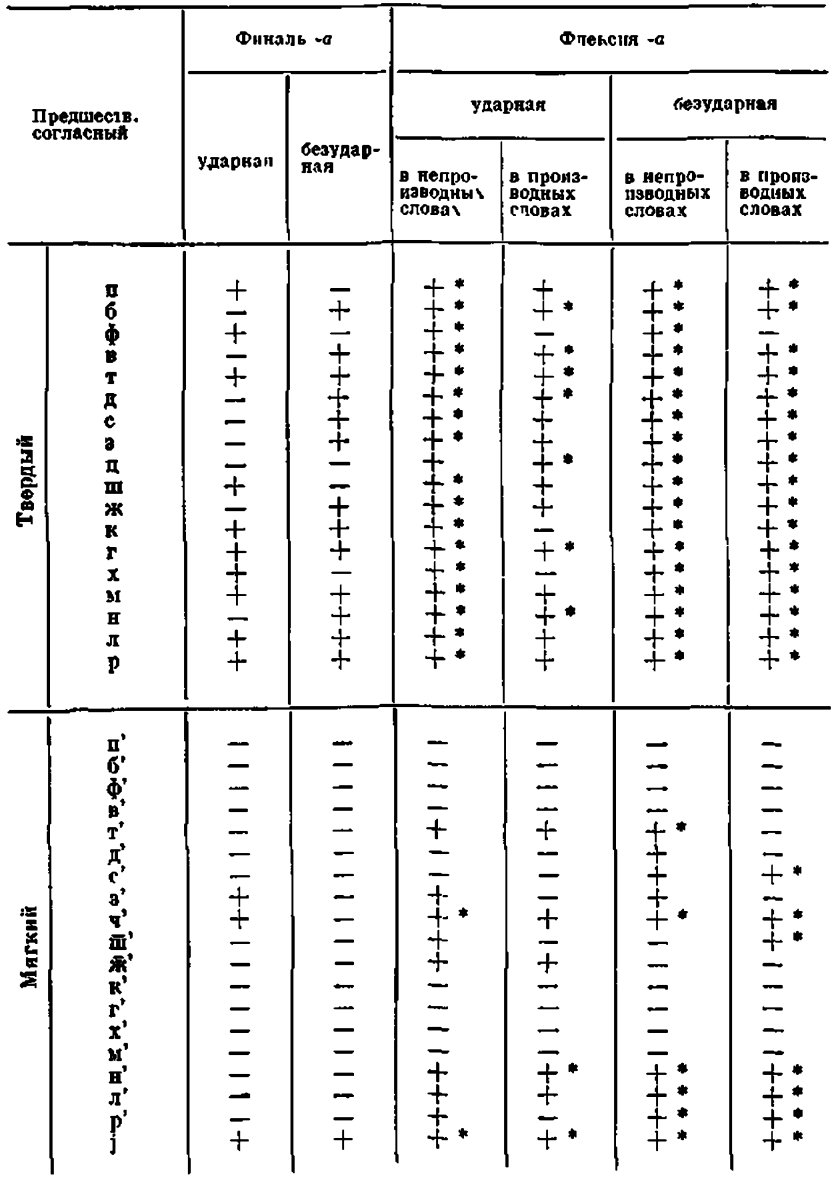
Таким образом, по конечным сочетаниям структуры tv существительные с финалью *-а* в ее ударном и безударном варианте не отличаются от склоняемых существительных с флексией *-а*, т. е. их несклоняемость не связана с морфонологическими ограничениями.

Следует отметить, что некоторые из существительных с финалью *-а* имеют и склоняемые варианты, зафиксированные текстами и словарями: *альпага—альпаги* (назв. животного), *подеста—подесты*, *туранга—туранги* (заросли туранги), *эрзя—эрзи*, *ама—амы* (см. сопоставительную табл. 3).

Финаль *-о* в ее ударном и безударном варианте сочетается с 20 предшествующими согласными — 17 твердыми и 3 мягкими.

Таблица 3

Сопоставительная таблица конечных сочетаний структуры tv несклоняемых существительных с финалью *-а* и склоняемых существительных с флексией *-а* в первой исходной позиции

Конечный ударный [о] (орф. *о*, *ё*) сочетается с 15 твердыми согласными: губными [п]: *депо*, [б]: *сабо*, [ф]: *комильфо*, [в]: *квипрокво*, зубными [т]: *плато*, [д]: *дзюдо*, [с]: *серсо*, [з]: *пуазо*, заднеязычными [к]: *рококо*, [г]: *арго*, [х]: *шалахо*, сонорными [м]: *эскимо*, [н]: *домино*, [л]: *табло*, [р]: *метро* и тремя мягкими согласными: небно-зубным [ч']: *харчо*, заднеязычным [к']: *я-лыкё*, среднеязычным [j]: *фаблъо*.

Семь конечных сочетаний несклоняемых существительных — [по], [бо], [фо], [зо], [го], [хо], [к'о] — отсутствуют у склоняемых существительных.

Общими для несклоняемых и склоняемых существительных с ударным конечным [о] являются 11 сочетаний: [во], [то], [до], [со], [ко], [мо], [но], [ло], [ро], [ч'о], [jo]. Шесть сочетаний — [во], [ко], [но], [ло], [ро], [jo] — функционально нагружены у склоняемых существительных. Два сочетания — [но], [ро] — функционально нагружены у непроизводных склоняемых существительных, три — [во], [ко], [jo] — у производных, сочетание [ло] — у непроизводных и производных склоняемых существительных. Пять сочетаний [то], [до], [со], [мо], [ч'о] функционально ненагружены.

Безударная финаль [ъ/о] (орф. *о*) сочетается с 15 твердыми согласными: губными [п]: *гестапо*, [в]: *сентаво*, зубными [т]: *контральто*, [д]: *торнадо*, [с]: *песо*, [з]: *авизо*, [ц]: *скерцо*, небно-зубным [ж]: *банджо*, заднеязычными [к]: *фиаско*, [г]: *саго*, [х]: *квебрахо*, сонорными [м]: *сентимо*, [н]: *сопрано*, [л]: *пуэбло*, [р]: *сомбреро* и двумя мягкими: небно-зубным [ч']: *пончо* и среднеязычным [j]: *интальо*.

Пять сочетаний из семнадцати — это сочетания безударной финали [ъ/о] с шипящими [ш], [ж], [ч'], зубной аффрикатой [ц] и среднеязычным [j]. В конечных безударных сочетаниях склоняемых существительных структуры tv после перечисленных согласных вместо буквы *о* пишется буква *е*. Написание буквы *о* на конце несклоняемых слов после шипящих, [ц] и [j] искусственно поддерживает произношение звука [о] без редукции, т. е. включает существительные с конечными безударными сочетаниями [шо], [жо], [ч'о], [цо], [jo] по фонетико-фонологическому признаку в разряд собственно несклоняемых (конечный безударный [о] — фонетико-фонологический показатель несклоняемости).

Общими для склоняемых и несклоняемых существительных являются 12 сочетаний конечного [ъ] с твердым согласным. Шесть из них у склоняемых существительных функционально нагружены: [въ], [тъ], [къ], [нъ], [лъ] и шесть ненагружены: [дъ], [съ], [зъ], [гъ], [мъ], [ръ].

Итак, существительные с финалью *-о* по конечным сочетаниям структуры tv делятся на две группы. Первую группу составляют существительные, имеющие конечные сочетания, отсутствующие у склоняемых существительных: [по], [пъ], [бо], [фо], [к'о].

Конечные сочетания [ио], [иъ], [бо], [фо], [к'о] — морфонологический показатель несклоняемых слов.

Вторую группу составляют, во-первых, несклоняемые существительные с конечными сочетаниями [во], [въ], [ко], [къ], [но], [нъ], [ло], [лъ], [јо], аналогичными функционально нагруженным конечным сочетаниям склоняемых существительных; во-вторых, несклоняемые существительные с конечными сочетаниями [то], [тъ], [до], [дъ], [ро], [ръ], которые есть и у склоняемых существительных, но функционально нагружены у склоняемых существительных только сочетания [тъ], [дъ], [ро] (конечные сочетания [то], [до], [ръ], парные по признаку ударности — безударности, функционально ненагружены); в-третьих, несклоняемые существительные с конечными сочетаниями, аналогичными функционально ненагруженным конечным сочетаниям склоняемых существительных: [зъ], [со], [съ], [гъ], [ч'о], [мо], [мъ].

Существительные второй группы не имеют морфонологических ограничений на склоняемость. По морфонологической структуре и ее конкретным реализациям (конечным сочетаниям) они ничем не отличаются от склоняемых существительных. Их несклоняемость в русском литературном языке связана с нормативными запретами, т. е. запретами существующей литературной нормы (см. сопоставительную табл. 4).

Ударная финаль [э] (орф. *е*, *э*) сочетается с 18 предшествующими согласными — 13 твердыми: губными [п]: *купе*, [б]: *тюрбе*, [ф]: *галифе*, зубными [т]: *варьете*, [д]: *па-де-де*, [с]: *медресе*, [з]: *шимпанзе*, [ц]: *цеце*, небно-зубными [ж]: *драже*, [ш]: *атташе*, сонорными [м]: *буриме*, [н]: *каберне*, [р]: *кабаре* и пятью мягкими: заднеязычными [к']: *коммюнике*, [г']: *адыге*, [х']: *удэхе* и сонорными [л']: *реле*, [j]: *портье*.

Все перечисленные конечные сочетания несклоняемых существительных, кроме [јэ], отсутствуют в исходной форме склоняемых существительных (им. п. ед. ч.), т. е. они являются морфонологическими показателями несклоняемых слов. Следует также отметить, что ударное конечное сочетание [јэ] по-разному реализуется у несклоняемых и склоняемых слов. Если у склоняемых существительных сочетание [јэ] фактически функционально ненагружено, то у несклоняемых слов оно реализуется более чем у двух десятков слов: ател'[јэ], дезабил'[јэ], ден'[јэ], дос'[јэ], канот'[јэ], кол'[јэ], круп'[јэ] и т. д. Поэтому конечное ударное сочетание [јэ] в позиции исходной формы также следует считать показателем несклоняемых слов.

Безударная финаль *-е* (орф. *е*, *э*) сочетается с 13 согласными — 8 твердыми и 5 мягкими. Как уже отмечалось выше, после твердых согласных на месте безударной финали *-е* произносится [э] без редукции, после мягких — два произносительных варианта [ъ/э]. Конечный безударный [э] сочетается с твердыми губными [б]: *ребе*, [в]: *граве*; зубными [т]: *анданте*, [д]: *маконде*, [з]:

Таблица 4

Сопоставительная таблица конечных сочетаний структуры tv неизменяемых существительных с финалью *-о* и склоняемых существительных с флексией *-о* в первой исходной позиции

	Предшеств. согласный	Финаль -о		Флексия -о			
				ударная		безударная	
		ударная	безударная	в непроизводных словах	в производных словах	в непроизводных словах	в производных словах
Твердый	п	+	+	–	–	–	–
	б	+	–	–	–	+	–
	ф	+	–	–	–	–	–
	в	+	+	–	+ *	–	+ *
	т	+	+	+	–	+ *	–
	д	+	+	+	–	+	–
	с	+	+	–	–	+	–
	з	–	+	–	+ *	–	–
	ц	–	–	–	–	–	–
	ш	+	+	+	+ *	+ *	+ *
	ж	+	+	–	–	+	–
	к	+	+	–	–	+	–
	г	+	+	–	+	+	–
	х	+	+	+ *	–	+ *	+ *
	м	+	+	+ *	+ *	+ *	–
	н	+	+	+ *	–	+	+ *
	л	+	+	–	–	–	–
	р	+	+	+ *	–	–	–
Мягкий	п'	–	–	–	–	–	–
	б'	–	–	–	–	–	–
	ф'	–	–	–	–	–	–
	в'	–	–	–	–	–	–
	т'	–	–	–	–	–	–
	д'	–	–	–	–	–	–
	с'	–	–	–	–	–	–
	з'	–	–	–	–	–	–
	ч'	+	+	+	–	–	–
	ш'	–	–	–	–	–	–
	ж'	–	–	–	–	–	–
	к'	–	–	–	–	–	–
	г'	–	–	–	–	–	–
	х'	–	–	–	–	–	–
	м'	–	–	–	–	–	–
	н'	–	–	–	–	–	–
	л'	–	–	–	–	–	–
	р'	–	–	–	–	–	–
	–	+	+	+ *	–	–	–

Таблица 5

Сопоставительная таблица конечных сочетаний структуры tv несклоняемых существительных с финалью *-е* и склоняемых существительных с флексией *-е* в первой исходной позиции

Предшествующий согласный		Финаль *-е*		Флексия *-е*			
				ударная		безударная	
		ударная	безударная	в непроизводных словах	в производных словах	в непроизводных словах	в производных словах
Твердый	п	+	–	–	–	–	–
	б	+	+	–	–	–	–
	ф	+	–	–	–	–	–
	в	–	+	–	–	–	–
	т	+	+	–	–	–	–
	д	+	+	–	–	–	–
	с	+	–	–	–	–	–
	з	+	+	–	–	–	–
	ц	+	–	–	–	+	+ *
	ш	+	–	–	–	–	–
	ж	+	–	–	–	–	+
	к	–	–	–	–	–	–
	г	–	–	–	–	–	–
	х	–	–	–	–	–	–
	м	+	+	–	–	–	–
	н	+	+	–	–	–	–
	л	–	–	–	–	–	–
	р	–	+	–	–	–	–
Мягкий	п'	–	–	–	–	–	–
	б'	–	–	–	–	–	–
	ф'	–	+	–	–	–	–
	в'	–	–	–	–	–	–
	т'	–	–	–	–	–	–
	д'	–	–	–	–	–	–
	с'	–	–	–	–	–	–
	з'	–	–	–	–	–	–
	ч'	–	+	–	–	+	+ *
	ш'	–	–	–	–	–	–
	ж'	–	–	–	–	–	–
	к'	+	+	–	–	–	–
	г'	+	–	–	–	–	–
	х'	–	–	–	–	–	–
	м'	–	–	–	–	–	–
	н'	+	+	–	–	+	–
	л'	–	–	–	–	–	–
	р'	+	+	–	+	+ *	+ *
	й	+	+	–	+	+ *	+ *

морзе; сонорными [м]: *момме*, [н]: *альдине*, [р]: *падре*. Конечный [ъ/э] сочетается с мягким губным [ф']: *кофе*, небно-зубным [ч']: *дуче*, заднеязычным [г']: *пенге*, сонорными [л']: *кантеле*, [j]: *медье*.

Общие у несклоняемых слов со склоняемыми существительными — три сочетания: [ч'ъ], [л'ъ], [jъ], из них функционально нагружено у склоняемых существительных только последнее. У несклоняемых слов оно реализуется в единственном (зафиксированном словарями) существительном *медье* [д'jэ] (см. сопоставительную табл. 5).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1972.
2. *Бернштейн С. Б.* Введение в славянскую морфонологию. — ВЯ 1968, № 4.
3. *Иванов В. В.* Новые аспекты изучения русского языка на современном этапе развития русистики. — Русск. яз. в школе, 1977, № 6.
4. *Иванов В. В.* О функциональной нагрузке согласных в древнерусском языке конца X—начала XI в. — Вестник МГУ. Филология. М., 1966, № 4.
5. *Иванов В. В., Милославский И. Г.* Соотношение системы и нормы в процессе фонетической эволюции русского языка. — В кн.: Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка», ч. 2. Самарканд, 1966.
6. *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967.
7. *Пешковский А. М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык. — Избр. труды. М., 1959.
8. *Реформатский А. А.* Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979
9. *Реформатский А. А.* О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
10. *Смирнова Г. А.* К типологии несклоняемых существительных. — В сб.: Проблемы структурной лингвистики. 1976. М., 1978.
11. *Трубецкой Н. С.* Некоторые соображения относительно морфонологии. — В сб.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
12. *Тураева В. Г.* Очерк русской морфонологии. М., 1973.

III. ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. СТИХОВЕДЕНИЕ

М. Л. ГАСПАРОВ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОРЕОЛ ТРЕХСТОПНОГО АМФИБРАХИЯ

Был верный себе до кончины
Почтенный и старый шаблон.
Однажды с насмешкой змеиной
Книжалом он был умерщвлен.

Когда с торжеством разделили
Наследники царство и трон, —
То новый шаблон, говорили,
Похож был на старый шаблон.

(Саша Черный, 1910)

Эта статья представляет собой продолжение описания семантических ореолов некоторых русских стихотворных размеров. В предшествующих статьях аналогично описывались 4-ст. хорей с дактилическими и мужскими окончаниями, 3-ст. хорей и 3-ст. ямб (Гаспаров 1973, 1976, 1979). Цель разбора — выявление связей между метрикой и тематикой в поэзии: какие темы и образы предпочитаются в данном размере и как эта система предпочтений складывалась исторически. Основные понятия: а) «семантическая окраска», отдельная тема или вариация темы, т. е. более или менее ограниченный набор взаимосвязанных образов и мотивов, повторно появляющихся в данном размере, и б) «семантический ореол», совокупность всех семантических окрасок данного размера, слагающаяся из них как общее значение слова из частных значений слова. Разумеется, четко разграничить все семантические окраски невозможно: можно лишь выделить в каждой некоторое ядро (или несколько ядер), наиболее устойчивый метрико-семантический стереотип, иногда сопровождаемый ритмико-синтаксическими стереотипами, и вокруг него — слой менее отчетливых случаев.

Предметом разбора взят 3-стопный амфибрахий (Ам3). Его семантическому ореолу уже были посвящены две заметки (Маллер 1970; Мерлин 1979). Л. Маллер считает основной темой русского Ам3 преодоление препятствий, труд, героизм, подвиг; В. Мерлин указывает вторую основную тему: осень, утрата, грусть (некоторые другие его указания опираются уже на наши данные). И то и другое наблюдение справедливо; но это лишь выхваченные наудачу фрагменты довольно сложной системы семантических окрасок Ам3. Наметить общие очертания этой системы в целом — задача нашего обзора.

Рассматриваться будет почти исключительно Ам3 с чередованием женских и мужских окончаний ЖМЖМ; остальные разновидности размера — лишь эпизодически. Поэтому вне рас-

смотрения остаются некоторые метрико-семантические традиции разновидностей ЖЖЖЖ («Древняя колонна» Щербины, «Вечер» Половского — «Сагурамо», «Я трогал листы эвкалипта» Заболоцкого — «Розы Лидице» Дудина) и МЖМЖ («Мне снилось, что ты умерла» Якубовича — «Обряд похоронный там шел» Анненского — «Упрек не успел потускнеть» Пастернака — «В могилу поставили гроб» Куняева). Но они немногочисленны: здесь, кажется, еще не успели сложиться сколько-нибудь отчетливые семантические ореолы.

0. АмЗ — сравнительно молодой размер в русской поэзии. До 1840-х годов примеры его единичны. Это «Что есть жизнь?» Мерзлякова (1808) и «Селянин» Мещевского; потом «Ночь», «Жалоба» и «Ночной смотр» Жуковского (1815, 1828, 1836, все с нестандартным началом от мужского стиха). У старших поэтов и позднее остается тематическая свобода в обращении с АмЗ («Несколько строк о Крылове» Бенедиктова, «Люцерн» его же, «К лагунам, как фрутти ди маре. . .» Вяземского, «На прощанье» Ростопчиной, «Мотылек» Павловой); даже начинающееся влияние Гейне преломляется здесь необщим образом («Казалось» Бенедиктова, «Она ничего не сказала, И он ничего не сказал. . .» Ф. Глинки). Дальнейшее же направление разработки АмЗ подсказали в конечном счете три немецкие поэта, два маленькие и один большой: Коцебу, Цедлиц и Гейне. К этим трем точкам сводятся все линии эволюции.

1. **Заздравные песни.** Их традиция начинается с перевода Дельвига (1822, совместно с Баратынским и др.) из Коцебу, «Es kann schon nicht immer so bleiben» (тема бегущего времени нередка в АмЗ немецких песенников начала XIX в.): *Ничто не бессмертно, не прочно Под вечно-изменной луной. . . О дружба, да вечно пылаем Огнем мы бессмертным твоим!*; на тот же «голос» — его же экспромт на лицейскую годовщину 1824 г.: *Семь лет миновало, но, дружба, Ты та же у старых друзей. . .* Этот мотив доходит до «Сколия» М. Дмитриева (1842: *Неверно ничто под луною. . .*) и до «Друзьям» Вяземского (1862: *Я пью за здоровье немногих, Немногих, но верных друзей. . . В соблазнах изменчивых дней*). Но, конечно, были здравицы и без темы времени (Кроль, 1866 и, особенно, Языков, 1829: . . .*Да здравствует Марья Петровна, И ручка и ножка ея!*).

В советской поэзии эта окраска оживает сперва именно на материале XIX в.: *Не надо ни нот, ни оркестра — Была бы гитара шумна. Юристы шестого семестра Сейчас веселее вина. . . Пылают воскресные ленты, А Кетхень целует меня. Так лейте же больше, студенты, В широкую глотку огня!* (Вс. Рождественский, 1922—1926); *Сегодня ты сызнова в Царском, От жженки огонь к потолку. . . Ликуя, идут вкруговую Бокалы, стаканы, ковши* (Корнилов, о Пушкине, 1936; ср. Недогонов, 1936: *Течет разговор о «Полтаве», Шипя, остывают чаи. . .*). Сюда же примы-

кает инфернальное «Мы» Антокольского (1927-1967: *Пусть падают на пол стаканы. . .*) и, конечно, мандельштамовское *«Я пью за военные астры»* (1931, сдвоенными строками).

Заздравные песни на современные темы начинают появляться в конце 1930-х годов и строятся обычно на формуле «Да здравствует. . .» или «За. . ! за. . !» (отсюда — переход к торжественной семантике, § 4). Ср.: *Да здравствует наша пирушка, Веселый и тесный кружок, По правую руку — подружка, По левую руку — дружок* (Прокофьев, 1939); *Да здравствует наша дорога, Земля от версты до версты И небо, которое строго Смотрело на нас с высоты* (Межиров, 1946); *Будь счастлива, молодость, где бы Ни шло ты сквозь вьюги и зной! Да здравствует мирное небо Над каждой былинкой земной!* (Щипачев, 1958); *Так грянем, товарищи, «горько!», Наполним бокалы вином И хором студенческим дружным Заздравную песню споем* (Доризо, 1950); *И друг обращается к другу, И песня выходит вперед* (Дудин, 1960); *Мы снова сошлись воедино, Мы снова за старым столом* (Недогонов, 1946); *За мужество — наше богатство, За пушечный грозный набат, За наше окопное братство Прямых и упрямых ребят* (Сурков, 1942). Самое монументальное из этих стихотворений — «Заздравный тост» Тихонова (1939) — 12 восьмистиший с 50 «за. . !»

Отсюда исходит и «Курсантская венгерка» Луговского (1939), местами почти напоминающая цитированную «Пушневую песню» Рождественского: *Сегодня не будет поверки. Горнист не играет поход. Курсанты танцуют венгерку, Идет девятнадцатый год. . . И шелест потертого банта Навеки уносится прочь — Курсанты, курсанты, Встречайте прощальную ночь!* Здесь совмещены и старинный фон и современный быт, а с праздничной темой скрещиваются торжественная «маршевая» и тревожная «романтическая» (§ 4—5): ср. *Заветная ляжет дорога На юг и на север — вперед! Тревога, тревога, тревога — Тревога курсантов зовет*; и (Лебедев-Кумач, 1937): *Веселая в сердце тревога И кровь молодая поет: Дорога! дорога! дорога! Веди нас, дорога, вперед!* Несомненным отголоском «Венгерки» являются «В городском саду» Орлова (1949—1953) и «1917 год» Ушакова (1967); а поздней полемикой против «Венгерки» — «Прощальное» Рубцова (1966—1969): *Замолкли веселые трубы И танцы на всем этаже, И дверь опустевшего клуба Печально закрылась уже. . . И сдержанный говор печален На темном печальном крыльце. Все было веселым вначале, Все стало печальным в конце.*

2. Баллада. Во главе этой традиции стоят 4 образца (не считая пробного языковского «Романса», 1824): «Ночной смотр» Цедлица—Жуковского (1836), «Воздушный корабль» Цедлица—Лермонтова (1840), «Тамара» Лермонтова (1841) и «Гренадеры» Гейне—Михайлова (1846). Заметим две стилистические приметы лермонтовских баллад: (а) зачин от обстоятельства места (*По синим волнам океана, В глубокой теснине Дарьяла*), (б) параллелизм

с отрицанием (*Не слышно на нем капитана, Не видно матросов на нем*). И то и другое станет приметой традиции: ср., напр., зачины: *По славному русскому царству, По гребле неровной и тряской, По диким степям Забайкалья, По рынку враждующих партий, В счастливой Москве на Неглинной, В Москве за Калужской заставой, В Москве в отдаленном районе, В лесу под зеленым навесом, В лесу возле кухни походной, В лесу над росистой поляной, На взморье у самой заставы, Над озером тихим и сонным, На душных путях отступленья, От павших твердынь Порт-Артура, У дальней восточной границы, У самой границы в секрете* и пр. (А. К. Толстой, аноним, Пальмин, Некрасов, Лебедев-Кумач, Матусовский, Минаев, Твардовский, Маршак, Случевский, К. Прутков, Долматовский, Щепкина-Куперник, Тан-Богораз, Исаковский).

Менее всего откликов вызвала «Тамара»: таково «Подражание восточным» Мея (1856: . . .*И вслед за женою поспешно Безумная жертва пошла*) и «Статуя» Случевского (1860), где тема «Тамары» скрещивается с темой лермонтовской же «Русалки». Более отдаленное сходство (мотив обольщения) — со стихотворениями А. К. Толстого «Где гнутся над омутом лозы» (1856) и Заболоцкого «Одиссей и сирены» (1957).

«Гренадеры» Михайлова дали особенно много прямых перепевов и цитат. Таковы «Три ландштурмиста» Ушакова (1930; рядом в том же цикле «высоких пародий» — такой же перепев *В двенадцать часов по ночам Монарх переходит границу. . .*); такова «Баллада» Светлова (1927) о мертвых верденских солдатах; таковы стихи Эренбурга (1947): . . .*Но вдруг замолкают все споры, И я — это только в бреду, — Как два усача гренадера, На запад далекий бреду*. Ср. повторение синтактико-интонационной схемы «Гренадеров» в «Песне старого шахтера» Смелякова (1947): *Когда повалюсь я на уголь, Ты слез понапрасну не лей — Возьми мою лампу, старуха, И ниже отцовской прибей*. Сюжетная ситуация «Гренадеров» («возвращение на родину») переходит в анонимную песню о бродяге «По диким степям Забайкалья» (упом. с 1887), а от нее — к Щепкиной-Куперник (1905): *От павших твердынь Порт-Артура, С кровавых маньчжурских полей Калека, солдат истомленный, К семье возвращался своей. . .* (отсюда Ам3 в «Портрете» Симонова, 1938).

«Воздушный корабль» сразу любопытно скрещивается с «Последним новосельем» (Михайлов, «Могила», 1846: *Из бездны далекого моря Глядит одинокий гранит; На острове том есть долина; А с листьев катилися слезы На желтый холодный песок*); потом, не считая прямых перепевов (Трефолев, 1877; Маяковский, 1928: . . .*У корня под кедром дорога. . .*), этот Ам3 становится знаком морской романтической темы — напр., у Тана («Цусима», 1905), Бальмонта («*В пустыне безбрежного моря Я остров нашел голубой*», «Мертвые корабли, 5», «С морского дна, 5», 1895—1902),

Светлова (1928: . . . *Летучий Голландец убит*), Луговского (1924, «*Как рокот железных уключин*»; ср. «Свидание» Уткина, 1926), вплоть до метафорического «Пирата» Долматовского (1960: *Пират управляет конторой Под маркой «такой-то и Ко»*) и стихов о возложении венков на Балтике (Вс. Рождественский и тот же Долматовский, 1972).

Даже оторвавшись от морской темы, такой Ам3 остается знаком экзотики: таковы «Еврейские песни» Мея (1860), «В раю» Брюсова (1912), «Океания» Асеева (1921). Экзотика может быть не только географической, но и исторической: таковы у Белого (1903) «Опала» (*Блестящие ходят персоны, Повсюду фаянс и фарфор. . .*) и «Объяснение в любви» (*Сияет роса на листочках. . Смеется под звук клавесина И хочет подругу обнять. . .*; отсюда «Алиса» и «Маскарад в парке» Ахматовой, 1912), с автопародиями «Скромная любовь» и «Роскошная дева» (1908) и с антиэкзотикой карикатурной бытописи «Из окна» и «Незнакомый друг» (1903). Как намек на старину, этот Ам3 доходит до «Старого замка» и «Цыганки» Кедрина (1939, 1943).

2а. Затем баллада переходит в песню. «После битвы» Щербины (1844: *Не слышно на палубе песен, Эгейские волны шумят. . . Раскинулось небо широко, Теряются волны вдали*) дало начало популярной песне Зубарева (ок. 1900), одновременно явились анонимные «Морская легенда» (*Свершилось ужасное дело, — Командой убит капитан*) и *Окрасился месяц багрянцем, Где море шумело у скал. Поедем, красотка, кататься, Давно я тебя ожидал. . .* Этот размер част в народных балладах о современных событиях: ср. песню 1907 г.: *На Нижнетагильском заводе Над старым большим рудником Стряслася беда роковая Над тем молодым бедняком* и стилизацию Долматовского «Старинная шахтерская» (1949): *На шахте Крутая Мария Однажды случился обвал. На уголь, на глыбы сырые Мой верный товарищ упал.* Отголоски той же поэтики — в песне Исаковского (1942): *Летели на фронт самолеты, Над полем закат догорал, И пели бойцы на привале, Как сокол в бою умирал. . .* и в балладе Смелякова «Цыганская рапсодия» (1967).

Конечно, море может служить знаком романтической традиции не только в эпических, а и в лирических песнях; некоторые образно-синтаксические стереотипы сложились и здесь: *Бушует полярное море, Вздымается борт корабля* (Алтаузен, 1940), *Прощайте, скалистые горы, На подвиг Отчизна зовет, Мы вышли в открытое море, В суровый и дальний поход* (Букин, 1944, музыка того же Е. Жарковского), *Мы в море выходим, ребята, Нам Родина машет рукой* (Долматовский, 1941), *Сурово Балтийское море, Стою на родном берегу* (Прокофьев, 1956), *Бушует Балтийское море, И ветер ему по душе* (он же, 1956), *Играет Цимлянское море, Волну догоняет волна* (Ушаков, 1952), *Мелеет Азовское море. . . Волну громоздит на волну* (он же, 1952).

2б. Небольшое ответвление образует некрасовский «опыт современной баллады» «Секрет» (1855: *В счастливой Москве на Неглинной. . .*). Основная часть баллады, воспоминания скупца, уводят к семантике «памяти» (§ 3а), но предконцовочное *Воспрянул бы, словно из гроба, И словом и делом могуч* ориентировано на «Воздушный корабль», как отметил еще Тынянов. Неожиданный отголосок этой баллады — «Старик» Суркова (1955) об индийском ростовщике (*Умрешь ты во вторник, а в среду Начнут твои сейфы терзать, И внуки-наследники деду Забудут спасибо сказать*), а также зачин поэмы Антокольского «Кощей» (1930-е годы).

2в. По образцу «Воздушного корабля» А. К. Толстой написал свой «Курган» (ок. 1850): затерянная в степи могила, *Сидит на кургане печально Забытого витязя тень, Сидит и вздыхает глубоко. . . Доколе заря золотая Пустынную степь озарит.* В печати Толстой отбросил этот конец, от этого связь «Кургана» с «Воздушным кораблем» затемнилась. Вокруг «Кургана» разрослась серия баллад в древнерусских декорациях (Вс. Рождественского «Юность витязя»; Сологуба «Вдали над затравленным зверем», 1896; аллегория Минаева «Сон великана», 1873; антиалкогольная баллада самого Толстого «Богатырь», 1859; и такая же аллегорическая «Истина» Пальмина, 1878). С ними родственны и «Колодники» Толстого (1876), хотя они бессюжетны (*Идут они с бритыми лбами. . . Что, братцы, затянемте песню. . . Про дикую волю поют*), но намек на балладное содержание здесь несомненен. Любопытную параллель представляет у Случевского «На Раздельной (После Плевны)» (1881) с его кульминацией *Сыграйте ж нам что, черт возьми! И свеялось прочь впечатленье* и т. д. Может быть, отголосок «Колодников» есть в «Пленных» Кедрина (1944: *Шли пленные шагом усталым Без шапок. В поту и в пыли*) и «Пленных» Гудзенко (1944: *По городу в пыли кирпичной Пленные немцы идут*).

Но гораздо важнее, что за «Колодниками» следует «бродяжий» цикл амфибрахиев Белого в «Пепле» (1904—1908). Промежуточным звеном была стилизованная «Фабричная» Брюсова (1901): *Есть улица в нашей столице. . . Прими меня, матушка Волга, Царица великая рек* (ср. *«Прильнул он к решетке железной. . .»* Сологуба, 1893, с реминисценциями из Фета). Из 10 Ам3 в «Пепле» центральными можно считать «Каторжника» (*Бежал. Распростился с конвоем. . .* и далее о гибели в «темной Волге»), «Бегство» (*Вон мертвые стены острога, Высокий, слепой частокол*), «Бурьян» (*А нынче в родную деревню, Пространствами стертый, бредет*), «Шоссе» (*Иду. За плечами на палке Дорожный висит узелок*), «Путь» (*Измерили верные ноги Пространств разбежавшихся вид*), «На рельсах» (*Улегся на рельсах железных, Затих: притаился — молчу*), но с ними смыкаются, конечно, и «городские» стихи (*Прижался к железной решетке — Прижался: поник головой*), и «железнодорожные» (*Жандарма потертая форма. . .*; может быть, не

без влияния на будущий «Вокзал» Пастернака), и «программные» (*Исчезни в пространство, исчезни, Россия, Россия моя!* — ср. § 4). Потом Белый пытался составлять из этих (и других) стихов «Пепла» связные поэмы; но и без этого внутреннее единство перечисленных образцов достаточно ясно.

2г. Наконец, от той же балладной традиции приходит Ам3 и в «Мороз Красный нос» (1863): вся эта поэма напоминает разросшуюся и перестроившуюся балладу, речи Мороза — «Лесного царя» и «Тамару», стиль *Не ветер бушует над бором* — отрицательные параллелизмы. Может быть, сыграл роль и Ам3 лирической аллегории Вяземского «Зима» (1849, о природе, засыпающей в мороз) и сентиментально-реалистические «Нищие» Плещеева (1861: *Один он. . . Свезли на кладбище Вчера его старую мать. . .*). Поэма быстро стала классикой. (Курочкин, 1873 цитирует: *Как некогда Дарья застыла В своем заколдованном сне. . .* — хотя строка *В своем заколдованном сне*, в свою очередь, заимствована Некрасовым у Случевского.) Реминисценции «Мороза» всплывают потом у Дрожжина («В школе у дьячка», 1905: *Зимою метелица злится. . . Неслись голоса, а за печкой Трещал без умолку сверчок*), у Шубина («Работник», 1936: *Теперь он лежит предо мной С приподнятой вверх бородою, Огромный, плечистый, седой*), у Фирсова («Первый учитель»: *. . .В некрашеном светлом гробу. Ушел, говорили, до срока, Все беды теперь позади. Рука его так одиноко Лежала на впалой груди*).

Обе внебалладные темы «Мороза», крестьянская смерть и женская доля, получили дальнейшее развитие. Знаменитый отрывок «*Есть женщины в русских селеньях*» определил размер «Москве» Уткина (1943): *Ты стала красивей и строже. . . Но веет и силой и волей От русской печали твоей*; «Русской женщины» Шубина (1944): *Ты нас на войну провожала. . . Ты с нами, родная, ты с нами, — Мы шепчем в кровавом бою*; «Русской женщине» Исаковского (1945): *В то утро простился с тобою Твой муж, иль твой брат, иль твой сын. . . Как клятву шептал, как молитву, Далекое имя твое*. Ср. также: Луговской, «Трактористка Валя» (1947); С. Васильев, «Девушка в красном» (1959); Смеляков, «Портрет» (1945); Межиров, «Женщины» (1961—1964). Здесь — смычка с «трудовой» семантикой (§ 3в). Тема смерти переходит в лирику в знаменитом мачтетовском «*Замученный тяжкой неволей*» (1876); прямым подражанием ему было «Памяти Баранникова» Фигнер (1887): *Зачах ты в страданьях неволи. . .*; в советское время здесь важнее всего «Памяти Ленина» Твардовского (1949) с явными некрасовскими реминисценциями: *Ему бы, ему бы, родному, Подняться из гроба сейчас. . .* Этот же размер повторяется в стихах о солдатских могилах: Луговской, «*Дивизия встала на отдых*» (1939), Уткин, «Клятва» (1942), Смеляков, «*У насыпи братской могилы*» (1945), Дудин, «*Фанерные звезды истлели*» (1961). Здесь вырабатывалась торжественная семантика (§ 4).

3. **Гейне.** Здесь определяющее влияние оказало «Возвращение на родину»: отдаление от милой, воспоминания, мечты с виденьями и снами, столкновение возвышенной любви с прозой быта. Иронические, сатирические, гневные стихи Гейне не нашли отклика: в XIX в. единичны остались «Идеальная ревизия» Курочкина (1860), «Свобода» Омулевского (1867) и даже «Ах, были счастливые годы» Некрасова (1852); в XX в. — «Друзьям» Блока (1908: *. . .Молчите, проклятые книги!*; может быть, отсюда стихи Вс. Рождественского на смерть Есенина «*Когда умирает поэт*») и два «для себя» написанных стихотворения Кедрина (1936) «*Когда кислородных подушек уж станет ненадобно мне*» и «Соловей». Любопытно, впрочем, что на первых порах в Гейне привлекала не тематика, а структура: схематичность и гиперболичность. Ср. Плещеев (1845): *На небо взглянул я, и тучи Увидел я черные там. . . И в душу к себе заглянул я: Как на небе, мрачно и в ней*; Михайлов (1847): *Весной перед пышною розой Я тихо с малюткой стоял. . . Один на то место пустое Я осенью поздней пришел. И что же? . .*; Жадовская (1845): *Ты скоро меня позабудешь, Но я не забуду тебя*; Щербина (1848): *Любить я способен душою, Ты сердцем способна любить*. Отсюда уже только шаг до пародии Ломана «Стихотворения в гейневском духе» (1861): «1. С саркастическим оттенком: *Я верю: меня ты любила, Да я-то тебя не любил*; *Меня ты еще не забыла, Тебя я давно позабыл*. — 2. С оттенком иронии: *Меня ты когда-то любила, Тогда я тебя не любил*; *Теперь ты меня позабыла — И что ж? я тебя не забыл*» и т. д.

3а. **Память.** У начала этой темы стоят три стихотворения А. К. Толстого (1840—50-е): это «*Шумит на дворе непогода*», «*Дождя отшумевшего капли*» и особенно «*По гребле неровной и тряской*», классическое описание феномена «déja-vu» (*Мне кажется все так знакомо, Хоть не был я здесь никогда*). Первое стихотворение отозвалось у Чюминой «Из зимних снов» (1901: *За окнами — снежно и бурно. . .*) и у Кедрина «Природа» (1942: тоже о покинутых домах); третье — в стихах Брюсова (1913): *Над морем, где древние фризы. . . Бреду я в томленьи счастливом. . . И кажутся сердцу знакомы. . . Не с вами ли, древние фризы, Пускался я в дерзкий поход?*

Дальше наступает серия стихов с личными воспоминаниями: *Ты помнишь? поникшие ивы Качались над спящим прудом* (Плещеев, 1858); *Ты помнишь ли: мягкие тени Ложились неслышно кругом* (Фофанов, 1891); *Ты помнишь дворец великанов, В бассейне серебряных рыб* (Гумилев, 1910); *Ты помнишь, как молоды были Мы той обручальной весной* (Соколов, 1963); *Я помню двадцатые годы* (Недогонов, 1939); *Мы помним степные походы* (Сикорская, 1935); *Я помню монтажные доки* (Дудин, 1958); *Я помню паденье Смоленска* (Алигер, 1945); *Я помню парады природы И хмурые будни ее* (Слуцкий, 1957: *. . .Но я ничего не запомнил. А то, что запомнил, — забыл. А что*

солдат заслонил); *Я вспомнил и угол мой дальний, Отца и покойницу-мать* (Михайлов, 1848); *Мне вспомнились чувства былые; Полвека назад я любил* (Случевский, до 1900); *Припомню ровесниц, которым Я сердце открытое нес* (Рыленков, 1938); *Я помню, как звезды светили, Скрипел за окошком плетень* (Рубцов, 1969—1971); *Наверное, с резкою грустью Я родину вспомню свою* (Рубцов, 1969—1971); *И юность, и плач радиолы Я вспомню, и полные слез Глаза моей девочки нежной* (Рубцов, 1966—1969); и наконец, почти автопародийное «Угрюмое» Рубцова (1969—1971): *Я вспомнил угрюмые волны, Летящие мимо и прочь! Я вспомнил угрюмые молы, Я вспомнил угрюмую ночь. Я вспомнил угрюмую птицу, Взлетевшую жертву стеречь. Я вспомнил угрюмые лица, Я вспомнил угрюмую речь. Я вспомнил угрюмые думы, Забытые мною уже. . . И стало угрюмо, угрюмо И как-то спокойно душе.*

Менее формульно построены, но принадлежат к той же семантической окраске, например: *Картины далекого детства Порой предо мною встают* (Плещеев, 1882); *Видения дальнего детства Опять меня сводят с ума* (Жигулин, 1971); *В саду том душистые липы, Березы и клены шумят* (Плещеев, 1880; ср. он же, 1882; Жемчужников, 1888: *Три старые липы, мне вторя, Сочувственным звуком шумят*; Симонов, 1937: *Родные венгерские липы Шумят над его головой*, — все это в концовках); повторение мотива «déja-vu» в «Симеизе» Луговского (1939: *Как прежде, шумят кипарисы. . . Все так же луна проплывала. . .*); *Зачем же так ропщет и страждет Бессонная память моя* (Фофанов, 1890); *Перстом указательным память Листает мое бытие* (Дудин, 1946); *И прошлое в памяти живо. . . Куда мне от памяти деться? . . .Нет с каменной памятью слада* (Дудин, 1962—1963). Понятно, что сюда же относится не только повторяющееся «помнить», но и повторяющееся «не забыть»: *Забудь меня! Так мне и надо! Лишь я не забуду, мой друг. . .* (Шефнер, 1946); *Ты думаешь, я забываю О мире, кипящем ключом?* (Тихонов, 1937); *Забудут? вот чем удивили! Меня забывали сто раз* (Ахматова, 1957). Самым пространным итогом этой семантики можно считать «*Пойдем же вдоль Мойки. . .*» Кушнера.

3б. Сон. К этой смежной теме Гейне особенно настойчиво толкал своих русских переводчиков и подражателей: *Во сне я милую видел* (пер. Фета); *Во сне неутешно я плакал: Мне снилося — ты умерла* (Михайлов); *Мне снилось: на рынке, в народе, Я встретился с милой моей* (Майков); *Объятый туманными снами, Глядел я на милый портрет* (Михайлов); *Мне снилось: печально глядела луна* (Вейнберг); *Закрою ль усталые веки И тихо забудусь во сне* (Михайлов), — не говоря уже о стихотворении «Мне снился сон, что я господь», которого из осторожности не переводили.

Главным откликом русской поэзии на эту тему был цикл Полонского «Сны» (1856—1860): *Мне снилось, румяное солнце В по-*

стели меня застает. . . Мне снилось, легка и воздушна Прошла она мимо меня. . . Более мелкие стихотворения также складываются в серию «Мне снилось. . .» не менее единообразно, чем в «Я помню. . .». Ср.: *Мне грезились сны золотые! Проснулся — и жизнь увидал. . . И думалось мне: отчего бы В нас, людях, рассудок силен: На сны не взглянуть, как на правду, На жизнь не взглянуть, как на сон!* (Случевский, до 1880); *Мне снилось, что солнце всходило, Что птицы очнулись от сна* (К. Р., 1885); *Нам снились видения рая, Чужие леса и луга* (Бальмонт, 1895); *Мне снились веселые думы, Мне снилось, что я не один* (Блок, 1903); *Мне снилось. . . Сказать не умею, Что снилось мне в душной ночи* (Вс. Рождественский); *Мне снилось, что ты умерла* (Якубович, 1883); *Все ярче счастливые сны. . . Так часто бывает во сне* (Фофанов, 1890, 1893); *И если б я был коронован, Мне снились бы своды тюрьмы* (Гумилев, 1911); *Я знаю, что сон я лелею* (Анненский, 1903); *Ты мог бы мне сниться и реже* (Ахматова, 1914); *Приснилось мне жаркое лето, Хлеба в человеческий рост* (Орлов, 1949—1953); *Мне берег приснился горбатый, Песчаника желтый обвал* (Дудин, 1960); *Приснился мне берег Катуни, Бегущей в алтайских горах* (В. Федоров, 1945—1950); *Товарищам что-нибудь снится: То лес, то цветы, то вода* (Прокофьев, 1953); *И снится мне, будто встаю я От тяжкого долгого сна* (Иванов-Классик, 1873).

Особое ответвление темы «видений» берет начало от Фета (1842): *Давно ль под волшебные звуки Носились по зале мы с ней? Теплы были нежные руки, Светлы были звезды очей. Вчера пели песнь погребенья. . .* Ср. почти тотчас у Плещеева (1846): *Я слышу знакомые звуки, Я жадно им прежде внимал, И молча на белые руки, На светлые очи взирал*; и потом у Гумилева (1914): *Какие-то бледные руки Ложатся на душу мою, И чьи-то печальные очи Зовут меня тихо назад* (возможно влияние Анненского, 1909: *Мои вы, о дальние руки. . .*). Михайлов отозвался на Фета пародией, которую можно принять и всерьез (1852): *Опять налетают роями Знакомые сердцу виденья. . . То видятся светлые очи*; вне пародии повторяет то же Чюмина (1888): *Неясные звуки томят, Неясные грезы всплывают*; наконец, от контрастного «погребенья», по-видимому, происходит у Случевского (1859): *Я видел свое погребенье, Высокие свечи горели. . .* Другое амфибрахическое «видение» Фета «К Офелии» (1842): *Не здесь ли ты легкою тенью, Мой гений, мой ангел, мой друг*, — повлекло его же (1846): *Офелия гибла и пела. . .* с неожиданными реминисценциями в XX$_{A}$в.: *История гибла и пела И шла то вперед, то вразброд* (Антокольский, 1910-е) и: *Там, словно Офелия, пела Всю ночь нам сама тишина* (Ахматова, 1963). Два стихотворения Фета о ночной реке (1842: «*Вдали огонек за рекою*» и «*Я жду. . . Соловьиное эхо*»; ср. вариации Случевского, 1899, «*Качается лодка на цепи*» и «*Серебряный сумрак спустился*») свободны от «видений» но пародия

на них без видений не обходится (Медведев, 1863). Из других Ам3 Фета долго помнилось: *Шумела полночная вьюга В лесной и глухой стороне. Мы сели с ней друг против друга. . .* и т. д. (1842; ср. пародию Сниткина, 1859); у Плещеева читаем (1858): *Томимы тоской, молчаливы, С тобой мы сидели вдвоем*; у Саянова (1936): *О чем мы с тобой говорили? Слова позабыл я тогда. . .* Это — не говоря о живучести ритмико-синтаксической формулы: *Кружила полночная вьюга У темных столбов и стропил*; *Клубилась вечерняя вьюга, И ветер гудел стороной* (Дудин, 1958, 1963).

Другое ответвление интересно тем, что быстро отрывается от темы и начинает сближаться с другими: это не семантическая окраска, а вспомогательный стереотип. Речь идет о перечислении (преимущественно картин природы). Так построено уже «По гребле неровной и тряской»; одновременно появляется «Деревня» Фета (1842), где перечисление нанизано не на визионерское «Все так знакомо», а на посюстороннее «Люблю я. . .». От Толстого берет начало «Гондола» К. Павловой (1858; ср. ее же «Рим», 1857); от Фета, после большого перерыва — «На пути» Вс. Рождественского (1923—1927: *Такой пробегала Россия. . .*). Около 1940 г. к этому приему обращаются сразу Шубин («Так вот она, Охта! . .»), Прокофьев («Три открытки на юг») и Исаковский («*У самой границы, в секрете*»); и с тех пор такие перечни становятся обычно при семантическом ядре «Россия» (§ 4).

Третье ответвление замечательно лишь тем, как быстро оно сошло на-нет. В нем разрабатывалась вечная тема любви; при начале его стояло превосходное «Средь шумного бала» А. К. Толстого (1851, с характерным: *И в грезах неведомых сплю*); при конце — популярное «Хорошая девочка Лида» Смелякова (1941, с характерным: *Так Гейне, наверно, любил*; ср позже его же «*Опять начинается сказка*» и «*Зимняя ночь*»); и тем не менее, для стихов о любви Ам3 не стал в XIX в. приемлемым размером, «любовь по Гейне» не вышла за пределы переводов, любовные стихотворения Щербины (1844—1845, 1848), Плещеева (1846), Льдова (1888), Голенищева-Кутузова (1874), Трефолева (1894) не вызвали подражаний. Оживление темы на рубеже XX в («*Она отдалась без упрека*» Бальмонта) происходило уже в новой, «романтической» интонации (§ 5). Это — напоминание, что как ни широк семантический ореол размера, он все же покрывает не всякую тему.

3в. Быт. Он появляется в Ам3 как антитеза «сну», и связь эта подчеркивается прямыми ссылками на Гейне: «на мотив из Гейне» у Якубовича (1892: *Из странствий далеких и долгих Во сне я вернулся домой*; ср. 1891: *Мне снилось: окончились годы Тяжелой и долгой разлуки*, и отсюда, с той же рифмовкой ЖЖЖЖ, *Наскучили старые годы. . .* и *Тянулись тяжелые годы. . .* Белого, 1909 и 1921), «Подражание Гейне» у Брюсова (1901: *Мне снилось,*

я в городе дальнем, Где ты истомилась одна). Столь же прямо происходят от Гейне (хотя и без семантики «сна») «Надя» Михайлова (1847), «Приданое» Майкова (1859: . . .*Просватал красавицу-дочь*) и образцово-схематическое 8-стишие Вейнберга (тоже 1859): *Он был титулярный советник, Она — генеральская дочь. . .*

К «быту» примыкает «труд». Здесь влияние Гейне скрещивается с влиянием Т. Гуда: серия начинается его «Песней о рубашке» в пер. Михайлова (1860, с 4-стопными перебоями): *Работай! работай! работай, Едва петухи прокричат* (ср. переработку Багрицкого, 1923). Отсюда — знаменитое блоковское (1907) *Работай, работай, работай — Ты будешь с уродским горбом За долгой и честной работой, За долгим и честным трудом*; и, в ответ на него, брюсовское (1917) *Единое счастье — работа, В полях, за станком, за столом, — Работа до жаркого пота, Работа без лишнего счета, Часы за упорным трудом!* У Брюсова это стихотворение было подготовлено двумя другими: «Век за веком» (1907: . . .*Влечется суровый, прилежный, Веками завещанный труд*) и «Финскому народу» (1910: *Упорный, упрямый, угрюмый. . . В нужде и в труде терпеливый. . .*; здесь возможно и влияние «Мороза Красного носа»). От последнего, во-первых, с несомненностью происходят шведский «Камень» Антокольского (1923), «Карелия» Шубина (1944), «На Вуокси» Шефнера (1944), а во-вторых, с большой вероятностью — «Армения» Мандельштама (1930): *Как бык шестикрылый и грозный, Здесь людям является труд* (с перекрестным влиянием «экзотического» АмЗ, § 2).

Сюда же, но с резким усилением трагической эмоции, присоединяется блоковское «Окна во двор» (1906): *Одна мне осталась надежда: Смотреться в колодезь двора. . . И злое, голодное Лихо Упорно стучится в виски* (ср. Сологуб, 1898—1909: *Со мною — безумное Лихо, И нет от него мне защиты*), а за ним: «*На улице — дождик и слякоть*» (1915), «*Когда невзначай в воскресенье Он душу свою потерял*», «*Пристал ко мне нищий дурак*» (1913, ср. «Двойник», 1909, — может быть, не без влияния двух сонетов из «Юных страданий» Гейне). К этой же семантической окраске можно отнести «Кулачишку» Анненского (1906) и «Провинциалку» Корнилова (1929); а нечастая в поэзии «квартирная тема» связывает «Окна во двор» с «*Кругом семенящейся ватой*» Пастернака (1931, с характерным упоминанием ночной фиалки) и «*Квартира тиха, как бумага*» Мандельштама (1933, с более сложно ориентирующим упоминанием о Некрасове). От Пастернака, где тема быта связывается с темой любви, этот размер мог перейти к Заболоцкому («Жена», 1948), а от Заболоцкого в стихи о Заболоцком (Самойлов, «Заболоцкий в Тарусе», 1960). У самого Пастернака потом тема быта связывается и с темой смерти («В больнице», 1956—1959).

4. **Торжественная интонация.** Эти разветвившиеся струи семантических традиций АмЗ XIX в. в XX в. вновь сливаются

в двух интонационных типах. Один из них можно условно назвать «торжественным»; он близок «заздравному», но темы его более высокие. Первые опыты его — у Хомякова, 1853 (*Вставайте! оковы распались, Проржавела старая цепь! . . Вставайте, славянские братья, Болгарин, и серб, и хорват!*) и 1856 (*Как часто во мне пробуждалась Душа от ленивого сна*; отсюда Мей, 1857: *Убей меня, боже всесильный. . .*). Неожиданность такого сочетания размера и интонации подтверждается пародией Ростопчиной (стихи Элейкина из комедии «Возврат Чацкого», 1856: *Ты, Волга, целуйся с Дунаем!* и пр.). После этого в XIX в. можно указать лишь «К России» Трефолева (1877) и «Ночь. Тихо. . .» Якубовича (1885), последнее — МЖМЖ.

Открытие интонации, ставшее переломом, было сделано А. Белым в стихах о России — сперва отчаянных, потом ликующих. Это «Отчаяние» (1908): *Довольно; не жди, не надейся — Рассейся, мой бедный народ! . . Исчезни в пространство, исчезни, Россия, Россия моя!* (размер мог быть подсказан «Гимнами родине» Сологуба, 1903, но Сологуб даже отдаленно не поднимается до пафоса Белого) и затем «Родине» (1917): *Рыдай, буревая стихия, В столбах громового огня! Россия, Россия, Россия — Безумствуй, сжигая меня! . . Россия, Россия, Россия — Мессия грядущего дня!* Оба стихотворения сразу получили широчайшую известность. Почти тотчас за публикацией «Родине» оно было использовано в революционных стихах Князева (1918: *. . .Не так же ль, друзья, и Россия Воскреснет в грядущие дни? . . Да здравствует Первое Мая! Да сгинут последние льды!*). Но в дальнейшем слово *Россия* в советской поэзии долго избегалось — а с ним избегался и АмЗ в торжественной лирике.

Освоение размера наступает здесь в 1930-х годах, а применительно к теме России — в 1940-х: *Да здравствует наша держава, Отчизна великих идей, Страна всенародного права На радость и счастье людей!* (Шилов, песня, 1939); *Цвети, наша Родина-песня, Останься, как песня, в веках! . . Красуйся, не зная невзгоды, А мы тебя будем беречь!* (Прокофьев, 1949); *Я всю свою Родину вижу, И вся она рядом со мной. . . И все это Родина наша, а Родину надо беречь* (Исаковский, 1940); *Россия. . . за малую горстку Из белого моря снегов Все прелести жизни заморской Отдать россиянин готов* (Уткин, 1943); *Родней всех встают и красивей Леса, и поля, и края. . . Так это ж, товарищ, Россия — Отчизна и слава твоя!* (Прокофьев, 1942); *Запомни: все это — Россия, Которую топчут враги* (Кедрин, 1942); *Россия, где собраны в стаю Простертые к солнцу края, Россия, как воля, простая, Россия, Россия моя!* (Прокофьев, 1942); *Поля да богатства лесные, Да синих озер благодать. Россия, Россия, Россия! Границ красоте не видать* (С. Васильев, 1958); *Не страшны нам грозы любые, Бессмертен советский народ. Россия, Россия, Россия! Веди нас к победам, вперед!* (Лебедев-Кумач, 1944).

Другим ядром, вокруг которого кристаллизуется «торжественная» семантика, стали стихотворения-марши с обязательным мотивом *Иду. . .*, *Идет. . .*, *Шагает. . .*, *Выходит. . .* и т. п. (первый толчок был дан еще «Ночным смотром»). «Песня о встречном» Корнилова (1932) задала тон: от ее запевов пошел «маршевой» Ам3, как от ее припевов — «боевой» Я3 (Гаспаров 1979, 298—299). Мотив «встает» повторяется в каждой, мотив «идет» почти в каждой строфе: *И радость поет, не скончая, И песня навстречу идет, И люди смеются, встречая, И встречное солнце встает. . . За нами идут октябрята, Картавые песни поют. . . Мы жизни выходим навстречу, Навстречу труду и любви!* (Ср. о песне Корнилова «Встреча с песней» Ошанина, 1949, тем же размером.) А далее за октябрятами Корнилова *Идут комсомольцы, шагают В некрепких ботинках своих* (Ушаков, 1961); *А рядом идут пионеры, Как сто Ломоносовых в ряд* (Светлов, 1952); *В костюмах простого покроя Ребята идут на завод. . . Идет комсомольская рота Дорогой труда в коммунизм* (Гудзенко, 1952); *Смолкают последние птицы, Гудки перекличку ведут, Когда горняки Подмосковья На смену ночную идут* (Смеляков, 1949) — и т. д., до «туристских» стихов Михалкова (1938: *Крутыми тропинками в гору. . . Веселый шагал человек*) и Евтушенко (1972: *Идем, как по бывшим державам, По скалам, где плеск родника*).

Усилив символическую обобщенность этого марша, мы получаем песни Лебедева-Кумача (1937—1938): *Согретые сталинским солнцем, Идем мы, отваги полны. Дорогу веселым питомцам Великой Советской страны*; *По полюсу гордо шагает, Меняет движение рек, Высокие горы сдвигает, Советский простой человек*; ср. затем: *Пятнадцать республик советских, Пятнадцать могучих сестер — Нагорных, приморских, полесских, — На вольный выходят простор* (Асеев, 1958); *Я русский по виду и сути, За это меня не винят, Таким вот меня и рисуйте, Ваяйте и пойте меня* (Смеляков, 1962); *Я строил окопы и доты, Железо и камень тесал, И сам я от этой работы Железным и каменным стал* (Он же, 1947). Непохож на Смелякова, но тоже исходит из Кумача Светлов (1962): *Чудак, неизменно веселый, Иду по широкой стране, Волшебною цепью тяжелой Привязано счастье ко мне. . .*

Традиция Корнилова легко соединяется с традицией «Ночного смотра». Прямее всего это сделано в «Безымянном поле» Симонова (1942): *Восставши из праха, за нами Покойники наши следят. . . Встают мертвецы всей России, Поют мертвецам трубачи. . . Впервые с Полтавского боя Уходят они на восток*; ср.: *Равнялись незримо с живыми, Погибшие рядом встают* (Дудин, 1969); *И мертвые вместе с живыми Встают и в атаку идут* (Рыленков, 1946). Наибольшую известность из таких стихов получила поэма Тихонова (1941): *В железных ночах Ленинграда По городу Киров идет. Боец справедливый и грозный, По городу тихо идет. . .* (ср. Али-

гер, 1946: *Раскаты недавнего боя, Больших ожиданий полет. Петрищевской площадью Зоя На раннюю гибель идет*). Ту же интонацию Гудзенко переносит и на живого героя (1950): *Идет Горобцов по палаткам, Как будто спешит на парад. . . Идет, справедливый и строгий, — Солдатам он снился таким. . .* Понятно, что в стихах военного времени мотивы дороги и марша возникают и независимо от «Ночного смотра»: *Размытых дорог непролазье Пехота напором берет; Упрямая воля дороги Солдатскую ярость ведет; Полей предвечерняя небыль, Похода размеренный шаг; Стучит по дорогам Европы Трик-трак — деревянный башмак* (Сурков, Уткин, Долматовский, 1943—1944); *От Дона, от Волги — Ахтубы Идет все вперед наш солдат* (Ушаков, 1945); *Идет с пехотинцами рядом Сестра нашей славы — весна* (Сурков, 1944); *Победа идет по дороге В сиянии майского дня* (Алигер, 1945). Ср. также послевоенные стихи Луговского о пограничных дозорах, «На южном берегу» и «Ночь» (1950, 1953).

Вокруг этих двух семантических ядер, «России» и «марша», формируется остальная масса «торжественного» Ам3; большинство этих стихов принадлежит военному и послевоенному времени: *Враги у ворот Сталинграда, Товарищ! Враги у ворот! Всей силой, всей яростью надо Отбить их, разбить, побороть!* (Долматовский, 1942; прямое влияние В. Князева сомнительно); *Охвачена мыслью одною, Всей массой объединена, Встает большевистской стеною Взволнованная страна* (Асеев, 1941); *Стеною огня и металла Встречай неприятеля так, Чтоб наша весна расцветала Всей яростью зимних атак* (Светлов, 1943); *Ракета взмывает из мрака, И день этот будет таков: Атака, атака, атака, Кровавая пляска штыков!* (Долматовский, 1944); *Сдвигаются брови с угрозой, Сжимается в ярости рот, И в бой за родные березы Бросаются люди вперед!* (Уткин, 1942); *Пробитые в битвах знамена — У края родимой земли. Железных полков батальоны К заветной черте подошли* (Шубин, 1945); *До крайних редутов и линий Прошли мы во гневе своем. Рубиново рдела в Берлине Звезда человека с ружьем* (С. Смирнов, 1956—1958); *Мы силу сломили такую, Что вправе гордиться собой: И юностью нашей железной, И нашей бессмертной судьбой* (Недогонов, 1945); *Мы слов этих праздничных стоим. Я славлю строкою своей Величие нашего строя, Величие наших идей, И небо страны голубое, И сорок ее Октябрей!* (Смеляков, 1957). Ср.: *Давно уже стало обычным, Как, скажем, дышать или пить, О собственном нашем величье С газетных страниц говорить* (Смеляков, там же); отсюда же размер стихотворения Кушнера «Читая шинельную оду» (1974).

Особую группу среди «торжественных» стихов составляют программные стихи о поэзии. Начало им положило одно из самых ранних «торжественных»: брюсовское «Поэту» (1907): *Ты должен быть гордым, как знамя; Ты должен быть острым, как*

меч; *Как Данту, подземное пламя Должно тебе щеки обжечь. . .* Отсюда можно вывести такие несхожие стихотворения, как Саянова (1925) *Не говор московских просвирен, Но все же старайся сберечь, Как песню, как гром в Армавире, Обычную русскую речь*; Асеева (1927) *Дурацкое званье поэта Я не уступлю никому*; Ушакова (1961) *Он следовал моде. В отставку, В отставку уходит поэт*; Уткина (1939) *Нелепая эта идея — На возраст коситься в стихах*; и неожиданно схожую по интонации Ахматову, «Поэт» (1959) *Подумаешь, тоже работа — Беспечное это житье: Подслушать у музыки что-то И выдать шутя за свое*, — со смежными «*Хвалы эти мне не почину И Сафо совсем ни при чем*» и «Читатель» (*Чтоб быть современнику ясным, Весь настежь распахнут поэт*).

5. Романтическая интонация. Это название еще более условно, чем «торжественная» интонация, которой она противостоит (и которую по аналогии можно назвать «классической»; это тот же контраст, что и между «элегической» и «героической» семантикой, по В. Мерлину). Определению она поддается еще трудней; для нее характерна повышенная эмоциональность, уклон к трагизму, динамичность, нарочитая беспорядочность образов, разорванность синтаксиса. Школой «романтической» интонации была, по-видимому, любовная тематика (§ 3б); переломным моментом — рубеж XX в.; характерные тексты — Брюсов (1901): *Зачем твое имя Мария, Любимое имя мое? Любовь — огневая стихия, Но ты увлекаешь в нее*; Блок (1907): *Пойми же, я спутал, я спутал Страницы и строки стихов; О, что мне закатный румянец, Что злые тревоги разлук*; (1910): *В томленьи твоем исступленном Тоска небывалой весны*; опять Брюсов (1911): *Читаю в насмешливом взоре Обман и притворство и торг. . . Но есть упоенье в позоре И есть в униженьи восторг!*; Антокольский (1910-е): *Я гибну, а ты мне простерла Два выгнутых лирой крыла*; (1950-е): *Прости мне, приблизься, останься, Останься, приблизься, прости!*; Асеев (1935): *Смотри! Обернись! Ведь не поздно! Я не угрожаю, но жаль. . .* (1924): *За эту вот площадь жилую, За этот унылый уют И мучат тебя и целуют И шагу ступить не дают?*; Пастернак (1913—1928): *И вот уже сумеркам невтерпь, И вот уж, за дымом вослед, Срываются поле и ветер, — О, быть бы и мне в их числе!* (эта концовка — от хрестоматийных «Ласточек» Майкова: *И вот, их гнездо одиноко! Они уж в иной стороне — Далеко, далеко, далеко. . . О, если бы крылья и мне!* — а у него, видимо, от Гейне: Mein Herz, mein Herz ist traurig. . . Ich wollt', er schösse mich tot). Более приглушенный вариант той же интонации разрабатывал в те же годы Анненский («Осенний романс», «Далеко-далеко. . .», «Лира часов», «Тоска миража», «Январская сказка», «Минута» и др.), но его влияние на последующее развитие размера было меньше.

Стихотворением, переключившим «романтическую» интонацию с любовной топики на более широкую и неопределенную

совокупность тем, было, как кажется, блоковское *Опять с вековою тоскою Пригнулись к земле ковыли. . . Развязаны дикие страсти Под игом ущербной луны. . . Не знаю, что делать с собою, Куда мне лететь за тобой! . .* (1908, тотчас вслед за таким же переломным «Довольно, не жди, не надейся. . .» Белого). Отсюда — размер пастернаковских стихов о Блоке (1956—1959): *Он ветрен, как ветер. Как ветер. . .* В советской поэзии «романтическая» интонация Ам3 распространяется немного позднее, чем «торжественная», не с 1930-х, а с 1940-х годов, и не выделяет таких «ядерных» стереотипов, как та: это — еще не устоявшаяся семантическая окраска, поэты в ней стремятся (по выражению Салтыкова-Щедрина) «безобидным образом излагать смутность испытываемых ощущений». Чаще всего в этих стихах присутствуют обе темы блоковского образца: «вековая тоска» по родине и «не знаю, что делать с собою»; иногда добавляется тема разгулявшейся стихии. Вот почти наудачу взятые примеры: *В прекрасном и яростном мире, Где много воды и земли, Мы крепко друг друга любили И прожили жизнь, как смогли; И зори летели, и ночи. Не взял ничего и не дал. Где что? Все билеты просрочил, На все поезда опоздал; Я жил нараспашку, наудаль, И было все внятным вполне, А нынче и радость мне в убыль, И нежность уже не по мне; Смеешься? И смейся. Ты рада? И радуйся. Счастлива ты? Я все понимаю. Не надо Стесняться своей правоты; Я все позабыл. Фонарями Пронизана зимняя ночь. Опять пропадать над стихами И бестолочь в ступе толочь; Нет школ никаких. Только совесть Да кем-то завещанный дар, Да жизнь, как любимая повесть, В которой и холод и жар; И словно в надежде спасенья, Тревогу наивно глуша, В мой край отдаленный осенний На север рванулась душа; Качается мерзлый орешник, Стучит на холодном ветру, И я — неприкаянный грешник — Опушкой иду поутру; В саду ли, в сыром перелеске, На улице, гулкой, как жесть, Нетрудно, в сиянье и блеске, Казаться печальней, чем есть; Довольно с тебя и окрайны, И неба, и вспышек гвоздик. Ты, может быть, сам не без тайны, Но, к счастью, ее не постиг* (авторы 10 четверостиший этого достаточно связного лирического текста: Куняев, 1973; Соколов, 1955; Цыбин 1973; Луконин, 1969; Дудин, 1946; Соколов, ок. 1970; Ваншенкин, 1956; Жигулин, 1972; Кушнер, 1969; Чухонцев, 1973).

Таковы общие очертания семантической эволюции русского 3-стопного амфибрахия. Вначале это недолгие и беспорядочные поиски; потом — разработка трех традиций XIX в.: заздравной песни, баллады (переходящей в песню) и «гейневской» лирики, ветвящейся на семантику «памяти», «сна» и «быта» (с «трудом»); и, наконец, в XX в. традиция заздравной песни ложится в основу «торжественного типа» современного Ам3, традиция Гейне — в основу «романтического типа», а балладная традиция разделяется между ними. В XIX в. преобладала тенденция к семантической

дифференциации, в XX в. — к биполярной семантической интеграции нашего размера. Откуда эти синкретические тенденции, которых не было в 3-ст. ямбе и хорее, — трудно сказать; возможно влияние родственного размера XX в. — 3-иктного дольника с его универсальной тематикой. В итоге перед нами — сложное семантическое поле, и каждое стихотворение нашего размера неизбежно получает многостороннюю смысловую ориентацию на перечисленные семантические традиции. К сожалению, рамки статьи не позволяют показать это на конкретных примерах. Это может стать предметом особого разбора.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров М. Л. К семантике дактилической рифмы в русском хорее. In: Slavic Poetics. The Hague, Mouton, 1973, p. 143—150.

Гаспаров М. Л. Метр и смысл: к семантике русского трехстопного хорея. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1976, т. 35, № 4, с. 357—366.

Гаспаров М. Л. Семантический ореол метра: к семантике русского трехстопного ямба. — В кн.: Лингвистика и поэтика. М., Наука, 1979, с. 282—308.

Маллер Л. М. Экспрессивно-тематический ореол трехстопного амфибрахия. — В кн.: Тартуский гос. университет. Материалы XXV научной студенческой конференции: литературоведение, лингвистика. Тарту, 1970, с. 55—59.

Мерлин В. В. Семантические традиции трехстопного амфибрахия в творчестве А. Гребнева. — В кн.: Литература и фольклор Урала. Пермь, 1979, с. 65—71.

ИСТОЧНИКИ УПОМИНАЕМЫХ И ЦИТИРУЕМЫХ ТЕКСТОВ

Для удобства большинство ссылок дается на издания «Библиотеки поэта» (БП; всюду, где нет пометок «м. с.» и «1 изд.», имеется в виду большая серия, 2 изд.). — Народные лирические песни, БП, 504; Народные баллады, БП, 369, 373; Песни и романсы русских поэтов, БП, 611, 731, 790, 798, 888, 894, 912, 936 (Жадовская, Вейнберг, Голенищев-Кутузов, Мачтет, Тан, Щепкина-Куперник, аноним, Зубарев); Поэты 1790—1810-х гг., БП, 715 (Мещевский); Мерзляков, БП, 95; Ф. Глинка, БП, 443; Жуковский, Собр. соч. (1959), I 109, 366, 389; Вяземский, БП, 283, 359, 379; Дельвиг, БП, 162, 185; Языков, БП, 134, 267; Бенедиктов, БП (1 изд.), 219, 263, 270; Поэты 1840—50-х гг., БП, 77, 122 (Ростопчина); Хомяков, БП, 133, 140; К. Павлова, БП, 83, 212, 214; Щербина, БП, 118, 353, 400; А. К. Толстой, БП (1 изд.), 68, 69, 72, 79, 203, 219, 223, 226, 430; Майков, БП, 114, 140; Мей, БП, 74, 241, 255; Плещеев, БП, 63, 89, 128, 253, 354; Полонский, БП, 54, 225; Фет, БП, 132, 133, 169, 172, 203, 206, 255; Некрасов, БП, I 145, II 107; Михайлов, БП, 49, 54, 55, 69, 172, 293; Поэты «Искры», БП, I 135 371 (Курочкин), II 79, 251, 787, 802, 851, 865 (Минаев, Ломан, Сниткин, Кроль, Медведев); Трефолев, БП, 108, 193; Суриков . ., БП, 425 (Дрожжин); Якубович, БП, 91, 113, 178, 192; Поэты-демократы 1870—80-х гг.,

БП, 231, 342, 421, 449 (Фигнер, Омулевский, Пальмин, Иванов-Классик); Случевский, БП, 88, 150, 205, 231, 238, 267, 278; Жемчужников, БП, 164; Фофанов, БП, 132, 133, 158; Поэты 1880—90-х гг., БП, 183, 321, 328 (Льдов, Чюмина); Бальмонт, БП, 102, 103, 115, 252; Сологуб, БП 158, 212, 283; Брюсов, Собр. соч. (1973), I 282, 313, 317, 447, 460; II 37, 79, 111, III 20, Стихи Нелли (1913) 21; Белый, БП, 87, 89, 101, 105, 159, 161, 163, 168, 171, 175, 231, 263, 267, 351, 381, 477, Урна (1909) 133, 135; Блок, БП (1 изд.) I 140, 287, 333, 336, 339, 362, 369, 384, 431, 448, 504; Анненский, БП, 84, 111, 114, 149, 165, 181, 210, 212, 215; Ахматова, БП, 41, 42, 147, 202, 203, 247, 298, 303; Пастернак, БП, 69, 364, 372, 464, 467; Эренбург, БП, 200; Пролетарские поэты. . .. БП, 265 (Князев); Асеев, Собр. соч. (1963), I 146, 271, 390; III 258, IV 7, 350; Багрицкий, БП, 56; Маршак, БП, 701; Антокольский, Собр. соч. (1971), I 36, 181, 199, 412, II 320, 538; Луговской, Собр. соч. (1971), I 69, 425, II 77, 83, 297; Вс. Рождественский, Избр. (1974), I 73, 142, 200, 285, Большая Медведица (1926) 20, 50, 70; Тихонов, Собр. соч. (1973), I 345, 474, II 266; Ушаков, БП, 122, 127, 345, 349, 369, 401, 432, 545; Саянов, БП, 172, 397; Светлов, БП, 160, 170, 283, 303, 374; Уткин, БП, 70, 192, 222, 225, 231, 233; Корнилов, БП, 79, 166, 294; Сурков, Собр. соч. (1965), I 372, 564, II 141; Лебедев-Кумач, БП (м.), 161, 165; Щипачев, Избр. произв. (1970), II 28; Исаковский, БП, 204, 219; Твардовский, Собр. соч. (1966), I 326, 444; Рыленков, Стих. и поэмы (1959), I 105, II 16; Прокофьев, БП, 290, 303, 313, 345, 411, 425, 427, 429; Смеляков, БП, 144, 165, 169, 158, 186, 191, 192, 254, 308, 381, 494, Избр. произв. (1967) I 315; Заболоцкий, БП, 97, 99, 110, 160; Кедрин, БП, 77, 79, 106, 166, 168, 209, 221; Михалков, Собр. соч. (1970), I 313; Симонов, Собр. соч. (1961), I 91; Алигер, Стих. и поэмы (1970), I 226, 240, II 16; Долматовский, Собр. соч. (1978), I 245, 326, 328, II 15, 375, III 23, 60; Недогонов, Избр. (1977), 29, 46, 183, 197; Шубин, Стих. и поэмы (1958), 28, 38, 143, 183, 270; Ошанин, Избр. произв. (1971), I 125; В. Федоров, Стих. и поэмы (1970), I 87; Луконин, Избр. стих. и поэмы (1969), I 326; Орлов, Избр. (1971), I 209; Дудин, Стих., поэмы (1970), 134, 141, 283, 339, 344, 387, 407, 423, 591; Шефнер, Избр. произв. (1975) I 101, Пригород (1946) 22; Гудзенко, Избр. (1957), 55, 180, 462; Межиров, Дорога далека (1947) 76, Поздние стихи (1971) 93; Самойлов, Равноденствие (1970) 150; Соколов, Четв. века (1974) 87, 90, 181; Евтушенко, Избр. произв. (1975), II 278; Жигулин, Соловецкая чайка (1979) 262, 274; Цыбин, Избр. (1979), 273; Рубцов, Стих. (1977), 132, 173, 201, 203, 207; Куняев, Избр. (1979), 74, 231; Кушнер, Приметы (1969) 88, 90, 99; Чухонцев, Из трех тетрадей (1976) 109; Песни нашей Родины (М., 1957) 164, 204, 391, 393, 437, 460 (Алтаузен, Сикорская, Шилов, Букин, Доризо, Матусовский).

Н. Н. ИВАНОВА

РЕЧЕВОЙ ДЕМОКРАТИЗМ НЕКРАСОВА
(лирика)

Новый «некрасовский» период в развитии русской поэзии, единодушно признаваемый исследователями творчества поэта, представляется тесно связанным с тем особым речевым демократизмом, который утвердился в поэтической практике Н. А. Некрасова. Под демократизацией поэзии в творчестве Некрасова обычно понимают прежде всего изменения тематики в его поэти-

ческих произведениях. Ниже речь пойдет не о новых объектах пристального внимания поэта, не о появлении в его лирике новых тем и мотивов, а о характере стихотворной речи, словесном материале поэзии Некрасова и способах его организации. Последующее изложение обобщает наблюдения лишь над лирикой поэта, на основании которых, мы полагаем, можно судить о норме авторского лирического повествования Некрасова.

Из лирических стихотворений поэта изберем в качестве иллюстративных примеров те, в которых авторское лирическое повествование представлено в наиболее чистом виде. В силу этого остаются в стороне, во-первых, произведения, в которых лирическое повествование ведется от лица героя. При этом автор выступает в чьей-то роли (ролевая лирика), т. е. как бы стоит за героем, а на переднем плане дан герой, что обусловливает использование речевых форм преимущественно в их социально-характеризующей функции (как например, в стихотворениях «Дума», «Калистрат», «Отрывок» и др.). За пределы анализа при таком подходе следует вывести, во-вторых, те лирические произведения, в которых представлено поэтическое многоголосие. Авторское слово вмещает здесь голос (или голоса) героя, которому присущи специфические речевые черты, обусловленные характерологической функцией речевых форм персонажа. Совмещение авторского и неавторского слова в таких стихотворениях может осуществляться в различных формах: по принципу сложения, соположения различных речевых форм (как, например, в стихотворениях «Школьник», «Песня Еремушке»), или в виде постепенного перехода, перетекания авторского голоса в голос героя (как, например, в стихотворениях «Что думает старуха, когда ей не спится», «Благодарение господу богу»), или, наконец, в виде слияния, взаимопроникновения речевых форм, служащих выражению авторского и неавторского голоса в тексте (как, например, в стихотворении «В полном разгаре страда деревенская. . .»).

Необходимость отказаться от ряда произведений с многообразием их форм, в которых воплотился голос поэта, вызвано стремлением обратить внимание на норму авторского лирического повествования, которая наиболее отчетливо представлена в лирических произведениях, вмещающих только авторской голос.

Речевые формы лирических стихотворений, в которых отразился только голос поэта-лирика, также многообразны. Остановимся лишь на тех из них, в которых наиболее полно представлены, с нашей точки зрения, яркие и вместе с тем типичные для творческой манеры Некрасова черты, позволяющие обнаружить в стихотворной речи то новое, что после Некрасова получит дальнейшее развитие, т. е. окажется перспективным в отношении тех процессов, которые характеризуют по существу и сегодняшний этап развития стихотворной речи.

Стихотворение «Что ты, сердце мое, расходилося? . .» (1860) можно назвать автобиографичным, но лишь в той мере, в какой вообще автобиографичность свойственна большой лирике [1].

Что ты, сердце мое, расходилося? . .
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла — прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словцом.

Автобиографичны здесь и упоминание о клевете, глубоко ранившей поэта; и возникновение мотива памяти о поэте после его смерти (три заключительные стиха), следствие душевного потрясения.

И тема глубокого нравственного страдания, и тема посмертной памяти о поэте принадлежат к числу традиционных в лирической поэзии. Разрешение же их у Некрасова отмечено печатью новизны и неповторимости. Так как в произведении малой формы необычайно усиливается значимость (прежде всего стилистическая) каждого лексического слагаемого [2], то необходимо подробно рассмотреть лексический материал стихотворения.

Обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что при решении «извечных» для поэзии вопросов поэт полностью отказывается от выработанных в недрах самой поэзии, специфических для нее, речевых средств: в тексте стихотворения традиционно-поэтические средства ограничиваются принятым в литературе обозначением сердца как средоточия чувств, переживаний и т. п. Существительное *сердце*, находящееся в обращении и одновременно в составе метонимического выражения (*чье*) *сердце расходилося* — 'о том, кто сильно взволнован, волнуется' — взаимодействует с разговорным глаголом *расходиться*, благодаря чему весь первый стих *Что ты, сердце мое, расходилося? . .* получает яркую разговорную окраску, тем более ощутимую, что глагол *расходиться* находится в сильной позиции в стихе — в рифме, а существительное, которое этот глагол определяет, выполняет функцию прямого обращения. Единственное общепоэтическое слово текста *сердце* в результате лишено свойства сообщить тексту свою, впрочем, и без того неяркую, поэтическую экспрессию. Элементы книжной речи исчерпываются словом *клевета*, семантически

[1] См. рассуждения Т. И. Сильман о стремлении лирического слова выразить общее, обобщенное общечеловеческое содержание через постижение, явившееся следствием глубоко индивидуального переживания: *Сильман Т. И.* Заметки о лирике. Л., 1977, с. 38—39.

[2] На эту особенность указал Ю. Н. Тынянов (см.: *Тынянов Ю. Н.* Вопрос о Тютчеве. — В кн.: Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 46).

очень важным, но также не играющим определяющей роли в стиле художественного целого. Гораздо большее место занимает в нем лексика, сообщающая тексту экспрессию разговорности. Помимо упомянутого разговорного глагола *расходиться* [3] в значении 'дойти до крайней степени проявления чего-н.', это слова: *не впервой* (ср. *не впервые*), *проболтаться* (ср. *проговориться*), *словцо* (ср. *слово*).

Наибольшая стилеобразующая роль принадлежит в контексте стихотворения лексическим и фразеологическим средствам с народно-поэтической окраской. Среди них назовем не только анафорически выделенный и потому дважды звучащий глагол *тужить*, но и словосочетание *родная Русь*, приобретающее народно-поэтическую окраску при повторе предлога *по*: *по Руси по родной*; и сочетания одинаковых форм семантически близких глаголов — формы сочетаний, характерных для произведений фольклора: *прошла — прокатилася*, *растет — прибавляется*.

Говоря о функции этих сочетаний, мы по существу уже перешли от собственно лексической характеристики к вопросу о роли повтора в стиле стихотворения. В плане стилистики целого текста помимо указания на повтор как общепоэтический прием композиционного членения и связывания словесного материала (в данном случае анафорический повтор: *не тужи, не тужи*; повтор аналогичных грамматических форм: *не тужи, постыдись*) особенно важно отметить применение повторов как стилистически окрашенных речевых средств. Свойственные разговорной речи [4] и являющиеся характерной приметой стилистики устного народного творчества повтор предлога перед определением и повтор одинаковых форм синонимичных глаголов сообщают тексту яркую стилистическую окраску, тем большую, чем выше степень концентрации таких повторов в пределах ограниченного восьмистишием текстового пространства. В этих условиях существенное значение для стиля стихотворения приобретает, помимо использования самого приема повтора, и факт актуализации с помощью этого приема речевых средств с народно-поэтической стилистической окраской: *прошла — прокатилася*; *растет — прибавляется*.

Поскольку конкретное движение лирического повествования реализуется в синтаксисе, существенно обратить внимание на синтаксические формы стихотворения. Развертывание повествования осуществляется как переход от прямого вопроса, вместившего обращение ко второму лицу (1-й стих), к предложениям, органи-

[3] См. употребление глагола *расходиться* в применении к персонажу-крестьянину в стих. «Кумушки»: *Целую ночь с ними тятька не спал, У самого расходился думушки*. У Пушкина глагол *расходиться* в упомянутом лексическом значении не употребляется.

[4] О повторах типа *бросил — позабыл, спит — погрызывает* см.: *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.,1960, с. 44.

зованным глагольными императивными формами 2-го лица (*постыдись. . ., не тужи. . ., не тужи. . .*). Непосредственное обращение к собеседнику обусловливает появление интонационных признаков доверительного разговора, вносит в текст моменты интимности, задушевности. Экспрессивное значение императивных глагольных форм, поддержанное и усиленное частицами *уж*, *пусть* (*постыдись, уж. . . не впервой. . .; не тужи, пусть. . ., не тужи. . .*) служит формированию основного тона — разговорного увещевания, уговаривания, а также общей атмосферы взволнованности интимного самоуспокаивания лирического героя.

Переход к последнему доводу, утешению *Не тужи! как умрем, Кто-нибудь и об нас проболтается Добрым словцом*, связан с еще большим усилением разговорной экспрессии в тексте. Разговорность создается здесь и употреблением союза *как* во временном значении 'когда' [5] (ср.: нейтральное *когда умрем*), и лексической разговорностью этих заключительных стихов, в которых стилистически сниженными средствами с помощью разговорного глагола *проболтаться* и сочетания *доброе словцо* (экспрессивно преобразованного народно-поэтического сочетания *слово доброе*) вводится традиционно высокая в поэзии тема смерти поэта, памяти о поэте [6].

Важную стилевую роль выполняет центральный в образно-речевой структуре стихотворения образ, почерпнутый не из литературного источника, а из гущи народной жизни: уподобление клеветы — снежному кому: *Снежным комом прошла — прокатилася Клевета по Руси по родной.*

Опорное слово образа — *ком*, широко известное в обиходе, только в материалах Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля входит в состав восьми пословиц и поговорок. Следует учесть также еще шесть народных изречений, опирающихся на семантически близкое слово *комок*, среди которых, например, есть поговорка «Был бы снежок, скатаем и комок». Если прибавить к этому, что творительный сравнения — форма, в которую воплощен образ в тексте (*комом*) — представляет собой характерный элемент поэтики фольклора, то станет еще более

---

[5] О союзе *как* во временно́м значении Л. А. Булаховский замечает: «В тех относительно редких случаях, когда оно может употребляться, стилистически его воспринимаем как черту разговорной речи» (*Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, с. 356). Среди примеров, приведенных автором, большинство из произведений художественной литературы середины XIX в., где союз *как* употребляется в речи персонажа.

[6] Ср. обращение к теме посмертной памяти у Некрасова в позднейшем стих. «Друзьям» (1876), где эта тема также решается с помощью слов из народного речевого источника (*лапти, проторить*), помещенных в акцентированной позиции — в концовке стихотворения: *Вам же — не праздно, друзья благородные, Жить и в такую могилу сойти, Чтобы широкие лапти народные К ней проторили пути. . .*

очевидной стилеобразующая роль народного образа, актуализированного в стихотворении путем развертывания в лирическом повествовании: (клевета) *снежным комом. . . прокатилася. . . растет, прибавляется*. Обратим внимание и на то обстоятельство, что каждый из четырех элементов приведенного словесного образного комплекса как бы вставлен в народно-поэтическую «оправу»: образ *снежный ком* входит в творительный сравнения, глаголы *прокатилася, растет, прибавляется* — в состав народно-поэтических по своему характеру повторов.

Непосредственное отношение к стилистике фольклора имеет система определений. Эпитеты в тексте конкретны, однозначны, именуют постоянный признак определяемого, вступают с ним в прочную, на грани фразеологической, связь: *ком снежный, Русь родная, словцо доброе* [7].

Как известно, в воплощении образно-смысловой системы и эмоциональной насыщенности лирического стихотворения участвуют ритмическая и звуковая организация текста. Трехсложный ритм и дактилическая рифма Некрасова, характерные и для данного текста, неизменно связываются исследователями с народной поэзией. К. И. Чуковский отмечал, что «Русский язык словно создан для дактилических окончаний и рифм. В этом отношении Некрасов — национальнейший русский поэт. . . Русские слова в народной речи неудержимо стремятся к дактилизации своих окончаний — и к этому же стремятся они у Некрасова» [8]. Поэт Д. Самойлов пишет о дактилических рифмах Некрасова: «Удельный вес их в поэзии Некрасова чрезвычайно высок. Ими оперены лучшие его произведения, они — характерная, отличительная черта его стиля. Они — важнейшее завоевание в истории русской рифмы» [9]. Таким образом, в формировании народно-разговорного характера лирической миниатюры, отличающейся чертами народно-поэтического стиля, участвуют и собственно стиховые моменты, сближающие стихотворение Некрасова с народным стихом.

Итак, речевые формы стихотворения «Что ты, сердце мое, расходилося. . .», его словесно-образные средства и способы их организации, а также композиционное построение лирического монолога (в виде беседы-разговора с самим собою) и его стиховую природу связывает одно общее: в исповедальном лирическом сообщении поэтом намеренно и широко используется весь арсенал средств, восходящих к народному источнику — разговорно-обиходной речи и устному народному творчеству. Голос поэта-лирика и голос народный сливаются воедино. Все это позволяет говорить

[7] Принцип отбора эпитетов и сравнений у Некрасова, сходный с фольклорным, отмечен Е. В. Ермиловой (*Ермилова Е. В.* Народно-поэтическое мышление в поэтическом стиле (Некрасов). — В кн.: Теория литературных стилей. Типология стилевого развития XIX в. М., 1977, с. 54.

[8] *Чуковский К. И.* Некрасов, как художник. Пг., Эпоха, 1922, с. 24.

[9] *Самойлов Д. С.* Книга о русской рифме. М., 1973, с. 156.

о речевом демократизме поэта как форме авторского лирического самовыражения и одновременно норме авторского лирического повествования.

В лирике Некрасова существует и другая форма нормативного авторского повествования, не осложненная речевыми средствами и приемами поэтики устного народного творчества. Эта форма речевого демократизма в лирике во многом связана с влиянием на развитие стихотворной речи языка повествовательной прозы 40—50-х годов XIX в. Помимо свободного обращения к разговорно-бытовому элементу, эту форму, утвердившуюся в поэтической практике Некрасова, определяет широкое вовлечение в лирический текст повествовательного начала — процесс, восходящий к пушкинской реформе поэтической речи [10].

Художественная выразительность стихотворения «Утро» (1874) опирается на нейтральный в литературном языке лексический материал и преимущественно разговорную ритмико-синтаксическую его организацию.

Структурно-смысловое своеобразие первой композиционной части стихотворения (строфы I—III) связано с малым участием глагольных форм (они находятся, главным образом, в двух первых стихах) в формировании лирического повествования.

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Отсутствие спрягаемых глагольных форм обусловливает статичность, описательность предлагаемой картины. Лирический сюжет, отталкиваясь от субъективных переживаний лирического героя (*Ты грустна, ты страдаешь душою: Верю здесь не страдать мудрено*), обращается к впечатлениям внешнего мира — картинам пейзажа, отвечающим душевному состоянию героя. При этом,

[10] О процессе «прозаизации» русской поэзии, ведущем начало от Пушкина см.: *Благой Д. Д.* Две эпохи русской поэзии (Некрасов и Пушкин). — В кн.: Некрасов и литература народов Советского Союза. Ереван, 1972, с. 43 и след.

подобно общему и крупному плану в кинематографе [11], меняется масштабность отдельных деталей изображаемого деревенского пейзажа; некоторые из них предстают как бы более объемно, укрупненно (*галки, Что сидят на вершине стога; кляча с крестьянином пьяным, Через силу бегущая вскачь В даль, сокрытую синим туманом*). Лексика этих строф в основном нейтральна, единичные книжные сочетания (*страдать душою; даль, сокрытая туманом*) почти не выделяются на нейтральном лексическом фоне.

Интонация перечисления при соединении ряда однородных членов (подлежащих: *пастбища, нивы, луга, галки, кляча с крестьянином, небо*) растянутого на две строфы предложения усиливается анафорическими повторами местоименного прилагательного *этот* (*эти. ., эти. ., эта. ., это. . .*). Однообразное, несколько монотонное звучание, как бы оттеняет то состояние тоски, которое названо в начальных стихах, подхвачено во II строфе (*Бесконечно унылы и жалки*) и сгущено в пейзажной зарисовке III строфы. Экспрессивно-разговорные конструкции *мудрено* (*что делать*) и *хоть плачь!* играют роль своеобразных разговорных аккордов внутри текста, с его синтаксически усложненной фразой со многими однородными членами, придаточным предложением и двумя причастными оборотами. Они нейтрализуют литературно-книжное построение II и III строф, упрочивают стилистический эффект, сложившийся в результате простоты и нейтральности лексического материала, способствуют искреннему, доверительному звучанию лирического повествования. Разговорная концовка первой композиционной части стихотворения, которую Д. Д. Благой сближает с звучанием пушкинского стиха *хоть плюнуть да бежать* в стихотворении «Когда за городом, задумчив, я брожу. . .» [12], завершая описание сельской природы и экспрессивно выражая душевное состояние лирического героя, представляет собой закономерный итог и пейзажного и психологического плана текста.

Эмоциональный образ, созданный описанием сельского пейзажа, поддерживается и углубляется во второй композиционной части стихотворения (строфы IV—IX), в которой развертывается городской пейзаж.

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;

[11] На «кинематографический принцип чередования планов» в стихотворении «Утро» указал Ю. М. Лотман (*Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Л., 1972, с. 212).

[12] *Благой Д. Д.* Указ. соч., с. 42.

На позорную площадь кого-то
Провезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть;
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводненье столице грозит. . .
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой. . .

Социальный план в содержании стихотворения здесь еще усилен. Если в «деревенской» части «окружающая нищета» вписана в картину природы, дана через описание деталей осеннего пейзажа, то в «городской» части стихотворения социальный момент выдвигается на передний план. Непосредственная данность пейзажа зрительному восприятию лирического субъекта — «здесь» сменяется воображаемыми сценами городской жизни — «там». Собственно пейзаж ограничивается единственным стихом *Те же тучи по небу бегут*; причем если в «деревенской» части текста только один персонаж — крестьянин пьяный, то в описании города предстают персонажи из различных социальных групп городского населения (палачи, проститутка, офицеры, торгаши, дворник, вор). При отсутствии прямого наименования то или иное лицо представляет характерная деталь, позволяющая социально его охарактеризовать: *кто-то* (кто награжден орденом святой Анны 1-й степени, скорее всего чиновник), *кто-то* (кто живет в верхнем этаже, по-видимому, разночинец, студент).

Значительную часть лексического материала «городских» строф стихотворения, помимо прямых наименований лица, составляют наименования реалий городского быта, обильно вводящие в текст предметный мир (*железная лопата*, *мостовая*, *каланча*, *позорная площадь*, *наемная карета*, *прилавки*, *крепость*, *пушки*, *стадо гусей*), а также глаголы, называющие конкретное действие (*бежать*, *скрести*, *скакать*, *обмеривать*, *колотить*, *гнать*). В отличие от «слаболаголной» первой части стихотворения «город-

ская» часть его, как видим, насыщена спрягаемыми формами глаголов. Однако впечатление контраста не возникает. Преобладание глагольных форм настоящего времени определяет описательный характер повествования, но остановки повествования не происходит: его движение создается сменой значительного количества глагольных форм настоящего времени несовершенного вида, иногда перемежающихся формами прошедшего времени совершенного вида, число последних заметно возрастает в конце стихотворения [13] (три из семи форм совершенного вида находятся в заключительной IX строфе стихотворения).

Использование обширного лексического материала без каких-либо семантических смещений создает впечатление простоты, конкретности и безыскусственности. В шести строфах, т. е. на значительном пространстве текста, отсутствует стилистически окрашенная лексика: *торгаш* здесь — в значении 'мелкий торговец', без оттенка пренебрежительности; глагол *возвестить*, генетический славянизм, в стихе *Возвестили пожар с каланчи*, будучи сказуемым в предложении и словом, связанным с называнием привычного в жизни большого города явления (бьют в колокол или железную доску, сообщая о пожаре), почти теряет свою стилистическую приподнятость. Но поскольку «элементы предметного мира в лирическом стихотворении. . . никогда не выступают как нейтральный фон, и их отбор в лирике всегда особенно строг и тщателен» [14], то прямыми наименованиями лиц, реалий и действий и высокой степенью их концентрации в пределах лирического текста Некрасовым создается эмоциональный образ огромной силы.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что среди этих слов полностью отсутствует поэтическая лексика, традиционно-поэтическая фразеология, но заметно представлена лексика «непоэтическая», слова, не имеющие давней традиции использования в поэзии. Например, слово *крестьянин*, по данным Словаря языка Пушкина, из 109 употреблений лишь дважды встречается в стихотворном тексте; слово *дворник* употребляется Пушкиным только в письмах; о «непоэтичности» слова *проститутка* (у Пушкина отсутствует) не приходится говорить, так же как и о словах и сочетаниях типа *сытно поесть*, *обмеривать*, *на убой*. В донекрасовской поэзии, за исключением пушкинской лирики последних лет, само предметное содержание подобных слов и сочетаний препятствовало вовлечению их в поэтические тексты.

---

[13] В. В. Виноградов отмечал: «Настоящее время само по себе лишено движения. Лишь в синтагматике речевого процесса, в смене глагольных форм, в их движущейся веренице настоящее время приобретает динамическое значение» (*Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой Дамы». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, № 2, М.—Л., 1936, с. 135.

[14] *Сильман Т. И.* Указ. соч., с. 99.

В тексте стихотворения «Утро» упомянутые слова, создавая атмосферу повседневной жизни большого города, выполняют важную стилеобразующую функцию. Они участвуют, как мы видели, в создании эмоционального образа городского будничного утра, петербургской повседневности, а также, в силу характерного отбора реалий из мира действительности и их большой концентрации, способствуют возникновению подтекста — определенного представления о самой жизни в условиях современной поэту действительности.

Немалую стилистическую роль при этом играет и тот факт, что лексический материал «подается» в виде аналогичных или весьма сходных синтаксических единиц текста. Избранный способ зарисовки уличных сцен осуществляется по определенному плану: какая-то деталь, зрительное или звуковое впечатление и сразу вслед за ним — раскрытие того, что за этим впечатлением стоит. Избранному принципу описания соответствует и выбор синтаксических средств, среди которых решительно преобладает характерная для разговорной речи бессоюзная связь между частями сложного предложения. Такая форма связи частей предложения представлена в каждой из строф «городской» части стихотворения: *Жутко нервам — железной лопатой Там теперь мостовую скребут* (IV); *На позорную площадь кого-то Провезли — там уж ждут палачи* (V); *Офицеры в наемной карете Скачут за город: будет дуэль* (VI); *Торгаши просыпаются дружно И спешат за прилавки засесть: Целый день им обмеривать нужно, Чтобы вечером сытно поесть* (VII); *Кто-то умер: на красной подушке Первой степени Анна лежит* (VIII); *Где-то в верхнем этаже раздался Выстрел — кто-то покончил с собой* (IX). Следование сходных синтаксических единиц, сменяемость синтаксически близких предложений создает впечатление монотонности, однообразия (в «деревенской» части аналогичный художественный эффект создается перечислением однородных подлежащих), что, как представляется, способно передать атмосферу будничности, обыденности. Роль упомянутых синтаксических построений в стиле целого весьма существенна. С одной стороны, в них выявляется повтор, как определенный прием, приводящий к усилению эмоции (в результате добавления аналогичным способом еще одного факта к уже имеющимся). С другой стороны, актуализируется стилистическая значимость этих построений, являющихся приметой разговорной речи. Синтаксический строй второй, большей части стихотворения, в целом более простой: внутри каждой строфы размещено не менее двух соединенных между собой (чаще без союза) предложений, что создает «синтаксическое сгущение речи». В. В. Виноградов считает «синтаксическое сгущение речи, ограничение протяженности синтагм и предложений» [15] одной из важ-

[15] *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941, с. 372.

ных черт, характеризующих сближение стилей литературной речи с разговорным языком.

К паузам стиховых концовок в тексте стихотворения добавляются синтаксические паузы внутри стиха, обусловленные наличием стиховых переносов (в четырех строфах из девяти). Это нарушает протяжное звучание трехсложных некрасовских анапестов и усиливает в стихотворении повествовательное начало, сближающее лирическое повествование с прозаической речью. Внутреннее родство некрасовского текста с повествовательной прозой этим не ограничивается, оно гораздо глубже и органичней. Сюда относится и спокойный эпический тон повествования, и эпический охват русской жизни (и деревни, и города, различных слоев населения и т. п.), и тот факт, что лексическими, синтаксическими и интонационными средствами создается предельная объективность изложения. Путем отбора реалий и действий, бывших объектом наблюдения, а затем ставших предметом авторского осмысления и переживания, всем характером изложения автор подводит читателя к выводу, который находится за пределами текста. Весьма значимо в этом смысле многоточие в конце стихотворения, составляющее фактически перечисленный предметный ряд открытым, указывающее на возможность его продолжения. Воздействие на речевое своеобразие текста принципов изображения действительности в реалистической прозе можно усмотреть и в приверженности Некрасова к характерной детали, несущей типизирующую функцию. Деталь, представленная простым наименованием реалии (*железная лопата*, *наемная карета*, *верхний этаж* и т. п.), или, тем более, данная крупным планом [16], т. е. — в речевом плане — выделенная синтаксически (например, с помощью развернутого определения — *мокрые*, *сонные*, *галки*, *Что сидят на вершине стога*; *кляча с крестьянином пьяным*, *Через силу бегущая вскачь В даль. . .*) или ритмически — стиховым переносом — (*Кто-то умер*: *на красной подушке Первой степени Анна лежит*; *Где-то в верхнем этаже раздался Выстрел. . .*) составляет характерную стилевую черту стихотворения.

Рассмотренными стихотворениями, разумеется, не исчерпывается все многообразие конкретных форм воплощения речевого демократизма в лирике Некрасова. Мы не коснулись, в частности, ряда произведений, имеющих свою стилевую специфику, художественная структура которых строится с опорой на стилистически противопоставленные речевые формы. Кроме того, многие лирические стихотворения поэта различным образом совмещают в себе те речевые черты, на своеобразии которых мы остановились

[16] Ю. М. Лотман отмечает, что «величина плана воспринимается как коррелят метафоры (или метонимии) в словесном ряду. Детали, поданные крупным планом, воспринимаются как особо значимые, символические или суггестивные, отнесенные не только к их непосредственному денотату» (*Лотман Ю. М.* Указ. соч., с. 212).

выше. В данном случае представлялось необходимым сказать лишь о тех формах нормативного авторского лирического повествования, которые послужили отправной точкой последующего развития стихотворной речи по пути дальнейшего углубления процесса ее демократизации.

Е. А. НЕКРАСОВА

ВАРИАТИВНОСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИОСТИЛЯ

Если изучение вариативности отдельных стихотворных строк помогает понять основной художественный замысел произведения, то анализ вариантов более крупных единиц художественной системы, а именно, вариантов стихотворений, позволяет приблизиться к пониманию истоков творческого почерка, к представлению о характере самых общих принципов, формирующих тот или иной художественный идиостиль. Следует отметить и другое принципиальное различие этих двух типов вариативности: вариативность отдельных строк обычно изымается из текста и о ней узнают из черновиков, вариативность же стихотворений принадлежит к активному творческому запасу писателя; поэтому уже само наличие в художественном творчестве такого явления может в какой-то степени определять тип идиостиля (возможно, окажется небесполезным дихотомическое деление идиостилей по названному признаку).

Мы попытаемся охарактеризовать некоторые типы вариативности на уровне отдельных стихотворений применительно к особенностям художественного идиостиля. Объектом фрагментарного описания станут три поэта — Ф. Тютчев, А. Блок и Б. Пастернак.

В ранней лирике Тютчева есть два стихотворения, написанные практически одновременно и объединенные одной и той же образной ассоциацией, формирующей как их содержание, так и конкретный образный рисунок текста:

Ты зрел его в кругу большого света —
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,
Таков поэт — и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог, —
Настала ночь — и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

Приведем и второе стихотворение:

В толпе людей, в нескромном шуме дня,
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! о, не вини меня! . .

Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный,
Наступит ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

В Примечаниях [1] указывается, что «образ месяца, видимого днем, в этом и следующем стихотворении подсказан чтением одной из глав. . . («Путевых картин») Гейне. . .» [2]. Очевидно, что одна и та же образная ассоциация лежит в основе двух стихотворений. Это прежде всего проявляется в сходстве образного рисунка вторых (сопоставительных) строф: На месяц *взглянь* → *Смотри*; *весь день*, как *облак* тощий. . . → . .*днем туманисто-бело*. . .; *светозарный* бог → месяц *светозарный*; *настала ночь* → *наступит ночь*. . . Однако не только эта прямая сопоставимость образного и лексического наполнения вторых строф дает, как кажется, основание рассматривать данные стихотворения как варианты [3], но и похожесть структуры стихотворений в целом. Обратимся теперь к начальным строфам. Отметим сходство самого общего содержания их: и в первом, и во втором стихотворениях мы сталкиваемся с однотипной характеристикой поэта с той лишь разницей, что во втором изложение ведется от первого лица. Сравним некоторые фрагменты текстов: *в кругу* большого света → *в толпе* людей, в нескромном шуме дня; *то. . .то порой*; и ты *презрел* поэта → душа моя! о, *не вини* меня. . . Следует подчеркнуть и существенную для идиостиля Тютчева общность принципа подключения второй, резюмирующей, части без установления прямых и четких связей логического типа с начальным содержанием стихотворений. Основа сопоставления остается нераскрытой, поэтому возникает возможность многомерного осмысления очевидных для автора глубинных связей излагаемого содержания с его ассоциативно-образным аналогом. В данном же случае это единство композиционного построения поддержано и прямыми лексическими совпадениями (*На месяц взглянь* → *Смотри*. . .).

Все эти наблюдения дают, как представляется, основание говорить об отношениях вариативности между данными стихотворе-

---

[1] Тексты приводятся по изданию: *Тютчев Ф. И.* Лирика. М., Наука, 1965, т. I (издание подготовил К. В. Пигарев).

[2] Там же, с. 345.

[3] В данном случае сопоставление проводится на уровне исследования, в творчестве же поэта нет никаких указаний на сближение этих стихотворений.

ниями. Теперь остается представить, в чем сущность такой вариативности применительно к идиостилю Тютчева в целом. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с вариативностью тематического содержания (в первом случае речь идет о поэте и «непоэте», во втором — о поэте и лирической героине его стихов) при сохранении общности ассоциативно-образного строя. При этом необходимо отметить, что неизменным остается и глубинное содержание стихотворений. Таким образом, можно предположить, что для медитативного идиостиля Тютчева существенной оказывается сосредоточенность на определенных ассоциациях, по-видимому, отражающих постоянство мироощущения поэта и склонность опять и опять «прорабатывать» возникшие образные связи человеческого «я» и природы. Так, например, образное соединение грозы с мифологическими представлениями находим во многих строках поэта:

Не остывшая от зною, Ночь июльская блистала. . . И над тусклою землею Небо, *полное грозою*, Все в зарницах трепетало. . . *Словно тяжкие ресницы Подымались над землею*, И сквозь беглые зарницы *Чьи-то грозные зеницы Загоралися порою*. . . (Не остывшая от зною. . .); Ночное небо так угрюмо, Заволокло со всех сторон. То не угроза и не дума, То вялый, безотрадный сон. Одни *зарницы огневые*, Воспламеняясь чередой, *Как демоны глухонемые*, Ведут беседу меж собой (Ночное небо так угрюмо. . .); Люблю *грозу* в начале мая. . . Ты скажешь: ветреная Геба, *Кормя Зевесова орла*, *Громокипящий кубок с неба*, Смеясь, на землю пролила (Весенняя гроза).

Ср. также однотипность характеристики водной поверхности в различных по времени написания стихах: Внизу, как *зеркало стальное*, Синеют озера струи, И с камней, блещущих на зное, В родную глубь спешат ручьи (Снежные горы); В небе тают облака, И, *лучистая на зное*, В искрах катится *река*, *Словно зеркало стальное*. . . (В небе тают облака. . .). Показательно, что такая характеристика в обоих стихотворениях отнесена к блеску воды в знойный полдень.

Можно отметить устойчивые в данном идиостиле метафорические обозначения определенных состояний, характеризующих определенный круг явлений: На месяц взглянь: весь день, как облак тощий, Он в небесах едва не *изнемог*. . .; Ущерб, *изнеможенье* — и на всем Та кроткая улыбка увяданья, Что в существе разумном мы зовем Божественной стыдливостью страданья (Осенний вечер); *Изнемогло* движенье, труд уснул. . . (Как сладко дремлет сад темнозеленый. . .); Она [радуга] полнеба обхватила И в высоте *изнемогла* (Как неожиданно и ярко. . .) [4].

[4] Л. Н. Толстой отметил стихотворение буквой Т! (Тютчев) и подчеркнул стих «И в высоте изнемогла». На эти же строчки обратил внимание и И. С. Аксаков — Примечания, с. 427.

Обращает внимание и однотипность ввода в стихотворную ткань «чужого голоса»: . . .*Ты скажешь*: ветреная Геба. . .; ср.: Слыхал ли в сумраке глубоком Воздушной арфы легкий звон. . . Дыханье каждое Зефира Взрывает скорбь в ее струнах. . . *Ты скажешь*: ангельская лира Грустит, в пыли, по небесах! (Проблеск). Быть может, таким способом автор как бы отстраняется от некоторой «красивости» образа, который тем не менее соответствует его мироощущению?

Значимо и постоянство одного из типов компаративности, определяющего характер сравнительного оборота: Опять стою я над Невой, И снова, как *в* былые годы, Смотрю и *я*, *как бы* живой, На эти дремлющие воды. . . Во сне ль все это снится мне, Или гляжу на самом деле, На что при этой же луне С тобой живые мы глядели? (Опять стою я над Невой. . .). В данном примере предельно ясна функция сочетания *как бы* в творчестве поэта — фиксация ощущения «на грани» двух состояний — реального и кажущегося. Ср. еще: Как верим верою живою, Как сердцу радостно, светло! *Как бы* эфирною струею По жилам небо протекло! (Проблеск); Все стихло в чуткой темноте — *Как бы* таинственное дело Решалось там — на высоте (Ночное небо так угрюмо. . .); Вдруг ветр подует, теплый и сырой, Опавший лист погонит пред собою И душу нам обдаст *как бы* весною. . . (Когда в кругу убийственных забот. . .); . . .И вдруг, смутясь, бежишь, *как бы* почуя Передрассветный ветерок (Наполеон); . . .Когда весенний, первый гром, *Как бы* резвяся и играя, Грохочет в небе голубом (Весенняя гроза): Весь день стоит *как бы* хрустальный. . . (Есть в осени первоначальной. . .); И сладкий трепет, как струя, По жилам пробежал природы, *Как бы* горячих ног ея Коснулись ключевые воды (Летний вечер).

Все перечисленные примеры при всем различии их содержания, объединяет единая тональность — передача «неполноты», неокончательности утверждаемого сопоставления; автор приводит не эквивалент, а только аналог возникающего у него ощущения, которое не может быть полностью описано словами. Такое ощущение некатегоричности авторского восприятия было, видимо, существенным для творческого почерка Тютчева. Так, в стихотворении Cache—cache стих: *Волшебную близость*, *как благодать*, *Разлитую в воздухе*, *чувствую я* в последующих изданиях Тютчев заменяет на: *Волшебную близость*, *как бы благодать*. . .[5].

Стабильность в поэзии Тютчева такого способа передачи характера мироощущения приводит к образованию на основе данного союза устойчивого словосочетания, употребляемого поэтом в целом ряде стихотворений: Я брожу *как бы во сне*, — Лишь одно я живо чую: Ты со мной и вся во мне (Пламя рдеет, пламя пышет. . .); Как после вековой разлуки, Гляжу на вас, *как бы*

[5] См. Примечания, с. 339.

во сне. . . (К. Б.); Воин-сторож на стене Слышал, тайно очарован, Дальний гул, *как бы во сне* (Там, где горы, убегая. . .); И меж зыбью и звездою Он [челн] скользит *как бы во сне* (На Неве).

Видимо, для поэта важным было установление прочувствованного, выверенного выражения отношения к определенным явлениям и раз найденное гармоническое соответствие видимого чувствуемому было для него дорого. Такое постоянство мироощущения свидетельствует о характере идиостиля, обращенного «внутрь». Недаром Л. Толстой при чтении стихов поэта многие из них (самые различные по содержанию) отмечал буквой Т, констатируя наличие присущего именно Тютчеву взгляда на мир.

Привлеченный здесь иллюстративный материал, как кажется, служит подтверждением выдвинутого выше тезиса о том, что характер вариативности, основанный на изменении тематического содержания при сохранении той же самой образной ассоциации, не случаен и может быть включен в общую характеристику типа идиостиля.

Продолжим наши наблюдения в избранном направлении, обратив внимание на характер вариативности в творчестве А. Блока на примере двух стихотворений, одно из которых — вариант другого. Это написанные одновременно стихотворения «Незнакомка» и «Там дамы щеголяют модами. . .» Вариантность этих стихотворений устанавливается не только разительным количеством лексических совпадений и общностью тематического и образного содержания (*Над скукой загородных дач → над скукой дач*; *смотрю за темную вуаль → сквозит вуаль, покрытый мушками*; *И веют древними поверьями Ее упругие шелка, И шляпа с траурными перьями → Вздыхая древними поверьями, Шелками черными шумна, Под шлемом с траурными перьями И ты виной оглушена?*), но и прямым указанием самого поэта, в одном из изданий назвавшим второе стихотворение «Незнакомка (Вариант)». Основное отличие данных стихотворений — в художественной манере их исполнения: рассредоточенность, сглаженность контрастных противопоставлений в «Незнакомке» и броская нарочитость контрастов не только в пределах отдельных фрагментов текста, но даже и «на площади» отдельных словосочетаний — в Варианте:

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она — *бесстыдно упоительна*
И *унизительно горда.*

Не останавливаясь более на анализе этих стихотворений [6], подчеркнем существенную для идиостиля Блока черту, легшую в ос-

[6] Сопоставительный анализ, проецирующий художественные особенности данных стихотворений на характер идиостиля поэта, см.: *Некрасова Е. А.* Виды экспрессивной тональности в стихотворных произведениях

нову вариативности данных произведений — видоизменение творческого почерка на пространстве отдельного стихотворения. Практическая идентичность тематического и образного содержания данных стихотворений, отличающихся только художественной манерой их исполнения, достаточно рельефно выделяет эту черту идиостиля Блока.

Идиостиль Б. Пастернака дает возможность выявить еще один тип вариативности на уровне отдельных стихотворений. Как и Блок, Пастернак сам устанавливает такие отношения между стихотворениями, объединенными в цикл «Тема с вариациями». Данный цикл даже по чисто композиционным признакам вполне сопоставим с некоторыми существенными для идиостиля данного поэта принципами организации художественного текста. Так, с нашей точки зрения, для данного идиостиля значимым оказывается принцип подбора синонимичных (в широком значении данного термина) характеристик одного и того же явления. Другими словами, для поэтического почерка Пастернака характерен подбор близких по смыслу, но различных по форме поэтических фрагментов, относящихся к одному и тому же представлению. Для исходной образной ассоциации ищутся и находятся различные формы ее воплощения:

Пока мы по Кавказу лазаем,
И в задыхающейся раме
Куда ползет атакой газовою
К Арагве, *сдавленной горами*,
И в августовский свод из мрамора,
Как обезглавленных гортани,
Заносят *яблоки адамовы*
Казненных замков очертанья;
Пока я голову заламываю,
Следя, *как шеи укреплений*
Плывут по синеве сиреневой. . .
(«Пока мы по Кавказу лазаем. . .»).

В данном отрывке легко прослеживается характер развертывания ведущей образной ассоциации фрагмента, выраженной словосочетанием, которое без дальнейшего развития образного сюжета могло бы быть воспринято вне метафорического осмысления (*К Арагве, сдавленной горами. . .*). Стремление найти смысловые эквиваленты объявленному образу проявляется не только на атомарно-словесном уровне, но проникает и в более глубинные ярусы организации текста. Ср.: Как обезглавленных гортани, Заносят яблоки адамовы *Казненных замков очертанья* → Пока я голову заламываю, Следя, как *шеи укреплений* Плывут по синеве сиреневой. . .

Как видим, ассоциативные связи охватывают и другие опорные слова, формируя уже синонимичность не только отдельных слов и словосочетаний, но и похожесть, как бы синонимичность, целых фрагментов.

А. Блока. — В сб.: Образное слово А. Блока. М., Наука, 1980, с. 119—120. См. также: *Некрасова Е. А.* Как сделаны стихи А. Блока? — Русская речь, 1981, № 2.

Сходная организация ассоциативно-образного строя фрагмента характерна и для стихотворения «Ева», относящегося к иному временному периоду творчества поэта. Приведем две начальные строфы этого стихотворения:

Стоят деревья у воды,
И полдень с берега крутого
Закинул облака в пруды,
Как переметы рыболова.

Как невод, тонет небосвод.
И в это небо, *точно в сети*,
Толпа купальщиков плывет —
Мужчины, женщины и дети.

Синонимичные соответствия, соотносимые с одним и тем же денотатом реальной действительности, выделенные нами курсивом, — это наиболее заметное, броское ассоциативно-образное единство — включены в более общие художественно однотипные фрагменты текста: *полдень . . . закинул облака в пруды. . .* → *тонет небосвод* → *в это небо . . . плывут . . .* Схематически (чисто условно) такое построение ассоциативно-образного рисунка во многих произведениях поэта можно было бы представить в виде расходящихся из одной и той же точки пучков. Такой же графический рисунок мог бы быть применен и к композиционному построению разбираемого здесь цикла, где за исходную точку следовало бы принять стихотворение «Тема», от которого расходятся пучки стихотворений. Наиболее тесная вариативная связь характерна для двух первых стихотворений, имеющих к тому же и соответствующие подзаголовки (1. Оригинальная; 2. Подражательная), объединяющие их даже чисто грамматически с соответствующим заглавием цикла. Поскольку тема данной статьи касается вариантов стихотворений, ограничим свои наблюдения только этими стихотворениями и их связями с содержащим основные образные импульсы «ведущим» стихотворением. Эти импульсы, подчеркнутые сквозным повтором (*скала и шторм . . .*) могут быть сведены к трем образным темам: тема Пушкина, тема моря, тема сфинкса. Сочетание и переплетение этих тем и составляет основное образное содержание двух «подчиненных» стихотворений. Однако наличие одного и того же «набора» образных тем не создает ощущения общности содержания данных стихотворений, потому что композиционное расположение этих мотивов и их лексическое воплощение в каждом из стихотворений существенно отличаются. Рассмотрим эти два аспекта структуры стихотворений.

То содержание, с которого начинается второе стихотворение, (*На берегу пустынных волн Стоял он, дум великих полн. Был бешен шквал. . .*), в первом стихотворении представлено в грамматически и образно затрудненной форме: *Над шабашем скал, к которым Сбегаются с пеной у рта, Чадя, трапезундские штормы, Когда якорям, и портам, И выбросам волн, и разбухшим Утопленникам, и седым Мосткам набивается в уши Клокастый и пильзенский дым. Где ввысь от утеса подброшен Фонтан, и кого-то позвать Срываются гребни, но — тошно И страшно,*

и — рвется фосфат. Где белое бешенство петель, Где грохот разостланных гроз, Как пиво, как жеваный бетель, Песок осушает взасос. Что было наследием кафров? Что дал царскосельский лицей? Два бога прощались до завтра, Два моря менялись в лице: Стихия свободной стихии С свободной стихией стиха . . .

В данном фрагменте начальные строки, имеющие обстоятельственное значение, оторваны длинными вполне законченными образными периодами от строк, сообщающих о характере действия и его субъекте. В схематичном, освобожденном от нагромождения сложных синтаксических периодов и образных деталей виде начало «Оригинальной» вариации вполне сопоставимо с первыми строками «Подражательной» (*Над шабашем скал. . . Два бога прощались до завтра, Два моря менялись в лице: Стихия свободной стихии С свободной стихией стиха → На берегу пустынных волн Стоял он, дум великих полн. Был бешен шквал. Песком сгущенный, Кровавился багровый вал. Такой же гнев обуревал Его . . .*). Как видим, общей оказывается не только основа образного сюжета, но и самый характер его интерпретации. В этой связи обратим внимание на соположенность образов моря и поэта в обоих фрагментах (*. . . два моря менялись в лице → Был бешен шквал . . . Кровавился багровый вал. Такой же гнев обуревал Его . . .*). Оказывается, что «подражательность» второй вариации не только в цитатности ее начала, но и в его противопоставленности сложным синтаксическим и образным периодам «оригинальной» вариации. Показательно, что в дальнейшем развитии образного сюжета «подражательная» лапидарность уступает место характерному для поэта сложному синтаксическому и образному построению стихотворного текста [7]. Таким образом, следует говорить не о изменении художественного метода в данном «подражательном» стихотворении, а о наличии задания, сводящегося к поискам разнообразной словесной формы для выражения общего образно-тематического содержания.

Эффект «расподобления» содержания этих стихотворений проявляется и на лексическом уровне. Так, одно и то же денотативное соответствие описывается каждый раз по-новому. Сопоставим: *Над шабашем скал → На берегу пустынных волн. . . Был дик открывшийся с обрыва Бескрайный вид*; Сбегаются *с пеной у рта*, Чадя, трапезундские *штормы → Был бешен шквал.* Песком сгущенный, *Кровавился багровый вал*; Когда *якорям и портам*, И *выбросам волн*, и разбухшим *Утопленникам*, и *седым Мосткам* набивается в уши Клокастый и пильзенский дым → *дика* Необоримая рука, Пролившая соленый нектар В пространство

[7] Затрудненность грамматических связей характерна для идиостиля Пастернака. О противопоставленности принципов организации текстов в поэзии Пушкина и Пастернака см.: *Лотман Ю. М.* Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста. — В кн.: Труды по знаковым системам Тарту, 1969, № 4.

слепнущих снастей, На протяженье дней и дней, *В сырые сумерки крушений*, На милость *черных вечеров . . .*: *Два бога* прощались до завтра, *Два моря* менялись в лице: *Стихия свободной стихии С свободной стихией стиха. Два дня в двух мирах, два ландшафта, Две древние драмы с двух сцен* → *Его роман* Вставал *из мглы*, которой *климат* Не в силах дать, которой *зной* Прогнать не сможет никакой, Которой *ветры* не подымут И не рассеют никогда *Ни утро мая, ни страда . . .* В последнем сопоставлении речь идет о природе гениальности Пушкина. И несмотря на кажущуюся несопоставимость фрагментов, вполне улавливается общность поэтического взгляда на этот феномен. (Ср. соположение: *Стихия свободной стихии С свободной стихией стиха*, усиленное бинарностью целого ряда соположений: *два бога, два моря, два дня в двух мирах, два ландшафта, две древние драмы с двух сцен*; а также: *его роман* вставал *из мглы* и менее четкую, но все же бинарность контекстного окружения: *климат* → *зной*; *зной* → *ветер*; *утро мая* → *страда*). Здесь следует напомнить, что эта общность взгляда формируется и сквозной темой предка — «плоскогубого хамита», образ которого воплощен в сфинксе (см. эпиграф к данному циклу). Показательно, что именно данная тема получает одинаковое лексическое выражение в обоих стихотворениях: Что было *наследием кафров*? Что дал царскосельский лицей? → Еще не бывших дней жара Воображалась в мыслях *кафру . . .*».

Следует отметить, что остальные лексические совпадения в данных стихотворениях можно рассматривать как чисто формальные: Два бога прощались *до завтра* → В его устах звучало «*завтра*», как на устах иных «вчера»; Где грохот разостланных гроз . . . *Песок* осушает взасос → *Песком* сгущенный, Кровавился багровый вал; Сбегаются с *пеной у рта* . . . штормы → Дикий чашник Гремел ковшом, и через край Бежала *пена*; . . . Утопленникам, и седым Мосткам набивается *в уши* . . . пильзенский дым → И вихрь степной свистел *в ушах*. Так при художественном задании, сводящемся к расподоблению однотипных по содержанию стихотворений, проявляется стремление сбалансировать степень этого расподобления. Не будем больше продолжать сопоставительный анализ данных стихотворных вариаций, поскольку оказывается возможным сформулировать представление о характере их вариативности — при общности исходных образных ассоциаций, заданных «Темой. . .», при единстве художественного метода и тематического содержания обнаруживается вариативность формы выражения однотипного содержания. Как уже отмечалось выше, такой тип вариативности вполне сопоставим с общими принципами подачи художественного материала, которые легко уподобить приемам организации синонимических рядов (отличающихся формой выражения при одинаковости содержания).

Сделаем некоторые выводы.

I. Мы рассмотрели три типа вариативности на уровне законченных стихотворных текстов: 1) при стабильности художественного метода и ассоциативно-образного строя произведений изменчивость (вариативность) тематического содержания (на примере произведений Тютчева); 2) при стабильности ассоциативно-образного строя и тематического содержания вариативность художественного метода (на примере произведений Блока); 3) при стабильности художественного метода, ассоциативно-образного строя, тематического содержания, вариативность формы его выражения (на примере из произведений Пастернака).

II. Характер вариативности стихотворений может быть связан с более общими принципами организации художественных текстов в идиостиле данного поэта. Поэтому изучение типов вариативности не только расширяет наши представления о данном явлении поэтической речи, но и намечает еще один параметр, касающийся общих закономерностей, определяющих идиостиль. Так накапливается «набор» конструктивных признаков, устанавливающих иерархию художественных средств как признаков определенного идиостиля, способных участвовать и в сопоставительном анализе художественных систем.

М. Ф. МУРЬЯНОВ

К СТРУКТУРЕ ОБРАЗА ПУШКИНСКОЙ ТАТЬЯНЫ

На образе главной героини «Евгения Онегина» учится мыслить каждый приступающий к изучению русской классики, умение изложить свои представления на эту тему входит в канон школьной грамоты. Но известно, сколь изменчив канон: мало общего есть в том, как трактовался интересующий нас образ сменяющимися поколениями. Изменения неизбежны и в будущем, каждая эпоха скажет о Пушкине свое слово. Вместе с тем существует филологическая необходимость знать больше об исходной точке движения, об отношении самого Пушкина к своей героине, знать также и то, что осталось невысказанным, но составляло внутренний мир творящего художника.

Итак, она звалась Татьяной. Это не ускользнуло от пытливого внимания тех, кто любит применять к поэзии методы точных наук: производились вычисления года, в котором Татьянин день, *веселый праздник именин*, падает на субботу, названную в пушкинском тексте; велись споры о причинах, почему не получается оптимального возраста именинницы, и о том, нужны ли такие вычисления (Тойбин 1979, с. 91).

Структура реального народного праздника имела в пушкинскую эпоху немаловажный, притом филологический, компонент,

пушкинистами не учитываемый: минейную службу дня. Церковнославянский канон св. Татьяне, входящий в эту службу, завершается тропарем: Запечатанный источникъ ѓа, заключенъ же шградъ, возложеніе честно и священо... Татїано проповѣдуемъ (Служебная Минея, 12 января).

Гимн интересен во многих отношениях. В годовом круге служебных Миней нет других случаев, чтобы святая величалась такими сравнениями. С другой стороны, как раз во время работы над «Евгением Онегиным», в 1825 г., из-под пера Пушкина вышло стихотворение:

Вертоград мой сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.

У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.

Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

Исследователи пушкинской лирики связывали стихотворение только с библейской Песнью песней. Связь эта достоверна, но одно дело — опора на Библию, имевшуюся вряд ли во многих дворянских библиотеках, да и то главным образом во французском переводе, а другое дело — причастность к служебной Минее, в которой свободно ориентировался любой сельский клирошанин. В ее доступности поэту, находившемуся в это время в с. Михайловском под духовным надзором святогорского игумена Ионы, который был им вполне доволен (Черейский 1975, с. 163), сомневаться не приходится. Византийский гимнограф, сочинивший канон св. Татьяне, сам воспользовался Песнью песней, но результат этого опосредования [1] — то, что в пушкинском стихотворении присутствует черта народности, как ее тогда понимали многие.

Статьи «Словаря языка Пушкина», в которые входит лексика стихотворения «Вертоград моей сестры» (в дальнейшем — ВМС),

[1] Здесь имеем редкий случай, когда печатная церковнославянская Минея, называя автором Игнатия, дает информацию, которой нет в дошедшей до нас греческой традиции. Древнейший славянский текст тропаря — в новгородской Минее XI—XII вв. (ЦГАДА, фонд 381, № 99, л. 36 об.). Полагали (Православная богословская энциклопедия 1904, с. 787—788), что автор канона — Игнатий Никейский (умер в 845 г.), однако сейчас это лицо вообще не считают гимнографом, речь может идти только об Игнатии, патриархе константинопольском (847—877 гг.) — скопце, сочинившем около 17 канонов и стихиры (Beck 1959, с. 512; Follieri 1966, с. 272).

не имеют вопросительных знаков, грамматические отношения между словами тоже вполне отчетливы. «Стихотворение не может иметь несколько смыслов, извлекаемых из одного и того же текста, сколькими бы значениями ни обладало каждое составляющее его слово» (Алексеев 1967, с. 63). Однако смысл ВМС доныне не определился, в чем можно удостовериться по досье этого стихотворения в Пушкинском кабинете Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Досье пусто, в нем есть отсылка на одну книгу самого общего характера, где «одному из шедевров так называемой «глубоко личной» пушкинской лирики» отведено несколько строк — к ним мы еще вернемся — и тут же нам «напомнили» стихотворение полным текстом (Мейлах 1962, с. 93—94).

Может быть, к пониманию ВМС ближе филологов подошли композиторы? А. С. Даргомыжский (1843), Ахиллес Алфераки (1892) и Лазарь Саминский (1909) написали романсы на этот текст (Иванов 1966, с. 291), в советское время к этому добавился романс Б. В. Карагичева. ВМС переводился на язык музыки, а перевод предполагает понимание оригинала. Композиторов отличала разносторонняя образованность: Алфераки окончил историко-филологический факультет Московского университета (поэтому только он не позволил себе править пушкинский текст), Саминский изучал математику и философию в Петербургском университете и впоследствии стал гебраистом, крупным мастером синагогальной музыки; Карагичев был профессором консерватории. Анализ их романсов относится к компетенции музыковедов, он все еще заставляет себя ждать. Но обратим внимание на другое пушкинское стихотворение по мотивам Песни песней — «В крови горит огонь желанья» (в дальнейшем — ВКГ). Оно известно как романс Глинки. Гениальный композитор проник в самую сущность пушкинской мысли, сказали бы мы, если бы не одно препятствие: музыку эту Глинка сочинил для текста другого автора [2], и лишь впоследствии «надел» на пушкинское стихотворение (Орлова 1978, с. 145). Две половины ВКГ выражают два противоположные состояния человеческой души (Виноградов 1941, с. 340; Мурьянов 1976, с. 208), но в романсе они представлены репризой одной и той же мелодии. Ясно пока одно: к одним и тем же стихам можно создать сколько угодно прекрасных мелодий, а к одной и той же мелодии — сколько угодно прекрасных стихов; единство словесной и музыкальной структур романса будет при этом только в метрической организации, в ритме, математического выявления которого совершенно недостаточно, чтобы считать произведение словесного искусства понятым. К тому же еще никто не объяснил, что же такое ритм.

---

[2] Стихотворение А. Я. Римского-Корсака «Всегда, везде со мною ты сопутницей моей незримой» (1838).

Непонятность ВМС обусловлена иносказательностью текста. «Словарь языка Пушкина» здесь мало что проясняет, потому что стихотворение это — вовсе не о том, о чем говорят его слова. Корень всех трудностей — сам текст древнееврейского оригинала Песни песней. Пушкин не ставил перед собой задачу точного перевода взятого отрывка (Песнь песней 4, 12—16), у него — жанр свободного «подражания», с использованием французского текста в качестве инструмента расшифровки ненадежного церковнославянского перевода. Но посмотрим, что было и что стало — например, с ветром.

После полного неожиданностями анализа «Экспрессема *ветер*. Очерк структуры» (Григорьев 1979, с. 153—175) понятие, которое иным читателям поэзии могло казаться почти пустым, выявило свою истинную содержательность, поразительный художественный потенциал. А между тем, автор предупредил, что его модель «опирается лишь на часть текстов советской поэзии и почти не учитывает всей предшествующей истории поэтического языка» (там же, с. 154). Его единственный пример из древнерусской литературы — *О ветре, ветрило!* из «Слова о полку Игореве», названный фактом безусловным. К этому можно было бы добавить факт далеко не безусловный — не подкрепленную доказательством конъектуру канонического текста, создавшую образ врозь развевающихся стягов, двух ветров на одном поле, напоминающий героям «Слова о полку Игореве» о вреде междоусобиц (Мурьянов 1979, с. 113). Такая смесь разнонаправленных ветров производит более убедительное впечатление в космогоническом мифе Лао-цзы, где из нее возникло мировое яйцо (Rech 1966, с. 14; Chün-i Tang 1973, с. 4—47), но последовательная смена направлений ветра в одной точке, действительно, находится у истоков поэтики ветра в старославянской письменности [3]. В Супрасльском сборнике XI в. читаем: въстани сѣвере и приди южє·провѣи градъ ми·да потекжтъ добрыа кона (Северьянов 1904, с. 349; Дурново 1926, с. 368). Это — библейская цитата, так выглядит стих 4, 16 Песни песней, в пушкинском претворении давший концовку ВМС:

Лишь повеет аквилон,
И закапают ароматы.

Аквилона нет ни в славянской традиции Песни песней, ни в ее греческом первоисточнике (Ἐξεγέρθητι, βορρᾶ, καὶ ἔρχου, νότε). Слово взято из французского текста: Retirez-vous, aquilon; venez, ô vent du midi! soufflez de toutes parts dans mon jardin, et que les parfums en découlent. Призыв к стихии повеять со всех

[3] Началом были входившие в кирилло-мефодиевский апракос стихи Ин 3, 7—8, где — что, впрочем, не бесспорно — πνεῦμα можно понимать как *ветер* (Doignon 1978, с. 345—353). «Это — слова изумительной простоты, глубины и поэтичности одновременно, самое прекрасное, что когда-либо сказали человеческие уста о символике ветра» (Rech 1966, с. 19—20).

сторон (soufflez de toutes parts), *роза ветров* — особенность французского текста, семитологически обоснованная: выражение *север — юг*, на иврите safon — teman, считается здесь синекдохой, pars pro toto, для ветров всех направлений, которые, когда дуют в свое время, благотворны для природы (Krinetzki 1964, с. 304). Пушкин предпочел синекдоху и даже сузил ее, назвав из всей розы ветров только один вектор — и ошибся в выборе. Не северный, а, наоборот, южный ветер обладает способностью усиливать благоухание цветов, только от него слезятся смолы экзотического сада (Enciclopedia della Bibbia 1971, с. 1123), подразумеваемые словосочетанием *закапают ароматы*, где замечателен своей выразительностью глагол, пушкинское новшество (в ряде древнерусских рукописей, начиная с Песни песней II половины XIII в. Библиотеки им. Ленина, собрание ОИДР, № 171— отрыгнуть ароматы). А что такое в поэзии северный ветер, объяснил Державин в строках на смерть Павла I:

Умолк рев норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд.

Правда, в древнеегипетской поэзии, с которой Песнь песней находится в преемственной связи, северный ветер — это утренняя свежесть, радость пробуждения (Krinetzki 1964, с. 174). Смысл розы ветров — в том, что «невеста хотела бы, если бы могла, призвать всю природу, чтобы ее благоухания целиком окутали милого» (там же; Bartina 1972, с. 337—342). Ветер дает цветочное опыление, он должен вдохнуть душу в новую жизнь — Аристотель отмечает существование поверья, по которому от северного ветра рождается мальчик, от мягкого южного ветра — девочка (Rech 1966, с. 15).

Но в ВМС — не невеста, и не *сестра моя невѣста*, как в церковнославянской Библии, а *сестра*, в значении, ничем не отличающемся от обычного, судя по тому, что оно не выделено «Словарем языка Пушкина». Семантически наличие *sue- 'свой, своя' в названии лица «всегда отражает брачный запрет по отношению к данному лицу» (Трубачев 1959, с. 66) [4]. Этот лексический выбор, сделанный наперекор как церковнославянскому, так и французскому текстам (ma soeur, mon épouse, est un jardin fermé, et une fontaine scellée), гасит эротический жар подлинника и заставляет вернуться к теме ветра. Действительно ли Пушкин ошибся в выборе направления ветра или же ему понадобился северный холод — с тем, чтобы подчеркнуть целомудренную чистоту стихотворения? Такую, какая присуща тропарю канона и онегинскому ответу:

Я вас люблю любовью брата.

[4] В Песни песней здесь усматривают отражение обычая фараонов жениться на своих сестрах (Krinetzki 1965, с. 303), это же ощутимо в любовной лирике Древнего Египта (White 1975/76).

Цветущая флора как иносказание для поры любви — общее место в мировом фольклоре, у многих поэтов. Эти образы живут поныне, связь времен зрима в шолоховской песне на свадьбе Григория Мелехова, где старейшиной был современник Пушкина — казак 1839 года присяги. Из песенного репертуара казачий хор выбрал, как и полагается, то, что точнее всего метит в предшествующую интимную биографию молодых:

Потерял, ух, растерял, ух,
Я свой голосочек.
Ой, по чужим садам летучи,
Горькую ягоду-калину клюючи.

Ботанические наименования меняются в широком диапазоне, от севера к югу. В «Плотницких рассказах» Василия Белова высшая степень восхищения выражена фразой *У Таньки, у той титечки, как белые репки*. Курдский поэт воспевает то же самое иначе:

Белоснежная грудь возлюбленной увенчана бутоном,
Сама возлюбленная подобна лавке, полной яблок, айвы и гранатов,
Когда же показываются апельсины,
То даже рассудительный суфий теряет разум
От радости наслаждения, посланного судьбой.

(Факи Тейран 1965, с. 39)

Взаимопонимание достижимо далеко не всегда: северянам не остается ничего другого, как принять на веру, что цветущие в ВМС

Нард, алой и киннамон

чрезвычайно приятны для обоняния, «раз это у Пушкина». Мы не имеем и иметь не можем представления ни о реальном качестве этих запахов, ни о нюансах интимного чувства, ими вызываемых, хотя все это важно в поэтике оригинала — там, где Песнь песней имела свое место в жизни, Sitz im Leben. Утрата реальной содержательности неизбежно придает любому антологическому стихотворению черты безжизненности, «научности» — как предельный случай, в нем могут появиться авторские подстрочные примечания. Или же возникают недоразумения, примером чего как раз может служить суждение Б. С. Мейлаха о ВМС. Приводим его целиком: «Первый сад уединенный, здесь все лишено движения и жизни. Создавая образ другого сада, оживленного чистым ключом, Пушкин использует все поэтические средства для того, чтобы воспроизвести великолепие движения, силу жизни. Кульминационные строки этого стихотворения — строки о бегущих водах. Убыстрением и перебоями ритма, звукописью воссоздается стремительность ручья» (Мейлах 1962, с. 94).

ВМС можно прочесть и так — если полностью игнорировать Песнь песней и традицию ее толкований. В этом смысле суждение Б. С. Мейлаха — готовый ответ школьного учителя озадаченному ученику средней успеваемости, случайно увидевшему внепрограммное стихотворение.

На самом же деле сад единый, азъ братъ моемъ, и братъ мой мнѣ (Песнь песней 6, 3), что «у сестры», то и «у меня». Запечатленность ключа не означает, что «все лишено движения и жизни», а символизирует девственность (Schmökel 1956, с. 103—105) и в литургической поэзии очень часто применяется к Деве Марии. Исходное значение образа — опечатанная крышка родника, закрывающая драгоценную влагу от загрязнений и противозаконного пользования посторонними (Buzy 1953, с. 131—132). С точки зрения так называемого здравого смысла есть основание отрицать правильность образа ВМС: что же это за ключ, который «не бежит» — такого не бывает, такой принципиально невозможен! Но в сакральной образности границы между возможным и невозможным проходят не там, где в физическом мире. Святыня неумопостигаема — в этом смысл сочетаемости несочетаемого, и можно только поражаться лаконичной точности, с какой Пушкин *своими словами* выразил понятие, далекое от его предшествовавших художественных интересов. *Ключ* в значении 'источник' встречается в текстах не ранее конца XIV в., этимологически оно неясно, в отличие от своего древнего омофона; для них «имеет смысл поставить вопрос об одинаковом происхождении» (Фасмер 1967, с. 258). Думается, что ход пушкинской мысли проложил путь не только к постановке, но и к разрешению вопроса: новое значение «источник» развилось в старом слове на почве многочисленных гимнодических парафраз, воспевающих сакральную девственность словами и образами стиха 4, 12 Песни песней.

Сад (в пушкинском тексте — высокий церковнославянизм *вертоград*) является символом рая, символом душевных состояний, соответствующих жизни в раю; в семантике этого понятия имеется доминанта женственности (Guhl 1972, с. 65—66). Так и у Пушкина в «Гавриилиаде»:

Благословить достойный вертоград,
Сей вертоград забытый, одинокой.

В пушкинскую эпоху бытовали русские свадебные песни с припевом *рай мой рай!* после каждого стиха (Киреевский 1911). Не следует торопиться с выводом об их церковности. Если в германских и романских языках для обозначения библейского рая утвердились слова, производные (через латынь) от греч. παράδεισος < иран. pairi-daeza 'огороженный, закрытый сад', то в старославянском языке такое же заимствование порода не прижилось, не сумело вытеснить дохристианское слово рай. Само понятие рая теологически достаточно расплывчато (в силу тех же

причин, по которым философы всегда затруднялись в дефиниции счастья), чтобы в нем с книжными представлениями византийской патристики мирно уживались реликты дохристианских верований. И даже сейчас, когда в структуре сознания нового человека нет места ни верованиям, ни знанию о былых верованиях, древнее слово способно задевать какие-то струны подсознания. Это зафиксировал Федор Абрамов (Пути-перепутья, 1973) в описании встречи своего героя с Раисой Клевакиной:

И вдруг все понял: да ведь это для него, болвана, надела она и праздничное красивое платье, и вплела алую ленту в волосы — кто же в таком наряде ищет корову в лесу!

— Рай, Рай, постой!

Он догнал ее уже у переходов, крепко обнял и тотчас же почувствовал увесистую пощечину.

— Рай, Рай...

А может, и в самом деле это его рай? — пришло ему в голову. Чем худа девка!

— Рай, Рай... — Он с радостью, с каким-то неведомым раньше наслаждением называл ее так. — Потерпи немножко. Вот развяжемся малость с полями, и я к тебе по всем правилам... Со сватами... Хочешь?

* * *

Тропарь канона Татьянина дня, заняв свое место среди гипотетически известных Пушкину литературных фактов, создает своим появлением новые сопредельности: оказываются имеющими отношение друг к другу ВМС и главная героиня «Евгения Онегина». После этого мы уже другими глазами смотрим на старую оценку этого образа, видим ее в правильном историческом контексте: «Пушкиным завещаны нравственные начала христианства в образе Татьяны, воплотившем все стремление русской природы и русской души к самоотречению» (Соловьев 1913, с. XIV—XV).

Сейчас полнее известны и творчество, и биография поэта. Целое стало обозримым, в серьезном отношении Пушкина к «вере внутренней» сомневаться не приходится (Алексеев 1972, с. 308). Но целое включает в себя и другие душевные движения, специфические для творческого акта. Отношение Пушкина к своей главной героине содержит нечто от комплекса Пигмалиона (Dörrie 1974) — это имя Татьяны проступает между строк интимного стихотворения по мотивам Песни песней. А в вычеркнутых частях IV главы «Евгения Онегина», писавшейся в 1824—1825 гг., читаем:

То вдруг я мрамор видел в ней
Перед мольбой Пигмалиона
Еще холодный и немой
Но вскоре жаркой и живой.

«Прелестная быль о Пигмалионе» была известна читающей России по Руссо (об этом Пушкин писал Гнедичу) и из первоисточника, «Метаморфоз» Овидия — одного из особенно любимых

Пушкиным античных авторов. Если «следовало бы тщательно собрать все реминисценции из поэмы «Метаморфозы», какие есть у Пушкина» (Вулих 1974, с. 75), то сюда должны войти и наблюдения над эфемерными структурами поэтических образов, как законченных, так и находящихся в процессе становления: черновик 1821 г. с неуверенными завершениями строк

И долго после, Гала‹тея›
Улыбку ‹нежную› лицо твое хранит›

и заключительная строфа «Евгения Онегина», с ее особенным очарованием жанра non finitum, где уверенная рука мастера поставила многоточие:

А та, с которой образован
Татьяны милый идеал. . .

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг. . .» Проблемы его изучения. Л., 1967.
Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972.
Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.
Вулих Н. В. Образ Овидия в творчестве Пушкина. — Временник Пушкинской комиссии 1972. Л., 1974.
Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.
Дурново Н. Н. К вопросу о древнейших переводах на старославянский язык библейских текстов. Супрасльская рукопись. — Известия ОРЯС АН СССР, т. 30. Л., 1926.
Иванов Г. К. Русская поэзия в отечественной музыке, вып. I. М., 1966.
Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.—Л., 1962.
Мурьянов М. Ф. Вопросы интерпретации антологической лирики (Стихотворение Пушкина «В крови горит огонь желанья»). — В кн.: Анализ литературного произведения. Л., 1976.
Мурьянов М. Ф. К семантическим закономерностям в лексике старославянского языка. — Вопросы языкознания, 1979, № 2.
Орлова А. А. Летопись жизни и творчества М. И. Глинки, ч. I. Л., 1978.
Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. I. Песни обрядовые. М., 1911.
Православная богословская энциклопедия, т. 5. СПб., 1904.
Северьянов С. Н. Супрасльская рукопись. СПб., 1904.
Словарь языка Пушкина, т. I—IV. М., 1956—1961.
Соловьев С. Цветник царевны. М., 1913.
Тойбин И. М. «Евгений Онегин»: поэзия и история. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IX. Л., 1979.
Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
Факи Тейран. Шейх Сан'ан. Критический текст, перевод, примечания и предисловие М. Б. Руденко. М., 1965.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. т. 2. М., 1967.
Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975.

Bartina S. Los cuatro vientos del Cantar y los cuatro ríos del Paraíso (Cant 4, 16). — Estudios Bíblicos, t. 31/3. Madrid, 1972.

Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959.
Buzy D. Le Cantique des Cantiques traduit et commenté. Paris, 1953.
Chän-i Tang. Cosmologies in ancient Chinese philosophy. N. Y., 1973.
Dörrie H. Pygmalion. Ein Impuls Ovids und seine Wirkungen bis in die Gegenwart. Opladen, 1974.
Doignon J. L'esprit souffle où il veut (Jean 3, 8) dans la plus ancienne tradition patristique latine. — Revue des Sciences Philosophiques et Théologiques, t. 62, № 3. Paris, 1978.
Enciclopedia della Bibbia, vol. 6. Torino, 1971.
Follieri H. Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae, vol. V, 1. Città del Vaticano, 1966.
Guhl M.-C. Les paradis ou la configuration mythique et archétypale du refuge. — Cahiers du Centre de Recherche sur l'Imaginaire. Circé. № 3. Chambery, 1972.
Krinetzki L. Das Hohe Lied. Kommentar zu Gestalt und Kerygma eines alttestamentlichen Liebesbuches. Dusseldorf, 1964.
Rech Ph. Inbild des Kosmos. Eine Symbolik der Schöpfung. 2. Bd. Salzburg, 1966.
Schmökel H. Heilige Hochzeit und Hoheslied. Wiesbaden, 1956.
White J. B. A study of the language of love in the Song of Songs and ancient Egyptian poetry. — Dissertation Abstracts International, vol. 36. Ann Arbor, 1975/76, № 6766.

www.ruslang.ru

О. В. ШУЛЬСКАЯ

ФУНКЦИИ ПАРОНИМИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ
(паронимические связи слова *дым* в русской поэзии)

Описание динамики слова в поэтической речи предполагает разные подходы к выявлению его художественной экспрессии. Рассмотрение слова по способам словопреобразования позволяет проследить усложнение его семантической структуры. Не менее важным моментом является анализ паронимических связей слова, расширяющих наше представление о потенциальных возможностях языковой единицы в поэтической речи.

Смысловые функции звуковых повторов и отчасти паронимии рассматривались, как правило, в изолированном контексте [1]. Паронимические связи отдельного слова оставались вне поля зрения исследователей. Данная работа имеет своей целью показать роль паронимии в жизни конкретного слова.

Эстетически значимые употребления слова *дым* (и производного от него — *дымок*), довольно часто встречающегося в поэзии, проанализированы нами в текстах 45 поэтов XIX и XX вв. [2]: И. Ан-

[1] См., например: *Невзглядова Е. В.* О звукосмысловых связях в поэзии. — Филол. науки, 1968, № 4; *Кожевникова В. В.* Словесная инструментовка. — В кн.: Слово и образ. М., 1964; *Гельгардт Р. Р.* О пенсической ассимиляции в связи с ложной этимологией. — Рус. яз. в школе, 1956, № 3; и др.
[2] См. *Шульская О. В.* Слово *дым* в русской поэзии.

ненский, П. Антокольский, Н. Асеев, Б. Ахмадулина, А. Ахматова, Э. Багрицкий, К. Бальмонт, Е. Баратынский, К. Батюшков, А. Блок, В. Брюсов, И. Бунин, Е. Винокуров, А. Вознесенский, М. Волошин, Е. Евтушенко, С. Есенин, Н. Заболоцкий, С. Кирсанов, Ю. Кузнецов, М. Лермонтов, О. Мандельштам, Л. Мартынов, Н. Матвеева, В. Маяковский, А. Межиров, С. Надсон, Н. Некрасов, Б. Пастернак, А. Плещеев, Я. Полонский, А. Прокофьев, А. Пушкин, Н. Рубцов, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, Я. Смеляков, А. Тарковский, А. Твардовский, А. Толстой, Ф. Тютчев, И. Уткин, А. Фет, М. Цветаева, В. Шефнер.

Структура экспрессемы [3] *дым* сложна и динамична. В нее входят как традиционно образные употребления, зафиксированные словарем, некоторые устойчивые обороты (например, *дым отечества*, *нет дыма без огня*), так и окказиональные значения, иногда непосредственно не связанные с семантикой слова. Анализ эстетически значимых употреблений существительного *дым* дает возможность говорить об усложнении семантической структуры слова как единицы стихотворного языка, об оживлении экспрессии этого традиционного в поэзии образа.

Известно, что одни и те же образы часто используются в той или иной поэтической школе, направлении, переходят от поэта к поэту. Для оживления образа актуализируются все факты языка, все поэтические приемы, в том числе сближение близкозвучных слов — паронимическая аттракция [4]. Семантика этого тропа более приглушенная нежели семантика метафоры или сравнения. Паронимия раскрывает свои возможности далеко не у всех поэтов, однако ее роль в конкретной жизни слова оказывается немаловажной.

Паронимические связи слова *дым* в поэзии могут быть разнообразными. Нетрудно найти в русском языке близкозвучные слова, содержащие согласные *д* и *м* в любой последовательности. Вспомним известные строки П. Антокольского, вызывающие определенный художественный эффект благодаря целому ряду паронимов: *Бездомен*, как *демон*, *бездымен*, как порох! *Ни дома*, *ни дыма*, *ни думы*, *ни дамы* . . .

Исследуемый нами материал показал, что в поэзии реализуются далеко не все возможности паронимического сближения со словом *дым*. Можно представить себе весь паронимический ряд и избираемые из него слова, мотивы сближения которых в тексте

---

[3] Слово как экспрессема поэтического языка «представляет собой культурно-историческую парадигму контекстов индивидуального (и прежде всего — литературно-художественного) употребления этого слова значимых для общества в некоторый момент (период, эпоху) его развития». — *Григорьев В. П.* Поэтика слова. М., 1979, с. 148.

[4] «Под паронимией (паронимической аттракцией) понимается сближение близкозвучных слов (разнокоренных), обладающих известной степенью сходства в плане выражения» (*Григорьев В. П.* Поэтика слова, с. 263).

не всегда поддаются определению — ведь ассоциации поэта, пусть даже трудноуловимые, могут связать благодаря паронимии очень далекие семантические сферы, как например, в строках В. Шефнера: Убегает с Евой *Адам* — *Дым* и пепел по их следам. Ср. пример из стихотворения М. Цветаевой: *Дымящие* — черным двойным жерлом Большие глаза *Адама*.

В нашем конкретном случае реализация «ассоциативного поля» с центром *дым* дает следующий ряд разнокорневых паронимов: *дым — подыматься — вздымать — дом — домашний — дума — дрема — дремотный — дама — демон — мед — миндаль — водоем — водомет — предмет — ведьма — неудержимый — нелюдимый — недвижимый — медленный — изумрудный — дурманить — дурманный — видимо-невидимо — Адам — Владимир — Мадрид — Надымы*.

В поэзии XIX в. слово *дым* включается лишь в звуковые повторы, пронизывающие одну или несколько строк и не затрагивающие семантики слова, а следовательно, не поднимающиеся до уровня паронимической аттракции: В Пальмире Севера, в жилище шумной славы, Державин Камские воспоминал дубравы, Отчизны *сладкий дым* и древний град отцов. (Батюшков); Ладана *сладостный дым* . . . (Пушкин); Камин чуть дышит. *Дым* из трубок в трубу уходит (Пушкин); Лес, как бы кадильным *дымом* Весь пропахнувший смолою, Дышит гнилью вековою И весною молодою (Полонский).

Явление семантизации звуковых повторов обнаруживается только в поэзии XX в. Паронимические связи слова *дым* со временем обогащаются. Круг слов, сближающихся по звуковому облику, увеличивается, становится разнообразнее по составу денотатов. Безусловно, этот факт связан прежде всего с поисками возможностей художественного слова. Паронимия используется поэтами уже как сознательный прием, характеризующийся усложнением и разнообразием функций [5].

Наиболее часто встречаются в художественных текстах случаи «поэтической этимологии» — сближение таких паронимических основ, как *дым — подымается — вздымая*. Со временем эта связь становится поэтической формулой: Делос! Ты престолом Феба Наг стоишь среди морей, *Воздымая* к солнцу — в небо *Дымы* черных алтарей (Волошин); Рассветает. И над кузницей *Подымается дымок* (Ахматова); Кто увидел *дым* голубоватый, *Подымающийся* над водой . . . (Багрицкий); Извергались вулканы. Их *дым* К небесам *подымался* седым (Мартынов); Греми ж, земля глухая, / заводов *дым вздымая* . . . (Асеев).

Аналогичные примеры можно было бы продолжить. Подобные «звукообразы» используются у многих поэтов как начала XX в., так и поэтов нашего времени. И все-таки, несмотря на фор-

[5] См.: *Григорьев В. П.* Поэтика слова, с. 251—283.

мульность, паронимическое сближение слов в стихотворной строке выводит нас из автоматизма восприятия, которое как бы задерживается на этих образах, обнаруживая в них новые смыслы. Недаром поэтическая речь определяется как «затрудненная, заторможенная» [6].

Часто художники слова стремятся оживить названную паронимическую формулу: О знаю *я*, что постепенно Твердь снова станет голубой, Студеная осядет пена И *дым подымет* хвост трубой (Мартынов); Пар *подымался*, словно *дым*, от гордых пальм тропических. . . (Кирсанов). В первом примере контекстом олицетворения в слове *дым* индуцируется сема со значением активного действия. Паронимия подкрепляет этот конкретный образ. Во втором случае традиционная связь близких по своей природе явлений (*пар* и *дым*) подчеркивается паронимией.

Сближение слов *дым* и *дом*, активно используемое поэтами, можно также рассматривать как формульное. Эта стереотипная связь, возникшая благодаря близости семантических сфер и фонетического облика слов, нередко оживляется в поэзии именно с целью преодоления формульности. Даже у Блока, поэзия которого далека от паронимических эффектов, мы находим отражение этой традиционной связи: Она узнала зыбь и *дымы*, Огни и мраки и *дома*. Позиция близкозвучных слов в стихе (концовка), а также соположение — включение в названную связь различных по своему характеру реалий — дает возможность говорить о минимальном семантическом сдвиге о вторичном значении, возникшем у паронимической пары (*дымы—дома*). Ср. формульное использование у Смелякова паронимических основ в той же стиховой позиции:

Он [товарищ] идет неколебимо
и смеется сам с собой,
мимо *дома*,
мимо *дыма*
над кирпичною трубой.

Как правило, дополнительные семантические связи между словом *дым* и близкозвучными словами возникают прежде всего в контекстах тех поэтов, которые часто используют паронимию как поэтический прием, или у тех художников слова, в поэзии которых *дым* выступает как значимое слово, как символ: Память о Вас — легким *дымком*, Синим *дымком* за моим окном. Память о Вас — тихим *домком*. Тихий *домок* — Ваш—под замком. Что за *дымок*? Что за *домок*? (Цветаева); Не *дым домашний* над поселком, Не скрип веселого крыльца. . . (Твардовский); Последний *дом*, последний *дым* / над ним / от инея седым (Слуцкий).

---

[6] *Шкловский В.* Искусство как прием. — Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919, с. 113.

Иногда соотносимые реалии (*дым—дом*) противопоставляются в контексте: Огни наших комнат За *дымом* войны не видны, Но тот, кого любят, Но тот, кого помнят, Как *дома* — и в *дыме* войны (Уткин).

Паронимическая связь *дым — дом* может углубляться путем расширения ряда близкозвучных слов. Паронимия поддерживает образ, взаимодействуя с метафорой: И *дом* высоко вздымается. в огнистых саманных остьях, Сквозь *дым* магарычной сивухи и лай молодого пса (Ю. Кузнецов); Мне хочется шагнуть через порог знакомый. . . В добротный запах *дома*, В *дымок* младенческого сна (Багрицкий). Во втором примере экспрессивно-смысловая значимость паронимов усиливается благодаря их позиции в стихе (стык — по терминологии О. М. Брика [7]), когда «стиховой ряд выделяет, интенсивирует свои границы», и «всякое подчеркивание этих границ является сильным семантическим средством выделения слов» [8]. Следует добавить, что пауза между строками акцентирует поэтическую значимость звуковых повторов.

В поэзии XX в. расширяется круг сопоставляемых с дымом реалий. Взаимодействуя с различными тропами, паронимия закрепляет новые элементы структуры слова. Благодаря паронимической аттракции в близкозвучных словах акцентируется общая сема: По долинам тонким *дымом* розовеет внизу *миндаль* (Волошин); Помню небо, зигзаги полета, Белый мрамор, под ним *водоем*, Помню *дым* от струи *водомета*, Весь изнизанный синим огнем (Анненский); Слетают багровые тучи, Взлетают лиловые *дымы*. *Предметы* легки и летучи Свистящи и неудержимы (Самойлов).

Традиционная ассоциативная связь дыма с понятиями, относящимися к семантическому комплексу «человек», поддерживается также паронимией. Мы имеем в виду нередко встречающееся в поэзии XX в. сближение слов *дым—дума—думать*. Функции паронимии здесь могут быть разнообразными. Данный прием подтверждает образ, созданный в генитивной метафоре: Неподвижно в кольца дыма Черной *думы* врезан *дым* (Анненский). Паронимия может самостоятельно рассчитывать на семантический эффект: Да и ты посеребрел, Спутник мой! К громам и *дымам*. К молодым сединам дел — *Дум* моих причти седины (Цветаева); *Думы* наши, / *дымы* кажутся седыми. . . (Кирсанов); Все стало непрочным, как *дым*, / и *думалось* горестно людям. . . (Асеев).

В некоторых контекстах функционально-смысловая нагрузка у названных паронимов оказывается минимальной, паронимия как бы подчинена звуковым повторам в строфе: Пусть день перевернет все кверху *дном*, / окурит *дымом* и зальет вином, / заста-

---

[7] *Брик О. М.* Звуковые повторы. — Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919, с. 83.

[8] *Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка, М., 1965, с. 94, 96.

вит *думать* о совсем ином (Евтушенко); Так *дым* войны с фабричным *дымом* Соединив, — *подумал* я, — Становится *непобедимой* Простая русская семья (Уткин).

Повторы близкозвучных слов, как правило, семантизированы, когда они подчеркивают какие-то общие признаки в значениях слов, расширяя наше представление о реалии: И встал, колыхаясь, над мглою ущелья Прозрачной весны *изумрудный дымок* (Багрицкий); Есть любовь, похожая на *дым*: Если тесно ей — она *дурманит*. . . (Анненский); Сирень бросает город в раж *дурманным дымом*, / штаны у памятников аж *вздымая* дыбом (Евтушенко). Два последних примера представляют собой случаи сопоставления словоформ, близких по своей семантике. Иногда тематическая обусловленность сближения слов связывается с их звуковым составом: . . . Золотое пламя ладоней, Жадных, пахнущих ацетоном, Жатвой, дынями, *дымом домен*. . . (Вознесенский).

Наибольший интерес представляют случаи, когда сближение паронимов, подсказывающее ход ассоциаций поэта, подкрепляет связь между далекими семантическими сферами: Табачный *дым* горчил, как *мед* Иль сон о санитарке (Ю. Кузнецов); Тому грядущему, быть ему Или не быть ему? Но медных макбетовских *ведьм* в *дыму* — *Видимо-невидимо*. . . (Пастернак): Когда же враг в Испанию ворвался, И черный *дым* затмил чело *Мадрида*. . . (Матвеева). В первом случае такие казалось бы несопоставимые реалии, как *дым* и *мед*, объединяются благодаря сравнению и фонетической характеристике слов. Между значениями слов *дым* и *мед* устанавливаются отношения паронимической синонимии. Интересно, что и обратный порядок следования консонантов в словах (*д-м*, *м-д*) как бы соотносится с взаимопроникновением смыслов — контрастные семы 'горький', 'сладкий' (ср. метафору *сладкий сон*) сосуществуют в словах *дым* и *мед*.

Во втором случае ассоциации поэта подчеркивает паронимия (*ведьм—дыму*), акцентируя в близкозвучных словах общую сему, поддерживаемую повторами в других основах: *медный-видимо-невидимо*.

Третий пример представляет собой также случай перестановки консонантов в близкозвучных словах (*дым—Мадрид*). Семантический эффект здесь усиливается в результате сближения нарицательного имени с собственным [9]. Образ в этом контексте, содержащем художественную мотивировку сближения слов, строится исключительно на паронимии. Поэзия Н. Матвеевой вообще дает немало интересных примеров паронимической аттракции. Слово *дым*, являющееся значимым у Матвеевой, включается в паронимические пары: Вижу *дым* паровозный над пашней, — *Недвижима* у *дыма* вершина.

[9] Ср. использование звуковой формы имени собственного у Л. Мартынова: Нет! Гляди хоть с неба звездного на огни Баку и Грозного, На Тюмени и *Надымы*, на горенья и на *дымы*.

Художественный эффект при сближении паронимов может усиливаться и благодаря позиции их в стихе. Непосредственное примыкание паронимических основ, как в вышеприведенном примере, способствует оживлению экспрессии. Известно, что на характере расположения близкозвучных слов строится и прием звукописи, когда «созвучные слова, следуя одно за другим, тем самым уже сливаются в одно созвучное целое» [10]. Ср. примеры, где паронимы используются в эпитетной конструкции: Булки фонарей, и на трубе, как филин, Потонувший в перьях, *нелюдимый дым* (Пастернак).

Факт семантической близости паронимов при дистантных повторах (если они не в позиции концовки или скрепа) обнаруживается лишь при внимательном прочтении, поэтому художники слова, стремясь подчеркнуть значимость близкозвучных слов, часто включают их в звуковой повтор во всей строфе: Джентельмены на запад смотрят зорко: Там *за дымом*, *за дождями*, *за Доками* — громадина Нью-Йорка (Антокольский).

Поэты нередко обращаются к одним и тем же «звукообразам», используя уже известный эмоциональный тон, или же с помощью различных приемов трансформируя образ: Но угасла та нежная *дрема*, Все истлело в *дыму* голубом (Есенин). Ср. употребление паронимов в эпитетной конструкции у А. Твардовского: Сухой пурги *дремотным дымом* Костлявый лес заволокло.

Паронимические основы могут повторяться в разных контекстах, но объем ассоциаций поэта и художественные функции паронимии не совпадают: Первые весенние туманы Расползались *медленно*, как *дым* (Бунин); Спит город. Из кратера *медленный дым* (Винокуров); Теперь Освенцим часто снится мне. . . Нехитрая промышленность дымит / навстречу нам поганым сладким *дымом* / и *медленным* полетом лебединым / остатки душ поганый дым томит (Слуцкий). В последнем примере ассоциации поэта более сложные. Паронимия включается здесь в звуковой повтор, организующий всю строфу и служащий аккомпонементом ходу авторской мысли.

Анализ паронимических связей слова *дым* показал, что данный прием не только взаимодействует со способами словопреобразования, поддерживая образ, но и закрепляет элементы структуры рассматриваемой экспрессемы. В ряде случаев художественный эффект возникает исключительно благодаря паронимической аттракции. Паронимическая коннотация входит в ряд других коннотаций, составляющих структуру экспрессемы *дым*.

Остановимся на некоторых случаях употребления слова *дым* в рифме, где оно встречается довольно часто, в основном в традиционной, реже — в диссонансной рифме.

---

[10] *Брик О. М.* Звуковые повторы, с. 79.

Как известно, эффект паронимии значительно слабее в этой позиции. Несмотря на поиски поэтов в области рифмы, «рубеж между рифмой и принципиально переосмысляемым в паронимии „аллитерационно-ассоциативным полем" все же сохраняется, поскольку и корневая рифма никак не компенсирует отсутствие в индивидуальной норме поэта фактов паронимии» [11].

Безусловно, паронимическая аттракция в позиции рифмы не представляет особого интереса при рассмотрении семантики паронимии как тропа или ее роли в идиостиле, однако при описании структуры экспрессемы конкретного слова и его паронимических связей мы не можем игнорировать эти случаи.

Рифмирующиеся паронимы в позиции семантически нагруженной рифмы в нашем конкретном случае встречаются прежде всего у тех поэтов, чья индивидуальная норма характеризуется сознательным использованием приема паронимии, а также частотой употребления и значимостью слова *дым*.

Устойчивая соотнесенность реалий *дым—дом* закрепляется и в рифме. Между этими словами в анализируемых контекстах устанавливаются отношения антонимии:

Смять готовых, что свято
В нашем отчем *дому*...
Все им снятся проклятым,
Наши нивы в *дыму*.

Не сынки у маменек
В помещечьем *дому*,
выросли мы в пламени,
в пороховом *дыму*.

(Прокофьев)

Рифма может подчеркивать экспрессивно-смысловую значимость паронимических основ, когда они входят в контекст метафоры или сравнения:

Превыше крестов и труб
Крещенный в огне и *дыме*,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках *Владимир*!

(Цветаева)

Небо, которое *нелюдимо*,
вечер в мелкую звездь оковал,
и две полосы уходящего *дыма*,
как два раскинутые рукава.

(Асеев)

В примере из стихотворения М. Цветаевой семантическая значимость рифмы *дыме—Владимир* создается включением в паронимическую пару имени собственного. Благодаря образной мотивировке такого сближения у паронимических основ акцентируется общая сема. Безусловно, представление о структуре экспрессемы *дым* будет неполным, если мы исключим из эстетически значимых употреблений подобный пример.

Во втором случае рифма также семантизирована. Она развивает уже известные ассоциации. Ср. значение одушевленности,

[11] *Григорьев В. П.* Паронимическая аттракция в русской поэзии XX века. — Сб. докладов и сообщений лингвистического общества. Калинин, 1975, с. 148.

возникшее у слова *дым* в метафоре и подкрепленное паронимией: Потонувший в перьях *нелюдимый дым* (Пастернак).

Прочность рифменных связей не мешает поэтам разнообразить художественный эффект. В ряде контекстов функция рифмы *дым — нелюдим* — семантическая поддержка образа, темы:

Вот он, древний, родной и великий
В эту зимнюю ночь *нелюдим*!
Над трубою фабричною лихо,
По-гусарски закрученный *дым*.

(Утын)

Товарищ уходит черным *дымом*;
А был веселым, светлым дымком,
И только после стал *нелюдимым*
Серым от седины стариком.

(Слуцкий)

Интересный случай рифмы мы встретили у Асеева:

Потемнели *звезды*,
Небеса пусты,
Над ущельем *рос дым*,
Зашуршали кусты.

Диссонансная рифма построена здесь на повторе согласных *зд* в слове *звезды* и основе, образованной фонетической позицией — озвончение *с* — [*рóздым*].

Обращает на себя внимание устойчивая в поэзии XX в. традиционная рифма *дым — молодым*. Она связана с различными ассоциациями, развиваемыми контекстом. Так, в поэзии И. Анненского эта рифма, безусловно, значима. В словах *дым* и *молодой* наблюдается взаимопроникновение смыслов, тем более, что за этим употреблением стоит традиция уподобления юности, проходящей жизни — дыму. Например, у Пушкина: *Когда же юность легким дымом Умчит веселья юных дней, Тогда у старости отымем Все, что отымется у ней*. Отталкиваясь от этой традиции, используя позицию рифмы, Анненский (у него мы находим и случай внутренней рифмы), семантически сближает слова *дым* и *молодой*, связывая данные явления определенной ассоциацией:

Есть любовь, похожая на *дым*:
Если тесно ей — она дурманит,
Дай ей волю — и ее не станет...
Быть как дым, — но вечно *молодым*.

Я хотел бы любить облака
На заре... Но мне горек их *дым*:
Так неволя тогда мне тяжка,
Так я помню, что был *молодым*,

Нам — упреки, нам — усталость,
А оно пройдет как *дым*,
Пережито, но осталось
На портрете *молодым*.

Есенин повторяет эту рифму:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь *дым*.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше *молодым*.

В поэзии, отражающей эпоху гражданской войны, в символике слова *дым* проявляется новое значение, включающее его в семантическое поле «романтическое, героическое» (см. употребления этого слова у Э. Багрицкого, И. Уткина). Дым и молодость соотносятся здесь семантически. В такой связи мы и воспринимаем рифму *дым — молодым*:

И орден
Пылал у него [солдата] на груди.
А очи — как дым!
А сердце — как дым!
Как радостно жизнь уберечь молодым!

Ту же рифму и случаи ее семантизации мы находим у Б. Слуцкого, Е. Винокурова:

Еду я в эти годы —
Годы пара и *дыма*
И паровозов гордых
С бригадами *молодыми*
(Слуцкий)

Что мне делать в этом страшном мире?
Обобщения легки, как *дым*,
Но оттянут мышцы, слово гири.
Предоставим это *молодым*.
(Слуцкий)

Нам бы точку опоры!
Но где ж ее взять *молодым*.
Дым и споры и споры.
Все споры и споры и. . . *дым*.
(Винокуров)

Анализ паронимических связей слова *дым* дает возможность выявить функции паронимии в обогащении семантики слова. Паронимические коннотации, появляющиеся у близкозвучных слов как при непосредственном их примыкании, так и в дистантных повторах, в позиции рифмы, расширяют круг окказиональных значений, входящих в структуру рассматриваемой экспрессемы. Описание более широких ассоциативных полей паронимов позволит углубить наше представление о месте изучаемого тропа в системе художественных приемов.

Е. Ю. КУКУШКИНА

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО И СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОВТОРА В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

Давно установлено, что наиболее существенным композиционным признаком лирики А. Блока и некоторых других русских поэтов-романтиков является кольцев е строение стихотворения [1]. Кольцевая композиция находит внешнее выражение в первую очередь в повторе обладающих значением элемент в текста — лексических и грамматических (синтаксических).

Основу кольца стихотворения составляет лексический повтор Он в большей мере, чем синтаксический и чисто семантический повторы, доступен непосредственному читательскому восприятию. Лексический повтор всегда включает повторение некоторых грамматических значений (например, повтор существительного предполагает повторение грамматического значения рода). Такой «автоматический» синтаксический повтор, по-видимому, лишен стилистического значения. Но кроме этого, лексический повтор часто сопровождается повторением тех или иных факультативных особенностей включающего его предложения или стиха. Синтаксический параллелизм или другие типы повторений грамматических элементов текста подчеркивают лексический повтор. «Грамматические повторы выводят определенные грамматические элементы текста из состояния языковой автоматизации: они начинают привлекать внимание, — пишет Ю. М. Лотман. — Выделенные грамматические элементы с неизбежностью семантизируются» [2].

Настоящая работа посвящена рассмотрению различных типов взаимодействия лексических и синтаксических элементов в кольце стихотворения на материале лирики А. Блока.

Общая классификация основных типов внешнего кольца, характерных для русского лирического стихотворения, написанного четырехстрочными строфами с перекрестной рифмовкой, дана в указанной работе В. М. Жирмунского. В ней выделены следующие основные типы кольца стихотворения:

1) кольцо с опорой на точный или вариативный повтор строфы;

2) кольцо, опирающееся на точный или вариативный повтор хотя бы одной из строк начальной строфы; при этом минимумом близости двух строк считается их совпадение в рифмующей части и их ритмико-синтаксическое сходство;

3) «словесное» кольцо, опирающееся на повторение небольших лексических групп и зачаточные формы параллелизма;

[1] См.: *Жирмунский В. М.* Композиция лирических стихотворений. Пг., 1921 (перепечатано в кн.: *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975). *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970, с. 198.

4) «тематическое» кольцо, опирающееся на повторение хотя бы одного слова или понятия.

Предлагаемая Жирмунским классификация располагает типы кольца стихотворения по мере убывания степени внешней выраженности кольцевого строения. Развитые формы синтаксического повтора, параллелизм ритмико-синтаксических групп характерны только для двух первых типов кольца. Однако и другие типы кольца опираются не только на «словесный», лексический повтор, но и на синтаксическое взаимодействие начальной и конечной частей стихотворения. Это мы пытаемся показать ниже.

Точное совпадение начальной и конечной строф в лирике А. Блока встречается редко (см., например, стихотворение «Я вышел в ночь — узнать, понять. . .» (1, 215—216) или приводимый Жирмунским пример — стихотворение «Ночь на Новый год» (1, 154)[3]. Даже точный повтор одного из двустиший обрамляющих строф использован Блоком лишь несколько раз (см., в частности, «Люблю высокие соборы. . .» (1, 187) и «В синем небе, в темной глуби. . .» (2, 121—122). Вариативный повтор строфы наиболее характерен для лирики первого тома. Такой повтор предполагает значительное совпадение лексического состава строф, связанных повтором. Варьирование касается в первую очередь синтаксических элементов строфы. При этом без изменения остаются целые словесные блоки, синтаксические группы. Изменяться может модальность, например, утверждение в одной из обрамляющих строф, вопрос — в другой:

Жизнь медленная шла, как старая гадалка,
Таинственно шепча забытые слова.
Вздыхал о чем-то я, *чего-то было жалко,*
Какою-то мечтой горела голова.
<. . .>
Весна, весна! Скажи, *чего мне жалко?*
Какой мечтой пылает голова?
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова.

(1, 178)

Ср. также: *Ты ли, подруга желанная, / Всходишь ко мне на крыльцо? — С ними подруга желанная / Всходит ко мне на крыльцо!* (1, 127).

Другой тип вариативного повтора строфы — повтор с изменением характера связи между предложениями, например:

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.

[3] Материал приводится по изданию: *Блок А. А.* Собрание сочинений в 8-ми томах. М.—Л., 1960—1963 (в скобках вначале указан том, затем — страницы).

Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.
<. . .>
И больней душе мятежной,
Но ясней миры.
Это бог лазурный, нежный,
Шлет свои дары.

(1, 83)

Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчаньи
<. . .>
Все жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье. . .

(1, 108)

Мы странствовали с Ним по городам.
Из окон люди сонные смотрели.
Я шел вперед; а позади — Он Сам,
Всепроникающий и близкий к цели.
<. . .>
Нас видели по черным городам,
И, сонные, доверчиво смотрели:
Я шел вперед; но позади — Он Сам,
Подобный мне. Но — близкий к цели.

(1, 176)

Там открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, — и снова тьма бродила.
<. . .>
Вдруг открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, и снова тьма бродила.

(1, 192)

В последнем примере об изменении характера связи между предложениями сигнализирует только изменение пунктуации. Отметим стихотворение «День проходил, как всегда. . .» (3, 50—52), в котором конечные строки отличаются от начальных синтаксически тем, что не образуют независимого предложения, а входят в состав более развернутого сложноподчиненного предложения в качестве придаточного. Графическое выделение конечных строк, лексически тождественных начальным, является зримым выражением той глубокой разницы в значении внешне тождественных фрагментов, которая определяется их разным положением в составе стихотворения и о которой писал Жирмунский.

Минимально изменяется лексический состав строфы при замене подлежащего или дополнения, выраженного существительным, на личное местоимение второго лица. При этом существи-

тельное сохраняется, приобретая синтаксическую функцию обращения:

В моей душе открылись письмена.
Я их таю — в селеньях, на распутьях. . .
‹. . .›
Я вас открыл, святые письмена.
Я вас храню с улыбкой на распутьях.
(1, 217)

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почиешь, Русь.
‹. . .›
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь.
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.
(2, 106—107)

Ср. также пример из поздней лирики:

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.
‹. . .›

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?
(3, 279—280)

Характерным приемом синтаксического варьирования является перераспределение синтаксических связей между повторяющимися лексемами или группами. См., например, начальное и конечное двустишия приведенного выше стихотворения «Жизнь медленная шла, как старая гадалка. . .» и такие примеры:

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней младые были
Пришли доверчиво из тьмы. . .
‹. . .›

О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставали сны! . .
(1, 75)

Свет в окошке шатался,
В полумраке — один —
У подъезда шептался
С темнотой арлекин.
‹. . .›
Восхищенью не веря,
С темнотою — один —

У задумчивой двери
Хохотал арлекин.
(1, 210)

Различные варианты кольца стихотворения, опирающегося на повтор хотя бы одной строки, предполагают, как уже сказано, наличие ритмических, песенных повторений, связанных с параллелизмом ритмико-синтаксических групп. Этот тип кольца устойчиво сохраняется на протяжении всего творчества Блока, но в целом он более характерен для ранней лирики. Варианты такого кольца чрезвычайно разнообразны. Одним из основных вариантов является кольцо с опорой на точный или вариативный повтор одной строки. Дополнительным элементом кольцевой структуры часто является совпадение второй пары рифм:

Нет конца лесным тропинкам.
Только встретить до звезды
Чуть заметные следы. . .
Внемлет слух лесным былинкам.
<. . .>
Не замечу ль по былинкам
Потаенного следа. . .
Вот она — зажглась звезда!
Нет конца лесным тропинкам.
(1, 124)

Строки, на которые опирается кольцо стихотворения, могут варьировать как в лексическом, так и в синтаксическом отношении. При лексическом варьировании синтаксическая структура соотнесенных строк тождественна или очень близка:

Неотступный, изумрудный
На него смеялся глаз.
<. . .>
И внимательный, и чудный
Тайный глаз следил за ним.
(1, 226)

Лексические фрагменты, различающие синтаксически близкие строки, могут быть семантически связаны, например, синонимичны: Под крышей медленно *зажигалось* окно — Под крышей медленно *загоралось* окно (1, 248), Но растут *великие* крыла — Но растут *всемощные* крыла (1, 161), Потеха! *Рокочет* труба — И вновь *завывает* труба (2, 66); или противоположны по смыслу: *Наутро* ввысь пущу мои крики, / Как *белых* птиц на встречу Царя — *До утра* — без солнца — пущу мои крики. / Как *черных* птиц, на встречу Христа (1, 259), Где-то *светло* и глубоко — Робко, *темно* и глубоко (1, 76), *Жду* — внезапно отво́рится дверь — Смутно *помню* — отво́рится дверь (1, 149), Его *встречали* повсюду — Однажды его *проводили* (1, 235), *Ночь* — как

ночь, и улица пустынна — *День* — как *день*; ведь решена задача (3, 68).

Особый интерес представляют случаи возникновения семантической соотнесенности двух лексических фрагментов в тождественных или близких контекстах. Такая соотнесенность может иметь различный характер. Это может быть противопоставление персонажей (*Девушка пела* в церковном хоре / О всех усталых в чужом краю — Причастный тайнам, — *плакал ребенок* / О том, что никто не придет назад (2, 79)); противопоставление двух типов отношения лирического героя к «адресату» стихотворения (О, если б знали вы, *друзья*, / Холод и мрак грядущих дней! — О, если б знали, *дети*, вы, / Холод и мрак грядущих дней! (3, 62—63)); противопоставление описательного, пейзажного фрагмента символическому:

Мы всюду. Мы нигде. Идем,
И зимний ветер нам навстречу.
В церквах и в сумерки и днем
Поет и задувает свечи.
<. . .>
Я знаю всё. Но мы — вдвоем.
Теперь не может быть и речи,
Что не одни мы здесь идем,
Что Кто-то задувает свечи.

(1, 247)

При другом типе варьирования лексический состав соотнесенных фрагментов остается почти неизменным, а синтаксис меняется. Здесь возможны самые различные соотношения синтаксических структур. Кольцо может быть образовано парами: утвердительное—отрицательное предложение, утвердительное—повелительное предложение, утвердительное—восклицательное предложение:

Не легли *еще тени вечерние*,
А луна уж блестит на воде.
<. . .>
И теперь лишь, как *тени вечерние*
Начинают ложиться смелей,
Возникают на миг суевернее
Вдохновенья обманутых дней.

(1, 29)

Кто-то шепчет и смеется
Сквозь лазоревый туман.
<. . .>
Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон

(1, 89)

Но, боже! как тяжко внимать
Чужой нарастающей страсти!
<. . .>
Теперь я внимаю чужой
И всё нарастающей страсти.

(1, 131)

«Словесное» кольцо стихотворения, опирающееся на повторение небольшой группы слов, в лирике Блока часто также сопровождается различными типами синтаксического повтора. Целый ряд разнообразных синтаксических средств позволяет подчеркнуть, выделить лексический повтор и установить тем самым связь между началом и концом текста. Повторяется обычно синтаксически связанная группа (например, пара) лексем:

Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда.
<. . .>
Все пребывало. Движенья, страданья —
Не было. *Лошадь храпела* навек.
И на узде в напряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек.

(1, 310)

Совершенно другой стилистический эффект, эффект «ускользающего сходства» возникает при наличии в обрамляющих строфах изолированных лексических повторов:

Сонный вздох онемелой волны
Дышит с *моря*, где *серый* маяк
Указал морякам быстрины,
Растрепал у поднебесья флаг.
<. . .>
Там поют среди *серых* камней
В отголосках причудливых пен —
Переплески далеких *морей*,
Голоса корабельных сирен.

(2, 39)

Особенно отчетливая связь через лексический повтор образуется в том случае, когда повторяющаяся группа занимает маркированное положение — в начале или в конце строки:

Волновать меня снова и снова —
В этом тайная *воля твоя*,
Радость ждет сокровенного слова,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.
<. . .>
И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где *воля твоя*.

(2, 24—25)

Широко распространены и разнообразны другие соотношения между повторяющимися лексемами. При сохранении самого факта синтаксической связанности двух словоформ может изменяться порядок слов (Белой ночью *месяц красный — Красный месяц*, тихий шум (1, 90)). Может измениться направление и характер

синтаксической связи между повторяющимися лексемами, их словообразовательный тип и принадлежность к определенной части речи [4], а также тип синтаксической группы в целом. Ниже приводится ряд примеров, демонстрирующих разнообразие используемых возможностей: Я вырезал *посох из дуба* — И бедный *дубовый посох* (1, 273), *В* недвижном *томлении лес* — И *лес истомленный* вокруг (1, 37), *Зеленею*, таинственный *клен* — Я с тобой, *зеленеющий клен* (1, 207), В соседнем доме *окна желты* — А в *желтых окнах* засмеются (1, 302), *Днем вершу* я *дела* суеты — *Завершая дневные дела* (1, 186), Объемлет сирый дух *бессилие труда*, / *Тоскующий покой*, какая-то утрата — И сам *покой тосклив*, и нас к земле гнетет / *Бессильный труд*, безвестная утрата (1, 31), В те *ночи светлые, пустые* — Так, в *светлоте ночной пустыни* (2, 266), И *трубный ангел* в высоте — Замолкли *ангельские трубы* (3, 71).

Повторение в кольце стихотворения отдельной лексемы также может сопровождаться стилистически значимым повтором синтаксических элементов текста. Прежде всего это касается лексического повтора с сохранением синтаксической функции повторяющегося слова: В тихий терем, *дитя*, постучись — Начертала Я Имя, *дитя* (1, 213). Этот тип лексического повтора чрезвычайно распространен на протяжении всего творчества Блока. Наиболее отчетливое внешнее выражение лексический повтор с сохранением синтаксической функции находит в том случае, когда одинаковую функцию в двух контекстах имеет лексема с одной и той же морфологической формой и занимающая одно и то же место в строке:

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.
‹. . .›
Сын не забыл родную мать.
Сын воротился умирать.
(2, 108—109)

Однако сохранение синтаксической функции не всегда предполагает одинаковость морфологической формы. Форма зависимого слова может измениться при варьировании главного слова синтагмы: Вспомнили дети *о снах вчерашних* — Ты *к вчерашнему сну* никогда не вернешься (2, 80). Повторяющийся в кольце стихотворения глагол-сказуемое также может изменять свои характеристики. Наиболее типичен повтор с изменением модальности. Построение кольца при помощи соотнесенных предложений с разной модальностью характерно как для ранней лирики, так и для лирики третьего тома. В ранней лирике такое кольцо обычно опирается

[4] В этом случае повтор лексемы превращается в семантической повтор, связывающий однокоренные слова.

на развернутый лексический и синтаксический повтор (примеры см. выше). Для лирики третьего тома более типичен повтор отдельного глагольного слова:

О, как *смеялись* вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!
‹. . .›
Так *смейтесь*, и не верьте нам,
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят соки. . .

(3, 90)

Ср. также: Ты нам *грозишь* последним часом, / Из синей вечности звезда! — *Грозись*, *грозись* над головою, / Звезды ужасной красота! (3, 135); И *стало дивно* на мосту / *Смотреть* в такую глубину — *Смотри*, какие быстрины (3, 158).

Одиночный лексический повтор может быть усилен включением в однотипные синтаксические контексты, иногда содержащие семантически соотнесенную лексику (ср. выше один из типов кольца, опирающегося на повтор строки): *Сбылось пророчество мое — Сбывались вещие слова* (1, 82), *Розоватый приветствовать день — Голубые приветствовать земли* (1, 300), *Есть в напевах твоих сокровенных / Роковая о гибели весть — И была роковая отрада / В попираньи заветных святынь* (3, 7—8). Наконец, лексический повтор может сопровождаться усилительными наречиями или частицами, устанавливающими связь между начальным и конечным употреблением повторяющейся лексемы: *Я стоял* один у дверей — *Так стоял* один без тревоги (1, 205), *Оставь* меня в моей дали — *Оставь же* парус воли буриой (2, 78). *Так.* Неизменно всё, как было — *И так же* вечен я и мирен (2, 85).

Проведенный анализ материала показывает, что кольцо стихотворения, опирающееся на лексический повтор, в своих основных разновидностях может сопровождаться различными типами стилистически значимого синтаксического повтора. Предположительно можно говорить о следующей закономерности: чем больше совокупность грамматических элементов значения, образующих повтор, тем повтор стилистически значимее. При этом бо́льшую значимость имеет повторение грамматических элементов значения, переменных для данной лексемы (например, повтор значения падежа существительного значимее, чем повтор значения рода). Сочетание лексического повтора с синтаксическим активизирует, подчеркивает повтор, делает более отчетливой связь между началом и концом текста. В ранней лирике Блока эта связь носит характер истинного, синонимического повтора — первоначальный мотив возвращается в неизменном виде или символизируется. Такому типу внутреннего развития темы соответствуют развернутые формы лексического повтора, сопровождаемого развитым синтаксическим параллелизмом. Для поздней лирики Блока характерны противопоставление, контраст между первоначальным

вариантом темы и финалом стихотворения. Такое смысловое соотношение часто воплощается в свернутом лексическом повторе, резко подчеркнутом синтаксическими средствами. Лексический повтор, слабо подчеркнутый синтаксически, является скрытым, «ускользающим». Он наиболее типичен для лирики второго тома.

Л. В. КНОРИНА

ГРАММАТИКА И НОРМА В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (на материале поэзии Б. Л. Пастернака)

А слава — почвенная тяга.
О, если б я прямей возник!
Но пусть и так, — не как бродяга,
Родным воюду в родной язык.
(Пастернак)

Поэзия — всегда отступление от обыденной языковой нормы. Но отступление, не вступающее в противоречие с системой языка в целом. Поэтические вольности касаются различных сторон языка — фонетики, акцентовки, словообразования, словоизменения, синтаксиса, семантической и лексической сочетаемости.

Исследователей поэтического творчества интересуют в первую очередь не собственно эти отступления, а их результат, т. е. эффект, достигнутый ими, их функция в поэтическом произведении, рассматриваемом как единое целое. С этой точки зрения больше изучены отступления в области словоупотребления и словообразования.

Фонетические и морфологические отступления дают гораздо меньше оснований для непосредственных выводов об их значимости и изучены сравнительно мало. О них иногда упоминается в грамматических исследованиях. Как правило, в таких случаях речь идет о большей свободе употребления в поэзии устаревших вариантов «для ритмических целей» или «как удобного средства версификации» (см. Булаховский 1954, Граудина 1976). Собственно говоря, в фонетике и морфологии речь и не может идти о явных отступлениях от нормы — в случае таких отступлений поэт попадает уже в область грамматических ошибок, несовместимых с системой языка. Пытаясь выйти за пределы прозаической фонетики, акцентовки или морфологии, поэт поневоле ограничивает себя сравнительно (например, со словоупотреблением) строгими и четкими рамками. Потому поэтические поиски в этих областях являются, возможно, более трудными. И, несмотря на то, что от них нельзя ждать «непосредственно эстетических откровений» (см. Григорьев 1979, с. 27), они безусловно интересны для поэтики. Тем более они интересны потому, что уже со времен Пушкина

так называемые поэтические вольности перестали служить техническим целям, превратившись в осознанный стилистический прием (см. Винокур 1941).

Для грамматистов же такие поэтические игры — неисчерпаемый материал. Только в поэзии грамматист может встретиться с реализацией вообще говоря гипотетической или затрудненной формы, с соседствующими вариантами различных эпох и стилей, с явлениями потенциальными, стоящими на грани нормы и ее нарушения.

И, безусловно, обе стороны (поэтика и грамматика) нуждаются в современном словаре-справочнике «вольностей», составленном по представительной поэтической выборке.

По такому словарю можно было бы судить и об индивидуальном грамматическом почерке поэта в сравнении с общим фоном, и о стилистической окрашенности различных грамматических форм, и о реализуемости потенциальных явлений. Но, насколько известно, такого словаря по русской поэзии не существует, и рассмотреть в одной статье грамматические особенности различных поэтов пока не представляется возможным.

Цель данной статьи — дать представление о грамматической широте и своеобразии одного поэта, оставляя при этом в стороне вопрос о собственно поэтических причинах и целях употребления соответствующих форм.

Выбор поэта — не случаен. Пастернака отличает особое отношение к грамматике, безупречное владение ею. Уже в начале творчества Пастернака обращала на себя внимание непогрешимость его грамматики при кажущемся пренебрежении к ней (см. Тынянов 1924). Кажется неслучайным, что сам Пастернак упоминает именно о грамматике, когда для сравнения нужно привести самое знакомое, самое привычное явление:

> Чего же я трушу? Ведь я, как грамматику,
> Бессонницу знаю. У нас с ней союз.

И не без оснований (через 20 лет) отмечает, что

> Все наклоненья и залоги
> Изжеваны до одного.

Такое проникновение в грамматику обуславливает невозможность случайных ошибок, неряшливости или безграмотности, вычурности или чрезмерной осторожности.

Оговоримся здесь, что нам представляется не вполне обоснованным мнение Ю. М. Лотмана о противопоставлении Пастернака Пушкину по отношению к нормам, «обеспечивающим правильность с точки зрения данного естественного языка» (по мнению Ю. М. Лотмана, эти нормы, выход за пределы которых у Пушкина запрещен, у Пастернака реализуются как «система нарушений» — см. Лотман 1969). И у Пушкина встречаются отступления от нормативной

грамматики его времени (см. Винокур 1937, Григорьев 1979, с. 70), и пастернаковские нарушения в целом не противоречат языковой норме.

Пастернак никогда не стремится к вызывающе непривычным формам. Его отступления от принятой нормы никогда не бросаются в глаза. Знаток грамматики, Пастернак всегда стремится к «правильному» заполнению обычно не заполняемых клеток грамматических таблиц, поэтому все его формы абсолютно органичны, и даже самые редкостные из них не бросаются в глаза. Более того, их трудно заметить даже при специальном прочтении.

В то же время отдельные грамматические явления иногда явно настолько занимали поэта сами по себе, что он подчинял им свой авторский замысел — т. е. соответствующие формы превращались как бы в героев поэтического произведения.

Но обратимся к фактам. Опишем границы нормы (в особенности в области словоизменения), какими они предстают по поэзии Пастернака. Мы отметим, главным образом, расхождения грамматики Пастернака с каждодневной грамматикой, случаи заполнения незаполняемых или редко заполняемых клеток парадигм, употребление вариантов архаичных, разговорных и просторечных, отношение Пастернака к неустойчивым клеткам, в которых допускается свободное варьирование.

1. СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1.1. Употребление 2-го родительного. В конце XIX—начале XX в. возможность употребления варианта родительного падежа существительных мужского рода на *-у* (*-ю*) ограничивается в основном партитивным значением для ряда вещественных и отвлеченных существительных и (в этой области) приобретает стилистическую окраску: формы на *-у* противопоставлены формам на *-а* как разговорные книжным. Для разговорной речи характерно также употребление форм на *-у* в составе устойчивых сочетаний (см. Плотникова—Робинсон 1964, Граудина 1968).

Пастернак употребляет формы на *-у* очень активно, что, как правило, придает соответствующим выражениям разговорную окраску: Еще по кровлям ездил снег. Еще Весна смеялась, вспенив *снегу* с солнцем (234) [1]; Я б разузнал, чем держится *без клею* Живая повесть на обрывках дней (212); Скромный дом, но рюмка *рому* (383); Зари не будет, а лавках *чаю* нет (333); Несись с небес, лишай деревья *весу* (552).

Такой же (разговорный) эффект производит и широкое употребление фразеологизмов, в которых форма на *-у* бывает как

[1] В скобках указаны страницы по изданию: *Пастернак Борис.* Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. М.—Л., Советский писатель, 1965.

единственно возможной: *нет сладу* (91), *до упаду* (131), *ни слуху, ни духу* (443) — так и факультативной [2]: *с налету* (74), *с полу* (168), *из лесу* (194), *с размаху* (333), *с перепою* (585), *нет отбою* (202), *с наскоку* (465), *с разгону* (437). Лишь один раз в устойчивом сочетании, допускающем различные формы, Пастернак использует форму на *-а*: Вот тут *с разбега* он и налетел на Сашку Бальца (322).

Зато формы на *-у* используются и в менее употребительных предложных сочетаниях: *без провесу* (326), *без торгу* (333), *от недосыпу* (318), *без отзыву* (502), *без исподу* (509), *до брезгу* (124), *до сипу* (362).

Интересно употребление формы на *-у* вне фразеологических сочетаний для слов, имеющих эту форму во фразеологизмах: Все, бывало, складывают: сказку о лисице, Рыбу пошвырявшей *с возу* (185); Колхозницы смеются *с возу* (453) (ср. с обычным употреблением этой формы в выражении *что с возу упало, то пропало*); По ним плывут, как спички, Сквозь холод ледохода Сады и электрички И не находят *броду* (89) (ср. *искать броду*).

Интересно употребление второго родительного в сочетании с необычным переносом ударения на предлог: А в саду, где из погреба, *сб льду*, Звезды благоуханно разахались . . . (128); *Дб снегу* гнулся (168).

Форма на *-а* употребляется Пастернаком в основном в значениях родительного падежа, вообще не допускающих вариативности форм: *снега* крутни (337), запах *укропа* (451).

В ранних произведениях встречается одновременное использование дублетных форм: *От жара* струились стручья . . . — и ниже — *От жару* грязен и наг (519); *Покою* нет и ночью . . . — и ниже — Нет *покоя* И ночью (531).

В одном случае (ранняя редакция), по-видимому, существенна перекличка с формой предложного падежа на *-у*:

> Сейчас, вспоминаю, стоял *на мосту*
> И видел, что видят немногие *с жёсту* (593).

В целом о форме родительного падежа на *-у* можно сказать, что в поэзии Пастернака границы ее употребления несколько расширены.

1.2. Употребление 2-го предложного. При возможности выбора Пастернак последовательно придерживается более разговорных форм на *-у*: захлебнувшийся *в спирту* (90), стоят *в грунту* из гумигута (201), мелькали *в свету* фонаря (467), на полевом *стану* (570).

Явное снижение стиля достигается в следующем случае: Как-то в сумерки Тифлиса Я зимой занес стопу. Пресловутую теплицу Лихорадило *в гриппу* (382).

Встречается профессиональное (или старомодное) употребление 2-го предложного (т. е. переноса ударения на окончание)

[2] Сведения о нормативности базируются в основном на Зализняк 1977, а также Граудина 1976 и Горбачевич 1973.

в раннем варианте: Я не плачу, я травлю и режу. Надо запечатлеть *на меди́* Эту жизнь, этот путь непроезжий, Этот дождь, этот сад впереди (703).

Явное обыгрывание вариативности форм предложного падежа в крайне насыщенном звуковыми играми стихотворении «Лето»:

И осень дотоле вопившая выпью,
Прочистила горло; и поняли мы,
Что мы *на пиру* в вековом прототипе —
На пире Платона во время чумы (355).

1.3. **Именительный множественного на *-а́* (*-я́*).** На первые десятилетия 20 века приходится приток форм множественного числа на *-а́* (для существительных мужского рода). В это время многие из таких форм могли употребляться без сниженной стилистической оценки (см. Сумкина 1968). Обилие соответствующих форм в поэзии Пастернака отражает тенденцию того времени: *флигеля́* (327, 653), *штемпеля́* (96), *невода́* (291), *ворота́* (549), но — *штабели* (417).

Встречаются и подчеркнуто разговорные формы: *волоса́* (154, 291, 301), *промысла́* (377), *боцмана́* (667).

Интересны формы, свойственные лишь узким профессиональным значениям соответствующих слов: Тогда-то, сбившись с перспективы, Мрачатся улиц *выхода́*, И бритве ветра тучи гриву Подбрасывает духота (206). И: Вечерние *выпуска́* Газет рвут нарасхват (229).

1.4. **Родительный множественного.** Нечеткость правил образования родительного множественного порождает массу вариантов и неопределенностей. У Пастернака можно найти несколько решений «трудных вопросов», например, *таёг* (339), *тахт* (346) и несколько необычных решений, например, *ремёсл* (461), *игол* (355) (но *игл* — 169, 231). Форма *игол* употреблена в уже упоминавшемся стихотворении «Лето», по-видимому, для гармонии с формой *иволог* (названной «поэтической» в Горбачевич 1973):

Пронзительных *иволог* крик и явленье
Китайкой и углем желтило стволы,
Но сосны не двигали *игол* от лени
И белкам и дятлам сдавали углы (355).

Еще несколько необычных форм: Революция, ты чудо, Наконец-то мы вдвоем. Ты виднее мне отсюда, Чем из творческих *ярём* (682 — журнальный вариант). И: Ты так играла эту роль, Как лепет *шлюз* — кормой (119).

А есть и обыгрывание вариантов: Возможно ль? Те вот ивы — Их гонят *с рельс* шлагбаумами — и чуть ниже: Нам изменяет память, И гонит *с рельсов* стрелочник (144)

2. ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В этом разделе представляют интерес отдельные редкие формы сравнительной степени: *площе* (121), *лише* (93).

Очень образны просторечные и старомодные формы: Хотя зарей чертополох, Стараясь выгнать тень *подлиньше*, Растягивал с трудом таким же Ее часы, как только мог (237); Во всем лесу один ручей, В овраге, полном благозвучья, Твердит то тише, то *звончей* Про этот небывалый случай (453); В нем точно проснулся дремавший Орфей. И что ж он задумал, другого *первей*? (289).

Вообще можно сказать, что Пастернак любит формы сравнительной степени и употребляет их очень часто. Строчки впечатляют не своеобразием форм, а необычной насыщенностью сравнительными прилагательными, причем чаще в более разговорной, редуцированной форме:

И чем наплыв у прорубн *громадней*,
И чем его растерянность *видней*,
И чем она *милей* и *ненаглядней*,
Тем ближе срок, и это дело дней (310).

Но, естественно, в этом изобилии играют все возможные варианты форм сравнительной степени: Их здравый смысл был *тяжелей* увечья, А путь *прямей* и *проще* тупика. И ниже: Но в целом мире не было людей *Забитее* при всей наружной спеси И участи *забытей* и *лютей*, Чем в этой цитадели мракобесья (323). Иногда эта игра форм подчеркнута: и чем *случайней*, тем *вернее* (65).

Интересно, что не менее часто Пастернак употребляет совсем уже не характерные для разговорного стиля краткие прилагательные; при этом также типичны характерные скопления:

Бездонный день — *огромен* и *пунцов*.
Поднос Шелони — *черен* и *свинцов* (147);
Еще *спутан* и *свеж* первопуток,
Еще *чуток* и *жуток*, как весть (245);
Был *чист* каток, и шест был *шаток*.

И ниже

Был *юн* матрос, а ветер — *юрок* (223).

3. ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Пастернак очень смело использует всю разветвленную глагольную парадигму, используя как редкие изолированные формы, так и нестандартные способы образования форм. Особенно разнообразны формы деепричастий, что неудивительно при их необыкновенном обилии — возникающем, по-видимому, в связи со стремлением избежать придаточных конструкций.

3.1. Деепричастия.

3.1.1. Деепричастия настоящего времени. Пастернак свободно образует деепричастия от глаголов, для которых соответствующие формы затруднены: *свища* (108), *плеща* (113), *блеща* (234). Иногда он выходит из трудного положения, употребляя фольклорные формы на *-учи* (*-ючи*), которые, однако, вовсе не выглядят нарочитыми: Душистою веткою *машучи* (122); Это вечер из пыли лепился и, *пышучи*, Целовал вас (154). Несколько более стилизованно эти формы выглядят, когда в их использовании нет никакой «морфологической необходимости»: Будто это бред с пера, Не *владеючи* собою, Брызнул окна запирать Саранчою по обоям (139) и: Льды раскричались *таючи* (588). На фоне таких форм совершенно не бросается в глаза несуществующая форма *баюча* (136).

3.1.2. Деепричастия прошедшего времени совершенного вида от основы настоящего времени. Лишь небольшая часть таких деепричастий (от нескольких корней) признается нормативной, например, *сочтя*, *выйдя*. Однако в разговорной речи варианты на *-а* (*-я*) достаточно распространены (см. Красильникова 1973). Для возвратных форм этот вариант может быть даже более предпочтителен в сравнении с «утяжеленным» аффиксом *-вшись*. У Пастернака варианты на *-а* и *-в* (и на *-ась* и *-вшись*) выступают совершенно равноправно: *поверя* (157) и *сверив* (182), *облапя* (159) и *облапив* (218), *пересиля* (319) и *осилив* (422), *сложа* (299), *сложась* (194) и *сложившись* (349), *запустя* (161) и *спустившись* (312), *схватясь* (291) и *охватив* (239). Для каждого типа образования можно привести еще несколько десятков примеров, причем между различными вариантами незаметно смысловой разницы, на которую указывается в Якобсон 1957.

Из более необычных представлены формы от глаголов на *-нуть*, вообще не имеющих деепричастий настоящего времени на *-я* (единственное исключение — форма *кляня*): рты колоколов *разиня* (299), И день вставал, *оплеснясь*, В помойной жаркой яме (186).

3.1.3. Деепричастия прошедшего времени от глаголов несовершенного вида. Образование таких деепричастий затруднений не вызывает, но они совершенно неупотребительны. Пастернак же употребляет их довольно свободно: Я помню, как плакала мать, *играв* их (98); Чтоб бежал с землей знакомств, *Видев* издали, с пути Гарь на солнце под замком, Гниль на веснах взаперти (140); Это круглое лето, *горев* в ярлыках По прудам (154); И день сгорал, давно остановив Часы и кровь, в мучительно великом Просторе долго, без конца *горев* На остриях скворешниц и дерев (196); Рвется с петель дверь, *целовав* Лед ее локтей (155); Кто весь край предугадал, встарь *пугавши* финна ими (221).

Иногда эти формы выступают как однородные (вместе с) деепричастиям совершенного вида: Прощальных слез не *осуша* И *плакав*

вечер целый (379); По стройкам *таскавшись* с толпою тряпичниц И клад этот где-то на свалках *сыскав* (191).

Интересно, что такие деепричастия Пастернак образует даже от приставочных глаголов несовершенного вида: Облака над заплаканным флоксом, *Обволакивав* даль, перетрафили (196); Где стали предсказаньем шкапа, Годами в форточку *вползав*, Гнилой декабрь и жуткий запад (216).

Один раз Пастернак образует такое деепричастие, не боясь омонимии с «нормальной» формой (образованной от того же глагола — но со значением совершенного вида): Но, *исходив* из ваших первых книг, Где крепли прозы пристальной крупицы, Он и во всех, как искры проводник, Событья былью заставляет биться (200).

Особое пристрастие к деепричастиям на *-в* от глаголов несовершенного вида проявилось в стихотворении «Образец», где в пределах одного четверостишия сосредоточены три столь редкие формы:

С тех рук *впивавши* ландыши,
На те глаза *дышав*,
Из ночи в ночь *валандавшись*,
Горя горит душа (121).

Как можно убедиться из вышеописанных примеров, Пастернак максимально использует возможности системы образования форм деепричастий, применяя имеющиеся способы образования форм даже к тем глаголам, от которых деепричастия вообще или по данному способу не образуются. Мир деепричастий у Пастернака обогащается крайне. К описанным уже явлениям нужно добавить, что Пастернак широко пользуется возможностью вариативного образования форм на *-в/-вши*: *схлынувши* (105) и *схлынув* (123), *вышедши* (154) и *вышед* (516), а также для разных основ: *поборовши* (333), *откупоривши* (189), *раздувши* (320), *открывши* (308), *завидевши* (102) и *испортив* (313), *потратив* (340), *выпятив* (319), *свесив* (310), *измучив* (90) и т. д.

Нередко Пастернак пользуется и заменой конечного *-сь* на *-ся*: *задохшися* (154), *двоясь* (193), *собравшися* (326), *откупаясь* (369), *впиваясь* (524). Об образовании деепричастий от глаголов на *-нуть* будет сказано ниже, в разделе, специально посвященном этим глаголам.

Как уже говорилось, это разнообразие форм связано с обильным употреблением деепричастий вообще, причем в пределах отдельных четверостиший они употребляются особенно массированно:

Чтоб прическу *ослабив*, и чайный и палый,
Зачаженный бутон *заколов* за кушак,
Провальсировать к славе, *шутя*, полушалок
Закусивши, как муку, и еле *дыша* (130).

3.2. Причастия.

3.2.1. Страдательные причастия настоящего времени. Как известно, лишь небольшая часть таких причастий достаточно употребительна (типа *читаемый*). Остальные причастия (на *-имый*) образуются с затруднением, употребляются редко и имеют возвышенно-архаический оттенок. Еще дальше отстоят от обыденного языка (но употребляются иногда в языке поэтическом) краткие страдательные причастия настоящего времени. В поэзии Пастернака нашлось место и для полных, и для кратких: Казалось, не люблю, — молюсь И не целую, — мимо Не век, не час плывет моллюск, Свеченьем счастья *тжимый* (152); В шалящую полночью площадь, В сплошавшую белую бездну *Незримому* ими — «Извозчик!» Низринуть с подъезда (84). Причем кратких форм не меньше, чем полных: Днем он *таим* поцелуем пропоиц (498); Как тихий Киев за окном, Который в зной лучей обернут, Который спит, не опочив, И сном *борим*, но не поборот (366) — в последнем примере эта редкая форма образована от не менее редкого и устарелого глагола.

Отметим также менее экзотические, но достаточно редкие краткие формы в причастных оборотах: *Напутствуем* вином в стаканах, Игрой печальною стекла, Я рос . . . (68); Снова, *приветствуем* экипажем, На броненосцы всходил и глох (291), Когда, ширью грудного излишка *Нагнетаем*, плывет небосклон? (498).

3.2.2. Страдательные причастия прошедшего времени. Не менее редкими являются страдательные причастия прошедшего времени, образованные от глаголов несовершенного вида, также встречающиеся у Пастернака: Лепит никем не *лепленный* бюст (123), Где с железа ночь согнал Каплей *копленный* сигнал (141).

Средоточие кратких форм подобных причастий находим в стихотворении «До всего этого была зима» (речь идет о снеге): Сколько раз он *рыт* и *бит*, Сколько им *Сыпан* зимами с копыт Кокаин! (118).

3.3. Формы повелительного наклонения. Пастернак использует несколько ненормативных (по типу своему разговорных) редуцированных форм повелительного наклонения: Расколышь же душу! Всю сегодня *выпень* (131); Дыши в грядущее, *теребь* И жги его (519); Так ночи летние, ничком Упав в овсы с мольбой: *исполнься* (179).

3.4. Формы инфинитива. Пастернак широко пользуется достаточно традиционным для поэзии усечением инфинитивов на *-сти*, *-зти*. Помимо часто встречающегося (с различными приставками) глагола *цвесть* (376, 196, 358), встречаются *блюсть* (543), *месть* (111), *бресть* (153), *вывезть* (328), *трясть* (186) и *вытрясть* (360), *сгресть* (153), *унесть* (98), *пронесть* (100), *снесть* (212) и *разнесть* (444), *свесть* (147) и *перевесть* (167). При этом встречаются (реже) полные формы: *цвести* (548), *брести* (134), *снести* (130).

3.5. Формы глаголов на *-нуть*. Для глаголов типа *гаснуть* характерна в ряде форм вариативность: употребление с суф. *-ну* и без него. Рассмотрим, как эти формы распределены в поэзии Пастернака.

Прежде всего характерно, что Пастернак употребляет много бесприставочных глаголов этого типа, что, вообще говоря, необычно — такие глаголы редки. Причем большую часть этих глаголов Пастернак употребляет в прошедшем времени без суффикса *-ну*: *вис* (70), *пух* (82), *гас* (107), *пах* (148), *мяк* (182), *глох* (291), *ник* (224), *мерк* (239), *кис* (318). Лишь один из этих глаголов употреблен также в другом варианте — с суф. *-ну* — *пáхнул* (151).

С другой стороны в одном случае суф. *-ну* сохранен в форме женского рода, в то время как его наличие допустимо только в формах мужского рода. Однако в данном примере форма поддерживается повтором суф. *-ну* в форме настоящего времени: И *стынула* кровь, Но, казалось, не *стынут* Пруды (195).

В приставочных глаголах этого типа бессуфиксная форма почти полностью вытеснила суффиксальную, однако Пастернак использует обе возможности: *смолк* (67), *стих* (70), *увяз* (293) и *смолкнул* (152), *умолкнул* (373).

Среди форм причастий преобладают бессуффиксные (соответствующие общей тенденции) формы: *стихших* (70), *размокшей* (70), *намокший* (135), *иззябшей* (112), *угасшая* (323), *иссякших* (358), *промерзшие* (704), *пахшей* (653), но в то же время в «Венеции», насыщенной разными бессуффиксными формами — *вис*, *стих*, *стихших*, *размокшей* (70) — для разнообразия введено суффиксальное причастие: Все было тихо, и, однако, Во сне я слышал крик, и он Подобьем *смолкнувшего* знака Еще тревожил небосклон (70). Еще одно причастие с *-ну* встречается в траурном «Еще не умолкнул упрек»: . . . *озябнувшие* москвичи Шли полем (375).

Для деепричастий Пастернак последовательно выбирает сравнительно устаревшие, имеющие разговорный оттенок формы без *-ну*: *продрогши* (99), *повисши* (209), *задохшися* (154), *достигши* (227), *притихши* (296), *привыкши* (304), *размокши* (340). И лишь один раз употреблена нейтральная форма с *-ну*: Зиял, *иссякнув*, страшный кладезь Тоски отверстой (112).

* * *

Таким образом, можно заметить, что Пастернак пользуется почти всякой неопределенностью в области формообразования для поисков неброской необычности. Он точно находит «ничейную» территорию, лежащую на границе нормы и ошибки, и вводит в поэзию формы, которые нельзя не принять, хотя и нельзя назвать принятыми. И в этом, в частности, стихи Пастернака в точности соответствуют его же определению: «Искусство — дерзость глазомера».

Разумеется, это разнообразие форм не является вынужденной мерой — можно, по-видимому, считать уже не требующим дока-

зательства тот факт, что выбор того или иного варианта у большого поэта не диктуется требованиями рифмы или метра (см. Григорьев 1965).

В поэзии Пастернака немало ярких примеров, подтверждающих этот факт. Так, при выборе формы родительного падежа Пастернак руководствуется лишь своим ощущением нужной формы, вовсе не заботясь о точной рифме (которая была бы легко соблюдена при подстановке другой формы): Косьба разохотила *Блока*, Схватил косовище барчук. Ежа чуть не ранил *с наскоку*, Косой полоснул двух гадюк (465). Аналогичным образом рифмуются *весу — бельмеса* (552), *ледохода — броду* (89) и др.

Поиски Пастернака лежат не только в области морфологии. Не менее характерны для Пастернака (впрочем, не только для него) эксперименты, связанные с сокращением количества слогов за счет:

1) редукции безударного гласного — *папортником* (177);

2) йотирования *и* перед гласной — *шевьот* (192), *орьентаций* (281), *визьонера* (171) и т. п.;

3) распространения варианта *-ье* для широкого круга существительных на *-ие*: *евангелья* (164), *распятьем* (367) и т. п.[3]

Не менее эффектно использование разных вариантов флексии творительного падежа *-ой/-ою* [4] (*-ей/-ею*): Мне в сумерки ты все *пансионеркою*, все — *школьницей* (172); над белой *магиею* пены и черной *магией* воды (203).

Масса вариантов ударений: *шелóхнется* (114, 147), *хвои* (131), *нéктар* (164), *окóн* и рифмующееся с ним *кокóн* (206) — и многие другие, среди которых и просторечные, и устарелые, и нормативные выступают совершенно равноправно. Особенно активно Пастернак использует возможность переноса ударения на предлог, разумеется, распространяя ее на случаи, в обычных условиях этому переносу неподвластные. Благодаря этому получаем чрезвычайно энергичные предложные сочетания: *зá возом* (67), *нá щеку* (146), *зá дверь* (138), *нá дверь* (139) и *пó двери* (86), *нá лоб* (143), *нá полночь* (168), *нá шесть* двадцать пять (404) и многие другие.

Все неологизмы Пастернака также никогда не отстоят далеко от того, что у всех на слуху. Читатель скорее всего пропустит такое пограничное образование или в крайнем случае усомнится, есть ли такое слово. В сущности, все эти образования и нельзя назвать неологизмами — про каждое из них кажется, что если его нет в словарях, то это — случайность. Так выглядят и прилагательные на *-лый*: *тлелый* (144), *хлёблый* (503) и *застольцы* (72),

---

[3] Эта тенденция отмечена В. П. Григорьевым (1965). Подробный анализ существительных на *-ие/-ье* в языке Пастернака см. Михайловская 1967.

[4] О закономерностях употребления вариантов *-ой/-ою*. см. Григорьев 1965, Катлинская 1968.

промельк (365). Да Пастернак и в самом деле редко прибегает собственно к образованию новых слов, предпочитая имеющиеся периферийные образования типа *мыканцы* (189), *азиатцы* (86), *разлог* (237), *невтерпь* (70) и им подобные.

То же характерно и для синтаксиса. Пастернак почти нигде не нарушает правил построения сложнейших предложений, насыщенных всеми возможными оборотами. И все-таки синтаксис Пастернака производит впечатление именно непринятой в поэзии сложностью. Достаточно привести в пример стихотворение «Я понял жизни цель и чту», состоящее фактически из одного предложения, занимающего четыре четверостишия.

Необычным выглядит и употребление отдельных падежей, в особенности творительного, хотя Пастернак ни разу не вышел за пределы возможных падежных значений. Производит впечатление именно реализуемость потенциальных возможностей. И Пастернак усиливает впечатление, сосредоточивая формы одного падежа с различными значениями: *Забором* крался конокрад, *Загаром* крылся виноград (166) или с одним, но редким значением: Раскатывался *балкой* гул, Как *баней* шваркнутая шайка (166). В стихотворении «Венеция» творительный падеж является подлинным героем: он появляется (только у существительных, не говоря уже о согласованных с ними прилагательных) 10 раз (в пяти четверостишиях), причем в половине случаев — в очень редком (но употребляющемся в поэзии) значении сравнения: Размокшей каменной *баранкой* В воде Венеция плыла. И он *подобьем* смолкнувшего знака еще тревожил небосклон, Он вис *трезубцем* скорпиона . . ., Теперь он стих и черной *вилкой* Торчал по черенок во мгле . . ., Венеция *венецианкой* Бросалась с набережной вплавь (70).

Все эти факты, как кажется, дают основание для опровержения довольно устойчивого взгляда, состоящего в том, что поэтические вольности должны состоять в подчеркнутом нарушении нормы. Так, Мукаржовский пишет, что «чем слабее ощущается норма языка, тем меньше возможностей для ее нарушения и тем меньше оказывается возможностей для поэтического творчества» (Мукаржовский 1932). Требование четкого противопоставления нарушения норме часто выдвигают, ссылаясь на известную цитату из Щербы о необходимости воспитания чувства нормы ради способности чувствовать «всю прелесть обоснованных отступлений от нее» (Щерба 1939) [5]. Но чтобы почувствовать всю прелесть самой нормы, совсем не обязательно отступать от нее явно. Во всяком случае, это удалось Пастернаку. Возможно, что такое балансирование в области неустоявшейся нормы, является отличительной стороной именно его творчества. Во всяком случае, не случайно, что на каждом языковом уровне Пастернака привлекают области с наименее устойчивой языковой нормой.

[5] Такую трактовку см., например, в Лыков 1977.

ЛИТЕРАТУРА

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., Учпедгиз, 1954.

Винокур Г. О. Пушкин и русский язык. 1937. — В кн.: *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959.

Винокур Г. О. Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина. 1941. — Там же.

Горбачевич К. С. (ред.). Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Л., Наука, 1973.

Граудина Л. К. Противопоставленность форм типа *песка—песку*. — В кн.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., Наука, 1968.

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. М., Наука, 1976.

Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии. Проспект. М., Наука, 1965.

Григорьев В. П. Поэтика слова. М., Наука, 1979.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., Русский язык, 1977.

Катлинская Л. П. Двусложные флексии творительного в условиях поэтической речи. — ИАН ОЛЯ, т. 27, 1968, вып. 5.

Красильникова Е. В. Морфология. — В кн.: Русская разговорная речь. М., Наука, 1973.

Лотман Ю. М. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста. — Труды по знаковым системам, 4. Тарту, ТГУ, 1969.

Лыков А. Г. Окказионализм и норма. — В кн.: Грамматика и норма. М., Наука, 1977.

Михайловская Н. Г. К вопросу о категории вариантности (существительные на *-ие/-ье* в языке Б. Пастернака). — Вопросы культуры речи. 1967, вып. 8.

Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., Прогресс, 1967 (перевод статьи 1932 г.).

Плотникова-Робинсон В. А. Изменения в употреблении падежных форм существительных. — В кн.: Очерки по исторической грамматике русского языка. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., Наука, 1964.

Сумкина А. И. Противопоставленность форм типа *катеры—катера*. — В кн.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., Наука, 1968.

Тынянов Ю. Н. Промежуток. 1924. — В кн.: *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., Наука, 1977.

Щерба Л. В. Спорные вопросы русской грамматики. — Русский язык в школе, 1939, № 1.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., Наука, 1972 (перевод статьи 1957 г.).

В. С. БАЕВСКИЙ

СТИХ И ПОЭЗИЯ

Стиховедческий ренессанс рубежа 1950—60-х годов наследовал опыт статистических исследований Л. И. Поливанова, А. Белого, Б. В. Томашевского, Г. А. Шенгели, К. Ф. Тарановского только в области ритмики. В обобщающем докладе «Основные задачи статистического изучения славянского стиха» К. Ф. Тарановский говорил только об изучении ритмики (Тарановский 1966). Вслед затем в течение второй половины 60—70-х годов статистическое изучение распространилось на метрический фонд русской поэзии, строфику, фонику, теорию рифмы — на все аспекты стихотворной речи.

Одновременно расширялась область применения количественных методов в лингвистике, стилистике, поэтике, искусствоведении. Возможности использования быстродействующей вычислительной техники стимулировали этот процесс. Были введены в научный оборот идеи Б. И. Ярхо, стремившегося охватить квантитативными приемами исследования широкие области теории и истории литературы (Гаспаров 1969, Ярхо 1969).

Это научное движение происходило на фоне интенсивного развития различных не-количественных направлений исследования. Ограничиваясь теорией стихосложения, необходимо назвать «Мелодику русского лирического стиха» Эйхенбаума (1922), «О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским» Р. О. Якобсона (1923), «Проблему стихотворного языка» Ю. Н. Тынянова (1924), стиховедческую трилогию В. М. Жирмунского (1921—1925), а позже — концепции Л. И. Тимофеева и Ю. М. Лотмана.

Сегодня стихотворная речь встала перед нами как явление столь высокой меры сложности, что глубокое понимание и описание его возможно при сочетании в стиховедении разных подходов в зависимости от угла зрения на предмет.

До сих пор статистическое исследование ритмики или рифменной системы, строфической организации стихотворений или фоники обычно велось изолированно от остальных аспектов. В нашей докторской диссертации «Типология стиха русской лирической поэзии» был предпринят опыт совокупного рассмотрения разных аспектов стихотворной речи. При этом функция каждого из них яснее выступает в общей системе. Оказалось невозможным ограничиться аспектами стихотворной речи: в поэтическом произведении, в историко-литературном процессе стиховые факторы взаимодействуют с внестиховыми; без учета этого взаимодействия изучение стихотворной речи дает сравнительно мало теории и истории литературы. Напомним, например, следующую мысль Томашевского: «Для художника и ритм и интонация в строфиче-

ском оформлении есть явления значащие, то есть выражающие целый ряд оттенков мысли, чувства, настроения, отношения к внешнему миру, движения темы, композиции произведения и т. д.» (Томашевский 1959, с. 220). В диссертации было показано, что сходные по форме явления могут играть совершенно разную роль в системе художественного целого. Так, в сборнике Пастернака «Когда разгуляется» простейшая строфическая композиция почти всех стихотворений сочетается с изощренной ритмикой и сложнейшей образной системой, выполняя функцию контрастного фона. В книге Смелякова «Работа и любовь» простота строфической композиции соответствует простоте ритмики и образной системы; автохарактеристики поэта, иногда полемически усиленные, демонстрируют сознательную эстетическую позицию:

> <. . .> мы — плебс. И вкус у нас плебейский,
> а не какой-нибудь иной.
>
> (Смеляков, с. 10)

Совершенно разную функцию катренов перекрестной рифмовки у Пастернака и Смелякова невозможно было бы выявить, не соотнося строфическую организацию с другими аспектами стиховой и, шире, поэтической системы.

С помощью рангового корреляционного анализа была обнаружена тесная связь между метрикой и строфикой: при возрастании сложности одного аспекта обычно возрастает сложность другого, при уменьшении сложности одного обычно уменьшается сложность другого. Вместе с тем обнаружилась автономия стихового ритма: его сложность или простота никак не связана со сложностью или простотой метрики и строфики. Здесь уместно вспомнить Блока, остро ощущавшего автономность ритма: «Что такое поэт? — Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Поэт, это — это носитель ритма. В бесконечной глубине человеческого духа, в глубине, недоступной для слишком человеческого, куда не достигают ни мораль, ни право, ни общество, ни государство, — катятся звуковые волны, родные волнам, объемлющим вселенную, происходят ритмические колебания, подобные колебаниям небесных светил, глетчеров, морей, вулканов» (Блок, т. 7, с. 404—405). Такая автономность ритма делает его эффективным средством смысловой и суггестивной выразительности: поскольку он независим от других аспектов стихотворной речи, он в каждом конкретном случае может выполнять роль смыслового курсива.

Из внестиховых аспектов метрика и строфика тесно связаны с насыщенностью стихотворений именами собственными и географическими названиями. Это объясняется тем, что «имя в литературном произведении играет очень важную роль — ориентира во времени и пространстве» (Суперанская, с. 30; ср. также Тынянов, с. 140, Лотман, с. 211, Лихачев, с. 363), выявляет пространственно-временную организацию поэтического мира; простран-

ственно-временная и собственно стиховая композиция стихотворения оказываются связанными между собой положительной корреляцией. Другие аспекты, менее связанные с созданием композиционной рамы стихотворения, связаны очень слабой корреляцией или вовсе независимы друг от друга.

Опираясь на выработанные представления о системе стихотворной речи и ее соотношении с внестиховыми аспектами, мы смогли поставить новую задачу — описать с помощью статистики историко-литературную ситуацию (ее структуру) в области поэзии. Настоящая статья освещает решение этой задачи.

Исследована лирика 1956—1965 гг. Хронологический срез не должен быть чрезмерно широк, чтобы историко-литературная ситуация представлялась достаточно устойчивой. При некоторой размытости границ, естественной, когда речь идет о сложнейшем историко-литературном явлении (разные авторы передвигают их на 1—2 года), именно этот период выделяется в истории советской поэзии (см., в частности: История русской советской литературы, т. 4). Появились талантливые молодые поэты. Новый, иногда высший расцвет пережили маститые мастера. Значительное место заняли поэты, прошедшие войну и сформированные ею. В лирике возник сплав молодой свежести и опыта, высокой художественной культуры и разностороннего знания жизни. «Я за открытия, за лирическую дерзость, за безумный риск каждого нового шага. Но в поэзии необходим не только тяжкий могучий молот нового, но и устойчивая, крепкая, сопротивляющаяся наковальня старого. Ведь традиция — это то немногое из прошлого, что осталось для нас живым» (Винокуров с. 15).

Хотя поэзия 1950—60-х годов — это совсем недавнее прошлое литературы, ей посвящено много статей и книг. Настоящее исследование оправдано тем, что статистика может уточнить некоторые расплывчатые представления, дать убедительное подтверждение гипотезам, открыть новые закономерности. Мы не ждем, что статистический анализ опрокинет установившиеся взгляды. Было бы противоестественно, если бы его результаты пришли в кричащее противоречие со сложившимся пониманием историко-литературной проблемы. Но в науке весьма важна мера достоверности тех или иных утверждений, и статистический анализ может ее значительно повысить.

Для анализа было выбрано творчество 20 авторов, в большой мере определявших историко-литературную ситуацию в области поэзии 50—60-х годов. Принимались во внимание следующие соображения: творческая активность поэта на протяжении периода; оценки критиков, товарищей по перу, литературоведов; наша собственная оценка значения деятельности поэтов в результате предварительного, «поискового» исследования материала; необходимость более или менее пропорционально представить разные поколения, стилевые течения и тенденции. У каждого

автора был проанализирован сборник или цикл, от 70 до 34 стихотворений, от 2391 до 717 стихов. Исключение составил Исаковский: значение его творчества обязывало включить его в рассмотрение, написал же он в изучаемый период мало; в дальнейшем необходимо иметь в виду недостаточную надежность статистических данных, касающихся его творчества. Ниже следует список поэтов (по хронологии рождений) и текстов.

А. Ахматова. Седьмая книга (Бег времени. М.—Л., Сов. писатель, 1965). 70 стихотворений, 717 стихов; *Н. Асеев.* Лад (2-е изд. М., Сов. писатель, 1963), 45 и 1242 стихотворений и стихов соответственно; *Б. Пастернак.* Когда разгуляется (Стихотворения и поэмы. М.—Л., Сов. писатель, 1965), 40 и 1278; *П. Антокольский.* Четвертое измерение (Избранное, т. 2. М., Худож. лит., 1966), 50 и 1455; *Н. Ушаков.* Теодолит (М., Сов. писатель, 1967), 48 и 832; *А. Прокофьев.* Приглашение к путешествию (Л., Худож. лит., 1969), 66 и 1216; *М. Исаковский.* Собр. соч. в 4-х тт. (т. 2. М., Худож. лит., 1968), 8 и 148; *Л. Мартынов.* Новая книга (М., Московский рабочий, 1962), 46 и 982; *Н. Рыленков.* Стихотворения (М., Худож. лит., 1964), 58 и 837; *А. Твардовский.* Книга лирики (М., Сов. писатель, 1967), 40 и 1221; *Н. Грибачев.* Стихотворения и поэмы (М., Худож. лит., 1964), 47 и 1420; *Я. Смеляков.* Работа и любовь (2-е изд. М., Молодая гвардия, 1963), 53 и 2391; *А. Яшин.* Бессонница (М., Сов. Россия, 1963), 53 и 1195; *Б. Слуцкий.* Сегодня и вчера (М., Молодая гвардия, 1963), 56 и 1075; *Д. Самойлов.* Второй перевал (М., Сов. писатель, 1963), 34 и 738; *А. Межиров.* Стихотворения (М., Гослитиздат, 1963), 56 и 1633; *Е. Винокуров.* Слово (Избранное. М., Худож. лит., 1968), 66 и 1242; *А. Вознесенский.* Антимиры (М., Молодая гвардия, 1964), 40 и 1209; *Е. Евтушенко.* Взмах руки. (М., Молодая гвардия, 1962), 64 и 2185; *Б. Ахмадулина.* Струна (М., Сов. писатель, 1962), 60 и 1725. Всего 1000 стихотворений, 24741 стих.

Сложная система всегда обладает бесчисленными особенностями, «характеризуется бесконечным числом переменных, из которых почти все, за исключением немногих, по необходимости приходится игнорировать <. . .> Сталкиваясь с этим бесконечным числом переменных, экспериментатор должен выбрать для исследования конечное их число. Так он, конечно, и поступает — другими словами, он рассматривает абстрагированную систему (Эшби 1962, с. 39—40). Важно выделить те признаки («переменные»), которые для системы являются определяющими. Прежде всего были выделены аспекты строфической композиции, метрики и ритмики. Рифма — явление настолько многостороннее, преломляющее в себе аспекты метрический, лексический, строфический, грамматический, что подробный учет ее особенностей грозил бы оттеснить на второй план другие аспекты; поэтому из всей проблемы рифмы рассмотрен вопрос о том, насколько в ней отражается основная тематика стихотворений. Обширная область фонической организации стихотворной речи вообще обойдена нами: она недостаточно освоена наукой для того, чтобы можно было оперировать ее данными наравне с данными метрики, ритмики и строфики. Кроме собственно стиховых аспектов, были выделены аспекты стихотворного синтаксиса, тематики, образов и пространственно-временной организации поэтического мира. Этими аспектами по-

этическая система не ограничивается, но многие существенные стороны они отражают. В пределах каждого аспекта было выделено от 2 до 7 признаков, общим числом 29. Целенаправленный выбор аспектов и признаков возможен благодаря существованию значительного количества исследований, посвященных каждому из них.

Количество фиксируемых единиц каждого признака относится к общему количеству единиц данного признака. Например, изучается такой признак строфической организации, как виды строф. Количество разных видов строф у поэта относится к общему количеству строф у этого поэта. Теперь признак «виды строф» охарактеризован относительной величиной — индексом, который показывает меру разнообразия данного признака в системе. Самые разные признаки становятся соизмеримы между собой, поскольку сравнивается мера их разнообразия в поэтической системе. Полученные индексы позволяют также сравнивать разные поэтические системы, несмотря на то, что абсолютное количество исследованных стихотворений и стихов в них различно. Разнообразие — одна из фундаментальных категорий философии и кибернетики, тесно связанная с понятием информации и легко поддающаяся квантификации (Эшби 1959, с. 173—274; Урсул, с. 59—78), поэтому полученные индексы отражают глубинные свойства материала.

В процессе работы выяснилось, что некоторые признаки имеют весьма близкие количественные характеристики; чтобы исследование не было излишне громоздким, а результаты были более точными, часть признаков была элиминирована. Мы остановились на 15 признаках, достаточно независимых и охватывающих разные аспекты поэтической системы. Перечислим их.

СТИХОТВОРНАЯ РЕЧЬ

1. **Виды строф.** Получение этого индекса описано выше.

2. **Типы строфической организации.** Если (1) индекс дает характеристику строфической организации по материалу, то (2) — по отношению строфических единиц между собой. Здесь учитывается равное или неравное количество стихов в строфических единицах, одинаковый или неодинаковый порядок рифм в них, наличие или отсутствие интервалов между строфическими образованиями и некоторые другие факторы [1].

3. **Метрическое разнообразие.** Изучается репертуар стихотворных размеров, переходных метрических форм и полиметрических композиций (включая сочетания стихов с прозой, как, например, в «Охоте на зайца» Вознесенского) [2].

[1] Более полные характеристики индексов см. в автореферате: Баевский 1974. Дальнейшие подробности содержат указанные в автореферате работы.

[2] Об этих метрических категориях см.: Руднев 1972.

4. Переходные метрические формы и полиметрические композиции. На протяжении XIX—XX вв. их удельный вес в метрическом запасе русской поэзии медленно, но неуклонно возрастал; поэтому доля переходных метрических форм и полиметрических композиций среди всех метрических форм поэта представляется важной характеристикой, которая, в частности, указывает на отношение поэта к традиции, на поиски новых возможностей.

5. Изменчивость ритма. В настоящем исследовании использованы данные о четырехстопном ямбе — единственном размере, который встречается у всех двадцати поэтов. Ритм исследован весьма подробно на основе учета «эффекта Потебни». Из семи изученных признаков ритма для окончательных выводов учитывается один. Изменчивость ритма — характеристика, введенная нами по предложению акад. А. Н. Колмогорова. Это усредненная по стихотворению или по массиву стихотворений дисперсия ритма. Данный индекс обобщенно показывает, как часто и насколько далеко поэт отходит от среднего значения выделенности всех слоговых позиций стиха [3].

СИНТАКСИС

6. Экспрессивность. Приблизительные оценки этой особенности поэтической речи делались неоднократно, например: «Стих Прокофьева очень эмоционален. Выражением этого являются, между прочим, и частые риторические вопросы, восклицания, обращения . . .» (Бахтин, с. 268). Мы учитывали: синтаксические переносы и знаки экспрессии в конце стиха. Индекс строится как отношение количества стихов с выраженной экспрессией к общему количеству стихов.

7. Интонационное единство стиха. Наличие одной или даже нескольких синтаксических пауз не разрушает интонационного единства стиха, но значительно его усложняет. Индекс строится как отношение количества стихов с синтаксическими паузами к общему количеству стихов.

8. Относительная длина предложения. Учитывается отношение количества предложений к количеству стихов. Соотношение метрического и синтаксического членения стихотворной речи — одна из принципиально важных ее характеристик.

---

[3] Для оценки ритма стиха (строки) используется дисперсия ритма σ_j^2:

$$\sigma_j^2 = \frac{1}{s}\sum_{i=1}^{s}(m_{ij} - m_i)^2,$$

где m — мера выделенности слога; i — номер слога, считая от начала стиха; j — номер стиха в стихотворении; m_{ij} — выделенность i-го слога в j-й строке; s — полное число слогов в стихе.

9. Инверсия. Рассматривается отношение количества инвертированных конструкций к общему количеству предложений.

ОБРАЗНО-ИДЕЙНОТЕМАТИЧЕСКАЯ СФЕРА

10. Тематика. В исследованиях по истории поэзии часто делаются приблизительные количественные оценки тематики. Приведем одну из них. «В поздней лирике Ахматовой, во многом не похожей на ее ранние стихи, «гражданская тема» в широком смысле занимает не меньшее место, чем тема интимно-лирическая» (Жирмунский 1969, с. 247). Согласно нашим подсчетам, среди 70 стихотворений «Седьмой книги» (т. е. «в поздней лирике Ахматовой») гражданская тема выделяется в 36. Таким образом, акад. В. М. Жирмунский определил ее место настолько точно, насколько это можно было сделать посредством специального анализа и подсчетов. При изучении тематики есть возможность опереться на идеи В. М. Жирмунского («Каждое слово, имеющее вещественное значение, является для художника поэтической темой» — Жирмунский 1977, с. 30) и развитые методы современной лингвистической поэтики. Среди стихотворений выделяются монотематические и политематические. В качестве индекса тематического разнообразия использовалось отношение количества политематических стихотворений к общему количеству стихотворений.

11. Тематическая насыщенность рифмы. Количество стихотворений, основная тематическая лексика которых входит в рифменную систему, относится к общему количеству стихотворений.

12. Образная система. Характеризуя поэтическую систему, авторы то и дело прибегают к нечетким количественным оценкам распространенности того или иного вида художественного образа. Например, мы читаем: «А. Прокофьев — первый пейзажист современной советской поэзии» (Гринберг, Добин, с. 169). Вряд ли авторы имели в виду, что Прокофьев описывает природу лучше, чем Рыленков или Яшин; у каждого поэта свой мир природы, не лучше и не хуже других, а непохожий на других. Можно предположить, что авторы имели в виду иное: среди всех современных поэтов чаще всего изображает природу Прокофьев. Подсчет числа стихотворений, изображающих природу, у 20 выделенных нами поэтов показывает, что больше, чем Прокофьев, изображал природу только Пастернак. Ко времени написания книги, из которой приведена цитата, его уже не было в живых, поэтому утверждение критиков, хотя и не вполне точно сформулированное, можно признать справедливым. Анализ выделяет стихотворения моноóбразные и полиóбразные. В качестве индекса разнообразия образной системы использовано отношение количества полиобразных стихотворений к общему количеству стихотворений.

13. Ономастика. О значении ономастики и топонимики в тексте

поэтического произведения упоминалось ранее. В качестве индекса используется отношение числа антропонимов к общему числу слов.

14. Топонимика. В качестве индекса используется отношение количества топонимов к общему количеству слов.

15. Доля иностранных имен в ономастике и топонимике. Наряду с «плотностью» поэтического мира его своеобразие проявляется в преимущественной направленности на те или иные объекты. Один из важных факторов — соотношение «своего» и «чужого» в системе имен. В качестве индекса используется отношение количества имен, представляющих иностранную тематику, к общему их количеству.

Перечисленные индексы характеризуют меру разнообразия/единообразия, присущую разным аспектам и признакам поэтической системы [4]. Поскольку в историко-литературном процессе происходит постепенное расширение поэтических средств и тематики, мера разнообразия/единообразия более или менее совпадает с мерой новаторского или традиционного в поэтической системе. Иногда понятиям традиции и новаторства придается оценочный смысл: традиционное, как ни странно, представляется неполноценным, новаторское — безусловно положительным. В действительности же все зависит от того, о каких традициях и о чем новом идет речь. В творчестве любого крупного поэта органически сочетается следование традициям и открывание нового. Все дело в соотношении традиционного и новаторского. «Перенимание чужого голоса свойственно всякому лирику, как певчей птице. Но есть пределы этого перенимания <. . .> Таким образом, в истинных поэтах, из которых и слагается поэтическая плеяда данной эпохи, подражательность и влияния всегда пересиливаются личным творчеством, которое и занимает первое место» (Блок, т. 5, с. 135).

Поэтическая система каждого поэта отличается некоторой присущей ей мерой разнообразия. Эта мера есть случайная величина в статистическом смысле слова: в разных случаях она может принимать разные значения, причем заранее невозможно предсказать, какие именно («непредсказуемость» — одна из характерных особенностей художественного творчества). 15 индексов рассматриваются как 15 испытаний, в результате которых получаются 15 значений случайной величины, характеризующей разнообразие поэтической системы.

---

[4] Чтобы сделать вклад каждого индекса более справедливым, было необходимо ввести веса. У нас нет оснований предполагать, что один из индексов, скажем, в два раза важнее в системе, чем другой. Вместе с тем индексы значительно различаются из-за особенностей их получения. Чтобы уравнять их вклад, все индексы были снабжены весами, которые уравняли их средние величины.

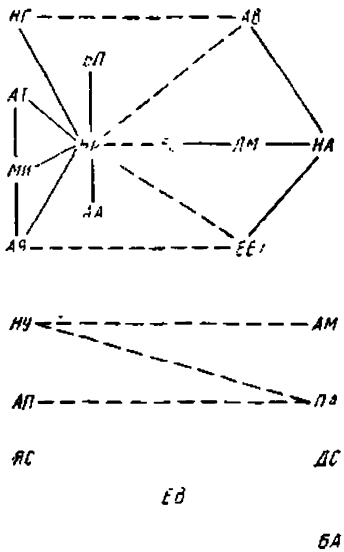

Рис. 1.

Материал обрабатывался с помощью корреляционного анализа и критерия знаков.

С помощью известной формулы линейной корреляции [5] были измерены сила и направление связей между поэтическими системами всех поэтов попарно. Табл. 1 показывает, что коэффициент корреляции превышает доверительную границу по абсолютной величине 20 раз. Значимые положительные связи имеются между поэтическими системами Рыленкова — и Ахматовой, Пастернака, Исаковского, Твардовского, Грибачева, Яшина; между поэтическими системами Исаковского — и Твардовского, Яшина; между поэтическими системами Асеева — и Мартынова, Вознесенского, Евтушенко; между поэтическими системами Мартынова — и Слуцкого. Значимые отрицательные связи имеются между поэтическими системами Рыленкова — и Слуцкого, Вознесенского, Евтушенко; между поэтическими системами Грибачева — и Вознесенского; Яшина — и Евтушенко; Ушакова — и Антокольского, Межирова; Прокофьева — и Антокольского. Наглядно эти отношения представлены на рис. 1, где положительная корреляция обозначена сплошными линиями, отрицательная — пунктирными.

Поэтическая система Рыленкова наибольшим количеством значимых корреляций — шестью положительными, тремя отрицательными — связана с другими системами. Она оказывается центром притяжений и отталкиваний значительной группы поэтических систем. Мы склонны интерпретировать этот факт как свидетельство высокой книжной культуры поэта, его чуткости к современным творческим тенденциям.

Ясно и непротиворечиво выделяется группа поэтов, привер-

[5] Приводим формулу линейной корреляции:

$$r_{xy} = \frac{\sum_{i=1}^{l} x_i y_i - l\bar{x}\bar{y}}{\sqrt{\left(\sum_{i=1}^{l} x_i^2 - l\bar{x}^2\right)\left(\sum_{i=1}^{l} y_i^2 - l\bar{y}^2\right)}}.$$

Уровень значимости принят 0.01; число степеней свободы $k=1-2=13$; наиболее случайное значение $r=0{,}63$. См., напр.: Шторм, с. 135, 201, 344.

Таблица 1*

	НА	БП	ПА	НУ	АП	МИ	ЛМ	НР	АТ	НГ	ЯС	АЯ	БС	ДС	АМ	ЕВ	АВ	ЕЕ	БА
АА	—23	48	03	—18	01	28	—17	85	25	36	—04	01	—17	06	—17	33	—23	—07	04
НА		—44	07	—17	01	—48	71	—41	—59	—33	—12	—62	51	11	—15	—11	80	83	00
БП			55	—17	—60	—15	—61	70	18	62	—16	—07	—61	—06	—18	06	—60	—08	01
ПА				—65	—71	—18	47	38	—21	14	30	—23	—56	07	—03	31	—21	32	—05
НУ					13	40	15	39	23	08	38	21	—43	—48	69	—27	—45	—28	—09
АП						34	38	61	50	—57	—48	37	21	—01	—09	22	09	—48	28
МИ							03	86	86	—13	13	65	—22	02	46	—18	—40	—60	03
ЛМ								—11	—37	—23	—42	—05	70	—03	—20	—04	42	43	—34
НР									88	76	12	81	—65	14	15	03	—83	—89	14
АТ										07	13	14	19	08	30	—24	—41	—62	41
НГ											15	02	—56	—43	—10	15	—74	—06	—34
ЯС												—23	—54	—20	63	—20	—30	28	51
АЯ													—12	24	—04	04	—58	—74	—25
БС														39	—57	—24	61	25	—25
ДС															—36	—21	40	—54	08
АМ																—18	—26	11	30
ЕВ																	—22	—07	02
АВ																		63	18
ЕЕ																			10

* Все числа умножены на 100. Поэты обозначены инициалами имени и фамилии.

женных к традиции, — Ушаков, Прокофьев, Исаковский, Рыленков, Твардовский, Грибачев, Яшин — и группа новаторов — Антокольский, Асеев, Мартынов, Слуцкий, Межиров, Евтушенко, Вознесенский. Такие результаты корреляционного анализа соответствуют установившимся взглядам. Поэтические системы Ахматовой и Пастернака имеют по одной значимой корреляционной связи (положительной) с поэтической системой Рыленкова. На первый взгляд естественнее было бы ожидать, что поэтические системы Ахматовой и Пастернака связаны с системами крайних новаторов. Однако анализ фиксирует факт более независимого положения «Седьмой книги» и «Когда разгуляется» в поэзии 50—60-х годов. Положительная корреляционная связь с ними поэтической системы Рыленкова определяется засвидетельствованной самим Рыленковым и рядом наблюдений и исследований сознательной ориентацией его в 50-е и особенно в 60-е годы на творческие достижения Ахматовой и Пастернака (см. Рыленков 1966, с. 304—307; Рыленков 1968, с. 187, 188; Македонов 1973, с. 190; Баевский 1966, с. 238—239).

Результаты корреляционного анализа хорошо подтверждают гипотезу о смоленской поэтической школе (Македонов 1960). Согласно этой гипотезе, специфика смоленской школы особенно ярко выступала в начале 30-х годов, потом постепенно растворялась в достижениях всей русской поэзии. Автор гипотезы отметил тот несомненный факт, что не все поэты, выросшие и сформировавшиеся на смоленской земле, творчески принадлежат к смоленской школе. Как пример он привел Гитовича, превосходного поэта, тяготевшего к иным стилевым традициям. Гитович откликнулся с грустным юмором:

Тридцать лет не бывал я в Смоленске,
Не видал — от греха своего —
Ни садов его в солнечном блеске,
Ни стены знаменитой его;
И закатов его, и рассветов,
Колыбелей его и могил. . .
И в Смоленскую школу поэтов
Македонов меня не включил.

(Гитович, с. 313)

С другой стороны, А. В. Македонов отметил близость к смоленской школе Яшина, биографически со Смоленщиной не связанного, и Грибачева, связанного с нею относительно мало. На рис. 1 хорошо видна сеть связей между поэтическими системами Исаковского, Твардовского, Рыленкова, Яшина, отчасти Грибачева.

Можно было бы привести много высказываний самих поэтов и критиков, подтверждающих общую картину историко-литературной ситуации в области поэзии 50—60-х годов. Мы здесь ограничимся одним примером. А. Яшин, несомненно один из крупнейших поэтов рассматриваемого периода, в процессе анализа четко отнесен к приверженцам традиционного начала и противопоставлен крайним новаторам (положительные корреляционные связи

с Исаковским и Рыленковым, отрицательная — с Евтушенко). В стихотворении «Ваши успехи» (1964) он писал:

Вы знаете, что у нас за плечами!
А что у вас за плечами?
Вы пальцы сосали,
Вас в люльках качали,
Когда фашисты в дома к нам стучали
Железными сапогами.
. . . . . .
Теперь вы — глашатаи,
Вы новаторы,
Вниманием девочек умащенные,
А мы — эпигоны,
Мы консерваторы,
У нас и рифмы традиционные.

(Яшин, т. 1, с. 459)

Отметим и слабости корреляционного анализа, проведенного нами. Он указывает притяжения и отталкивания некоторых поэтических систем, но не может указать, какие из них сложные, какие более простые. Мы об этом знаем по непосредственным впечатлениям от стихов, по предшествовавшим исследованиям, а не из корреляционного анализа. Далее, поэтические системы Смелякова, Самойлова, Винокурова и Ахмадулиной значимыми корреляционными связями с другими поэтическими системами не связаны.

Поэтому для дальнейшего анализа был использован критерий знаков. Вот как можно описать его применение. Если бы две сравниваемые поэтические системы были очень близки и значения индексов колебались бы чисто случайно, то с большой вероятностью примерно в половине случаев эти характеристики были бы больше у одной системы, в половине — у другой. Для каждого признака вероятность того, что его индекс в одной из сравниваемых систем превосходит соответствующий индекс в другой системе, была бы равна $^1/_2$. Следовательно, вероятность того, что все значения индексов в одной системе будут больше, чем в другой, была бы исчезающе мала. Если бы при анализе мы встретились с таким явлением, то имели бы все основания утверждать, что обе системы значимо отличаются одна от другой [6].

Результат применения критерия знаков представлен на табл. 2. 18 раз значения попали в критическую область, т. е. выявилось значимое отличие двух поэтических систем: Вознесенского и Исаковского, Вознесенского и Твардовского, Вознесенского и Рыленкова, Вознесенского и Прокофьева, Вознесенского и Смелякова, Вознесенского и Слуцкого, Вознесенского и Межирова, Вознесенского и Евтушенко, Вознесенского и Ахмадулиной, Мартынова и Исаковского, Мартынова и Твардовского, Мартынова и Рыленкова, Мартынова и Пастернака, Мартынова и Смелякова, Асеева и Смелякова, Самойлова и Смелякова, Евтушенко и Смелякова,

[6] Эти соображения можно превратить в точный порядковый критерий с произвольно заданным уровнем значимости. При $l=15$ и уровне значимости 0.01 двусторонние границы критической области составляют 3; 12 (ван дер Варден, с. 321).

Таблица 2

	АА	НА	БП	ПА	НУ	АП	МИ	ЛМ	НР	АТ	НГ	ЯС	АЯ	БС	ДС	АМ	ЕВ	АВ	ЕЕ
НА	10																		
БП	6	5																	
ПА	6	6	9																
НУ	5	5	6	8															
АП	6	5	9	9	9														
МИ	6	4	6	5	4	4													
ЛМ	11	8	12	7	10	9	13												
НР	6	6	7	5	6	4	8	3											
АТ	8	6	10	7	7	5	11	3	9										
НГ	5	5	8	6	3	5	7	5	6	6									
ЯС	5	3	4	5	4	6	7	2	6	5	7								
АЯ	6	8	9	7	8	8	11	6	10	8	11	11							
БС	9	7	7	6	9	8	9	5	9	10	10	11	7						
ДС	9	6	9	9	10	8	11	7	11	10	11	13	10	7					
АМ	7	4	9	6	8	8	10	4	10	8	9	11	7	7	4				
ЕВ	6	4	4	4	6	8	8	4	8	6	6	8	6	6	5	5			
АВ	11	10	11	11	11	14	14	10	13	13	11	14	11	12	11	14	11		
ЕЕ	9	5	11	11	11	6	9	6	11	10	11	14	7	9	8	10	11	3	
БА	7	5	10	7	7	6	11	6	8	9	10	12	6	6	5	6	11	2	6

Ахмадулиной и Смелякова. Сравнение поэтических систем Исаковского, Твардовского, Рыленкова, Яшина не дало значимых результатов, т. е. показало значительную близость их между собой. Крайним новатором выступает Вознесенский. 9 раз наблюдается расхождение его поэтической системы с другими, в остальных 10 случаях результаты лежат вплотную к доверительной границе; во всех случаях в поэтической системе Вознесенского большинство индексов по абсолютной величине преобладает над индексами других систем. Поэтическая система Смелякова 6 раз значимо расходится с другими, причем ее индексы по абсолютной величине в большинстве случаев уступают индексам других систем. Так происходит, в частности, при сопоставлении систем Смелякова и Самойлова, Смелякова и Ахмадулиной. Результаты анализа по критерию знаков дают основание сориентировать графы рис. 1 по оси «единообразие—многообразие» («традиционность—новаторство»), а также отнести к числу «традиционалистов» Смелякова, «новаторов» — Самойлова и Ахмадулину. Удивительно, что вполне «автономной», не связанной с другими ни корреляционным анализом, ни критерием знаков, остается поэтическая система Винокурова.

Выше был приведен пример того, как Яшин осознавал и утверждал себя и близких ему поэтов как «традиционалистов». Нам важно показать, что статистический анализ вскрывает явления, актуальные для современного поэтического сознания. Сейчас напомним, как осознают себя поэты той группы, которая у нас оказалась ближе к полюсу разнообразия поэтических средств, новаторства.

Нас много. Нас может быть четверо.
Несемся в машине как черти.
Оранжеволоса шоферша.
И куртка по локоть — для форса.
. . . . . .
Обязанности поэта
не знать километроминут,
брать звуки со скоростью света,
как ангелы в небе поют.

За эти года световые
пускай мы исчезнем, лучась,
пусть некому приз получать.
Мы выжали скорость впервые.

(Вознесенский, с. 375—376)

Стихотворение посвящено Б. Ахмадулиной. Оно реминисцирует стихотворение Пастернака «Нас мало. Нас, может быть, трое . . .» (1921) и подразумевающее кроме самого Пастернака еще двух новаторов — Маяковского и Цветаеву.

Таким образом, основные результаты статистического анализа близки к результатам историко-литературных исследований и отвечают самоощущению поэтов. Близость данных, полученных совершенно разными путями, подтверждает их надежность. В том числе оказываются надежными результаты, выработанные на путях статистического анализа, примененного в настоящем исследовании.

«. . . Заблуждаются те, кто утверждает, что математика ничего не говорит о прекрасном или благом. На самом же деле она говорит прежде всего о нем и выявляет его. Ведь если она не называет его по имени, а выявляет его свойства (erga) и соотношения, то это не значит, что она не говорит о нем. А важнейшие виды прекрасного — это слаженность, соразмерность и определенность, математика больше всего и выявляет именно их» (Аристотель, с. 326—327).

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Метафизика. — Сочинения, т. 1. М., Мысль, 1976.

Баевский В. С. «. . .строкой негромкою» (Поэтический мир позднего Рыленкова). — В кн.: Добрая душа. Книга о Николае Рыленкове. М., Советский писатель, 1966.

Баевский В. С. Типология стиха русской лирической поэзии. Автореф. докт. дис. Тарту, 1974.

Бахтин В. С. Александр Прокофьев. М.—Л., Советский писатель, 1963.

Блок А. А. Собрание сочинений в 8-ми томах. М., Худож. лит., 1960—1963.

Варден ван дер. Б. Л. Математическая стилистика. М., Изд-во ИЛ, 1960.

Винокуров Е. М. Поэзия и мысль. М., Советская Россия, 1966.

Вознесенский А. А. Дубовый лист виолончельный. М., Худож. лит., 1975.

Гаспаров М. Л. Работы Б. И. Ярхо по теории литературы. — Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 236. Труды по знаковым системам. 4. Тарту, 1969.

Гитович А. И. Старым смоленским друзьям. — В кн.: *Гитович А. И.* Избранное. Л., Советский писатель, 1973.

Гринберг И. Л., Добин Е. С. Клинками песен боевых. Поэзия Александра Прокофьева. М., Советская Россия, 1966.

Жирмунский В. М. О творчестве Анны Ахматовой. — Новый мир, 1969, № 6.

Жирмунский В. М. Теория литературы, поэтика, стилистика. Л., Наука, 1977.

История русской советской литературы, т. 4. М., Наука, 1971.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., Наука, 1967.

Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах. — Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 181. Труды по знаковым системам, 2. Тарту, 1965.

Македонов А. В. О «смоленской» поэтической школе, ее месте в развитии советской поэзии и о трех юбилеях. — В кн.: *Македонов А. В.* Очерки советской поэзии. Смоленск, 1960.

Македонов А. В. Николай Рыленков и его «Снежница». — В кн.: Добрая душа. Книга о Николае Рыленкове. М., Советская Россия, 1973.

Руднев П. А. Метрический репертуар А. Блока. — В кн.: Блоковский сборник. Тарту, 1972.

Рыленков Н. И. Вторая жизнь поэта. — В кн.: День поэзии, 1966. М., Советский писатель, 1966.

Рыленков Н. И. Снежница. М., Советский писатель, 1968.
Смеляков Я. В. Работа и любовь. М., Молодая гвардия, 1963.
Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., Наука, 1973.
Тарановский К. Основные задачи статистического изучения славянского стиха. — В кн.: Poetics. Poetyka. Поэтика. 2. The Hague — Paris, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966.
Томашевский Б. В. Стих и язык. М.—Л., Гослитиздат, 1959.
Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., Советский писатель, 1965.
Урсул А. Д. Природа информации. М., Политиздат, 1968.
Шторм Р. Теория вероятностей. Математическая статистика. М., Мир, 1970.
Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., Изд-во ИЛ, 1959.
Эшби У. Р. Конструкция мозга. М., Изд-во ИЛ, 1962.
Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. — Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 236. Труды по знаковым системам, 4. Тарту, 1969.
Яшин А. Я. Избранные произведения в 2-х томах. М., Худож. лит., 1972.

Н. А. КОЖЕВНИКОВА

ОБ ОДНОМ ПРИЕМЕ ЗВУКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТИХА

Самый простой и лучше всего изученный способ звуковой организации стиха — контактный повтор, связывающий слова в строке или соседних строках [1].

Сколь бы велика ни была роль контактного повтора в организации строки или соседних строк, им не исчерпываются приемы организации этих отрезков текста, а тем более всего стихотворения. Не менее важную роль в звуковой организации стиха играют дистантные повторы и вариации, типа пары *вечернем-черная* в стихотворении Фета «Буря на небе вечернем», на которую в свое время указал Б. М. Эйхенбаум [2]: одно из слов стоит в первой строке стихотворения, другое появляется через пять строк, в предпоследней строке.

Парным дистантным повтором, как правило, дело не ограничивается. Даже в небольших стихотворениях слова с повторяющимися или варьирующимися созвучиями складываются в цепочки. Иногда через стихотворение проходит одна такая цепочка, иногда несколько. Например, в стихотворении Баратынского «На что вы, дни» две таких цепочки. Первую строку стихотворения, первую строку третьей строфы и предпоследнюю строку объединяет цепочка *юдольный, подлунный, бесплодный*. Слова *повторенья, развитием, возвратных* проходят соответственно через третью строку первой строфы, вторую строку второй строфы и третью строку третьей строфы.

[1] *Брик О.* Звуковые повторы. — В кн.: Поэтика, I—II. Пг., 1919, с. 58—98.
[2] *Эйхенбаум Б. М.* Мелодика русского лирического стиха. Пб., 1922, с. 163.

В развернутых текстах картина усложняется. В них, как правило, есть центральный звуковой ряд и несколько побочных рядов, которые находятся в сложном взаимодействии с центральным.

Взаимодействие контактных и дистантных повторов и определяет звуковой облик текста. Конкретные способы этого взаимодействия довольно разнообразны (в частности, контактный повтор может начинать сквозной звуковой ряд, т. е. ряд дистантных повторов), но в основе их лежат два основных способа — повторение одинаковых групп согласных и повторение разных групп согласных, которые имеют и контактное, и дистантное выражение.

Позиции, в которых встречаются звуковые повторы и вариации, многообразны. Прежде всего в звуковые пары и ряды может быть включено заглавие стихотворения. Если говорить о строфе, то звуковые повторы в ней могут располагаться и в соседних строках, прежде всего в первой и второй, и третьей, и четвертой, и в начале, и конце строфы, и в рифмующихся строках. Многократный повтор может распространяться на всю строфу. Что же касается стихотворения в целом, то в нем множество сильных позиций, в которых встречаются звуковые повторы, прежде всего это начало и конец стихотворения и соседние строфы.

Особое место в композиции стихотворения имеет стык строф. Иногда соседние строки скрепляют простые звуковые повторы: Я предаюсь моим *мечтам.* / Я говорю: *промчатся* годы (Пушкин); На *тмине* горят светляки. / Я жду . . . *Темно*-синее небо (Фет). Иногда же на стыке строф появляются более сложные звуковые композиции.

Хотя основу звуковой организации стиха представляет звуковой повтор, в ней принимают участие не только собственно звуковые повторы, но и вариации созвучий, не только объединения чистых созвучий, но и сочетания смешанные, размытые, основанные на том, что звонкому/звонким согласным одного слова соответствует глухой/глухие согласные другого слова.

Переход от одного варианта созвучия к другому может быть основным принципом звуковой организации небольшого текста. В стихотворении Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла» уже первая строка основана на размытом сочетании созвучий: *холм—мгла*. Переходы из одной тональности в другую характеризуют и цепочку глаголов, проходящую через стихотворение. От глагола, начинающего вторую строку: *Шумит Арагва* . . . тянется нить к глаголам *мучит* и *может*, которые расположены в рифмующихся строках. Еще одна пара такого рода *Грузии—грустно*.

Широкое использование неточных, размытых сочетаний ведет к тому, что в некоторых текстах почти все слова охвачены

звуковыми перекличками, включены в сеть подобий или контрастов.

Звуковой рисунок строки и двух соседних строк дает представление и об организации строк, оторванных друг от друга.

Звуковой рисунок соседних строк и строфы может быть довольно разнообразным. Один из возможных способов их организации — сочетание в них двух или нескольких контактных повторов, образованных разными группами согласных; часть слов, образующих строку, приобретает соответствия в соседней строке. Об этом типе отношений между строками и пойдет речь в дальнейшем.

Как правило, в случаях такого рода соседние строки связывают две пары контактных повторов или вариаций. Перекликающиеся слова при этом чаще всего располагаются симметрично.

При симметричном расположении между строками возникает звуковой параллелизм, хотя и не полный:

Как *печь гортань* его дымится,
В *пучине* след его *горит*
(Ломоносов)

И она, *окрылясь*, полетела из отчей *тюрьмы* —
На воздушном пути *королевна* полет свой *стремит*
(Блок)

Второй способ организации соседних строк — перекрестное расположение созвучий, их объединяющих; звуковое движение одной строки в обратном порядке повторяется в другой:

Когда пловцы шумят, *скликаясь* по *стругам*
И веслами *струи согласно* рассекают
(Жуковский)

Ладонью в *стволистую* мглу
Светляка подняла... Оглянись
(Блок)

Одна из разновидностей соотношения разных пар при перекрестном расположении — совпадение конечного созвучия одной строки с начальным созвучием другой:

Травы степные унизаны влагой *вечерней*,
Речи отрывистей, сердце опять суеверней
(Фет)

В зависимости от качества согласных между соотнесенными созвучиями устанавливаются отношения трех типов.

1) Строки объединены двумя парами звуковых повторов разной глубины. Один из повторов может быть более глубоким, трехконсонантным, другой менее глубоким, двухконсонантным, хотя это и не обязательно: *Мертвый стелется* кустарник, *Травы пляшут*, не горят (Тютчев); На ней *лежал* оттенок *предпочтенья* И женского *служенья печать* (Фет).

2) Соотнесенные строки отличаются друг от друга тональностью. Обе пары основаны на звуковых вариациях и представляют собой размытые сочетания: Да не *вредят* полям *опасный* хлад дождей И *ветра позднего* осенние набеги (Пушкин); Оно — тяжелый бред *души* твоей *больной* Иль *пленной* мысли *раздраженье*; И на *груди* их вместо *лат Льды* вековечные *горят* (Лермонтов); Лишь *соловьихи робких* чад *Хрипливым подзывали* свистом (Фет).

В большей части примеров распределение звонких и глухих в разных парах слов противоположно: если одна пара строится на переходе от слова со звонкими согласными к слову с глухими согласными, то другая пара, напротив, заключает в себе сначала слово с глухими, а затем со звонкими согласными. Однако это не единственный способ соотношения перекликающихся слов.

3) Одна из пар представляет собой звуковой повтор, другая — звуковую вариацию, глубокая звуковая перекличка соседствует с размытым сочетанием: За кораблем *вилася гальциона*, И тихий *глас* ее пловцов *увеселял* (Батюшков); *Лезгинку пляшет* и поет, Ее *глаза*, как звезды *блещут* (Лермонтов); Где *летнее* солнце *печет*, *Летают* и *пляшут* стрекозы (А. К. Толстой); Сквозь *стекла расплющенный* месяц, Как *тусклое блещет* пятно (Бунин).

Кроме того, встречаются, хотя и редко, такие строки, в которых одна из пар характеризуется меной начального согласного: В *кустах*, *вдоль* сеней безмятежных Все *пусто*, нет нигде *следов* (Пушкин); Как *откровению*, я *тишине* внимаю, *Не отрывая* глаз от звездной *вышины* (Бунин).

В зависимости от количества согласных, организующих соотнесенные пары, строки распадаются на две группы. В одних обе пары связаны глубокими звуковыми совпадениями или вариациями. В других случаях одна пара содержит глубокое созвучие, другая связана двухконсонантной группой, которая входит в состав более длинных слов. Основным средством связи между строками становится первая, более полная пара, вторая же пара — дополнительное, сопутствующее средство связи: Молю *святое провиденье*: *Оставь* мне тягостные *дни*. . . (Языков).

В ряде случаев центральная пара слов представляет собой разные варианты созвучия и образует размытое сочетание: Осмотрен, *вновь* обит, *упрочен Забвенью брошенный* возок (Пушкин). Такие объединения характерны для Фета, у которого сопутствующая пара также представляет собой вариацию созвучия, также размыта: И *стали* видны *содроганья Струи*, бегущей подо *льдом*.

Обе пары могут быть соединены неглубокими, двухконсонантными созвучиями: И, цепенея, *внемлет зритель*; И *лира*, *онемев*, молчит (Жуковский), *Едва*, *дымясь*, она *сверкнула* На *вековой громаде льдов* (Тютчев).

Звуковой параллелизм может быть осложнен и отчасти нарушен, если в одной из строк содержится многоконсонантное слово,

которому в другой строке соответствуют два слова, частично и поразному отражающие его консонантный состав. Если многоконсонантное слово предшествует простым словам, то их можно представить, как результат его распадения:

Дымный полдень, *воскресенье*
В *доме сером* и *высоком*

(Ахматова)

И, напротив, если многоконсонантное слово стоит после более простых слов, вбирая в себя их консонантный состав, можно условно говорить о его возникновении:

Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатились слезы

(А. К. Толстой)

Помимо обычной пары *секирой-коре* соотнесенные строки связаны и более сложным образом: слово *серебристой* обращено одновременно и к слову *острою* и к слову *береза*.

И тот и другой прием широко используется как самостоятельное средство организации стиха. Здесь же они играют роль побочного приема, который подчинен основному. В соотнесенных строках совмещаются два разных способа создания звуковых параллелей — повтор или вариация определенной группы согласных, с одной стороны, и распадание или возникновение многоконсонантного слова, с другой.

Подобный рисунок строк может характеризовать и строки, оторванные друг от друга. Так складывается одна из своеобразных разновидностей дистантного повтора, основанная на том, что повторяются не отдельные группы согласных, связывающие слова, и даже не однотипные объединения этих групп согласных, а рисунок некоторых строк.

Отношения между созвучиями, которые связаны с количеством и качеством согласных, характеризующие строку, повторяются и в строках, оторванных друг от друга.

Оба созвучия входят в пары чистого типа: *Духов бесплотных* сладострастья — Весенний, *теплый воздух* пить (Тютчев); *Предсмертной белой* пеною покрыт — И *бились* о бока его *стремена* (А. К. Толстой).

Обе соотнесенные пары размыты: Колокольчик *вдруг умолк* — Лишь глаза во *мгле горят* (Пушкин).

Одна пара слов объединена глубоким повтором, другая представляет собой размытое объединение созвучий: На богом *проклятые кровли* — *Кривые* улицы, *кладбища* (А. К. Толстой); *Горячий* капал *жир* в копченое корыто — Тут *грешник жареный* протяжно возопил (Пушкин); Деревья *блещут пестротой* — *Разоблаченная с утра* (Тютчев); Отцы *пустынники* и жены *непорочны* — Во дни *печальные* Великого *поста* (Пушкин).

Так же, как и в соседних строках, сочетается пара, организованная глубоким повтором или вариацией, и менее глубокое двухконсонантное созвучие, которое спрятано в многоконсонантном слове: Серебром *окаймленная* — Долго *при* месяце будет *мелькать* покрывало (Фет), Как *пламенеет*, как *дробится* — Твой луч упорный *преломляя* (Тютчев).

Если в одну из строк входит многоконсонантное слово, то оно способно приобретать разные, не совпадающие друг с другом соответствия, одно из которых расположено в непосредственной близости, другое на расстоянии.

Блестя, как изумруд, *извилисто скользит* —
На берег, на *залив*, на *скалы* налегла

(А. К. Толстой)

У слова *извилисто* два соответствия. Одно в строке — *блестя*, другое на расстоянии — *залив*.

В развернутых текстах так же, как и в соседних строках, соотнесенные созвучия располагаются либо симметрично, либо перекрестно. При симметричном расположении строки могут как бы вытекать одна из другой, несмотря на пропущенные звенья: После чаю мы вышли в огромный *коричневый сад* — Где *курчавые всадники* бьются в кудрявом порядке (Мандельштам).

Перекрестное и симметричное расположение одних и тех же пар слов может совмещаться в стихотворении, даже небольшом. Стихотворение Тютчева «Успокоение», которое занимает всего восемь строк, организуют три параллельные строки. Две из них — вторая и шестая — связаны симметричным расположением перекликающихся слов: Высокий дуб, *перунами сраженный*, — *Пернатых* песнь по *роще* раздалася. Последняя строка стихотворения *В зеленые вершины уперлася* перегруппировывает уже сложившиеся в предшествующих строках отношения, меняя местами соотнесенные созвучия: *перунами — пернатых*, *сраженный — по роще*, но: *вершины — уперлася*.

Хотя в оторванных друг от друга строках так же, как и в соседних строках, явно преобладают парные переклички между словами, возможны и более сложные построения, когда соотносятся не две, а три пары: В косу *вплелася морская трава* — *Выплыл*; *товарищей громко* зовет (Лермонтов); *Светало. Ветер* гнул *упругое* стекло. . . — От *вёсел* к *берегу кудрявый след* бежал (Фет); В тот *вечер* не гудел *стрельчатый лес* органа — И *сила страшная* ночного *возвращенья* (Мандельштам).

Одна из позиций, в которой встречаются параллельные строки, — стык строф: По мерзлой *пашне* мчусь я на *телеге*. Что за беда? Не всех ж *гулять пешком* (Пушкин)

На стыке строф возникают и более сложные звуковые построения. В «Элегии» Пушкина звуковое движение двух последних

строк первой строфы частично повторяется в двух первых строках второй строфы:

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

Перекликаются не только строки, непосредственно соприкасающиеся друг с другом: *грядущего — други, море — умирать*, но и строки, оторванные друг от друга, — *сулит — мыслить, труд — страдать*. Возникает довольно четкий звуковой параллелизм, осложненный тем, что слово *грядущее* вбирает в себя консонантный состав предшествующего слова *горе*.

Параллельные строки могут быть отделены друг от друга небольшими отрезками текста, минимальный объем которых строка:

И *молодая* грудь все больше *обнажалась*,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались *медленно*, *желания* полны.

(Фет)

Параллельные строки, входящие в состав строфы, могут связывать рифмующиеся строки, в результате чего количество точек соприкосновения между ними увеличивается:

Там, *озаренный*, как покойник,
С окна блужданьем ночника
Сиренью моет подоконник
Продрогший абрис ледника.

(Пастернак)

Одна из параллельных строк тяготеет к началу, другая к концу стихотворения. В частности, одна из параллельных строк начинает стихотворение, другая кончает его. Например, в стихотворении Пушкина «Совет» три слова первой строки: *Поверь*: когда *слепней* и *комаров* имеют соответствие в последней строфе: *Прихлопни* их *проворной эпиграммой*. Одна из параллельных строк начинает стихотворение, другая тяготеет к его концу. Строка *Для берегов отчизны дальной* имеет соответствия в строке *Исчезла в урне гробовой*. Глубокое совпадение звуков *берегов — гробовой* дополняется двухконсонантной группой, объединяющей слова *отчизны* и *исчезла*. В промежуточной строке это созвучие приобретает самостоятельность и акцентируется: *В час незабвенный, в час печальный*.

Вот еще несколько примеров соответствия между началом и концом стихотворения: Кто *пренебрег святынею* могильной — И от *гробов ответа* не получит (Баратынский); Когда б в *полете скоротечном* — *Столпится* в золотых *скирдах* (Фет).

Параллельные строки — один из способов установления связей между соседними строфами. Роль их тем больше, чем меньше стихотворение.

Звуковые параллели связывают конец первой строфы и конец двухстрофного стихотворения Батюшкова «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы»: *Сияния* протекших *дней* — Со *дна* не встанут *синих* вод. В стихотворении Баратынского «На что вы, дни» третья строка третьей строфы соотнесена с его последней строкой: Под *веяньем* возвратных *сновидений* — *Венец* пустого *дня*. В некоторых трехстрофных стихотворениях Фета так связывается либо первая и вторая, либо вторая и третья строфы стихотворения. В стихотворении «Тополь» центр стихотворения: *Таишь*, мой *тополь*, смертный свой недуг — соотносится с его последней строкой: *Стоишь* один и помнишь *теплый* юг. Пара *таишь* и *стоишь* связана не только звуковой близостью, но и тем, что характеризует один и тот же субъект действия. Ср. в других стихотворениях: Дышит *земля* всем своим *ароматом* — Нужно *безумствовать* — или *смириться*; *Каймою* тень легла от сосен в *лунный* свет — Я не пойду туда, где *камень вероломный*. . .

Редчайший случай использования параллельных строк содержится в стихотворении Есенина «Отвори мне, страж заоблачный», в котором параллельными строками скреплены все три строфы, в том числе и первая и последняя строки. Два слова первой строки *страж заоблачный* имеют размытые соответствия во второй и третьей строфах: Слышу я, как *ржет* он *жалобно* — *шерсть буланая* в туман. Если пару *заоблачный* — *жалобно* составляют разные варианты созвучия *б-л-ч-н* и *ж-л-б-н*, то консонантный состав слова *буланая* вписан в консонантный состав более длинных слов.

В развернутых текстах может быть несколько пар строк, связывающих разные соседние строфы. В стихотворении Лермонтова «Поэт» одна пара параллельных строк связывает начала соседних строф: Наезднику в горах *служил* он много *лет* — Забавы он *делил послушнее* раба. Другая пара связывает седьмую и восьмую строфы, причем перекликающиеся строки близко подходят друг к другу — рисунок третьей строки седьмой строфы: На злато *променяв* ту *власть*, которой свет — частично повторяется в первой строке восьмой строфы: Бывало, *мерный* звук твоих могучих *слов*. Еще одна пара связывает начало предпоследней строфы и конец стихотворения. Созвучия, образующие пары, отличаются тональностью: Но скучен нам *простой* и *гордый* твой язык — По*крытый* ржавчиной *презренья*. Перекликающиеся пары — в большей степени *гордый* — *покрытый*, в меньшей степени *простой* — *презренья* основаны на варьировании созвучий.

Параллельные строки могут связывать не только соседние, но и оторванные друг от друга строфы. Например, в стихотворении Тютчева «Cache-cache» звуковой рисунок одной из строк повто-

ряется через строфу: *Металл содрогнулся*, тобой оживлен — Влетел *мотылек*, и с цветка *на другой*. . .

Относительный параллелизм строк — не только самостоятельный прием организации текста. Он взаимодействует с другими приемами, и в первую очередь со сквозными звуковыми рядами. Специфичность этого взаимодействия основана на том, что не все созвучия, имеющие соответствие в параллельных строках, равноправны за их пределами. Одно из созвучий может выходить за пределы параллельных строк. В простых случаях таких выходов немного: две строфы, например, объединяются двумя звуковыми скрепами, третья содержит подобие только одного из слов.

В зависимости от расположения этих двух типов строк возможно два рисунка текста. Одна часть текстов характеризуется звуковым движением по нисходящей линии — параллельные строки сменяются строкой или строками, в которых параллелизм разрушен и одно из слов утратило свою звуковую пару.

В стихотворении Лермонтова «Свиданье» строке первой строфы *Сверкает жаркий ключ* во второй строфе соответствует строка *Лежу я на ковре*, глубокий повтор *сверкает—ковре* (*в-р-к — к-р-в*) сопровождает размытое созвучие *ключ-лежу* (*л-ч-л-ж*). В пятой строфе повторяется слово *ковер*, а вместе с ним и его звуковое сопровождение, только теперь два слова оторваны друг от друга и распределены по соседним строкам: *Кинжалом* в нетерпении Изрезал *я ковер*. В конце этой строфы звуковой комплекс *к-р-в* отрывается от своего звукового сопровождения и употребляется самостоятельно: Выходят с *караванами*. Почти весь ряд, организованный этой группой согласных, проходит по концам строк: *на ковре*, *ковер*, *с караванами*.

В стихотворении «Листок» соотнесенные строки имеют такой рисунок: У Черного *моря* чинара стоит *молодая* — Приюта на *время* он *молит* с тоскою глубокой — Мой слух *утомили* давно уж и райские птицы. Первые две строки связаны двумя парами созвучий, третья содержит только одно повторяющееся созвучие.

Аналогичный рисунок имеют соотнесенные строки в стихотворении Фета: «О нет, не стану звать утраченную радость»: И *спутницу* ее — *безумную* любовь — И *пусть* очнусь вдали, где к речке *безыменной* — И с лона тихого *земного* идеала.

В других случаях разрушенного параллелизма параллельные строки могут дополняться исходными созвучиями, рассредоточенными по разным строкам, сменяющим друг друга:

Святые призраки *скользят*. . .
Здесь *воздух колет*. Снег обильный
На *высотах* и в глубине —
И *холод*, чародей всесильный. . .

(Тютчев)

И напротив, параллелизм между строками может возникать не сразу. Объединению разных созвучий в строке предшествует их самостоятельное существование.

В стихотворении Лермонтова «Три пальмы» появлению параллельных строк предшествуют строки, связанные глубоким созвучием *к-л-н*: Еще не *склонялся* под кущей зеленой; Ничей *благосклонный* не радуя взор; И шел, колыхаясь, как в море *челнок*. Затем этот звуковой комплекс в сочетании с группой *т-н* организует две соотнесенных строки, строение которых осложнено в одном случае повтором центральной группы согласных, в другом — повтором другой группы согласных. Кроме того, они связаны лексическим повтором: И, *стан* худощавый к *луке наклоня*, — В *тени* их веселый *раскинулся стан*. В конце стихотворения звуковые группы, создавшие точки соприкосновения между строками, распределяются между соседними строками:

Напрасно пророка о *тени* он просит —
Его лишь песок *раскаленный* заносит.

В стихотворении Лермонтова «Поэт» к строке: Теперь родных *ножон, избитых* на войне, Лишен героя спутник *бедный* тянутся нити от второй строки стихотворения: Клинок *надежный*, без порока — и от строки: Звенел в ответ речам *обидным*. Параллельная строка: В наш век *изнеженный* не так ли ты, *поэт*, связана со своей предшественницей не только глубоким повтором *ножон — изнеженный*, но и в значительной мере ослабленным отголоском неоднократно акцентированного созвучия *б-д/п-т*: *избитых*, *спутник*, *бедный — поэт*. Ассоциативная связь между двумя разными группами согласных, установленная в только что рассмотренных строках, повторяется еще раз, но уже в соседних строках:

Воспламенял бойца для битвы,
Он *нужен* был толпе, как чаша для пиров.

Это стихотворение интересно еще и тем, что между параллельными строками в нем есть промежуточное звено. Появлению второй строки предшествует промежуточное звено в виде слова *заботливой*, которое не дает прерваться звуковой цепи.

Промежуточные звенья, разделяющие параллельные строки, в разных текстах организуются по-разному. В одних случаях, как в только что приведенном отрывке из стихотворения Лермонтова, соответствие имеет лишь одно созвучие. Подобные же отношения между параллельными строками в стихотворении «Три пальмы»: Пестрели *коврами* покрытые вьюки — И *черные* очи оттуда *сверкали* — И белой одежды *красивые* складки — Вот к пальмам подходит, шумя, *караван* — *Урочный* свой путь совершал *караван*. Параллелизм нарушается, но непрерывность одного из звуковых рядов поддерживается: *коврами*, *сверкали*, *красивые*, *караван*.

В других текстах в промежутке между параллельными строками отражается попеременно консонантный состав то одного, то другого созвучия:

И унывающий народ
В печали вретище облекся,
Что отлучен Петров был плод.
Ужасны хляби, стремнины
Стоят против Петровой дщери,
И твердость тяжкия стены,
И ввек заклепанные двери
И непроходных страх морей
Лишают нас надежды всей.

(Ломоносов)

Между двумя строками с перекрестным расположением созвучий *вретище облекся — заклепанные двери* стоит еще одна пара слов, представляющих собой вариант тех же созвучий: *хляби — твердость* в рифмующихся строках.

Как видно из приведенных примеров, в стихотворении может выделяться довольно длинный ряд строк, включающих однотипные созвучия. Одновременно с этим центральным рядом существуют побочные созвучия, которые меняются, повторяясь и совпадая лишь в части строк. На этой основе в некоторых стихотворениях возникают разные пары параллельных строк, имеющих одно общее созвучие.

Параллелизм строк — одна из форм скрепления сквозных звуковых рядов.

В стихотворении Пушкина «В прохладе сладостной фонтанов» сквозной ряд, проходящий через все стихотворение, образуют слова с созвучием *п-р-с* и его вариациями: *обрызганных, праздного, прозрачной*, отголосок этого созвучия слышится в слове *рассказы*, в последней строфе вновь появляется слово с трехконсонантным созвучием — *прозорливый*, в предпоследней строке созвучие перерождается — *грозны*. Слова этого ряда сопровождают два разные повторяющиеся и сменяющие друг друга созвучия *н-т* и *л-с-т*. В результате их взаимодействия с созвучиями центрального звукового ряда возникают сменяющие друг друга строки, связанные звуковыми параллелями:

В прохладе *сладостной* фонтанов
И *стен, обрызганных* кругом, —
На *нити праздного* веселья —
Прозрачной лести ожерелья —
Его *рассказы расстилались* —

Слова последней строфы этим общим движением не захвачены, если не считать созвучия *л-т*, скрытого в слове *крылатый*:

Как прозорливый и крылатый —
Где мужи грозны и косматы. . .

В другом стихотворении Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят» консонантный состав слов, объединенных во второй строке:

А завтра кованой пятой отзывается в разных местах стихотворения в разных вариантах. Конец второй строфы: *Стамбул отвык от поту битвы И пьет вино в часы молитвы*, конец третьей строфы: *И спит подкупленный евнух*, конец четвертой строфы: *В вине разврат, огонь и шум*, начало пятой строфы: *Постимся мы: струею трезвой Одни фонтаны нас поят*; конец стихотворения: *Тогда султан Был духов гнева обуян.*

Через четыре отрывка проходит ряд, начатый словом *пятой*, во второй и четвертой строфе содержатся парные повторы: *поту битвы — пьет, постимся — поят*. Консонантный состав слова *кованый* во второй строфе отражается в словах *отвык* и *вино*, в третьей строфе — в слове *евнух* (с изменением согласного), в четвертой — повторяется слово *вино* и появляется новое преобразование *огонь*, из консонантного состава этих двух слов складывается слово *гнев* в конце стихотворения. *Завтра* имеет соответствие в соседней строке — *раздавят*, в слово *окровавленный* в последней строфе вписано *кованый*, в четвертой и пятой строфе — *разврат — трезвой* (в сочетании *струею трезвой* — разные варианты единого созвучия *с-т-р*.)

Подобным же образом обстоит дело в стихотворении А. К. Толстого «Ты знаешь край. . .», где на фоне более или менее устойчивой повторяющейся группы согласных (*л-т/л-с-т*) существуют меняющиеся побочные созвучия *р-с, с-д, в-р-к*: Где реки *льются* чище серебра — Когда *росой* подсолнечник *блестит*, Так звонко *льется жаворонка* пенье, *Стада блеят*, а колокол гудит — Когда *седой* вставал с *болота* пар — *Блистал* над степью искрами стожар — Ты знаешь край, где с *Русью бились* лихи — И много где *пролито крови* славной — Меж берегов *осиротелых льет*. . .

Аналогию такому расположению созвучий отчасти представляет *начало стихотворения Тютчева «Как сладко дремлет. . .»*, вторая и третья строки которого представляют собой довольно сложную звуковую композицию:

Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой! . .

Строки скрепляют разные варианты созвучия *цветами — светит*. Каждое из этих слов окружено сочетаниями, одно из которых представляет собой звуковой повтор *яблони — убеленной*, к тому же объединяющий слова, связанные и по смыслу, другое — вариацию созвучия — *сладко-золотой*.

Тяготение к звуковой симметрии столь же характерно для строения стиха, как и тяготение к ее нарушению. Один из простейших способов нарушения звукового параллелизма — специфическое распределение соотнесенных строк. Слова, сконцентрированные в строке, имеют соответствия в двух сменяющих друг друга строках:

Пусть Парка не прядет из злата жизнь мою,
И я не буду спать под бархатным наметом:
Ужели через то я потеряю сон?

(Батюшков)

Соответствия слов *Парка* и *прядет* рассредоточены по двум строкам: *бархатным*, *потеряю*.

Аналогичный рисунок имеет стык последней и предпоследней строфы в стихотворении Тютчева «Весенняя гроза»:

Все вторит весело громам.
Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла. . .

Глубокий повтор, связывающий слова *вторит — ветреная*, в который совпадает даже порядок согласных, дополняется размытым созвучием *громам — кормя*.

И, напротив, часть созвучий, рассредоточенных по двум строкам, концентрируется в строке:

Петрополь сосны осеняли —
Но *вихрем* пораженны пали,
Теперь корнями *вверхъ* лежат

(Державин)

Вот *пробилась* из-за тучи
Синей *молнии* струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

(Тютчев)

В развернутых текстах такое соотношение между строками — один из распространенных, но частных приемов (об этом свидетельствуют и некоторые примеры, рассмотренные ранее). Эти построения так же, как и другие способы организации строки и соседних строк, соотносят друг с другом разные строфы. Созвучия строки рассредоточиваются между двумя соседними строками: И *прыгал*, как барс, пораженный *стрелой*, — По корням *упругим* топор застучал, И пали без жизни питомцы *столетий!* (Лермонтов), *Почернел*, *искривился* бревенчатый мост — *Вечерами* над озером слышен вздох, И по стенам расползся *корявый* мох (Ахматова).

Созвучия двух соседних строк, стягиваются в строке: В тиши и *мраке* таинственной ночи Я вижу *блеск приветный* и милый — *Трава поблекла*, пустыня *угрюма* (Фет).

Звуковые построения обоих типов могут связывать начало и конец стихотворения. При этом в конце стихотворения происходит либо стягивание созвучий в строку, либо их разъединение. Особенно велика роль таких построений в небольших стихотворениях. В стихотворении Пушкина «Еще дуют холодные ветры»

происходит стягивание созвучий: Из душистой *келейки* медовой *Вылетала* первая пчелка — Распустятся *клейкие листочки*. Также стягиваются созвучия в двухстрофном стихотворении Тютчева «Вечер»: Как тихо *веет* над долиной Далекий *колокольный* звон — *Светлея*, не *колыхнет* день.

В трехстрофном стихотворении Фета «Пароход» созвучия, стянутые в начале, в конце разъединяются: *Ноздри пышут*, пар валит — Только *пляшут* вереницей *Нереиды* за тобой.

Соотнесенные созвучия могут быть оторваны друг от друга и более значительными фрагментами текста. В стихотворении Пушкина «Ночной зефир» три слова, входящие в соседние строки: Вот испанка молодая Оперлася на балкон, — *испанка*, *молодая*, *оперлася* имеют соответствия на расстоянии. Соответствия двух из них сближены, как и в исходной строке: *Скинь мантилью*, ангел милый. Соответствие третьего слова отодвинуто в глубь строфы, в третью строку: Сквозь чугунные *перилы* Ножку дивную продень!

Одно из созвучий, входящих в состав такой звуковой композиции, так же, как и одно из созвучий в параллельных строках, может иметь соответствие за ее пределами. Иногда такое созвучие представляет собой часть длинного звукового ряда.

Начало стихотворения Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» связано с шестой строкой звуковой перекличкой, которая рассредоточена на две строки:

Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем. . .'

В звуковом отношении соотнесены однородные сказуемые: *воешь — роешь* и подлежащее и сказуемое *ветр — твердишь*. Звуковые переклички продолжают ряд, начатый словом *ветр*, и дальше, уходя в глубь стихотворения и организуя параллельные строки, отличающиеся друг от друга тональностью:

Про *древний* хаос, про *родимый* —
Из *смертной рвется* он груди.

Параллельные строки и раздвинутые созвучия могут дополнять друг друга в пределах стихотворения. Так организован конец стихотворения Баратынского «Запустение»:

Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень, священную мне, встречу.

Три строки связаны двумя повторяющимися созвучиями *л-т*, *с-л-т* и *р-ч*. Затем эти созвучия отрываются друг от друга и распределяются между соседними строками: *в сладостной — ручьев*.

В последней строке имеет пару только слов *ручьев — встречу*. Зато возникает новая параллель, отчасти созданная лексическим повтором: *в . . . тени невянущих — тень священную*.

Один из видов звуковых параллелей и других объединений, основанных на звуковых ассоциациях, создается лексическим повтором или повтором однокоренных слов, которые в данном случае играют роль звукового повтора.

Одна из позиций, в которой могут возникать звуковые параллели — анафорические построения. Вслед за лексическим повтором, образующим анафору, идет собственно звуковой повтор, как бы продолжающий и развивающий ее. Синтаксический параллелизм подкрепляется звуковым параллелизмом:

Как *слит* с прохладою растений фимиам!
Как *сладко* в тишине у брега струй плесканье!
(Жуковский)

Как жарко поцелуй *пылает* на морозе!
Как дева русская свежа в *пыли* снегов!
(Пушкин)

Чтоб в груди *дремали* жизни силы,
Чтоб, дыша, *вздымалась* тихо грудь.
(Лермонтов)

Что летит буйный *ветер* по берегу,
Что летит и *Тверца* по-под берегом.
(Мей)

Лексический повтор, в том числе и анафора, может связывать не только полные и чистые пары, но и пары размытые, основанные на согласных разного качества: И снова *то же дерзновенье* И *та же* темная *струя*; *В аллею* тополей *с дрожащими* листами, *В аллею*, где вдали так *страшно* и темно (Фет).

Звуковой повтор может быть заключен в строках со смежной рифмовкой между анафорой и рифмой: С тем же *бледно-прозрачным* лицом, С тем же *розовым белым* венцом; Люблю безмолвие *полуночной* природы, Люблю ее лесов *лепечущие* своды (Фет).

Построения такого типа встречаются и за пределами анафорических конструкций, в соседних строках, объединенных лексическими повторами: Но сердце глупое, как *ветхие часы*, Коли забьет порой так все свой *час заветный*; Ночь *нема*, как *дух бесплотный*, *Теплый воздух онемел* (Фет); Думы *ткут* то в солнце, то в *тумане* Золотой узор на *темной ткани* (А. К. Толстой); *Сорван последний* орех, *Свянул последний* цветок (Майков); Когда ты *смотришь* в угол *темный* И *смерти* ждешь из *темноты* (Блок).

Особо следует отметить возникновение звуковых параллелей на стыке строф: *Издеваясь* над тобой. / А с тобой *издавна* тесен (Баратынский).

Звуковой параллелизм складывается из лексического повтора и собственно звукового совпадения и в строках, оторванных друг от друга. Лексический повтор довольно часто становится сигналом звукового параллелизма строк: В нем *винограду кисти* рдели — А *кисти* сочные, как яхонты *горят* (Крылов); Из *золота слиты* чертоги мои — Он *золото*, перлы и радость *сулит* (Жуковский); Тогда я демонов увидел *черный рой* — Тогда других *чертей* нетерпеливый *рой* (Пушкин); *Я жду. . . Соловьиное эхо — Я жду. . .* Вот *повеяло с юга* (Фет): И лежал я в *траве*, и *печалью* и скукой томим — И запела *печальная тварь* славословье уму (Заболоцкий).

В стихотворении Мандельштама «Сестры — тяжесть и нежность» лексический повтор сопровождается своеобразной звуковой композицией: консонантный состав слова *одинаковы* в конце стихотворения распределяется между двумя словами, образующими сочетание *двойные венки*: Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы — Розы тяжесть и нежность *в двойные венки* заплела.

Особенно велика роль лексических повторов в развернутых текстах. С этой точки зрения показателен пролог к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в котором звуковые ряды в значительной мере скреплены лексическими повторами. Два ряда слов, один из которых соотнесен со словом *крестьяне*, другой — со словом *мужики*, взаимодействуют во вступлении так, что постоянно сочетаются либо в строке, либо в соседних строках, образуя и параллельные строки, и более развернутые отрезки текста с однотипным звуковым оформлением. Слово *крестьяне* и его звуковые подобия притягивают к себе слова с группой согласных *м-ж* и ее вариантами слово *мужики* — слова с группой *к-р-с-т*, которая то используется в своем основном виде, то распадается на более простые составные части: Уселись *мужики*. Зажгли *костер*, сложилися. Пара *мужики—костер* повторяется: Пришла к *костру*, уставила Глаза на *мужиков*, Шальных речей послушала И начала, сердечная, *Мычать, мычать, мычать*;. . . Тут же *мечется*, Летает над *крестьянами*, Шарахаясь то о землю, То о *кусты* кругом; Подкралась к *мужикам*. . . Эй, *скатерть* самобранная, Попотчуй *мужиков*!; К *костру* подобрался, Поймал его Пахомушка и т. п.

Звуковые параллели и ассоциации могут иметь и гораздо более сложный характер. В некоторых текстах одновременно повторяются разнообразные звуковые комплексы. Повторы эти могут организовывать развернутые отрезки текста — строфу и даже несколько строф. При этом в соотнесенных местах происходит перераспределение концентрации разных созвучий. Такие сложные звуковые композиции должны стать предметом специального рассмотрения.

С. Н. ШЕПЕЛЕВА, В. М. ПЕТРОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОЙ РИФМЫ

В работе рассматривается проблема отбора материала в целях проведения статистического анализа стиховых явлений; излагаются принципы, принятые авторами при составлении статистического массива для изучения эволюции рифмы. На основе разработанной методики измерения основных рифменных характеристик, эволюционных параметров (Шепелева, Петров 1980, Шепелева 1981), проводится фрагментарное исследование рифмы на материале русской поэзии за период с 1950 по 1980 гг.

Среди многих методов изучения поэтического языка особенно важное значение имеют методы, базирующиеся на эволюционном подходе. Это обусловлено тем, что поэтический язык есть явление, которое находится в постоянном развитии. Это феномен, подчиненный законам искусства, которое «живет на основе сплетения и противопоставления своих традиций, развивая и видоизменяя их по принципам контраста, пародирования, смещения, сдвига» (Эйхенбаум 1969). Высокий динамизм, изменчивость средств характерны для истории поэзии. И именно при эволюционном подходе получают наиболее ясное выражение различные стадии становления поэтического языка, генезис отдельных поэтических явлений, их взаимосвязь и преемственность; выясняются отношения каждого элемента литературного произведения, как системы, с другими элементами и со всей системой — «конструктивная функция данного элемента» (Тынянов, 1929); находятся общие эволюционные тенденции; изучаются различия и взаимодействия между творчеством выдающихся поэтов и всей литературой в рассматриваемый период времени, роль поэзии в культуре (в литературе) определенных эпох и т. п.

Развитие поэтического языка — сложный процесс, на который влияет взаимодействие как внешних, в частности, социокультурных фактов, так и имманентных (например, стилистических) явлений. Это сообщает большую разнородность поэтическому материалу, делает необходимой работу с его достаточно большим объемом, в котором бы по возможности нашли отражения явления разных рядов. В исследовании такого материала неизбежно приходится иметь дело со статистическим массивом и применять при его анализе статистические методы. Именно «статистический анализ стиховых структур у разных поэтов на протяжении всей истории стиха позволяет нам выявить не только специфические особенности отдельных поэтов (их руку, — говоря образно) но и характеристику целых эпох в развитии» (Тарановский 1966).

Эволюционные исследования последних десятилетий (начиная с 20-х годов) показали необходимость учета исследователем всего объема литературы (см., например, теорию взаимодействия центра и периферии в эволюционной концепции Ю. Тынянова). В современных работах важность изучения литературного материала во всем его многообразии подчеркивает, например, К. Д. Вишневский (Вишневский 1977). Доказывая ошибочность распространенной оценки поэзии XVIII в. как поэзии «бедной, однообразной, зарегулированной некими правилами в области употребления размеров и строф», автор пишет: «Дело в том, что в поле зрения исследователей, как правило, попадает довольно ограниченный круг произведений, <. . .> Это не секрет, и существует даже аргументация такого отбора: изучать нужно в первую очередь наиболее ценное в идейно-художественном отношении; <. . .> однако при таком подходе из поля зрения исследователей выпадают не только альбомные мелочи, но и многое другое, может быть, и действительно не самое лучшее, но существующее же! Это всякого рода стихи «на случай». <. . .> Это, наконец, многочисленные жанры, сыгравшие свою недолговечную роль, <. . .> и затем забытые и не перепечатывавшиеся. Но очень часто именно здесь мы встретим смелые эксперименты в области стихотворной техники <. . .> и только учитывая их, мы сможем восстановить объективную картину его (автора, — прим. *С. Ш.*) творческой манеры, дать точную оценку его метрического и строфического разнообразия». Иными словами, перед исследователем эволюции поэтического языка должна предстать возможно полная картина поэзии соответствующих эпох. И вот здесь неизбежно встает проблема отбора материала, т. к. рассмотреть русскую поэзию в полном объеме за большой исторический период практически не представляется возможным.

ПРОБЛЕМА ОТБОРА ИСХОДНОГО МАТЕРИАЛА

Выбор материала может быть в принципе осуществлен двумя способами. Первый способ — включение в выборку произведений тех авторов, которые считаются определяющими для литературной эпохи и ее эволюции. Одна из последних значительных работ, основанных на принципе такого отбора, — монография М. Л. Гаспарова (Гаспаров 1974), посвященная эволюции метрического репертуара русской поэзии от Ломоносова до наших дней. Гаспаров решает проблему отбора, стараясь, «в целях объективности <. . .> расширить круг привлекаемого материала сколь можно больше». Основой для отбора материала стали «наиболее полные серийные и антологические издания русской поэзии, — в предположении, что в этих изданиях отобраны тексты, наиболее представительные для своей эпохи».

Сюда вошли антологии по русской поэзии за XVIII—XX в.,

сборники малой серии «Библиотеки поэта», сборники серии «Библиотека советской поэзии», альманахи «День поэзии», ряд других изданий, из которых и была составлена выборка. В частности, «были взяты только произведения среднего объема», содержащие не менее 8 стихов и не относящиеся к большим жанрам (поэмы, драмы).

Отмечая недостатки такого отбора, автор говорит о неравномерности представления советской поэзии в томах «Библиотеки», поэзии XVIII в. в антологии С. А. Венгерова, о нечеткости хронологических рубежей в сборниках.

К общим недостаткам таких методов составления выборки можно отнести: а) неопределимость пропорций представления в выборке тех или иных направлений в поэзии; б) возможность недостаточной объективности выбора (вследствие неполноты наших представлений о факторах, влияющих на эволюцию поэтического языка и, следовательно, о тех явлениях, которые должны найти отражение в выборке); в) неопределенность представления основного и периферийного фонового литературного материала.

Второй способ составления выборки основан на принципе «случайного отбора» образцов поэзии из некоторого массива. Слабостью этого подхода, возможно, является отсутствие полного учета различного веса тех или иных литературных направлений, степени их влияния на историко-литературный процесс. Хотя следует ожидать, что те явления, которые оказывали большее влияние на развитие литературы, находили большее отражение во всем массиве и, следовательно, будут в большем объеме представлены в выборке.

Оба метода составления выборки дополняют друг друга.

Авторы отдают предпочтение второму методу отбора материала: для изучения статистических закономерностей эволюции поэтического языка он представляется более адекватным. Таким образом, проблему выбора материала мы решаем безотносительно к оценкам тех или иных авторов, стараясь максимально приблизиться к истории, отталкиваясь от истории, во всяком случае, от некоторого первичного отбора (а не от более или менее значительных лиц, заведомо отобранных, например, в случаях составления разного рода сборников поэзии).

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сознавая всю сложность взаимодействия различных пластов литературы и культуры вообще (в том числе влияние на письменную литературу литературы устной), мы, тем не менее, считаем возможным ограничиться исследованием только письменной литературы, поскольку эта литература может рассматриваться как относительно особый «автономный» пласт; по-видимому, самый значительный пласт, который, по крайней мере в последние два

столетия, почти целиком определяет развитие литературы в целом. Более того, мы решили сосредоточить внимание только на журнальной литературе, поскольку именно она, как наиболее оперативная по своей природе, быстрее всего и наиболее детально отражает исторические процессы в разного рода явлениях литературного языка. Кроме того, именно этот материал может позволить рассмотреть те стороны поэзии, которые остались в тени или вообще не дошли до наших дней, но которые, тем не менее, существовали и, возможно, оказывали влияние на эволюцию поэтического языка. Исследование такого рода имеет значение и для анализа творчества выдающихся поэтов того или иного времени, для выявления отличий их творчества от современной им литературы, а также для решения задач прогнозирования языка.

Выбор исходного объекта исследования определил хронологические границы анализируемого периода: с начала XIX в. по настоящее время. Дело в том, что в России только в XIX в. произошел поворот литературы к журналам, что в значительной степени определило ее дальнейшее развитие. «Русская литература, в противоположность западной, — писал Б. Эйхенбаум в статье «Поэт-журналист» (Эйхенбаум 1969) — долго держалась аристократических привычек. Переход Пушкина к журналу встречен был негодованием. Призыв Белинского к «беллетристике» (1845) казался многим кощунством, как кощунством казалось развитие водевиля за счет высоких театральных жанров. Это держится более или менее прочно на протяжении всего XIX в., но только в теории — на практике положение оказывается иным.» «Уже с конца тридцатых годов литература выходит из сфер интимного дилетантизма «на оный путь — журнальный путь». Идет коренная перестройка самого понятия «словесности». Писатель оказывается в положении профессионала — в положении, зависимом от редактора, от читателя. Литературу поглотил журнал, писатель стал журналистом. Одновременно с Белинским, признавшим необходимость широкого развития беллетристики <. . .> Н. Киреевский, с некоторым страхом за будущее, писал: «В наше время изящную словесность заменила словесность журнальная. И не надобно думать, чтобы характер журнализма принадлежал одним периодическим изданиям: он распространяется на все формы словесности с весьма немногими исключениями.» <. . .> Все стало называться «статьей» — и рассказ, и стихотворение. Так называет Толстой свои вещи в письмах к Некрасову, так Герцен называет в письме к Тургеневу «Поэт и гражданин» Некрасова. В этой мелкой черточке чувствуется власть журнала, победившего эпоху альманахов. <. . .> К середине пятидесятых годов положение совершенно определилось.»

Таким образом, мы останавливаем внимание только на периоде широкого развития журнальной литературы в России. В противном случае, при небольшом, сравнительно, количестве

выходящих журналов, собранный материал не дал бы возможности отразить весь спектр поэтических явлений; искажения возникли бы за счет целого ряда факторов, например, субъективизма при отборе материала и т. п.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОТБОРА

На основе предварительных статистических оценок, а также предвидя возможности разносторонней проверки полученной выборки с помощью различных группировок и разбиений материала мы решаем отбирать за каждый год 30 примеров из поэтических произведений.

Для наших ближайших целей — изучения особенностей структуры рифмы и ее эволюции — в качестве примеров берутся начала стихотворений, содержащие минимум две концевые рифмы. Таким образом, нашу выборку за год составляют 60 рифм.

Чтобы возможно полнее представить различные поэтические направления, а также ослабить влияние субъективных (вышеупомянутых) факторов, определяющих курс того или иного издания, решено иметь в выборке за каждый год поэтический материал, опубликованный, как правило, не менее чем в шести журналах (в журналах шести различных наименований); журнал данного наименования представляется в выборке, как правило, пятью стихотворениями. Обращение к альманахам и сборникам поэзии допускается только как исключение, в случаях отсутствия нужного количества примеров в журналах рассматриваемого периода времени.

СБОР МАТЕРИАЛА

С помощью каталогов русских периодических изданий (см. библиографию) случайным образом [1] выбираются шесть наименований из числа литературно-художественных или литературно-политических журналов за каждый год. Из одного или нескольких номеров данного журнала берем пять стихотворений и выписываем начало каждого из них с необходимым количеством строк [2].

Используются фонды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Государственной исторической библиотеки. Например, из журналов 1950 года издания в выборку попали: Звезда, Советский воин, Огонек, Крокодил, Советская женщина, Смена; из журналов 1965 года — Дружба народов, Молодая гвардия, Новый мир, Юность, Звезда, Крокодил. Выборку составляют журналы Москвы и Ленинграда.

[1] Например, с помощью таблицы случайных чисел.
[2] Поэзия в составе прозаических произведений в выборку не включена.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Задача эксперимента — проследить внутририфменные процессы в русской поэзии последних трех десятилетий — с 1950 по 1980 год — и выявить соответствующие этим процессам статистические закономерности.

Объект исследования — концевая рифма с ее звуковой стороны, т. е. — концевое рифменное созвучие [3]. Материал исследования — выборка, в которую вошли (на основе вышеизложенных принципов отбора) 1800 рифм.

Мы рассмотрим рифменное созвучие в ракурсе трех его характеристик: местоположения, богатства и степени отклонения от точности. Определение данных понятий и методика анализа рифмы приведены в упомянутых выше работах авторов (Шепелева, Петров 1978, Шепелева 1979). Для удобства чтения повторим лишь самое необходимое.

Местоположение концевого рифменного созвучия в данной строке определяется как среднее из местоположений его левой и правой границ:

$$М = \frac{Мл + Мп}{2}.$$

Расстояния от правого края строки до границы созвучия выражается в числе фонем. Параметр М для рифмующейся пары строк получается как среднее значение параметра М для первой строки (М1) и второй (М2), например, для рифмы *плоше* — *хорошим*:

$$М1 = \frac{3+0}{2} = 1{,}5; \quad М2 = \frac{4+1}{2} = 2{,}5; \quad М = \frac{1{,}5+2{,}5}{2} = 2.$$

[3] Основой рифменного созвучия является звуковой повтор, на который, как известно, возложена функция организовывать метрическую композицию поэтического текста. Такие повторы характеризуются, с одной стороны, неслучайностью их качественного состава (в статистическом смысле, в отношении к звуковой последовательности данного текста) и с другой — неслучайностью (заданностью) их расположения в тексте. Например, такие повторы могут отмечать концы стихов, подчеркивать начало и конец одного стиха или соседних, организовывать «перекличку» четных и нечетных стихов и т. д. При этом достаточно сильный звуковой повтор неизбежно подчеркивает, выделяет (при восприятии стихотворения) слова, затронутые им, выдвигая наряду с их звуковой оболочкой, музыкой, их семантику (хотя и не обязательно при этом столкновение смыслов именно данных слов). Таким образом, звуковой повтор, о котором мы говорим, находится в тесном единстве с жизнью слова в стихотворении. И еще одно. Особое предназначение таких повторов — композиционно-организующая функция — не отменяет для них общую функцию всех звуковых элементов стиха — участвовать в создании (преднамеренном или нет, в зависимости от замысла автора) определенной звуковой формы стихотворения. Сочетаясь с различными звуковыми единицами, такие повторы могут организовывать созвучия различных типов: ассонансы, консонансы и др. Рифменный звуковой повтор, следовательно, лежит в основе организации метрического, эвфонического и смыслового уровней стихотворения.

Богатство рифменного созвучия (параметр Б) — это число пар фонем («идентичных» или тождественных), составляющих его, например, богатство рифмы *проспект — воспеть* равно 5.

Для определения степени отклонения созвучия от точности совпадения звучания (параметр Т) введена шкала оценок; нами введены два вида отклонений созвучия от точности: первичные и производные от них. К первым относятся оценки визуальных различий, изменения слого-силовой структуры созвучия, изменения порядка следования фонем, специфичности звучания фонем. Вторые складываются из таких базисных оценок. Пользуясь построенной шкалой отклонений, можно просуммировать все их виды для данной рифмы и получить степень отклонения рифменного созвучия от точного (Шепелева 1979).

БАЗИСНЫЕ ОЦЕНКИ

0,5 — факт визуального различия сопоставляемой пары фонем: *бе*з — *ве*ж, *вь*юга — кр*у*гом

1,0 — специфичность звучания «идентичных» фонем (фонем, различающихся по признакам «твердость — мягкость», «звонкость — глухость» и фонем безударных, в случаях отсутствия нейтрализации их различий): *с*рок — *з*арок, *ч*итал — *в*идал, *п*ресен — *л*есен, *свеч*ка — *печ*ке [4].

изменение порядка следования фонем в созвучии: Сарато*в*а — ораторо*в*

изменение длительности согласной: кло*нится* — ко*нницу*

отмена (появление) ударения: Боже *мо́й* — множимый

изменение слого-силовой структуры при внедрении в созвучие безударной гласной: свете — *с*овете

1,5 — изменение слого-силовой структуры при внедрении в созвучие ударной гласной: весны — бесс*о́*нный

различие (качественное) в звучании между безударной и ударной гласными: вс*е́* сны — весн*ы́*

2,0 — специфичность звучания ударной гласной

3,0 — специфичность звучания согласной [5]

---

[4] Принципы идентификации фонем изложены в статье Шепелева 1979. Однако в процессе работы с текстами мы пошли (в целях упрощения измерительной процедуры) на некоторые отклонения от них, а именно: гласные первого предударного слога оцениваются по приведенной таблице нейтрализации, но различия между [э^{о}] и [и] считаем нейтрализованными; в остальных безударных слогах считаем нейтрализованными различия для всех гласных, кроме ‹у›.

[5] Несколько замечаний о фонеме ‹j› (частный вопрос, который не представлен в предыдущей статье). Как известно, ‹j› выступает в двух своих разновидностях: [j] и [i] (ослабленный [j], подробно см., например, Аванесов 1972). [j], как и другие согласные (см. ниже), оценивается (при замещениях и вкраплениях его в созвучие) в 3,5 балла (при сопутствующих визуальных отклонениях) или в 3 балла (если он не обозначен на письме). Что касается [i], то мы фиксируем его (в связи со слабой окрашенностью и неслоговым употреблением) только в случаях соотнесенности его с [j], например, чаще ([j])*я*—*уходяще*([i])*е* (богатство созвучия здесь, соответственно, равно 5), или при наличии обозначения *й* (*соловей* — *своей*, но *отражаясь* — *склоняясь*, здесь богатство оценено, соответственно, в 5 и 3

Вторая группа оценок фиксирует такие явления, как: мену идентифицированных согласных или безударных гласных при наличии визуальных отклонений (1 + 0,5=1,5 балла), внедрение в созвучие безударной гласной (1 — специфика звучания + 1 — изменение слоговой структуры + 0,5 — визуальное отклонение= =2,5 балла), внедрение согласной (3 — специфичность звучания + 0,5 — визуальное отклонение=3,5 балла) и др.

Напоминаем также, что в концевое созвучие допускается не более двух сильных (разрыв или перестановка) отклонений от точности. Поэтому левая его граница (подробно см. Шепелева 1979) обязательно проходит перед третьим сильным отклонением от точности. Так, в рифме на *рабские весы — жандармские усы* мы вычленяем созвучие *ские весы — ские усы*, хотя границу можно было сдвинуть влево за счет созвучия *на ра — андар*. Но тогда в созвучии пришлось бы отметить три разрыва *ве/у, б/ж, д* и две перестановки *на/ан, ра/ар*. Принятое ограничение (до 2-х сильных отклонений) обусловлено: 1) объективными возможностями восприятия созвучия как целостной единицы; 2) необходимостью не превышать допустимую степень сложности измерительной процедуры.

В сложных случаях, когда состав созвучия (относительно разрывов и перестановок) может трактоваться двояко, отдается предпочтение варианту, дающему наименьшую степень отклонения созвучия от точности. Рассмотрим один из таких сравнительно сложных примеров — рифму *заняты — голубятни*. Варианты трактовки созвучия:

1) *аняты — ятни*; отмечает вкрапление безударной *я* после *н* и смещение *т*; здесь М=2,25, Б=4, Т=5,5;
2) *анят — ятни*; фиксируем только смещение *т*; М=2,5, Б=4, Т=3.

Первая оценка отклонения от точности, Т=5,5, складывается из: 0,5 балла — визуальное различие *а—я*, 1 — смещение *т*, 2,5 — разрыв, образованный появлением *я* между *н* и *т*, 1 — различие между [т] и [т′], 0,5 — визуальное различие между *ы* и *и*. Вторая оценка, Т=3, состоит из 0,5 балла — визуальное различие *а—я*, 1 — смещение *т*, 1 — различие между [т] и [т′], 0,5 — визуальное различие *я—и* (различие между идентифицированными безударными гласными). Принимается второй вариант.

В следствие сказанного, мы еще раз подчеркиваем, что работаем со вполне определенным рядом созвучий (с созвучиями, довольно разнообразными по структуре), вычленяемым по определенным критериям, хотя, в принципе, возможны другие, вариативные, способы установления границ концевого рифменного созвучия.

балла). [i̯], обозначенный *i̯* в разрыве созвучия, оценивается в 1,5 балла (как <и> в безударном слоге, но с учетом неслогового его употребления). Мена безударных [н, н′, ъ]/[i̯] оценивается в 0,5 балла (разница считается только визуальной).

В качестве иллюстрации приведем стихотворения (1-ые строфы), попавшие в выборку из ленинградского журнала Нева, № 1, 1963 г. Справа от стихотворений даны значения трех рифменных характеристик (параметры М, Б, Т). Первая из двух строка в таблице значений относится к первой из двух концевых рифм строфы, вторая строка — ко второй рифме. Курсивом выделено анализируемое рифменное созвучие.

	М	Б	Т
Опять приснился			
сорок третий *год*	1	2	1
И ранняя распутица *апреля*.	3,5	6	8,5
Пехота наша к западу *идет*,			
Не пригибаясь даже при *обстреле*.			
(С. Смирнов)			
Золотое зарево во *взоре*.	1,5	3	0,5
Золотое колкое *жнивье*.	2	4	4
С золотистой облачностью *споря*,			
Сыплет солнце			
золото *свое*.			
(С. Смирнов)			
Гласит молва,			
что Ильича	1,5	2	0
Нарисовал *художник*.	3	4	1,5
— Ну как? — спросил он в тот же *час*			
Без размышлений *сложных*.			
(С. Смирнов)			
Твердили нам: «Незаменим*ых нету*!»	3	5	9
От ясельных до пенсионных *лет*	1,5	3	0
Долбили присказку недаром *эту*,			
Вручая каждому в Посредственность *билет*			
(Ю. Друнина)			
Откуда в толстухе *курносой*,	2,75	4	6
Недавно к нам въехавшей в *дом*,	1,5	3	0
Так много мещанского *форсу*?			
Лифтерше кивает с *трудом*.			
(Ю. Друнина)			

ВЫБОРОЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СОСТАВА АВТОРОВ

Исследователь, имеющий в своем распоряжении выборку из некоторой генеральной совокупности текстов, может осуществить проверку гипотезы о том, что эта выборка была организована по принципу случайного отбора, т. е. что отбирались именно тексты, а не авторы, и притом случайным образом.

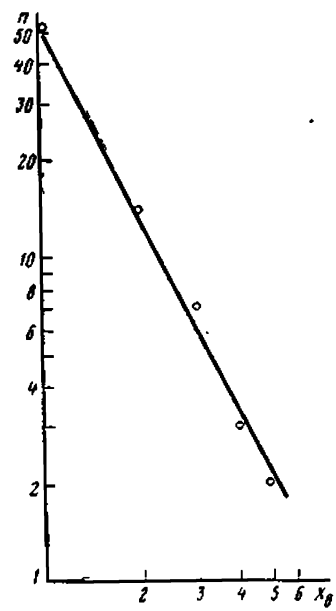

Рис. 1. Распределение авторов по числу стихотворений, представляющих их в выборке за период 1955—1959 гг.

Можно показать, что при случайном отборе распределение авторов по числу стихотворений, которыми они представлены в выборке, должно иметь вид:

$$n(x_\theta) = B(x_\theta w)^{-(1+\alpha)},$$

где $n(x_\theta)$ — число авторов, представленных в данной выборке стихотворениями, а B, w и α — константы (см. Петров, Яблонский 1980). При $\alpha=1$ мы имеем так называемый закон Лотки, обычно выполняющийся применительно к самым различным информационным массивам. Поэтому данную зависимость можно использовать для проверки того, насколько полученная выборка отвечает случайному отбору: в случае, если это так, соответствующая зависимость, построенная в логарифмическом масштабе по обеим осям (x_θ, n) должна представлять прямую линию с тангенсом угла наклона к оси x_θ, близким к 2 (т. е. $\alpha=1$). Подобные проверки были выполнены нами и дали положительные результаты. В качестве примера приведем выборку, относящуюся к пятилетию 1955—1959 гг. Всего в эту выборку попали стихи (общим числом — 150) 82 поэтов. Из них 52 автора представлены одним стихотворением, 14 авторов — двумя, 7 — тремя, 3 — четырьмя, 2 — пятью стихотворениями. Данное распределение для первых пяти рангов нанесено в логарифмических координатах на рис. 1. Как видим, эта зависимость имеет линейный характер, что хорошо согласуется с поведением, предсказываемым законом Лотки. Тангенс угла наклона этой линейной зависимости к оси абсцисс $1+\alpha=2$, что в точности отвечает закону Лотки. Это позволяет считать, что, по-видимому, полученная выборка достаточно хорошо репрезентирует генеральную совокупность.

В следующей таблице даны средние значения трех рифменных параметров за период с 1950 по 1980 год.

На рис. 2—4 представлены кривые эволюции (за период 1950—1980 гг.) средних значений трех измеренных нами параметров рифмы: местоположения, богатства и отклонения от точности.

Нетрудно видеть, что каждый из этих трех параметров изменяется в весьма широком диапазоне значений. Этот диапазон,

Таблица

Год	Местоположение	Богатство	Точность	Год	Местоположение	Богатство	Точность
1950	1,81	3,38	1,28	66	2,20	3,52	1,75
51	1,88	3,47	1,87	67	2,04	3,58	1,67
52	1,89	3,45	1,71	68	1,97	3,55	1,57
53	1,72	3,28	1,22	69	2,25	3,87	2,23
54	1,99	3,53	1,62	1970	2,28	3,83	2,20
55	2,15	3,92	2,05	71	2,03	3,52	1,68
56	2,13	3,82	2,31	72	2,20	3,88	2,14
57	2,17	3,83	1,68	73	2,15	3,55	2,17
58	2,05	3,60	1,63	74	2,03	3,50	1,67
59	1,94	3,63	1,61	75	1,78	3,25	1,37
1960	2,06	3,65	1,93	76	2,11	3,93	1,77
61	2,14	3,80	1,92	77	2,17	3,78	1,92
62	1,98	3,65	1,89	78	1,81	3,25	1,38
63	2,12	3,68	1,95	79	2,27	4,00	1,92
64	2,13	3,73	2,17	80	2.30	3,82	2,03
65	2,25	3,95	2,18				

однако, соизмерим с разбросом величин вокруг средней в рамках значений для каждого года (этот разброс оценивался посредством вычисления дисперсии по 60 значениям для каждого года). Поэтому годовая, «индивидуальная» интерпретация нанесенных на графики результатов (т. е. толкование изменений значений параметра при переходе от какого-то одного конкретного года к другому), к сожалению, невозможна, и приходится обращаться к анализу каждой эволюционной зависимости в целом.

Каждая из полученных зависимостей обнаруживает скачки случайного типа (что неудивительно, если учесть упомянутый разброс значений параметра вокруг среднего при анализе данных за каждый год). Тем не менее, на фоне этих флуктуаций можно обнаружить закономерность: зависимость для каждого параметра имеет участки роста (обозначенные на рис. 2—4 сплошными линиями), за которыми следуют участки падения среднего значения (обозначенные пунктиром). Средние значения параметра, как правило, показывают незначительные отклонения от монотонной зависимости [6], хотя случаи, когда эмпирические точки обнаруживают довольно большие скачки, создают некоторое впечатление хаотичности в поведении эволюционных кривых [7].

---

[6] Так, коэффициент ранговой корреляции Спирмена между средними значениями местоположения рифм и датами их публикации составляет для 1950—1957 гг. 0,87; применительно к эволюции богатства рифмы за тот же период этот коэффициент равен 0,83; оба значения статистически существенны на уровне 99% (см. А. Бернстейн 1968).

[7] Эту хаотичность можно оценить, например, посредством вычисления коэф-

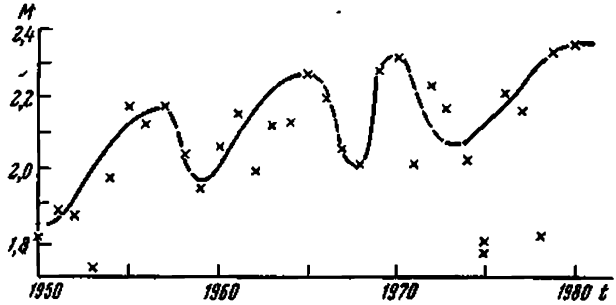

Рис. 2. Среднее местоположение рифмы в функции времени (1950—1980 гг.)

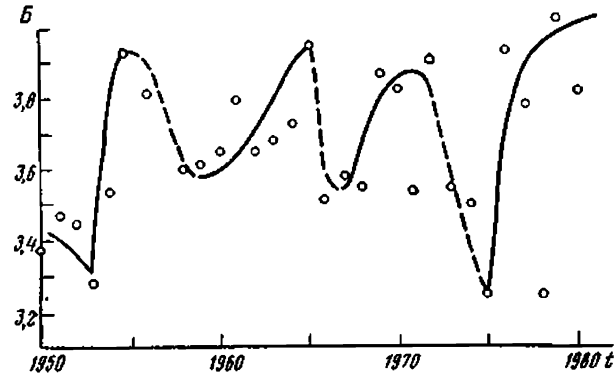

Рис. 3. Среднее богатство рифмы в функции времени (1950—1980 гг.)

Обнаруженные периодические изменения средних значений параметров характерны для поведения коллективов, обладающих звеном обратной связи (теоретические модели таких процессов см., например, в работах: Баркалов и др. 1975, Шведовский 1978). В сфере культуры колебания подобного рода были ранее эмпирически исследованы на материале японской гравюры (Петров и др. 1970) и западноевропейской моды (Моль 1973). Они объясняются тем, что определенные значения параметра перестают в какой-то момент времени оказывать свое воздействие на реципиентов (в терминах формальной школы — происходит «автоматизация» художественного приема, см., например, Шкловский 1925), вслед-

фициента парной корреляции между средними значениями параметра за четные и нечетные годы (Петров и др., 1970).

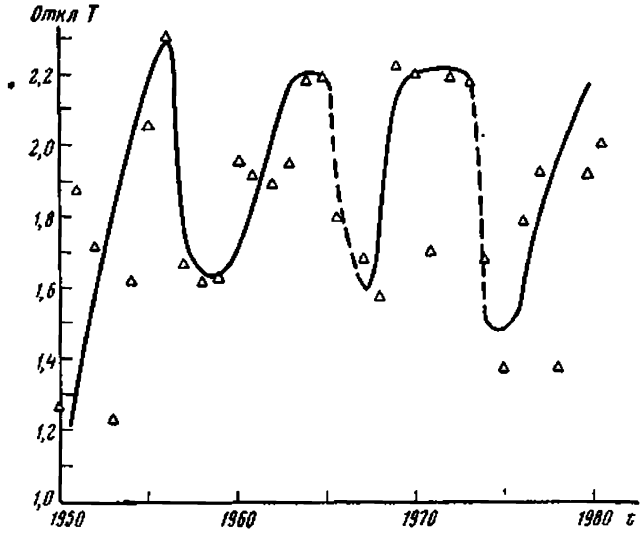

Рис. 4. Среднее отклонение рифмы от точности в функции времени (1950—1980 гг.)

ствие чего ощущается потребность в смене этих значений на другие. В то же время крайние значения — пределы возможных изменений значений данного параметра — определены нормами культуры (поэтического языка) эпохи. Поэтому параметр испытывает колебания внутри указанных границ. Конкретной особенностью колебательных процессов в случае интересующего нас материала — эволюционных параметров рифмы — является то, что одно из крайних значений параметра (минимальное значение, или нижняя граница) являются тривиальными: местоположение концевой рифмы ограничено правым краем строки, богатство должно быть не менее одной фонемы, отклонение от точности не может быть меньше нуля. При этом именно указанное нижнее значение служит для восприятия как бы «точкой отсчета» (а для эволюции — отправным пунктом), и поэты стремятся к увеличению значения параметра по сравнению с нижним «граничным». Это обуславливает привлекательность роста среднего значения параметра, который, впрочем, вскоре достигает (по крайней мере у некоторых поэтов) своей предельной верхней величины, обусловленной существующими нормами поэтического языка. Достижение этого предельного значения (а иногда — даже переход через него) вызывает замедление темпов роста параметра, а затем (как следствие замедления и «автоматизации» соответствующих

значений) социальную потребность в возврате к более низким значениям данного параметра. Сказанное объясняет основные особенности поведения анализируемых нами эволюционных зависимостей.

Интересно, что первый (и самый заметный) из периодов роста (за рассматриваемый промежуток времени) приходится на первую половину—середину 1950-х годов, что совпадает с эпохой интенсивных сдвигов, происходивших в духовной жизни советского общества. Возможно, именно этот период послужил как бы «спусковым импульсом», определившим фазу дальнейшего протекания колебательных процессов.

Изученные нами явления свидетельствуют о том, что измеренные параметры рифмы обнаруживают закономерные эволюционные изменения, требующие продолжения их анализа на более протяженном отрезке времени. Это позволит не только подтвердить полученные закономерности, но и разработать прогноз дальнейшей эволюции русской рифмы.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., Просвещение, 1972.

Баркалов Н. Б., Высоцкий В. С., Петров В. М. Подходы к моделированию поведения потребителей под влиянием моды. — В кн.: Модели и методы исследования социально-экономических процессов. М., ЦЭМИ АН СССР, 1975.

Бернстейн А. Справочник статистических решений. М., Статистика, 1968.

Вишневский К. Д. К вопросу об использовании количественных методов в стиховедении. — Контекст 1976. Литературно-теоретические исследования. М., Наука, 1977.

Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., Наука, 1974.

Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики). Пг., 1915.

Моль А. Социодинамика культуры. М., Прогресс, 1973.

Муратова К. Д. Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1917—1932. Л., 1933.

Петров В. М. и др. Модель периодической компоненты массового потребления культуры. Доклад на VII Международном социологическом конгрессе. Варна, 1970. М., Советская социологическая ассоциация, 1970.

Петров В. М., Яблонский А. И. Математика и социальные процессы. М., Знание, 1980.

Тарановский К. Основные задачи статистического изучения славянского стиха. — In: Poetics, Poetyka. Поэтика, II. Warszawa, 1966.

Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., Прибой, 1929.

Шведовский В. А. Об изучении устойчивости поведения сложных систем. — В кн.: Методы моделирования социально-экономических объектов. М., ЦЭМИ АН СССР, 1978.

Шкловский В. Теория прозы. М.—Л., Круг, 1925.

Шепелева С. Н., Петров В. М. К проблеме описания эволюционных параметров русской рифмы. — В сб.: Проблемы структурной лингвистики 1978. М., Наука, 1980.

Шепелева С. Н. Эволюционные параметры русской рифмы (фонологический анализ и техника измерения). В сб.: Проблемы структурной лингвистики 1979. М., Наука, 1981.

Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., Советский писатель, 1969.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВОЧНИКИ

Русская периодическая печать 1702—1894 гг., под ред. Дементьева А. Г. М., 1959.

Русская периодическая печать (1895—октябрь 1917). Справочник. М., Госполитиздат, 1957.

Библиография периодических изданий России 1901—1916 г., под редакцией Барашенкова В. М. Л., 1959.

Периодическая печать СССР. 1917—1949. Библиографический указатель. Журналы, труды, бюллетени по языкознанию, литературоведению, художественной литературе и искусству. М., 1955.

ИРЯ
институт русского языка
им. В.В. Виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Вяч. Вс. Иванов. Семантика возможных миров и филология 5

Ю. Н. Караулов. Лингвистические основы функционального подхода в литературоведении 20

Е. В. Красильникова. О соотношении языковых уровней в системе русской разговорной речи 37

II. СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Н. В. Коссек, В. Н. Костюк. Сильное и слабое отрицание в русском языке 50

И. А. Богуславский. Отрицание и противопоставление 63

Е. В. Падучева. Значение и синтаксические функции слова *это* 76

Г. Е. Крейдлин. О порядке слов в вопросительных предложениях с несколькими вопросительными словами 92

Л. И. Василевская. Синтаксические возможности имени собственного. III 99

Л. А. Месеняшина. Позиционные свойства конструкций изъяснения 108

П. А. Соболева. Структура словообразовательного значения 116

Е. Л. Гинзбург. Преобразования словообразовательных гнезд. II 133

И. В. Альтман. Отглагольные гнезда: типология и семантика. II 148

Г. А. Смирнова. Особенности фонологической и морфонологической структуры несклоняемых существительных. I 157

III. ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. СТИХОВЕДЕНИЕ

М. Л. Гаспаров. Семантический ореол трехстопного амфибрахия 174

Н. Н. Иванова. Речевой демократизм Некрасова (лирика) 192

Е. А. Некрасова. Вариативность стихотворений как элемент идиостиля 204

www.ruslang.ru

М. Ф. Мурьянов. К структуре образа пушкинской Татьяны 213

О. В. Шульская. Функции паронимии в художественной речи (паронимические связи слова *дым* в русской поэзии) 222

Е. Ю. Кукушкина. О некоторых типах взаимодействия лексического и синтаксического повтора в лирике А. А. Блока . . . 232

Л. В. Кнорина. Грамматика и норма в поэтической речи (на материале поэзии Б. Л. Пастернака) 241

В. С. Баевский. Стих и поэзия 254

Н. А. Кожевникова. Об одном приеме звуковой организации стиха 269

С. Н. Шепелева, В. М. Петров. К изучению закономерностей эволюции русской рифмы 285

Проблемы структурной лингвистики 1980

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Г. Н. Королю*
Художественный редактор *Т. М. Поленова*
Технический редактор *Е. Н. Евтянова*
Корректоры *Л. И. Кириллова, Е. З. Осипова*

ИБ № 25036

Сдано в набор 19.12.81
Подписано к печати 31.05.82
Формат $60\times90^1/_{16}$
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 19, Усл. кр. отт. 19
Уч.-изд. л. 21,1. Тираж 2800 экз. Тип. зак. 1043
Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Мартынов В. В.
КАТЕГОРИИ ЯЗЫКА: СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.
11 л. 1 р. 10 к.

В книге на основе понимания языка как знаковой системы рассматриваются главные категории языка — предложение, его субъект и объект, время, наклонение и т. д. Категории выстраиваются в порядке их порождения — от простых к сложным. Анализ проводится на материале русского литературного языка.
Для лингвистов, философов, психологов.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ НАРОДОВ СССР.
12 л. 1 р. 20 к.

В монографии рассмотрены некоторые проблемы этнопсихолингвистики. Анализируется коммуникативное поведение представителей разных национальностей нашей страны.
Для филологов и психологов.

Николаева Т. М.
СЕМАНТИКА АКЦЕНТНОГО ВЫДЕЛЕНИЯ.
6 л. 90 к.

В книге анализируются случаи акцентного выделения слова в высказывании через его отношение к смыслу фразы и к функциональной текстовой нагрузке. Рассматривается структура акцентного выделения в связном тексте— устной научной речи.
Для лингвистов — научных работников, преподавателей, аспирантов.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ПУШКИНА.
30 л. 3 р.

Словарь представляет собой лексические материалы, извлеченные из всех вариантов сочинений А. С. Пушкина. Он служит необходимым дополнением к четырехтомному «Словарю языка Пушкина». Впервые описывается лексика

всех вариантов сочинений Пушкина.
Для историков русского литературного языка и пушкинистов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ МИРА. ПРОБЛЕМЫ РОДСТВА.

18 л. 2 р. 30 к.

Коллективная монография продолжает ряд исследований по теоретической подготовке многотомного издания «Языки мира». Это вторая часть одноименного труда, выпущенного издательством в 1980 г. Исследуются вопросы классификации языков мира на основе их генетического родства.
Для лингвистов разного профиля, преподавателей вузов, аспирантов.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

«АКАДЕМКНИГА»